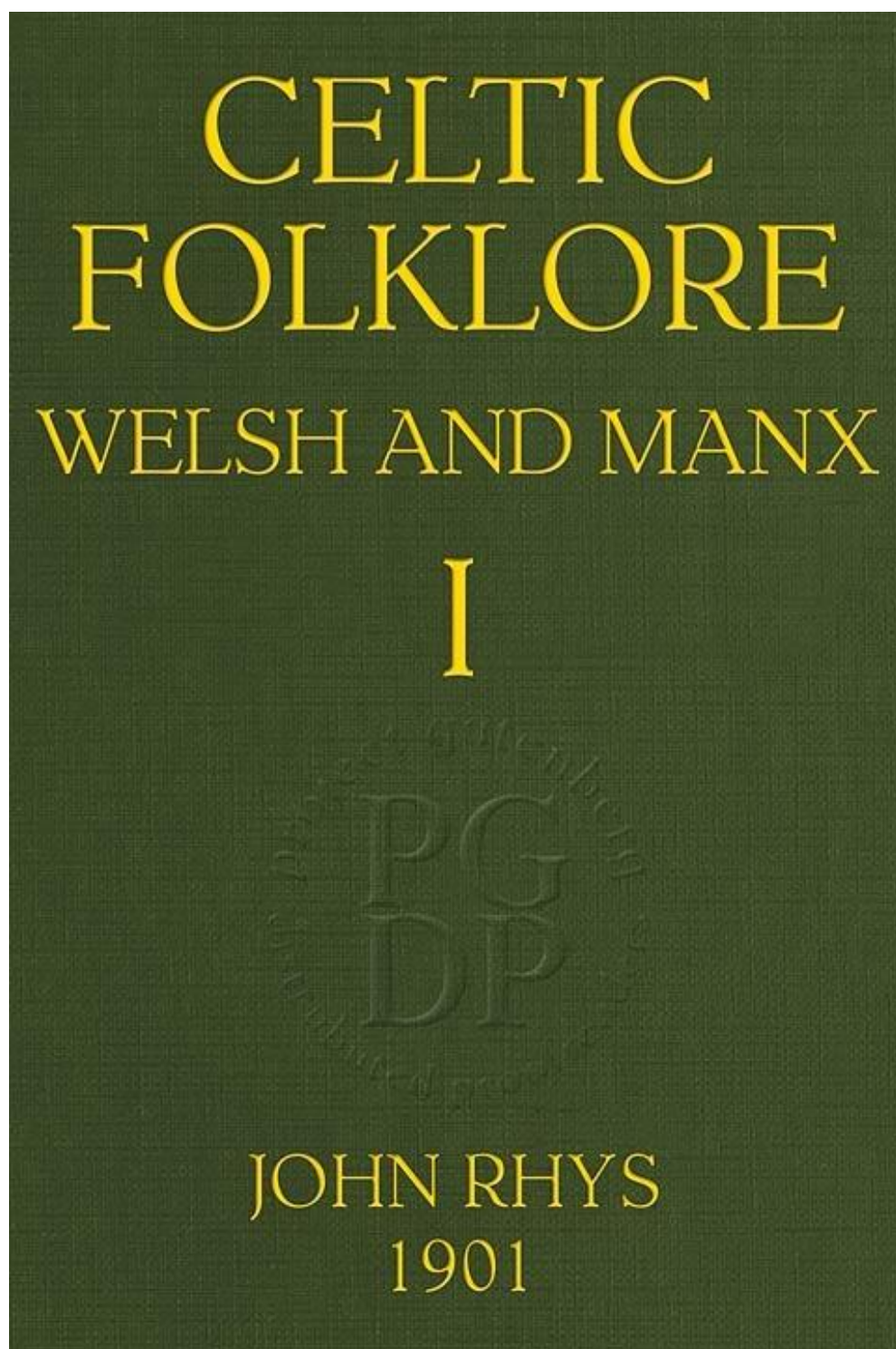

Кельтский фольклор. Валлийцы и жители Мэна (том 1 из 2)

Сэр Джон Рис

The Project Gutenberg eBook of Celtic Folklore: Уэльс и Мэнкс (том 1 из 2)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Кельтский фольклор: Уэльс и Манкс (Том 1 из 2)

Автор: Сэр Джон Рис

Дата выхода: 2 июля 2017 [eBook #55025]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Йеруном Хеллингманом и командой Online Distributed группа корректуры на сайте <http://www.pgdp.net/> для проекта Гутенберг (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/American Libraries).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ КЕЛЬТСКИЙ ФОЛЬКЛОР: УЭЛЬС И МЭН (ТОМ 1 ИЗ 2) ***

КЕЛЬТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

J. RHÛS

ГЕНРИ ФРОУД, М.А.

ИЗДАТЕЛЬ ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЛОНДОН, ЭДИНБУРГ И НЬЮ-ЙОРК

CELTIC FOLKLORE

WELSH AND MANX

BY

JOHN RHŶS, M.A., D.LITT.

HON. LL.D. OF THE UNIVERSITY OF EDINBURGH

PROFESSOR OF CELTIC

PRINCIPAL OF JESUS COLLEGE, OXFORD

VOLUME I

OXFORD

AT THE CLARENDON PRESS

MDCCCCI

КЕЛЬТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

УЭЛЬС И МЭН

ДЖОН РЭЙС, магистр, доктор лит.
HON. ДОКТОР ПРАВА ЭДИНБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПРОФЕССОР КЕЛЬТСКОГО ЯЗЫКА
ДИРЕКТОР КОЛЛЕДЖА ИИСУСА, ОКСФОРД

ТОМ I
ОКСФОРД
В КЛАРЕНДОН ПРЕСС
MDCSSCI

Оксфорд
НАПЕЧАТАНО В КЛАРЕНДОНСКОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
ГОРАЦИЕМ ХАРТОМ, М.А.
ТИПОГРАФИЯ УНИВЕРСИТЕТА

ВСЕМ ТЕМ, КТО ТАК ИЛИ ИНАЧЕ СПОСОБСТВОВАЛ СОЗДАНИЮ ЭТОЙ РАБОТЫ

С УВАЖЕНИЕМ ПОСВЯЩАЕТСЯ В ЗНАК БЛАГОДАРНОСТИ
АВТОРУ

Наши современные идиомы, со всем их стремлением к абстрактности, - это всего лишь ментальные инструменты первобытного человека, приспособленные к требованиям цивилизованной жизни, и они часто сохраняют следы той формы и очертаний, которые придал им рабочий неолита, отшлифовав и отполировав их.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ближе к концу семидесятых годов я начал собирать валлийский фольклор. Отчасти я делал это потому, что другие подавали пример в других странах, а отчасти для того, чтобы понять, может ли Уэльс похвастаться рассказчиками такого рода, которые восхищают читателей "*Популярных сказок Западного нагорья*" Кэмпбелла. Вскоре я обнаружил то, к чему был совершенно не готов: как правило, из уст моих соотечественников я не мог получить ни одного рассказа какой-либо длины, но зато получил значительное количество обрывков историй. В некоторых случаях они были настолько обрывочными, что мне потребовались годы, чтобы понять, как вписать их в нужный контекст; но, говоря в целом, я могу сказать, что по мере накопления материалов, какими они были, мои первоначальные трудности исчезали. Однако я всегда немного опасался освежать в памяти легенды других земель, чтобы не вложить в них чуждые мне идеи. Пока человек занят собирательством, безопаснее всего не слишком увлекаться сравнением: когда работа по собиранию закончена, можно приступить к сравнению. Но, в конце концов, я не пытался зайти очень далеко в этом направлении, только достаточно далеко, чтобы найти разъяснение здесь и там для значения предметов фольклора, попавших в поле моего зрения. Если бы я пошел дальше, то оказался

бы вовлечен в экскурсии, безнадежно выходящие за пределы моего начинания, ибо сравнительный фольклор в последнее время приобрел такие размеры, что, кажется, лучше оставить его тем, кто занимается им специально.

Я искренне сожалею, что не начал свои поиски раньше, когда у меня было больше возможностей для их продолжения, особенно когда я был деревенским школьным учителем в Англси и мог бы основательно заняться фольклором этого острова; но мое образование, каким бы оно ни было, было таково, что отбивало всякий интерес ко всему, что имело привкус языческих преданий и суеверий. Но и это еще не все, поскольку школьные учителя в мои ранние годы не прилагали особых усилий, чтобы научить своих учеников держать глаза открытыми или обращать внимание на то, что они слышат вокруг себя; так что я вырос, не приобретя привычки соблюдать что-либо, кроме субботы. Остается надеяться, что молодое поколение школьных учителей, получивших образование при более благоприятных обстоятельствах, когда пагубное влияние Роберта Лоу уступило место более просвещенной системе общественного образования, будет работать лучше и сумеет привить своим ученикам привычку к наблюдению. В любом случае, внимательным наблюдателям и умелым исследователям предстоит еще много работы, как видно из географического списка, показывающего примерное происхождение наиболее важных материалов для кымрского фольклора в этом сборнике: графства, как выясняется, представлены очень неравномерно. Так, англизирующиеся округа помогли мне очень мало, в то время как более валлийское графство Карнарвон легко вырвалось вперед; но я склонен считать, что аномальные черты этого списка в значительной степени объясняются случайностью. Иными словами, некоторым районам повезло больше, чем другим, в том, что они породили или привлекли людей, обративших внимание на местный фольклор; и если бы другие графства обрабатывались наравне с Карнарвонширом, некоторые из них, вероятно, оказались бы не менее богатыми на урожай. Англизирующиеся графства, в частности, склонны игнорироваться как с валлийской, так и с английской точки зрения, как в фольклоре, так и в некоторых других вещах; и в этой связи я не могу не упомянуть о преждевременной смерти преподобного Элиаса Оуэна как о потере, о которой валлийские фольклористы не скоро перестанут сожалеть.

Моя информация была получена частично *viva voce*, частично по письмам. В случае с историями, записанными для меня на валлийском языке, я могу отметить, что в некоторых случаях язык далеко не так хорош; но я не счел целесообразным вносить в него какие-либо изменения, кроме некоторой последовательности в написании. В случае с самым длинным образцом письменных рассказов, "Проклятием пантаннаса" мистера Дж. К. Хьюза, стоит заметить, что за переводом его на английский последовала версия в чистых стихах сэра Льюиса Морриса, который опубликовал ее в своих *"Песнях Британии"*. Что касается работы в целом, то моим первоначальным намерением было опубликовать материалы, полученные описанным способом, с теми уже напечатанными историями, которые могут быть сочтены необходимыми для их изложения; и позволить любым теориям или умозаключениям, которым я мог бы предаться, последовать позже. Таким образом, первые шесть глав и некоторые другие части время от времени появлялись в публикациях Достопочтенного общества *Symtrodorion* и Общества народных преданий. Это позволило бы мне разделить настоящую работу на два четко обозначенных раздела - материалы и выводы. Но когда предыдущая часть была отредактирована, я обнаружил, что в моем распоряжении оказалось много нового материала, так что в некоторых случаях пришлось значительно удлинить главы, а в некоторых - изменить их в других отношениях. Что касается дедуктивной половины работы, то можно упомянуть, что некоторые части фольклора, хотя и были склонны повторяться, при внимательном изучении обнаруживали серьезные пробелы, которые

приходилось заполнять в ходе рассуждений, подсказанных имеющимися материалами. Таким образом, от идеи о том, что вся книга состоит из двух четко определенных частей, пришлось отказаться, или отложить ее до тех пор, пока я не найду время для ее переосмысления. Но я ждал этого времени не больше, чем возможности избежать мелких несоответствий, спокойно пройдя через зазеркалье и начав работу с индекса, вместо того чтобы довольствоваться старомодным способом в конце. Существовал, однако, и третий путь, о котором упоминается лишь для того, чтобы его отвергнуть, - воздержаться от дальнейших публикаций; но какой читатель книг знает хоть одного автора, который пошел бы на это!

В довершение всех этих неосторожностей я должен признаться, что даже когда большая часть того, что я могу назвать сырым материалом, была собрана вместе, у меня не было четкого представления о том, что я собираюсь с ним делать; но у меня было смутное представление, что, как в случае с заядлым болтуном, чей поток слов становится еще более бурным из-за препятствий, как только я сяду писать, я найду причины и аргументы, которые потекут потоком. Может показаться, что я втайне колдовал над словами Вергилия *viresque acquirit eundo*. Ничего подобного: мир, в котором я живу, кишит суетными людьми, стремящимися упорядочить всех и вся, и мое инстинктивное неприятие всего этого порядка тирании склоняет меня к тому, чтобы лелеять несколько дикую разновидность свободы воли. Тем не менее беглый читатель будет неправ, если примет за данность, что в моем безумии нет метода: если он возьмет на себя труд поискать его, то обнаружит, что в нем есть определенное единство цели, проработанное в последующих главах; но чтобы избавить его от этой проблемы, я осмелюсь стать своим собственным разоблачителем и приложить следующее резюме:...

Материалы, собранные в предыдущих главах, выделяют истории, связанные с феями, как озерными, так и сухопутными, как богатейшую жилу, которую необходимо добыть в шахте кельтского фольклора. Эта работа предпринята в последующих главах; а анализ того, что можно кратко назвать преданиями о феях, приведенный в предыдущих главах, позволяет убедиться, что сложная группа идей, отождествляемых с маленьким народцем, имеет не одно происхождение, а несколько; другими словами, она частично взята из истории и фактов, а частично - из мира воображения и мифов. Последний элемент при рассмотрении оказывается неразрывно связанным с некоторыми древними верованиями в богов и демонов, связанных, например, с озерами, реками и наводнениями. Соответственно, этот аспект сказочных преданий рассматривается в главах vi и vii: первая посвящена в основном самим материалам, а вторая подводит к выводу о тесной связи фей с водным миром. Затем наступает черед другого вида происхождения, о котором пойдет речь, а именно того, который постулирует историческое существование фей как реальной расы, на которую были щедро навешаны различные невозможные атрибуты. Это открывает значительный простор для изучения ранней этнологии этих островов и влечет за собой целый ряд вопросов, касающихся судьбы здесь других рас. В предложенном ряду на первом месте стоят феи как самый древний и низкий народ: затем идет тот, кого я осмелюсь назвать пиктами, обладающими более высокой цивилизацией и воинственными инстинктами. Далее следуют ранние кельты гойдельской ветви, языковые и прочие следы присутствия которых в Уэльсе требуют неоднократного внимания; и последними идут другие кельты, языковые предки валлийцев и всех остальных носителей британского языка. Развитие этих тезисов, в той мере, в какой фольклор предоставляет материалы, занимает практически все оставшиеся пять глав. Среди затронутых вспомогательных вопросов можно упомянуть вопросы магии и происхождения друидизма; не говоря уже о забытом аспекте артурианской легенды, о

тесной связи Артура из валлийского фольклора и традиции со Сноудоном, а также об отношении Артура к гойдельскому населению в его время.

Наконец, я считаю своим приятным долгом поблагодарить всех тех, кто помогал мне, будь то из уст в уста или в письмах, будь то в виде ссылок на уже напечатанные материалы или в виде какой-либо другой помощи: имена многих из них вы найдете записанными в соответствующих местах. Как правило, на мои запросы приходили быстрые ответы, и я не знаю, чтобы на моем пути намеренно возникали какие-либо трудности. Тем не менее мне пришлось столкнуться с многочисленными трудностями, такими как природная застенчивость некоторых из тех, кого я хотел расспросить о предметах их воспоминаний, и, прежде всего, неизбежная сложность перекрестного допроса тех, чья информация дошла до меня по почте. Ведь точную ценность любого свидетельства, касающегося кельтского фольклора, практически невозможно установить, если только оно не станет предметом перекрестного допроса. Это происходит из-за того, что мы, кельты, умеем считать себя в полном согласии с тем, что, как нам кажется, в голове у дознавателя, так что мы вполне способны ввести его в заблуждение из самых лучших побуждений. Самый подходящий пример, заслуживающий того, чтобы быть занесенным в протокол, произошел со мной много лет назад. Летом 1868 года я провел несколько месяцев в Париже, где не раз встречался с историком Анри Мартеном. Когда я был представлен ему, он напомнил мне, что незадолго до этого посетил Южный Уэльс и был восхищен тем, что крестьяне там все еще верят в переселение душ. Я выразил свое удивление и заметил, что он, должно быть, шутит. Ничего подобного, заверил он меня, поскольку сам расспрашивал их: факт не допускал никаких сомнений. Я выразил еще большее удивление, но, поскольку понял, что он гордится результатом своих дружеских встреч с моими соотечественниками, не решился возвращаться к этой теме, хотя всегда задавался вопросом, что же она может означать. Однако несколько лет назад я случайно разговорился с одной из самых очаровательных и опытных валлийских дам, и она случайно упомянула о приезде Анри Мартена: оказалось, что он посетил доктора Чарльза Уильямса, в то время директора Колледжа Иисуса, и что доктор Уильямс представил его своим друзьям в Южном Уэльсе. Так М. Мартин оказался среди гостеприимных друзей дамы, разговаривавшей со мной, которая, по сути, должна была выступать в роли его переводчика: Я так и не понял, что он мог говорить на английском или валлийском. Теперь я не сомневаюсь, что М. Мартин со своими неизменными представлениями о друидах и их учении задавал валлийцам, которых он хотел изучить, явно наводящие вопросы. Его очаровательный переводчик перевел их на краткий валлийский, и дело было сделано. Я почти рискнул бы записать этот диалог, в котором великому французу были переданы его собственные точные понятия из уст простых крестьян на том тонком неарийском синтаксисе, который ни один валлийский адвокат никогда не мог объяснить к удовлетворению озадаченного английского судьи, пытающегося вершить правосудие среди народа, который он не может полностью понять.

Это послужит иллюстрацией одной из трудностей, с которыми приходится сталкиваться собирателю фольклора в Уэльсе. Я сделал все возможное, чтобы уменьшить возможные масштабы ошибок, к которым это может привести; и справедливо будет сказать, что те, кого я изводил своими вопросами, терпеливо сносили все это, и им я должен выразить особую благодарность. Однако ни они, ни я не могли обоснованно жаловаться, если мы обнаруживали, что другие фольклористы допрашивают других свидетелей по вопросам, которые уже занимали нас; ведь в таких вопросах можно с уверенностью сказать, что *во множестве советчиков есть безопасность*.

ДЖОН РХÛС.

Колледж Иисуса, Оксфорд,
Рождество, 1900 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЦА

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК АВТОРИТЕТОВ xxv

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК xxxi

ГЛАВА I

Кимрские сестры Ундины 1

I.	<i>Легенда об □ун у Fan Fach</i>	2
II.	<i>Легенда об □ун у Forwun</i>	23
III.	<i>Некоторые легенды об озере Сноудон</i>	30
IV.	<i>Наследник Истрада</i>	38
V.	<i>□andegai и □an²echid</i>	50
VI.	<i>Рассказ Мейпса об □ун Syfaðon</i>	70

ГЛАВА II

Месть фей 75

I.	<i>Беджгелерт и его окрестности</i>	75
II.	<i>Долина Пеннант</i>	107
III.	<i>Пряжа Гласыни</i>	109
IV.	<i>Яблочная история</i>	125
V.	<i>Конви-афанк</i>	130
VI.	<i>Бервинский и аранский фавджви</i>	135
VII.	<i>Внутренние районы Абердовея</i>	141
VIII.	<i>Еще несколько историй Мерионета</i>	146
IX.	<i>Дети Риса Джуфна</i>	151
X.	<i>Саути и Зеленые острова моря</i>	169
XI.	<i>Проклятие Пантаны</i>	173
XII.	<i>Еще одно недовольство феи</i>	192

ГЛАВА III

Способы и слова фей 197

I.	<i>Фольклор Нант-Конви</i>	197
II.	<i>Сцены из "Мабиноги Мата"</i>	207
III.	<i>Селинног Фавр и □anaelhaearn</i>	214

IV.	<i>Фольклор слепого</i>	219
V.	<i>Воспоминания старого шорника</i>	222
VI.	<i>Следы Тома Tum Toma</i>	226
VII.	<i>Марч и уши его лошади</i>	231
VIII.	<i>История Марчлина Мора</i>	234
IX.	<i>Кольцо фей из Кае $\square$eidr Dyfrydog</i>	238
X.	<i>Кембрийская ламинария</i>	242
XI.	<i>Различные черты характера феи</i>	244
XII.	<i>Йнис Гейнон и его сказочные сокровища</i>	251
XIII.	<i>Престарелый младенец</i>	257
XIV.	<i>Речь феи</i>	269

ГЛАВА IV

Фольклор манксов 284

Фенодири или манкское пирожное	286
Слайх беггей или маленькие люди	289
Ведьмы или ведьмаки и заяц	293
Заклинатели и их методы	296
Сравнения с Нормандских островов	301
Магия и древние способы мышления	302
Эффективность огня для обнаружения ведьмы	304
Сожженные жертвоприношения	305
Лаа Боалдын или Майский день	308
Лаа Лхунис или начало сбора урожая	312
Лаа Хоуни или начало года Холлантид	315
Различные предсказания и время для них	317

ГЛАВА V

Фенодири и его друзья 323

Линкольнширские параллели	323
Брауни из Бледноха и Бвка'р Трвин	325
Параллели предсказаний из Линкольншира и Херефордшира	327
Движение ветра и Gallizenæ	330
Колодцы с тряпками и булавками	332
Курица Святой Екатерины, ощипанная в Колби	335
Квалтаг или первоножка и вопрос расы	336
Несколько примеров неудач	342
Манкская заповедь и вера во врага душ	346

Влияние ведьмы из Эндора и респектабельность профессии заклинателя	349
Общественное покаяние, введенное совсем недавно	350

ГЛАВА VI

Фольклор колодцев 354

Тряпичные колодцы в Уэльсе	354
Вопрос о различии между подношениями и носителями болезней	358
Решение мистера Хартленда	359
Мнение автора, пересмотренное и проиллюстрированное	360
Т. Рассказ Э. Морриса о штыревом колодце в Анфаглане	362
Другие колодцы желаний и гаданий	364
Священные рыбы <i>anberis</i> и <i>angybi</i>	366
Ффиннон Грасси, производящий озеро Гласфрин	367
Морган из этого озера и его имя	372
Ффиннон Гивер, производящий озеро Бала	376
Бала и другие города обречены на затопление	377
Легенда об Оуэне	379
Параллели между Лаф Ниг и Лаф Ри	381
Царство Сейтеннина, поглощенное морем	382
Имя Сейтеннин и его сородичи	385
Профессор Докинз о затерянных землях Уэльса	388
Некоторые ирландские колодцы, которые нельзя посещать безнаказанно	389
Легенда о Лаф Шилин в сравнении с легендой о Сейтеннине	393
Священство колодцев Святого Элиана и Святого Тейло	395

ГЛАВА VII

Триумфы водного мира 401

Море наступает на побережье Гламоргана	402
Кенфигская история о преступлении и мести	403
История Кримлина и ее очарование	404
Сравнение описания Опер Линн Лигуан у Ненния	406
Легенда о мести озера Бала	408
Легенды о бассейне <i>unclys</i>	410
Судьба Тино Хелига	414
Вера в то, что города уходят под воду нетронутыми	415
Город-фантом и колокола Абердовея	418
Этика вышеупомянутых легенд	419
Пределы отсрочки наказания	420
Почему феи откладывают свое возмездие	423

Неэтические легенды об извержении воды	425
Стрижка зелени - вероятное нарушение древнего табу, за которое мстят водные божества	427
Роль озера Афанк в этой связи	428
Пигмеи водного мира	432
Конви-афанк и горная водяная лошадь	433
Лошадиные особенности мартовских и лабрайдских легенд	435
Мидер и колодезные лошади Мак Ока	436
Конь Гилла Декейра и Ду Марш Моро	437
Марш аб Мейршион, связанный с Моной	439
Триады валлийского потопа	440
Названия Ди и других рек в Северном Уэльсе	441
Лиднейский бог Нудонс, Нуада и Ŵud	445
Феи, различным образом связанные с водой	449
Кихирет и валлийская банши	452
Скорее прародительница, чем предок	454

ГЛАВА VIII

Уэльские пещерные легенды 456

Вопрос классификации	456
Пещера фей в Аренниг-Форе	456
Пещера Мунуџ у Снwc	457
Версия Уоринга легенды Иоло о Craig y Ŵinas	458
Монмутширская сказка Крейгфрина Хьюза	462
История о пещере, в которой жил Оуэн Лоугох	464
Как в этой истории появился Лондонский мост	466
Оуэн Лоугох в Ого'р Джинас	467
Динас Эмрис с сокровищами, спрятанными Мерлином	469
Сокровища Сноудона, предназначенные для Гойделя	470
Смерть Артура на склоне Сноудона	473
Могилы Артура и Риты	474
Рассказ Элис о'р Нант о пещере Эрири	476
Вершина Сноудона, названная в честь Риты	477
Каирн Драйстана	480
Пещера волосатого человека	481
Возвращение героев для сравнения с Артуром и Оуэном Лоугохом	481
Оуэн из племени баледуиров вернется в образе Генриха Девятого	484
Оуэн - исторический человек = Ивен де Галес Фруассара	487
Рассказ Фруассара о нем и вопросы, которые он поднимает	488
Оуэн вытесняет Артура как обитателя пещеры	493

Артур, ранее вытеснивший божество класса спящего Кроноса из Деметрия	493
Первоначальное пребывание Артура в Фейри	495

ГЛАВА IX

Истории о географических названиях 498

Триада свинопасов с острова Прайдайн	499
Былое значение свиной плоти как пищи	501
Триада о бродячей свиноматке Коэна	503
Блуждания Коэ, организованные для объяснения географических названий	508
Рассказ Кулхвха об охоте Артура на Тврха Трвита в Ирландии	509
Переговоры с кабанами	511
Возобновление охоты в Пемброкшире	512
Кабаны достигают долины Лафор	514
Их разделение	515
Один убит людьми из <i>Yddaw</i> в Истрад-Иу	516
Определение Истрад-Ива и объяснение его названия	516
Тврх Трвайт бежит в Корнуолл после встречи в устье Северна	519
Гребень, бритва и ножницы Тврча Трвита	519
Имя Тврх Трвайт	521
Некоторые имена свидетельствуют о гойдельской речи	523
История о Гвидионе и его свиньях в сравнении	525
Объяснения географических названий размыты или стерты	526
Перечисление потерь Артура на охоте	529
Идентичность мужчин <i>Yddaw</i> и их дом в Сифаддоне	531
Дальнейшие следы гойдельских имен	536
Инцидент с Тврх Трвитом, упомянутый Неннием	537
Обсуждается географическое название Карн Кабал	538
Дублирование имен с предпочтительной гойдельской формой в Уэльсе	541
То же явление в "Мабиногионе"	543
Отношения между семьями <i>Yr</i> , <i>Dôn</i> и <i>Pwy</i>	548
Элементарные ассоциации <i>Yr</i> и <i>Lir</i>	549
Представление Мэтью Арнольда о средневековой валлийской истории	551
Бран, трехглавый и летто-славянский триглаз	552
Краткие замечания по поводу гойделов в Уэльсе	553

ГЛАВА X

Трудности фольклориста 556

Ужасы суеверий и магии	557
Деятельность фольклориста, не способствующая распространению суеверий	558
Фольклор - часть истории	558
Трудность разделения рассказа и истории	559
Артур и сноудонские гойделы как иллюстрация	559
Рита Гавр и безумные короли Ниньо и Пейбио	560
Версия Мэлори и имена Рита, Рито, Рионы	562
Сноудонские истории об Оуэне Ёмхаксене и Кае	564
Гойдельская топография в Гвинедде	566
Гойделы становятся соотечественниками или кымрами	569
Неизвестность некоторых суеверий - трудность	571
Трудности, возникающие из-за их очевидной нелепости, проиллюстрированные историями о Марше и Лабрайде	571
Трудности, связанные с небрежной записью, проиллюстрированные "Ичен Банног" Хауэллса	575
Возможность сохранения традиций об урусе	579
Краткий обзор озерных легенд и железного табу	581
Обрывочность валлийских историй о Том Тит Тоте	583
История вдовы Киттлерумпита в сравнении	585
Предметы для объяснения имен Sili Ffrit и Sili go Dwt	590
Bwca'r Trwyn - и пирожок, и тележка в одном лице	593
Эта фея в услужении, как кормилица Пеннанта	597
Вопрос о феях, скрывающих свои имена	597
Магия, отождествляющая имя с человеком	598
Модриб Мари о том, что сыроварение губительно для стада	599
Ее история о маленькой черной душе жнеца	601
Версия ящерицы Гвеногврина Эванса	603
Болезни, рассматриваемые также как материальные сущности	604
Трудность осознания примитивных форм мышления	605

ГЛАВА XI

Философия фольклора 607

Душа как пигмей или ящерица, и слово enaid	607
Иное представление в Мабиноги о Мате	608
Вера в неизменность тела при изменениях	610
Изменение формы и возрождение в превращениях Гвиона	612
Туан мак Кайрилл, Амаирген и Талиессин	615
Взгляд д'Арбуа де Жубенвиля на учение Эригены	617

Друид - мастер собственных превращений	620
Смерть - это не столько само собой разумеющееся, сколько магическое явление	620
Зарождающаяся философия как галльский друидизм	622
Галлы не все придерживались одних и тех же верований	623
Имя и человек	624
Enw, "имя" и идея дыхания	625
Точная природа ассоциации остается неясной	627
Кельты не делали различий между именами и вещами	628
Имя кельта на нем, а не рядом с ним или вместе с ним	629
Друидский метод присвоения имен неарийцам	631
Магия, требующая метрических формул	632
Проклятие профессионального человека, вызывающее волдыри	632
Естественное явление, вызывающее споры у тонкокожих	633
Проклятия без имени жертвы бесполезны	635
Магия и королевская власть, связанные по женской линии	636

ГЛАВА XII

Раса в фольклоре и мифе 639

Глоттология и сравнительная мифология	640
Вопрос о женском роде в валлийском синтаксисе	642
Ирландская богиня Дану и валлийская Дона	644
Тынгхед или судьба в истории о Кулхвхе	646
Следы валлийского confarreatio в том же контексте	649
rok в сказании о Балдере в сравнении с tynghed	650
Вопросы мифологии становятся все более сложными из-за смешения рас	652
Является ли изображение Кухулейна в ярости арийским или нет	653
Кухуленн освобожден от ультонского кувада	654
Кухулайнн - кельт по расовому признаку в обществе, считающем происхождение по рождению	656
Кухулайнн как возрождение Луга, параллельное Лапландии	657
Сомнительное происхождение некоторых легенд о Луге	658
Исторический элемент в сказках и озерных легендах	659
Представление о том, что все феи - женщины	661
Иллюстрация из Центральной Австралии	662
Счет фей по пятеркам свидетельствует о существовании некельтской расы	663
Баскские цифры в качестве иллюстрации	665
Профессор Сейс об ирландцах и берберах	665
Темнокожие люди и феи-изменницы	666
Исключительно белокурые феи из района Пеннант	668
Краткое описание жизни фей из предыдущих глав	668

Случай сэра Джона Уинна, когда людей принимали за фей	670
Некоторые из бриттских названий фей	671
Карлики, привязанные к судьбе своих хозяев	672
Вопрос о каннибализме фей	673
Сказочные кораннийцы и исторические коританцы	674
Святой Гутлак в Кройланде на Фенсе	676
Ирландское sid, side и валлийское Caer Sidi	677
Курганные жилища пехтов и ирландских фей	679
Профессор Дж. Моррис Джонс объясняет неарийский синтаксис неокельтского языка с помощью египетского и берберского языков	681
Пикты, вероятно, раса, которая его ввела	682
Первые докельтские люди здесь	683
Вероятно, той же расы, что и неолитические карлики на континенте	683
Другая докельтская раса, пикты и люди из "Мабиногиона"	684
Пара слов в качестве эпилога	686
Дополнения и исправления 689	
Указатель 695	

Мы слишком торопимся, когда записываем наших предков в глупцы за чудовищные несоответствия (как нам кажется) в их вероучении о колдовстве. В отношениях с видимым миром они были столь же рациональны и проникательны, как и мы сами, чтобы обнаружить историческую аномалию. Но когда предполагалось, что невидимый мир открыт и в нем действуют беззаконные злые духи, какими мерами вероятности, приличия, соответствия или пропорции - того, что отличает вероятное от явного абсурда, - они могли руководствоваться, отвергая или принимая то или иное свидетельство? То, что девы чахнут, внутренне истощаясь, как их восковые образы перед огнем, то, что кукуруза завяла, а скот околел, то, что вихри разрывают в дьявольском веселье дубы в лесу, или что вертела и чайники танцуют страшную невинную капризулю на кухне какого-нибудь деревенщины, когда ветер не шевелится, - все это было одинаково вероятно там, где не понимали законов агентства Нет ни закона, чтобы судить о беззаконии, ни канона, по которому можно было бы критиковать сон.

Чарльз Лэмб *"Очерки Элии"*.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК АВТОРИТЕТОВ И ИСТОЧНИКОВ НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО УЭЛЬСКОМУ ФОЛЬКЛОРУ

АНГЛИЙСКИЙ.

Аберффроу: E. S. Roberts (после Хью Фрэнсиса), 240, 241.

□andyfrydog: Э. С. Робертс (после Роберта Робертса), 239, 240.

□yn yr Wyth Eidion: (нет сведений), 429.

Муньд у Снвс: Писатель в *Brython* за 1859 год, 457, 458.

Муньд Мече²: Моррис Эванс (от бабушки), 203, 204.

Towyn Trewern: Джон Робертс, 36-8.

Towyn Trewern? Льюис Моррис, в *Gwyliedyd*, 450-2.

БРЕКНОКШИР.

Cwm Tawe: Рд. Л. Дэвис, 256, 257.

Cwm,,Tawe,,,: Rd.,L.,Davies,,, (после J. Davies), 251-6.

□ангорс: Гиральдус, в его *"Itinerarium Kambriæ"*, 72.

□angorse? Уолтер Мэпс, в своей книге *De Nugis*, 70-2.

□angorse? *Брайтон* за 1863 год, 73, 74.

□yn Cwm □wch neighbourhood: Айвор Джеймс, 21, 430, 445.

□yn Cwm? Ed. Дэвис, в его *"Мифологии и обрядах"*, 20, 21.

КАРДИГАНШИР.

Атпар: Джон Рис (от Джозефа Пауэлла), 648, 649.

Броннант: Д. ². Дэвис, 248, 249.

Кадабоуэн: Дж. Гвеногврин Эванс, 603, 604.

□anwenog: Дж. Гвеногврин Эванс, 648.

□yn Eidwen: Дж. Э. Роджерс из Абермеурига, 578.

Моэддин: Хоуэллс, в своих *"Кембрийских суевериях"*, 245.

Moedin,,,: Д. Силван Эванс, в его *Ystên Sioned*, 271-3.

Понтервид: Джон Рис, 294, 338, 378, 391, 392.

Понтервид,,,: Мэри Льюис (Модриб Мари), 601, 602.

Swyd Ffynnon: D. ². Дэвис, 246, 247, 250.

Трегарон и окрестности: Джон Рис (от Джона Джонса и других), 577-9.

Troed yr Aur и : Бенджамин Уильямс (Gwynionyđ), 166-8.

Verwig? : Gwynionyđ, в *Brython* за 1858 и 1860 годы, 151-5, 158-60, 163, 164, 464-6.

Истрад Меуриг: Исаак Дэвис, 245.

Истрад Меуриг: Фермер, 601.

Истрад Меуриг: Писатель в *Брайтоне* за 1861 год, 690.

КАРМАРТЕНШИР.

Сенарт: Б. Дэвис, в *Брайтоне* за 1858 г., 161, 162.

□andeilo: Д. □eufеr Томас, в *Y Geninen* за 1896 г., 469.

□andeilo,,,: Мистер Степни-Гулстон, в *Arch. Camb.* за 1893 год, 468.

□andybie: Джон Фишер, 379, 380.

□andybie,,,: Howells, в его *Cambrian Superstitions*, 381.

□andybie,,,: Джон Фишер и Дж. П. Оуэн, 468.

Миджфай: Вм. Рис из Тонна, в книге "*Врачи Миджвая*", 2-15.

Mydfai,,,: Епископ Сент-Асаф, 15, 16.

Mydfai,,,: Джон Рис, 16.

Миджфай,: Джозеф Джозеф Бреконский, 16.

Mydfai? Вирт Сайкс в своих "*Британских гоблинах*", 17, 18.

Мунydf у Banwen: □uwarch Reynolds, 18, 19, 428-30.

Мунydf у Banwen?: I. Craigfryn Hughes, 487.

КАРНАРВОНШИР.

Абер Сох: Маргарет Эдвардс, 231.

Абер, Сох,,,: Кузнец в окрестностях, 232.

Абер Сох? Эдвард □wud: см. *Бритон* за 1860 год, 233, 234.

Aber Soch? MS. 134 в коллекции *Пениарта*, 572, 573.

Абердарон: миссис Уильямс и другие, 228.

Абердарон? Эван Уильямс из Рос-Хирвена, 230.

Беджгелерт: Вм. Джонс, 49, 80, 81, 94-7, 99, 100-5.

Беджгелерт,,,: Wm., Jones,, в *Brython* за 1861-2, 86-9, 98-9.

Bedgelert,,,: *Brython* за 1861 год, 470, 473, 474.

Бетесда: Дэвид Эван Дэвис (Dewi Glan Ffrydlas), 60-4, 66.

Bettws у Coed: Эдвард □wud: см. "*Кембрийский журнал*" за 1859 г., 130-3.

Окрестности Крисчиета: Edward □ewelyn, 219-21.

Криккиет? Edward □wud: см. *Journal* for 1859, 201, 202.

Динорвиг: Э. Ллойд Джонс, 234-7.

Долбенмаен: У. Эванс Джонс, 107-9.

Dolwyddelan: см. Bedgelert.

Dolwyddelan,,,: см. Gwybrnant.

Drws y Coed: С. Р. Уильямс (от М. Уильямса и др.), 38-40.

Drws y Coed? S.,R.,Williams,, 89, 90.

Эдерн: Джон Уильямс (Alaw □eun), 275-9.

Четыре креста: Льюис Джонс, 222-5.

Гласфрин Учаф: Джон Джонс (Myrdin Fard), 367, 368.

Гласфрин Учаф: Мистер и миссис Уильямс-Эллис, 368-72.

Glyn□ifon: Вм. Томас Соломон, 208-14.

Gwybrnant: Эллис Пирс (Ellis o'r Nant), 476-9.

□anaelhaearn: Р. Хьюз из Uwchlaw'r Ffynnon, 214, 215, 217-9.

□anberis: миссис Рис и ее родственники, 31-6, 604.

□anberis,,,: М. и О. Рис, 229.

□anberis,,,: Корреспондент в *"Ливерпульском Меркурии"*, 366, 367.

□anberis? Хауэлл Томас (от Г. Б. Гэтти), 125-30.

□anberis? Пеннант, в его *"Путешествии по Уэльсу"*, 125.

□andegai: Н. Derfel Hughes, 52-60, 68.

□andegai,,,: Н.,Derfel,,Hughes,,, in his *Antiquities*, 471, 472.

□andegai,,,: Э. Оуэн, в *коллекциях* Повислендского клуба, 237, 238.

□andwrog: Хью Эванс и другие, 207.

□anfaglan: Т. Е. Моррис (от миссис Робертс), 362, 363.

□angybi: Джон Джонс (Мирджин Фардж), 366.

□angybi,,,: Миссис Уильямс-Эллис, 366, 471.

□аниэстин: Эван Уильямс, 228, 229, 584.

□an□echid: Оуэн Дэвис (Eos □echid), 41-6, 50-2.

Нефин: Лоури Хьюз и другая женщина, 226, 227.

Нефин,,,: Джон Уильямс (Alaw □eun), 228.

Нефин,,,: Писатель в *Брайтоне* за 1860 год, 164.

Пенмачно: Гетин Джонс, 204-6.

Rhyd Du: Миссис Рис, 604.

Трефрив: Моррис Хьюз и Дж. Д. Макларен, 198-201.

Трефрив,: Пирс Уильямс, 30.

Тремадок: Джейн Уильямс, 221, 222.

Тремадок,: Р. И. Джонс (от матери и Эллис Оуэн), 105-7.

Tremados,: Эллис Оуэн (со слов В. Джонса), 95.

Ваен Фоур: Оуэн Дэвис, 41.

Waen Fawr? Glasynys, in *Cymru Fu*, 91-3, 110-23.

Waen Fawr? Glasynys,,, в *Brython* за 1863 год, 40, 41.

Waen Fawr? A London Eistedfod (1887) competitor, 361, 362.

Waen Fawr? Джон Джонс (Myrddin Fard), 361, 362, 364-8.

Waen Fawr? Оуэн Джонс (цитируется в *Brython* за 1861 г.), 414, 415.

Yspytty Ifan?: конкурент Liverpool Eistedfod (1900), 692.

ДЕНБИГШИР.

Брайнеглвис: Э. С. Робертс (от миссис Дэвис), 241, 242.

Eglwyseg: Э. С. Робертс (после Томаса Морриса), 238.

Ffynnon Eilian: Миссис Сильван Эванс, 357.

Ffynnon,,Eilian,: Isaac Foulkes, in his *Enwogion Cymru*, 396.

Ffynnon,,Eilian,: Льюис, в его *Топографическом словаре*, 395, 396.

Ffynnon,,Eilian,: P. Roberts, in his *Camb. Popular Antiquities*, 396.

Ffynnon,,Eilian,: Писатель в *Y Nofeld*, 396.

□ango□en: Hywel (Wm. Davies), 148.

Пентр Возлас: Элиас Оуэн в своих "*Уэльских народных преданиях*", 222.

ФЛИНТШИР.

Нил.

ГЛАМОРГАНШИР.

Бридженд: Дж. Х. Дэвис, Д. Бринмор-Джонс, Дж. Рис, 354, 355.

Кримлин: Кадрауд, в *South Wales Daily News*, 405, 406.

Кримлин? Вирт Сайкс, в его "*Британских гоблинах*", 191, 192, 405.

Кенфиг: Иоло Морганг (Iolo Morganwg), в *Iolo MSS.*, 403, 404.

Кенфиг? Дэвид Дэвис, 402.

□anfalon: И. Крейгфрин Хьюз, 257-268.

□anwynno: Гланфрвд, в его *Plwyf Llanwynno*, 26.

Мертир Тидфил: *Ywarch Reynolds* (от его матери), 269.

Двор квакеров: И. Крейгфрин Хьюз, 173-91.

Ронджа Фехан: Эвеллин Уильямс, 24, 25.

Rhonda, Fehan,,: Дж. Проберт Эванс, 25, 27.

Rhonda, Fehan,,: 2. Рейнольдс (от Д. Эванса и других), 27-9.

Долина Ронджа: Д. Дж. Джонс, 356.

Долина Ронджа? Дафидж Морганвг, в его "*Ханес Морганвг*", 356.

Долина Рондза? Уоринг, в его "*Воспоминаниях об Эдварде Уильямсе*", 458-61.

МЕРИОНЕТШИР.

Абердовой: J. Pughe, в *Arch. Camb.* за 1853 г., 142-6, 428.

Абердовой,: Миссис Проссер Пауэлл, 416.

Абердовой? М. Б., в *Monthly Packet* за 1859 г., 416, 417.

Ardudwy: Hywel (Wm. Davies), 147, 148.

Бала: Дэвид Джонс из Трефрива: см. *Cyfaï yr Aelwyd*, 376, 377.

Bala,,: Вм. Дэвис и Оуэн М. Эдвардс, 378.

Bala?: Humphreys' *ŷyfr Gwybodaeth Gyffredinol*, 408-10.

Bala? J. H. Roberts, в *Edwards' Cymru* за 1897 г., 148-51.

Dolgeŷeu: Люси Гриффит (от мужчины из Dolgeŷeu), 243, 244.

ŷandriŷo: Э. С. Робертс (от А. Эванса и миссис Эдвардс), 138-41.

ŷanegryn: мистер Уильямс и мистер Роулендс, 243.

ŷanegryn,,: ŷanegryn man (после В. Притчарда), 242.

ŷanegryn,,: Другой ŷанегрин, 242, 243.

ŷanuwchŷyn: Оуэн М. Эдвардс, 147.

ŷanuwchŷyn? J. H. Roberts, in *Edwards' Cymru* for 1897, 215-7, 457.

ŷanuwchŷyn? Glasynys, в *Brython* за 1862 год, 137.

ŷanuwchŷyn? Glasynys,,, в *Taliesin* за 1859-60, 215, 216, 456, 457.

МОНМОТШИР.

Абериструт: Эдм. Джонс, в своем *приходе Аберистрат*, 195, 196.

ŷandeilo Cressenny: Элизабет Уильямс, 192, 193.

ŷanover: Вм. Уильямс и другие садовники там, 193, 194.

ŷanover,,: Миссис Гарднер из Тай-Учафа, 194, 195.

□anover,,,: Профессор Сайс, 602.

Риска?: И. Крейгфрин Хьюз (по слухам, в районе между □anfabon и Caerleon), 462-4, 487, 593-6.

МОНТГОМЕРИШИР.

□anidloes: Элиас Оуэн в своих "Уэльских народных преданиях", 275.

ПЕМБРОКЕШИР.

Фишгард: Э. Перкинс из Пенисгварна, 172, 173.

Фишгард,: Феррар Фентон, в "Хранителе графства Пемброк", 160.

☞andeilo □wydarth: Семья Мельхиор, 398.

□andeilo,,□wydarth,,,: Бенджамин Гибби, 399, 400.

Неверн: Дж. Томас из Банкау Брин Бериан, 689.

Тревайн: "Древний мореплаватель", в "Гардиан графства Пемброк", 171.

Тревайн? Феррар Фентон, в "Гардиан графства Пемброк", 171.

Тревайн? Аб Надол, в Брайтоне за 1861 год, 165.

Тревайн?: Саути, в его "Мадоке", 170.

РАДНОРШИР.

Нил.

ДЛЯ ВСЕХ ВИДОВ И СОСТОЯНИЙ ЛЮДЕЙ

Автор будет рад услышать о незаписанных валлийских историях или фрагментах валлийских историй, не вошедших в этот том. Он также будет благодарен за названия населенных пунктов, в которых до сих пор помнят приведенные здесь истории или их варианты. Он постарается опубликовать всю подобную информацию, за исключением рассказов о страшилках и привидениях обычного типа.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

Аб Гвиллим: *Bardoniaeth Dafyd ab Gwilym*, edited by Cyndelw (Liverpool, 1873), 206, 233, 439, 444, 671.

Адамнан: *Жизнь святого Колумбы*, написанная Адамнаном, под редакцией Уильяма Ривза (Дублин, 1857), 545.

Агриппа: *H. Cornelius Agrippa De Occulta Philosophia* (Paris, 1567), 213.

Aneurin: *The Book of Aneurin* (см. Skene), 226, 281, 543.

Antiquary, the, журнал, посвященный изучению прошлого, издаваемый Эллиотом Стоком (Лондон, 1880-), 467.

Antiquary,,: the Scottish: see Stevenson.

Archæologia Cambrensis, журнал Кембрийской археологической ассоциации (Лондон, 1846-), 73, 141-6, 233, 366, 403, 468, 528, 532, 533, 542, 566, 570, 579.

Athenæum, the, журнал английской и иностранной литературы, науки, изобразительного искусства, музыки и драмы (Лондон, 1828-), 335, 612.

Аткинсон: *Книга Баллимота*, собрание произведений (прозы и стихов) на ирландском языке, составленное около начала пятнадцатого века, опубликованное Королевской ирландской академией, с введением, анализом содержания и указателем Роберта Аткинсона (Дублин, 1887), 375.

Аткинсон,: *Книга Лейнстера*, иногда называемая Книгой Глендалоу, собрание произведений (прозы и стихов) на ирландском языке, составленное, частично, около середины двенадцатого века, изданное Королевской ирландской академией, с введением, анализом содержания и указателем Роберта Аткинсона (Дублин, 1880), 381, 390, 392, 528, 531, 616, 618, 635, 657.

Aubrey: *Miscellanies collected by John Aubrey* (London, 1696) [последняя глава посвящена людям со вторым зрением в Шотландии], 273.

Бастиан: *Zeitschrift für Ethnologie*, под редакцией А. Бастиана и других (Берлин, 1869-), 684.

Батерст: *Римские древности в Лиднейском парке*: см. 445, 446.

Беренс: *Zeitschrift für französische Sprache und Litteratur*, edited by D. Behrens (Oppeln and Leipsic, 1879-), 480.

Белл: *Early Ballads*, edited by Robert Bell (London, 1877), 317.

Bertrand: *La Religion des Gaulois, les Druides et le Druidisme*, by Alexandre Bertrand (Paris, 1897), 552, 622, 623.

Библия: Библия, пересмотренная версия (Оксфорд, 1885), 583.

Библия,,: Библия Манкса, напечатанная для Британского и Иностранного Библейского Общества (Лондон, 1819), 288, 297, 348.

Boschet: *La Vie du Père Maunoir*, by Boschet (Paris, 1697), 386.

Bourke: *Булла "Ineffabilis" на четырех языках*, переведенная и отредактированная преподобным Уликом Дж. Бурком (Дублин, 1868), 606.

Бойд Докинз: *Выступление профессора Бойда Докинза о месте университета в истории Уэльса* (Бангор, 1900), 388, 389.

Брэй: *Границы Тамар и Тэви, их естественная история, нравы, обычаи, суеверия и т.д.*, в серии писем к покойному Роберту Саути, написанных миссис Брей (новое изд., Лондон, 1879), 213.

Braz: *La Légende de la Mort en Basse-Bretagne, Croyances, Traditions et Usages des Bretons Armoricaïns*, by A. le Braz (Paris, 1892), 273.

Британская археологическая ассоциация, журнал: см. 674.

British Association for the Advancement of Science, Report of the (John Murray, London, 1833-), 103, 310, 346, 590.

Бринмор-Джонс: *The Welsh People*, by John Rhys and David Brynmor-Jones (London, 1900), 421, 448, 454, 488, 548, 554, 613, 656, 661.

Брайтон, Й.: см. Сильван Эванс.

Кембрийский: *Кембрийская биография*: см. Оуэн.

Cambrian,,,: *Cambrian Journal*, издаваемый под эгидой Кембрийского института [первый том вышел в 1854 г. в Лондоне, а затем издание было продолжено в Тенби Р. Мейсоном, который продолжал его до 1864 г.], 81, 130, 201, 202, 480, 564.

Cambrian,,,: *Кембрийская газета*, издается в Суонси, 468.

Cambrian,,,: *Cambrian Popular Antiquities*: см. Roberts.

Cambrian,,,: *The Cambrian Quarterly Magazine* (Лондон, 1829-33), 202.

Cambrian,,,: *Кембрийский регистр*, напечатанный для Э. и Т. Уильямсов (Лондон, 1796-1818), 217.

Кэмпбелл: *Popular Tales of the West Highlands*, with a translation, by J. F. Campbell (Edinburgh, 1860-2), 433, 434, 690.

Карадок: *Гвентийская хроника Карадока из Канкарвана*, 404.

Caradoc,,,: *История Уэльса, написанная первоначально на британском языке Карадоком из Лханкарвана*, переведенная доктором Пауэллом и дополненная У. Уинном (Лондон, 1774), 476, 480.

Кармартен: *Черная книга Кармартена* (см. Skene), 543.

Карнарвон: *Registrum vulgariter nuncupatum "Записи Карнарвона"*, è *Codice ms^{to} Descriptum* (Лондон, 1838), 70, 201, 488, 567-9, 693.

Каррингтон: *Отчет Королевской комиссии по земельным вопросам в Уэльсе и Монмутшире*, председатель граф Каррингтон (Лондон, 1896), 488.

Чемберс: *Popular Rhymes of Scotland*, by Robert Chambers (Edinburgh, 1841, 1858), 585.

Charencey, H. de, in the *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, 664.

Чосер: *The Complete Works of Geoffrey Chaucer*, edited from numerous manuscripts by the Rev. Prof. Skeat (Oxford, 1894), 75.

Chrétien: *Erec und Enide von Christian von Troyes*, издано Венделином Фоерстером (Галле, 1890), 375, 672.

Цицерон: *Œuvres Complètes de Cicéron* (изд. Didot, Париж, 1875), 652.

Кларк: *Limbus Patrum Morganiae et Glamorganiae*, being the genealogies of the older families of the lordships of Morgan and Glamorgan, by George T. Clark (London, 1886), 26.

Clodd: *Tom Tit Tot*, an essay on savage philosophy in folklore, by Edward Clodd (London, 1898), 584, 598, 607, 627, 628, 630.

Кокран: *The Journal of the Royal Society of Antiquaries of Ireland*, Robert Cochrane, Secretary (Hodges, Figgis & Co., Dublin), 546.

Cockayne: *Leechdoms, Wortcunning and Starcraft of early England*, by the Rev. Oswald Cockayne (Rolls Series, London, 1864-6), 293.

Кормак: *Cormac's Glossary*, translated and annotated by John O'Donovan, edited with notes and indices by Whitley Stokes (Calcutta, 1868), 51, 310, 521, 629, 632.

Корнель: *Le Cid*, P. Corneille, edited by J. Bué (London, 1889), 655.

Cosquin: *Contes populaires de Lorraine*, by Emmanuel Cosquin (Paris, 1886), 520.

Cothi: *The Poetical Works of Lewis Glyn Cothi*, a Welsh bard who flourished in the reigns of Henry VI, Edward IV, Richard III, and Henry VII, edited for the Cymmrodorion Society by the Rev. John Jones 'Tegid,' and the Rev. Walter Davies 'Gwaŷter Mechain' (Oxford, 1837), 74, 134, 135, 201.

Coulanges: *La Cité antique*, by N. D. Fustel de Coulanges (Paris, 1864), 649, 650.

Courson: *Cartulaire de l'Abbaye de Redon en Bretagne*, изданная M. Aurélien de Courson (Paris, 1863), 544.

Craigfryn: *Y Ferch o Gefn Ydfa*, by Isaac Craigfryn Hughes (Cardiff, 1881), 173.

Креджин: *A Dictionary of the Manks Language*, by Archibald Cregeen (Douglas, 1835), 288.

Камминг: *The Isle of Man, its History, Physical, Ecclesiastical, Civil, and Legendary*, by Joseph George Cumming (London, 1848), 314.

Карри: *The Battle of Magh Leana*, together with *The Courtship of Momera*, with translation and notes, by Eugene Curry [later O'Curry] (Dublin, 1855), 393: см. также O'Curry.

Сунделв: *Cymru Fu*, подборка валлийских историй, традиций и сказаний, изданная Hughes & Son (Врекшем, 1862) [первоначально книга была издана по частям, и на ней никогда не было имени редактора; но предполагается, что им был покойный поэт и антиквар, преподобный Роберт Эллис "Cyndelw"], 66, 91, 109, 123, 155, 156, 481.

Dalyell: *The Darker Superstitions of Scotland illustrated from History and Practice*, by John Graham Dalyell (Edinburgh, 1834), 273.

Davies: *The Mythology and Rites of the British Druids*, by Edward Davies (London, 1809), 20.

Davies: *Antiquæ Linguæ Britannicæ et Linguæ Latinæ Dictionarium Duplex*, by Dr. John Davies (London, 1632), 13.

Derfel Hughes: *Hynafiaethau a  andegai a  an echid (Antiquities of  andegai and  an echid)*, by Hugh Derfel Hughes (Bethesda, 1866), 52, 480.

Дионисий: *Dionysii Halicarnassensis Antiquitatum Romanorum quæ supersunt* (издание Didot, Париж, 1886), 650.

Domesday: *Факсимиле Книги Судного дня*, том Чешира, включая часть Флинтшира и Лестершира (Саутгемптон, 1861-5), 563.

Довастон: [поэтические произведения Джона Ф. М. Довастона, кажется, были опубликованы в 1825 году, но я не видел этой книги], 410-3.

Дойл: *Adventures of Sherlock Holmes*, by A. Conan Doyle (London, 1893), 690.

Drayton: *The Battaile of Agincourt*, by Michael Drayton (London, 1627), 164.

Дардейл: *Monasticon Anglicanum*, a history of the abbeys and other monasteries in England and Wales, by Sir William Dugdale (vol. v, London, 1825), 443, 469, 479.

Edwards: *Cymru*, ежемесячный журнал под редакцией Оуэна М. Эдвардса (Welsh National Press, Carnarvon), 148.

Элфед: *Syfaï yr Aelwyd a'r Frythones*, под редакцией Элфеда (преподобного Х. Элвета Льюиса) и Кадрауда (мистера Т. К. Эванса), и издано Williams & Son, 23, 376, 418.

Элтон: *Origins of English History*, by Charles Elton (London, 1882), 615.

Elworthy: *The Evil Eye, an Account of this ancient and widespread Superstition*, by Frederick Thomas Elworthy (London, 1895), 346.

Evans: *The Beauties of England and Wales* [издана в Лондоне в 1801-15 гг. и состоит из двух томов (xvii и xviii), посвященных Уэльсу, первый из которых (написанный преподобным Дж. Эвансом; издан в Лондоне в 1812 г.) рассказывает о Северном Уэльсе], 563.

Folk-Lore: *Transactions of the Folk-Lore Society* (издается Дэвидом Наттом, 270 Strand, London), 273, 338, 341, 344, 346, 356, 358-60, 584, 585, 593, 608.

Foulkes: *Geirlyfr Bywgraffiadol o Enwogion Cymru*, издано и напечатано Isaac Foulkes (Liverpool, 1870), 396.

Fouqué: *Undine, eine Erzählung von Friedrich Baron de la Motte Fouqué* (11-е изд., Берлин, 1859), 1, 2, 27, 437, 661.

Фрейзер: *The Golden Bough*, a study in comparative religion, by Dr. J. G. Frazer (London, 1890), 638, 662.

Frazer,,: *Происхождение тотемизма* (в *Fortnightly Review* за апрель 1899 г.), 662, 663.

Froissart: *Œuvres de Froissart, Chroniques*, edited by Kervyn de Lettenhove (Brussels, 1870-7), 489.

Froissart,,: *Chroniques de J. Froissart*, изданные для "Общества истории Франции" Симеоном Люсом (Париж, 1869-), 489-91.

Фруассар,: Перевод лорда Бернерса (черным шрифтом), опубликованный в Лондоне в 1525 году, и Томаса Джонса, в 1805-6 годах, 490.

Гайдоз: *Revue Celtique*, "fondée par M. Henri Gaidoz", 1870-85 [с тех пор его редактировал Н. d'Arbois de Jubainville, и теперь он издается Bouillon в Париже (67 Rue de Richelieu)], 60, 374, 375, 387, 389, 390, 427, 432, 435, 480, 519, 546, 573, 580, 581, 603, 618, 619, 629, 631, 649.

Джеффри: *Gottfried's von Monmouth Historia Regum Britanniae und Brut Tysilio*, изданная Сан-Марте (Галле, 1854), 4, 280, 281, 374, 406, 448, 503, 507, 547, 562, 611.

Гилберт: *Leabhar na h-Uidhri*, сборник произведений в прозе и стихах на ирландском языке, составленный и переписанный около н.э. 1100 г. Моэльмуири мак Сейличаром, изданный Ирландской королевской академией и напечатанный с литографии оригинала О'Лонганом и О'Луни (предисловие подписано Дж. Т. Гилбертом, Дублин, 1870), 381, 387, 414, 424, 435, 498, 537, 547, 611, 613, 618, 620, 624, 654, 657, 661.

Гиллен: *Коренные племена Центральной Австралии*, Болдуин Спенсер и Ф. Дж. Гиллен (Лондон, 1899), 662, 663.

Гиральдус: *Giraldi Cambrensis Itinerarium Kambriæ et Descriptio Kambriæ*, edited by James F. Dimock (Rolls Series, London, 1868), 72, 90, 269-71, 303, 389, 414, 441, 507, 509, 660.

Glanffrwd: *Plwyf □anwyno: yr hen Amser, yr hen Bobl, a'r hen Droion*, by Glanffrwd [the Rev. W. Glanffrwd Thomas] (Pontypridd, 1888), 26.

Геттинген: *Göttingische gelehrte Anzeigen, unter der Aufsicht der königl. Gesellschaft der Wissenschaften* (Gottingen, 1890), 544.

Gregor: *Notes on the Folk-lore of the North-east of Scotland*, by the Rev. Walter Gregor, published for the Folk-Lore Society (London, 1881), 103.

Гриффин: *The Poetical and Dramatic Works of Gerald Griffin* (Dublin, 1857), 205, 418.

Грөбер: *Grundriss der romanischen Philologie, unter Mitwirkung von 25 Fachgenossen*, edited by Gustav Gröber (Strassburg, 1886), 563.

Gröber,,: *Zeitschrift für romanische Philologie*, edited by Gustav Gröber (Halle, 1877-), 563.

Gruter: *Iani Gruteri Corpus Inscriptionum* (часть ii тома i, Амстердам, 1707), 580.

Гость: *The Mabinogion*, from the □yfr Coch o Hergest and other ancient Welsh manuscripts, with an English translation and notes by Lady Charlotte Guest (London, 1849), 69, 123, 196, 386, 442, 502, 507, 509, 538, 553, 560, 613, 620, 629, 645-7, 649, 672.

Гвеногврин: *Факсимиле Черной книги Кармартена*, воспроизведенное механическим способом автотипии, с палеографическим примечанием Дж. Гвеногврина Эванса (Оксфорд, 1888), 216, 217, 383, 384, 413, 432, 478, 513, 527, 543, 545, 563, 565, 619, 621.

Gwenogvryn,,: *Отчет о рукописях на валлийском языке*, опубликованный Комиссией по историческим рукописям. Commission (vol. i, London, 1898-9), 280, 330, 487, 573.

Gwenogvryn,,: *The Text of the Bruts from the Red Book of Hergest*, edited by John Rhys and J. Gwenogvryn Evans (Oxford, 1890), 163, 201, 442, 506, 512, 562.

Gwenogvryn,,: *Текст "Мабиногиона" и других валлийских сказок из Красной книги Хергеста*, под редакцией Джона Риса и Дж. Gwenogvryn Evans (Oxford, 1887), 69, 142, 196, 207, 208, 217, 218, 225, 226, 233, 264, 280, 287, 315, 386, 388, 425, 430, 439, 440, 442, 498, 500, 502, 506, 507, 509-16, 519-27, 529-34, 536, 537, 543, 546-8, 550, 551, 553, 560, 561, 565, 580, 608-10, 613, 619, 620, 622, 628-30, 636, 637, 644, 645, 647, 649, 657, 672.

Gwenogvryn,,: *Текст Книги □an Dâv*, воспроизведенный с рукописи Гвисанея Дж. Г. Эвансом при содействии Джона Риса (Оксфорд, 1893) [он также известен как *Liber Landavensis*], 163, 398, 476, 478, 528, 531, 568, 691.

Хэнкок: *Senchus Mór*, vol. i, prefaced by W. Neilson Hancock (Dublin, 1865), 617.

- Харди: *Descriptive Catalogue of Materials relating to the History of Great Britain and Ireland*, by Thos. Duffus Hardy (vol. i, London, 1862), 476.
- Хартленд: *The Legend of Perseus*, a study of tradition in story, custom, and belief, by Edwin Sidney Hartland (London, 1894-6), 662.
- Хартленд: *The Science of Fairy Tales*, исследование мифологии сказок, Эдвин Сидни Хартланд (Лондон, 1891), 18, 268, 583.
- Хендерсон: *Fled Bricrend*, под редакцией Джорджа Хендерсона, с переводом, введением и примечаниями (Лондон, 1899), 501.
- Хендерсон: *Notes on the Folk-Lore of the Northern Counties of England and the Borders*, by Wm. Henderson (London, 1879), 340, 346.
- Herbord: *Herbordi Vita Ottonis Ep. Bambergensis*, in vol. xiv of Pertz' *Monumenta Germaniæ Historica Scriptorum* [= Script. vol. xii], edited by G. H. Pertz (Hanover, 1826-85), 553.
- Хергест: *Красная книга Хепреста*: см. Guest, Gwenogvryn, Skene.
- Хейвуд: *The Dramatic Works of Thomas Heywood* (London, 1874), 694.
- Хигден: *Polychronicon Ranulphi Higden Monachi Cestrensis*, вместе с английскими переводами Джона Тревицы и неизвестного писателя пятнадцатого века, под редакцией Ч. Бабингтона (Rolls Series, London, 1865-86), 330, 331.
- Держатель: *Alt-celtischer Sprachschatz*, by Alfred Holder (Leipsic, 1896-), 533, 622, 659.
- Хауэллс: *Cambrian Superstitions*, comprising ghosts, omens, witchcraft, and traditions, by W. Howells (Tipton, 1831), 74, 155, 160, 173, 204, 245, 268, 331, 424, 453, 469, 576-9.
- Hübner: *Das Heiligtum des Nodon*: см. 446.
- Hübner,,: *Inscriptiones Britanniae Latinae*, edited by Æmilius Hübner and published by the Berlin Academy (Berlin, 1873), 535.
- Хамфрис: *Golud yr Oes*, валлийский журнал, издаваемый Г. Хамфрисом (т. i, Карнарвон, 1863), 493.
- Humphreys,, *□yfr Gwybodaeth Gyffredinol*, сборник пенни-серий Хамфриса (Карнарвон, без даты), 408.
- Иоло: *Iolo Manuscripts*, подборка древних валлийских рукописей в прозе и стихах из коллекции, составленной Эдвардом Уильямсом (Iolo Morganwg), с английскими переводами и примечаниями его сына, Талиесина Уильямса аб Иоло, и опубликованная для Welsh MSS. Society (□andover, 1848), 564, 565, 569, 619.
- Иоло Гоч: *Gweithiau Iolo Goch gyda Nodiadau hanesydol a beirniadol*, by Charles Ashton, published for the Cymmrodorion Society (Oswestry, 1896), 281, 367.
- Jacobs: *Celtic Fairy Tales*, selected and edited by Joseph Jacobs (London, 1892), 567.
- Jamieson: *Этимологический словарь шотландского языка*, автор Джон Джеймисон (новое изд., Пейсли, 1881-2), 591.
- Jamieson: *Popular Ballads and Songs*, by Robert Jamieson (Edinburgh, 1806), 592.

Дженкинс: *Bed Gelert, its Facts, Fairies, and Folk-Lore*, by D. E. Jenkins (Portmadoc, 1899), 450, 453, 469, 533, 567.

Джонстоун: *Antiquitates Celto-Normannicæ*, containing the Chronicle of Man and the Isles, abridged by Camden, edited by James Johnstone (Copenhagen, 1786), 334.

Джонс: см. с. 195 в книге Эдмунда Джонса "*Рассказ о приходе Абериструт*" (Trevecka, 1779), 195, 196.

Джонс: см. с. 195 о его "*Духах в графстве Монмут*" (Ньюпорт, 1813), 195, 217, 350.

Джонс: *Элюцидарий* и другие трактаты на валлийском языке из *□yvyr Agkyr □andewivrevi*, 1346 г. н.э. (Jesus College MS. 119), под редакцией Дж. Морриса Джонса и Джона Риса (Оксфорд, 1894), 529, 693.

Джонс: *Мивиринская археология Уэльса*, собранная из древних рукописей Оуэном Джонсом "Мивиром", Эдвардом Уильямсом и Уильямом Оуэном (Лондон, 1801; переиздана в одном томе Томасом Ги, Денбиг, 1870), 441, 469, 529, 560, 610, 619.

Джонс: *История графства Брекнок*, преподобный Теофилус Джонс (Брекнок, 1805, 1809), 516-8.

Джойс: *Old Celtic Romances*, translated from the Gaelic by P. W. Joyce (London, 1879), 94, 376, 381, 437, 662.

Jubainville: *Le Cycle mythologique irlandais et la Mythologie celtique*, by H. d'Arbois de Jubainville (Paris, 1884), 616, 617, 620.

Jubainville,,: *Essai d'un Catalogue de la Littérature épique de l'Irlande*, by H. d'Arbois de Jubainville (Paris, 1883), 549, 616, 617, 620.

Калуза: *Libeaus Desconus*, под редакцией Макса Калуцы (Лейпсик, 1890), 562.

Китинг: *Forus Feasa air Éirinn*, Keating's *History of Ireland*, book i, part i, edited, with a literal translation, by P. W. Joyce (Dublin, 1880), 375.

Келли: *Fockleyr Manninagh as Baarlagh*, a Manx-English Dictionary by John Kelly, edited by William Gill, and printed for the Manx Society (Douglas, 1866), 316, 349.

Кермод: *Yn Lioar Manninagh*, Journal of the Isle of Man Natural History and Antiquarian Society, edited by P. M. C. Kermod (Douglas, 1889-), 284, 289, 311, 334, 434.

Kuhn: *Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen*, edited by Kuhn and others (Berlin, 1858-76), 629.

Kuhn,,: *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, edited by Kuhn and others (Berlin, 1854-), 625.

Лампетер: *Журнал колледжа Святого Давида*, Лампетер, 156.

Leem: *Canuti Leemii de Lapponibus Finmarchiæ Commentatio* (Copenhagen, 1767), 658, 663.

Леже: *Cyrille et Méthode, Étude historique sur la Conversion des Slaves au Christianisme*, by Louis Leger (Paris, 1868), 553.

Льюис: *A Topographical Dictionary of Wales*, by Samuel Lewis (3rd ed., London, 1844), 395, 397, 470.

Лейден: *The Poetical Works of John Leyden* (Edinburgh, 1875), 466.

Lhuys: *Commentarioli Britannicæ Descriptionis Fragmentum*, by Humfrey Lhuys (Cologne, 1572), 412.

Lindsay: *The Latin Language*, исторический отчет о латинских звуках, стеблях и флексиях, автор Wallace Martin Lindsay (Oxford, 1894), 629.

Loth: *Les Mots latins dans les langues brittoniques*, by J. Loth (Paris, 1892), 383.

□ais у Wlad, газета, издаваемая в Бангоре, Северный Уэльс, 234.

Мабиногион: см. Гост и Гвеногврин.

Macbain: *The Celtic Magazine*, под редакцией Александра Макбейна (Инвернесс, 1866-), 520.

Малмсбери: *De Gestis Pontificum Anglorum Libri Quinque*, под редакцией N. E. S. A. Hamilton (Rolls Series, London, 1870), 547.

Мэлори: *Le Morte Darthur*, by Syr Thomas Malory, оригинальное Кэкстонское издание, перепечатанное и отредактированное с введением и глоссарием Х. Оскара Соммера (Nutt, London, 1889), 476, 562.

Мэлори,,: *Morte Darthur* сэра Томаса Мэлори, с предисловием Джона Риса, издано J. M. Dent & Co. (Лондон, 1893), 543, 565.

Mapes: *Gualteri Mapes de Nugis Curialium Distinctiones Quinque*, edited by Thomas Wright and printed for the Camden Society, 1850 [в последний момент взгляд на оригинал Bodley MS. 851 заставил меня несколько отклониться от чтения Райта из-за его неточности], 70-2, 496.

Marquardt: *Das Privatleben der Römer*, by J. Marquardt (Leipsic, 1886), 650.

Мартин: *A Description of the Western Islands of Scotland*, by M. Martin (London, 1703), 615, 691, 692.

Масперо: см. 682.

Максимус: *Valerii Maximi factorum dictorumque memorabilium Libri novem ad Tiberium Cæsarem Augustum* (изд. Didot, Париж, 1871), 623.

Мела: *Pomponii Melæ de Chorographia Libri Tres*, ed. Gustavus Parthey (Berlin, 1867), 331, 550.

Мейер: *Festschrift Whitley Stokes*, dedicated by Kuno Meyer and others (Leipsic, 1900), 645.

Meyer,,: *The Vision of MacConglinne*, edited with a translation by Kuno Meyer (London, 1892), 393, 501.

Meyer: *Zeitschrift für celtische Philologie*, edited by Kuno Meyer and L. C. Stern (Halle, 1897-), 500.

Meyer: *Romania, Recueil trimestriel consacré à l'Étude des Langues et des Littératures romanes*, edited by Paul Meyer and Gaston Paris (vol. xxviii. Paris, 1899), 690, 693, 694.

Мейрик: *История и древности графства Кардиган*, Сэмюэл Раш Мейрик (Лондон, 1808), 579.

Мильтон: *English Poems*, by John Milton, 288.

Mind, ежеквартальный обзор психологии и философии, под редакцией Г. Ф. Стаута (Лондон, 1876-), 633.

Mommsen: *Heortologie, antiquarische Untersuchungen über die städtischen Feste der Athener*, by August Mommsen (Leipsic, 1864), 310.

Monthly Packet, the, теперь под редакцией К. Р. Кольриджа и Артура Иннеса (Лондон, 1851-), 416, 417.

Moore: *The Folk-Lore of the Isle of Man*, by A. W. Moore (London, 1891), 284.

Moore,,: *The Surnames and Place-names of the Isle of Man*, by A. W. Moore (London, 1890), 311, 332, 334.

Morgan: *An Antiquarian Survey of East Gower, Glamorganshire*, by W. [?]. Morgan (London, 1899), 404.

Morganwg: *Hanes Morganwg*, by Dafyd Morganwg [D. W. Jones, F.G.S.] (Aberdare, 1874) [том формата octavo, выпущенный для подписчиков, и настолько редкий сейчас, что мне пришлось одолжить копию], 356.

Morris: *Celtic Remains*, by Lewis Morris, edited by Silvan Evans and printed for the Cambrian Archæological Association (London, 1878), 148, 413, 564, 566, 694.

Мирджин: *Prophwydoliaeth Myrđin Wyŷt*: см. 485.

Ненний: *Nennius und Gildas*, edited by San-Marte (Berlin, 1844), 281, 406, 407, 537-9, 570.

Новый английский словарь, под редакцией доктора Джеймса Х. Мюррея и Генри Брэдли (Лондон и Оксфорд, 1884-), 317.

Nicholson: *Golspie*, contributions to its folklore, collected and edited by Edward W. B. Nicholson (London, 1897), 317.

Nicholson: *The Poetical Works of Wm. Nicholson* (3rd ed., Castle Douglas, 1878), 325.

Notes and Queries (Bream's Buildings, Chancery Lane, E.C.), 563.

Notes,,and,,Queries,,,: *Избранные заметки из "Notes and Queries"*, состоящие из фольклора (Лондон, 1859), 140, 213, 217, 325, 418, 453, 454, 494, 596, 601, 611, 612.

Натт: *Путешествие Брана, сына Фебала, в страну живых*, Куно Мейер и Альфред Натт (Лондон, 1895, 1897), 618, 620, 622, 657, 662.

Nutt,,: *Studies on the Legend of the Holy Grail*, by Alfred Nutt (London, 1888), 287, 438, 548.

O'Kappi: *On the Manners and Customs of the Ancient Irish*, a series of lectures delivered by the late Eugene O'Curry (London, 1873), 375, 392, 617, 632: см. также Curry.

О'Донован: *Анналы Ирландского королевства четырех мастеров*, с самого раннего периода до 1616 года, под редакцией Джона О'Донована (2-е изд., Дублин, 1856), 414, 426-8, 433, 546, 569.

О'Грейди: *Silva Gadelica*, сборник рассказов на ирландском языке, с отрывками, иллюстрирующими людей и места, отредактированный по рукописям и переведенный доктором С. Х. О'Грейди (Лондон, 1892), 381, 437.

O'Reilly: *Ирландско-английский словарь*, составленный Эдвардом О'Рейли, с дополнением Джона О'Донована (Дублин, 1864), 142.

Оливер: *Monumenta de Insula Manniæ*, being vol. iv of the publications of the Manx Society, by J. R. Oliver (Douglas, 1860), 314, 334.

Оуэн: *Ancient Laws and Institutes of Wales*, edited by Aneurin Owen for the Public Records Commission (London, 1841), 421.

Owen: *Welsh Folk-Lore*, сборник народных сказок и легенд Северного Уэльса, являющийся призовым сочинением Национального эйстедфода в 1887 году, преподобный Элиас Оуэн (Освестри и Врекшем, 1896), 222, 275, 690.

Оуэн: *Поэтические произведения преподобного Горонви Оуэна*, с его жизнью и перепиской, под редакцией преподобного Роберта Джонса (Лондон, 1876), 84.

Оуэн: *Описание Пемброкшира*, Джордж Оуэн из Хенфойса, отредактированное с примечаниями и приложением Генри Оуэном (Лондон, 1892), 506, 513, 515.

Оуэн: *Кембрийская биография, или Исторические заметки о знаменитых людях среди древних бриттов*, Уильям Оуэн (Лондон, 1803), 169, 170.

Париж: *Мерлин, Роман в прозе XIII века*, под редакцией Гастона Париса и Якоба Ульриха (Париж, 1886), 563.

Parthey: *Itinerarium Antonini Augusti et Hierosolymitanum ex Libris manu scriptis*, под редакцией Г. Партея и М. Пиндера (Берлин, 1848), 514.

Pembroke County Guardian, the, газета, принадлежащая и редактируемая Г. У. Уильямсом и издаваемая в Солве, 160, 171, 172.

Пеннант: *A Tour in Scotland*, by Thomas Pennant (Warrington, 1774), 310.

Pennant,,: *Тур по Шотландии и путешествие к Гебридам, MDCCLXXII*, Томас Пеннант (Честер, 1774), 692.

Pennant,,: *Путешествия по Уэльсу*, Томаса Пеннанта, под редакцией Дж. Риса (Карнарвон, 1883), 125, 130, 532.

Филлимор: *Annales Cambriæ and Old-Welsh Genealogies from Harleian MS. 3859*, под редакцией Эгертона Филлимора, в т. ix *Cymmrodor*, 408, 476, 480, 551, 570.

Филлипс: *Книга общей молитвы на гэльском языке манксов*, перевод, сделанный епископом Филлипсом в 1610 году и духовенством манксов в 1765 году; под редакцией А. В. Мура, при содействии Джона Риса, и напечатанный для Общества манксов (Дуглас, 1893, 1894), 320.

Плавтус: *T. Macci Plauti Asinaria*, с текста Гетца и Шелла, под редакцией Дж. Х. Грея (Кембридж, 1894), 535.

Плутарх: *De Defectu Oraculorum* (изд. Didot, Париж, 1870), 331, 456, 493, 494.

Поуисленд: *Коллекции, исторические и археологические, относящиеся к Монтгомериширу и его границам*, изданные Повислендским клубом (Лондон, 1868-), 237.

Preller: *Griechische Mythologie*, von L. Preller, vierte Auflage von Carl Robert (Berlin, 1887), 310.

Price: *Hanes Cymru a Chenedl y Cymry o'r Cynoesoed hyd at farwolaeth Iewelyn ap Gruffyd*, by the Rev. Thomas Price 'Carnhuanawc' (Crickhowel, 1842), 490.

Птолемей: *Claudii Ptolemæi Geographia: e Codicibus recognovit Carolus Müllerus* (vol. i, Paris, 1883), 385, 387, 388, 445, 581.

Pughe: *The Physicians of Mydvai (Medygon Mydfai)*, translated by John Pughe of Aberdovey, and edited by the Rev. John Williams Ab Ithel (Bangor, 1861) [в этом томе есть введение, состоящее из Legend of Iwan y Fan Fach, внесенное мистером Уильямом Рисом из Тонна, который собрал его в 1841 году из различных названных источников], 2, 12.

Pughe: *A Dictionary of the Welsh Language explained in English*, by Dr. Wm. Owen Pughe (2nd ed., Denbigh, 1832), 383, 502.

Rastell: A. C. *Mery Talys*, напечатано Джоном Растеллом, перепечатано в Hazlitt's *Shakespeare Jest-books* (London, 1844), 599.

Rees: *An Essay on the Welsh Saints or the primitive Christians usually considered to be the founders of Churches in Wales*, by the Rev. Rice Rees (London and Bangor, 1836), 163, 217, 396, 534.

Rees: *Lives of the Cambro-British Saints*, by the Rev. W. J. Rees, published for the Welsh MSS. Society (Bangor, 1853), 693.

Ренн: *Annales de Bretagne publiées par la Faculté des Lettres de Rennes* (Rennes, 1886-), 500.

Revue Archéologique (новая серия, т. xxiii, Париж, 1800-), 386.

Рис: *Celtic Britain*, by John Rhys (2nd ed., London, 1884), 72.

Rhys, J.: *Lectures on Welsh Philology*, by John Rhys (2nd ed., London, 1879), 566.

Rhys, J.: *Hibbert Lectures*, 1886, on the origin and growth of religion as illustrated by Celtic heathendom, by John Rhys (London, 1888), 310, 321, 328, 331, 373, 387, 432, 435, 444, 447, 511, 542, 570, 613, 654, 657, 694.

Рис: *Studies in the Arthurian Legend*, by John Rhys (Oxford, 1891), 217, 287, 331, 375, 382, 387, 435, 438-41, 466, 494, 496, 561, 573, 610, 613.

Рис: *Cambrobrytannicæ Cymraecæve Linguæ Institutiones et Rudimenta ... conscripta à Joanne Dauide Rhæso, Monensi Lanuaethlæo Cambrobrytanno, Medico Senensi* (London, 1592), 22, 225.

Richard: *The Poetical Works of the Rev. Edward Richard* (London, 1811), 577.

Ричардс: *Валлийско-английский словарь* Томаса Ричардса (Trefriw, 1815), 378.

Робертс: *The Cambrian Popular Antiquities*, by Peter Roberts, (London, 1815), 396.

Розеллини: см. 682.

Раймер: *Fœdera, Conventiones, Literæ et cujuscunque Generis Acta publica inter Reges Angliæ et alios quosvis Imperatores, Reges, Pontifices, Principes, vel Communitates*, edited by Thomas Rymer (vol. viii, London, 1709), 490.

Продажа: *The Koran*, translated into English with explanatory notes and a preliminary discourse, by George Sale (London, 1877), 608.

Сэмпсон: *Otia Merseiana*, издание факультета искусств Университетского колледжа Ливерпуля, под редакцией Джона Сэмпсона (Лондон), 393, 451.

Сан-Марте: *Beiträge zur bretonischen und celtisch-germanischen Heldensage*, by San-Marte (Quedlinburg, 1847), 611.

Schwan: *Grammatik des Altfranzösischen*, by Eduard Schwan (Leipsic, 1888), 563.

Шотландия: *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland* (Edinburgh), 244.

Скотт: Сочинения сэра Вальтера Скотта, 320, 643, 689.

Sébillot: *Traditions et Superstitions de la Haute-Bretagne*, by Paul Sébillot (Paris, 1882), 273.

Шекспир: *The Plays and Poems of Shakespeare*, 197, 636, 694.

Sikes: *British Goblins, Welsh Folk-lore, Fairy Mythology, Legends and Traditions*, by Wirt Sikes (London, 1880), 17, 18, 99, 155, 160, 173, 191, 192.

Сильван Эванс: *Словарь валлийского языка (Geiriadur Cymraeg)*, автор Д. Сильван Эванс (Кармартен, 1888-), 387, 431, 539, 580, 620, 621.

Silvan,,Evans,,,: *Y Brython*, периодическое издание на валлийском языке, посвященное валлийским древностям и фольклору, под редакцией преподобного Д. С. Эванса и издаваемое Робертом Исааком Джонсом в Тремадоке (в кварто за 1858 и 1859 годы, в октаво за 1860-2 годы), 40, 73, 86, 98, 134, 137, 141, 151-5, 158-60, 202, 321, 413, 442, 456, 464, 470, 481, 690.

Сильван, Эванс,: *Ystên Sioned*, by D. Silvan Evans (Aberystwyth, 1882), 271-3.

Simrock: *Die Edda, die ältere und jüngere, nebst den mythischen Erzählungen der Skalda*, translated and explained by Karl Simrock (Stuttgart, 1855), 652.

Синклер: *Статистический отчет Шотландии*, составленный на основе сообщений священников различных приходов сэром Джоном Синклером (Эдинбург, 1794), 310.

Скене: *Chronicles of the Picts, Chronicles of the Scots, and other Memorials of Scottish History*, edited by Wm. F. Skene (Edinburgh, 1867), 374.

Skene: *The Four Ancient Books of Wales*, by Wm. F. Skene (Edinburgh, 1868) [том ii содержит, помимо примечаний и иллюстраций, текст *Черной книги Кармартена*, 3-61; *Книги Аневрина*, 62-107; *Книги Талиессина*, 108-217; и некоторые стихи из *Красной книги Хергеста*, 218-308. Эти четыре текста можно найти в переводе в т. i], 226, 233, 269, 281, 387, 442, 541, 543, 550, 614-7.

South Wales Daily News (Duncan, Cardiff), 376.

Саути: *Мадос*, a poem by Robert Southey (London, 1815), 169-71.

Speed: *The Theatre of the Empire of Great Britaine*, by John Speed [not Speede] (London, 1611), 208.

Steinmeyer: *Die althochdeutschen Glossen*, собранные и обработанные Элиасом Штайнмайером и Эдуардом Зиверсом (Берлин, 1879-98), 683.

Stengel: *Li Romans de Durmart le Galois, altfranzösisches Rittergedicht*, впервые опубликованные Эдмундом Штенгелем (Тюбинген, 1873), 438.

Стивенс: *The Gododin of Aneurin Gwawdryd*, with an English translation and copious notes, by Thomas Stephens; edited by Professor Powel, and printed for the Cymmrodorion Society (London, 1888), 310, 543, 647.

Стивенсон: *The Scottish Antiquary or Northern Notes and Queries*, edited by J. H. Stevenson (Edinburgh, 1886-), 693.

Стоукс: *Глоссарий Кормака*: см. Кормак.

Стокес,,: *Goidelica, Old and Early-Middle-Irish Glosses, Prose and Verse*, edited by Whitley Stokes (2nd ed., London, 1872), 295, 374.

Стокес,,: *Irische Texte mit Uebersetzungen und Wörterbuch*, edited by Whitley Stokes and E. Windisch (3rd series, Leipsic, 1891), 631.

Стокес,,: *The Tripartite Life of Patrick*, edited, with translations and indexes, by Whitley Stokes (Rolls Series, London, 1887), 535.

Стокес,,: *Urkeltischer Sprachschatz von Whitley Stokes, übersetzt, überarbeitet und herausgegeben von Adalbert Bezzenberger*, составляющий вторую часть четвертого издания *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen* Фика (Gottingen, 1894), 671.

Страбон: *Strabonis Geographica recognovit Augustus Meineke* (Leipsic, 1852-3), 654.

Стурлей: *Edda Snorronis Sturlæi* (Copenhagen, 1848), 652.

Тацит: *Cornelii Taciti de Origine et Situ Germanorum Liber*, edited by Alfred Holder (Freiburg i. B., and Tübingen, 1882), 271.

Талиесин, валлийское периодическое издание, выходившее в Рутине в 1859-60 годах, 135-7, 269.

Талиессин: *Книга Талиессина* (см. Skene), 550, 614-7.

Тегид: *Gwaith Barddonol y diweddar barch. Джон Джонс "Тегид"* [также называемый Джоан Тегид], под редакцией преподобного Генри Робертса (□andover, 1859), 445.

Триады: [Так называемые исторические триады, упоминаемые в этом томе, можно найти в *"Мивурианской археологии"* (Лондон, 1801), серии i и ii в томе ii, 1-22, и (более поздняя) серия iii в том же томе, 57-80. В однотомном издании *"Мивуриана"* (Денбиг, 1870) они занимают постоянно с. 388-414. Серия ii происходит из *Красной книги Хергеста*, ее также можно найти в томе оксфордского *"Мабиногиона"*, стр. 297-309], 170, 281, 326, 382, 429-31, 433, 440, 441, 443-5, 498, 500, 501, 503-9, 565, 569.

Тайлор: *Primitive Culture, Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Language, Art, and Custom*, by Edward Tylor (2nd ed., London, 1873), 290, 329, 601, 603, 641, 658.

Твине: Thomas Twyne's *Breuiary of Britayne*, перевод Humfrey Lhuud's *Fragmentum* (London, 1573), 412.

Ульфила: *Ульфила*, текст, грамматика и словарь, составленные и отредактированные Ф. Л. Штаммом (Падерборн, 1869), 626.

Вигфуссон: *Исландский словарь*, расширенный и дополненный Гудбрандом Вигфуссоном (Оксфорд, 1874), 288, 652.

Визинг: см. 563.

Уолдрон: *Описание острова Мэн*, составленное Джорджем Уолдроном, том 11 публикаций Манкского общества (Дуглас, 1865), 290.

Уоринг: *Recollections and Anecdotes of Edward Williams*, by Elijah Waring (London, 1850), 458.

Вестермарк: *История человеческих браков*, Эдвард Вестермарк (Лондон, 1894), 654.

Вейман: *Из воспоминаний министра Франции*, Стэнли Веймана (Лондон, 1895), 690.

Уильямс: *Английские произведения Элизера Уильямса*, с воспоминаниями о его жизни, написанными его сыном, Сент-Джорджем Армстронгом Уильямсом (Лондон, 1840), 493.

Williams: *Brut y Tywysogion, or the Chronicle of the Princes*, edited by John Williams Ab Ithel (Rolls Series, London, 1860), 79, 513.

Williams: *Биографический словарь выдающихся валлийцев*, составленный преподобным Робертом Уильямсом (Blandover, 1852), 534.

Williams,,: *Y Seint Greal*, под редакцией преподобного Роберта Уильямса с переводом и глоссарием (Лондон, 1876), 438, 514, 580.

Williams: *The Doom of Colyn Dolphyn*, by Taliesin Williams (London, 1837), 561.

Williams,,: *Traethawd ar Gywreinef Glynn Ned*, by Taliesin Williams: см. 439.

Уильямс: *Observations on the Snowdon Mountains*, by William Williams of Blandegai (London, 1802), 48, 673, 674.

Windisch: *Irische Texte mit Wörterbuch*, by Ernst Windisch (Leipsic, 1880), 501, 657.

Windisch,,: *Kurzgefasste irische Grammatik* (Leipsic, 1879), 291, 501, 502, 531, 546, 547, 603, 613, 618, 691.

Windisch,,: *Über die irische Sage Noinden Ulad*, in the *Berichte der k. sächs. Gesellschaft der Wissenschaften (phil.-historische Classe*, Dec. 1884), 654.

Woodall: *Bye-gones*, периодическое переиздание заметок, вопросов и ответов на темы, связанные с Уэльсом и границами, опубликованных в колонках *The Border Counties Advertiser* господами Woodall, Minshall & Co. из Caxton Press, Oswestry, 169, 378.

Вуд-Мартин: *Pagan Ireland*, by W. G. Wood-Martin (London, 1895), 612.

Уорт: *A History of Devonshire, with Sketches of its leading Worthies*, by R. N. Worth (London, 1895), 307.

Райт: *Английский диалектный словарь*, под редакцией профессора Джозефа Райта (Лондон и Оксфорд, 1898-), 66.

Уупне: *История семьи Гвидир*, опубликованная Ангарадом Гвидиром в 1827 году и Эскью Робертсом в Освестри в 1878 году, 490, 491, 670.

Y Symmrodor, журнал, отражающий деятельность Лондонского Общества Симбродориона (секретарь Э. Винсент Эванс, 64 Chancery Lane, W.C.), 374, 384, 480, 510, 513, 520, 600, 610, 690, 693, 694.

Y Drych, газета, издаваемая в Ютике в Соединенных Штатах Северной Америки, 234.

Y Gordofigion, вымершее валлийское периодическое издание: см. с. 450.

Y Gwyliedyđ, журнал полезных знаний, предназначенный для моноглотных валлийцев (Бала, 1823-37), 450.

Y Nofelyđ, валлийское периодическое издание, издаваемое мистером Обри из Llanerch y Med, 396.

Янг: *Бурхед*, автор Х. У. Янг (Инвернесс, 1899), 345.

КЕЛЬТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

УЭЛШ И МАНКС

Gallias utique possedit, et quidem ad nostram memoriam. Namque Tiberii Cæsaris principatus sustulit Druidas eorum, et hoc genus vatuum medicorumque. Sed quid ego hæc commemorem in arte Oceanum quoque transgressa, et ad naturæ inane pervecta? Britannia hodieque eam attonite celebrat tantis cerimoniis, ut dedisse Persis videri possit. Adeo ista toto mundo consensere, quamquam discordi et sibi ignoto. Nec satis æstimari potest, quantum Romanis debeatur, qui sustulere monstra, in quibus hominem occidere religiosissimum erat, mandi vero etiam saluberrimum.

Плиний, *Historia Naturalis*, XXX. 4.

Плиний напоминает, что эти антипатические приемы в греческой религии имеют средневековое происхождение. Мы встречаем их в Европе в состоянии выживания. Универсальность этих суеверий свидетельствует о том, что они исходят из уникального источника, который не является европейским. Трудно считать их продуктом арийского характера; необходимо обратиться к более глубокому источнику, чтобы найти их происхождение. Если в Гауле, в Большой Бретани, в Ирландии столько суеверий, связанных с *магией*, существовало еще во времена Плина, то они были заложены в души людей настолько, что великий натуралист мог сказать, говоря о Бретани, что это именно она подарила магию Персу, И в Гауле, и в Большой Бретани, и в Ирландии основная часть населения состояла из чужеземцев арийской расы, о чем свидетельствуют археологические факты, и об этом напоминает наш выдающийся соратник и друг, м. д'Арбуа де Жубенвиля.

Alexandre Bertrand, *La Religion des Gaulois*, pp. 55, 56.

В этом мире, как во Франции, так и за ее пределами, существует вера в то, что французы - сыновья галлов, захвативших Рим в 390 году до Иисуса Христа, а Сезар - в середине первого столетия до нашей эры. Мы считаем, что мы - галлы, пережившие все революции, которые на протяжении многих веков меняли мир. Это одна из верных идей, которую, следуя за мной, наука должна опровергнуть. Не так давно археологи увидели истину Les pierres levées, les cercles de pierre, les petites cabanes construites en gros blocs de pierre pour servir de dernier asile aux défunts, étaient, croyait-on, des monuments celtiques Он придал этим рустикам -

памятникам примитивной цивилизации - названия "бретоны", или "нео-кельты Франции"; Он мог наивно, воспроизводя слова современного языка, говорить так, как это делали они, когда могли вернуться к жизни, те, кто сохранил эти пышные пирсы, те, кто закрепил их на поверхности солнца или на возвышении над другими.... Но те, кто одевал левые пирсы, сердечки из пирсов; те, кто строил погребальные кабаны, не говорили иначе, чем на кельтском языке, и бретонский язык отличается от кельтского, как французский от латинского".

H. d'Arbois de Jubainville, *Les premiers Habitants de l'Europe*, II. xi-xiii.

ГЛАВА I

Кимрские сестры Ундины

Ундина, милая Бильдхен,

С тех пор, как я в прошлом кунде

Dein seltsam Leuchten aufgefunden ,

Как пел ты часто мой герц в рух!

Де ла Мотт Фуке.

Главная цель этой и нескольких последующих глав - записать все, что я могу найти по теме валлийских озерных легенд: то, что я могу сказать о них, лишь попутно и спорадически, и я буду чувствовать себя хорошо оплаченным за свой труд, если эти материалы побудят других сообщить общественности кусочки подобных легенд, которые, возможно, все еще остаются незаписанными среди гор Уэльса. Ибо следует четко понимать, что все эти вещи имеют отношение к истории валлийцев, поскольку ни об одном народе нельзя сказать, что он написан, пока не изучены его суеверия и верования в прошлые времена; и те, кто может подумать, что записанные здесь легенды - детские и несерьезные, могут быть уверены, что они касаются вопросов, которые сами по себе не могут быть названы ни детскими, ни несерьезными. Поэтому, какой бы глупой ни казалась легенда, пусть тот, кто знает такую легенду, сообщит ее тому, кто ее запишет; тогда он наверняка обнаружит, что она имеет больше смысла и интереса, чем он предполагал.

I.

Я считаю, что лучше всего начать с воспроизведения истории, которая уже была записана: это представляется желательным, поскольку она является наиболее полной в своем роде, и с ней легче всего сравнивать более короткие. Я ссылаюсь на легенду о Леди из un у Fan Fach в Кармартеншире, которую я беру на себя смелость скопировать из версии мистера Риса из Тонна во введении к "*Врачам Миджвая*"¹, опубликованной Валлийским обществом рукописей в andoverу в 1861 году. Там он говорит, что записал ее с устных рассказов,

которые, как я полагаю, были на валлийском языке, Джона Эванса, плиточника из Мыджфая, Дэвида Уильямса, Морфа, близ Мыджфая, которому в то время было около девяноста лет, и Элизабет Морган, из Хенфис Лодж, близ Мыджфая, уроженки той же деревни; к этому можно добавить, что он также признает свои обязательства перед Джозефом Джозефом, эсквайром, Ф.С.А., Брекон, за сбор сведений от старых жителей прихода [Andeusan](#). Легенда, приведенная мистером Рисом на английском языке, гласит следующее, и в некоторых частях сильно напоминает историю Ундины в немецком переводе де ла Мотта Фуке, с которой ее следует сравнить: - "Когда в ходе борьбы с событиями, предпринятой де ла Моттом Фуке, произошла трагедия.

Когда в двенадцатом веке заканчивалась богатая событиями борьба князей Южного Уэльса за сохранение независимости своей страны, в [Блаэнсавде2](#), что неподалеку от города Андеузант в Кармартеншире, жила вдова, потомок фермера, павшего в тех катастрофических бедах.

Вдове нужно было воспитывать единственного сына, но Провидение улыбнулось ей, и, несмотря на ее бедственное положение, ее живой скот со временем так увеличился, что она не могла оставить его на своей ферме, поэтому она отправила часть своего скота пастись на прилегающую Черную гору, а их самым любимым местом было небольшое озеро под названием [Llyn y Fan Fach](#), на северо-западной стороне Кармартенширских Фанов.

Сын вырос до зрелого возраста, и мать обычно отправляла его присматривать за скотом на горе. Однажды, прогуливаясь по берегу озера, он, к своему великому изумлению, увидел, что на водной глади сидит женщина - одно из самых прекрасных созданий, когда-либо виденных смертными; ее волосы изящными кольцами струились по плечам, локоны она укладывала гребнем, а стеклянная поверхность ее водного ложа служила зеркалом, отражая ее собственный образ. Вдруг она увидела юношу, который стоял на берегу озера, не сводя с нее глаз, и бессознательно предложила себе ячменный хлеб и сыр, которыми его снабдили, когда он покидал свой дом.

Охваченный чувством любви и восхищения, он продолжал протягивать руку к даме, которая незаметно скользнула к нему, но мягко отказалась от предложенной ему еды. Он попытался дотронуться до нее, но она ускользнула от его руки, сказав.

Cras dy fara;

Nid hawdfy nala.

Твердый хлеб твой!

Нелегко поймать [меня3](#);

и тут же нырнула под воду и исчезла, оставив убитого любовью юношу возвращаться домой с досадой и сожалением, что ему не удалось продолжить знакомство с той, в сравнении с которой все прекрасные девы из Андеузанта и [Миджфая4](#), которых он когда-либо видел, были ничем.

Вернувшись домой, юноша рассказал матери о своем необыкновенном видении. Она посоветовала ему в следующий раз взять с собой в карман немного непропеченного теста или "пальцев", так как с черствым хлебом, или "бара крас", должно быть связано какое-то заклинание, которое не позволило ему поймать девушку.

На следующее утро, не успело солнце позолотить своими лучами вершины Фанов, как юноша оказался у озера, но не для того, чтобы присматривать за скотом своей матери, а в поисках того самого чарующего видения, которое он наблюдал накануне; Но напрасно он тревожно напрягал глаза и вглядывался в озерную гладь: лишь рябь, вызванная сильным ветром, встречала его взгляд, да туча, тяжело нависшая над вершиной Веера, навевала дополнительный мрак на его и без того смятенный ум.

Прошло несколько часов, ветер утих, и тучи, окутавшие гору, растворились в воздухе под мощными лучами солнца, когда юноша с ужасом увидел на обрывистой стороне склона, почти на противоположном берегу озера, несколько голов скота своей матери. Долг побудил его попытаться спасти их из опасного положения, и он поспешил прочь, когда, к его невыразимому восторгу, объект его поисков снова предстал перед ним, как прежде, и показался ему гораздо прекраснее, чем когда он впервые увидел ее. Он снова протянул к ней руку, полную непрочного хлеба, который он предложил с настоятельным предложением своего сердца и клятвами вечной привязанности. Все это она отвергла, сказав.

□ *aith dy fara!*

Ti ni fynna'.

Неиспеченный хлеб твой!

Я не приму тебя⁵.

Но улыбка, игравшая на ее чертах, когда дама скрылась под водой, пробудила в юноше надежду, которая не позволила ему отчаиваться из-за ее отказа, и воспоминания о ней ободрили его на пути домой. Его престарелой родительнице сообщили о его неудаче, и она посоветовала, чтобы в следующий раз его хлеб был только слегка подпеченным, чтобы угодить таинственному существу, которым он был очарован.

Под влиянием непреодолимого чувства юноша рано утром покинул дом своей матери и быстрым шагом направился через гору. Вскоре он оказался на берегу озера и со всем нетерпением пылко влюбленного стал с лихорадочной тревогой ждать появления таинственной дамы.

Овцы и козы паслись на обрывистых берегах Веера; скот бродил среди скал и крупных камней, некоторые из которых время от времени срывались с места и внезапно скатывались в озеро; дождь и солнце то шли, то уходили; но юноша не обращал на них внимания, настолько он был поглощен поисками появления дамы.

Свежесть раннего утра исчезла под знойными лучами полуденного солнца, которое, в свою очередь, стремительно клонилось к западу, а вечер угасал, освобождая место для ночных теней, и надежда вновь увидеть Владычицу Озера почти угасла. Юноша бросил печальный и последний прощальный взгляд на воду и, к своему изумлению, увидел, что по ее поверхности идут несколько коров. Вид этих животных заставил юношу возродить надежду, что за ними последует другой объект, куда более приятный; и он не был разочарован: дева появилась вновь, и, по его восхищенному взгляду, еще прекраснее, чем прежде. Она приблизилась к берегу, и он бросился навстречу ей в воду. Улыбка побудила его взять ее за руку; она не отказалась от скромного хлеба, который он ей предложил, и после некоторых уговоров согласилась стать его невестой, но с условием, что они будут жить вместе только до тех пор, пока она не получит от него три удара без причины,

Tri ergyd diachos.

Три беспричинных удара.

И если ему случится нанести ей три таких удара, она покинет его навсегда. На такие условия он с готовностью согласился и согласился бы на любое другое условие, если бы оно было предложено, ведь он был намерен заполучить в жены столь прелестное создание.

Так Леди Озера согласилась стать женой юноши и, на мгновение отпустив его руку, бросилась прочь и нырнула в озеро. Горе и печаль юноши были таковы, что он решил броситься головой вниз в самую глубокую воду, чтобы закончить свою жизнь в стихии, вместившей в своих бездонных глубинах единственную, ради которой он хотел жить на земле. Когда он уже собирался совершить этот опрометчивый поступок, из озера вышли две прекраснейшие дамы в сопровождении хриплого мужчины благородного вида и необыкновенного роста, но в остальном обладавшего всей силой и крепостью молодости. Этот человек обратился к почти растерявшемуся юноше с речью, призванной успокоить его смятенный ум, и сказал, что, поскольку тот предлагает ему в жены одну из своих дочерей, он согласен на этот союз при условии, что молодой человек сможет определить, кто из двух стоящих перед ним дам является объектом его привязанности. Это было нелегко, поскольку девицы были настолько совершенными копиями друг друга, что выбор невесты казался совершенно невозможным, и если бы он вдруг остановил свой выбор не на той, то все было бы потеряно навсегда.

Пока юноша внимательно разглядывал двух дам, он не мог уловить ни малейшего различия между ними и уже почти отказался от этой задачи, когда одна из них слегка выставила вперед ногу. Это простое движение не ускользнуло от внимания юноши, и он обнаружил пустяковую разницу в том, как были завязаны их сандалии. Это сразу же положило конец дилемме, так как он, , который в предыдущих случаях был так поглощен общим видом Леди Озера, также заметил красоту ее ступней и лодыжек, и теперь, узнав особенность ее завязок, он смело взял ее за руку.

"Ты выбрала правильно, - сказал ее отец, - будь ей добрым и верным мужем, и я дам ей в приданое столько овец, крупного рогатого скота, коз и лошадей, сколько она сможет пересчитать, не задыхаясь. Но помни, что если ты окажешься с ней неласков и трижды ударишь ее без причины, она вернется ко мне и приведет с собой весь свой скот".

Таков был устный брачный договор, на который молодой человек с радостью согласился, и его невесте было предложено сосчитать количество овец, которое она должна была иметь. Она тут же перешла на счет по *пятеркам*: "Раз, два, три, четыре, пять - Раз, два, три, четыре, пять"; и так как можно быстрее, пока не кончится дыхание. Таким же образом определялось количество коз, крупного рогатого скота и лошадей; и в одно мгновение все они выходили из озера, когда отец обращался к ним.

Молодые супруги поженились, по какой церемонии, не сообщается, и после этого отправились жить на ферму под названием Эсгайр □aethdy, расположенную в нескольких милях от деревни Мидфай, где они прожили в достатке и счастье несколько лет и стали родителями трех сыновей, которые были прекрасными детьми.

Однажды по соседству проходили крестины, на которые родители были специально приглашены. Когда настал день, жена очень не хотела идти на крестины, утверждая, что расстояние слишком велико для нее. Муж посоветовал ей привести одну из лошадей, которые паслись на соседнем поле. "Я так и сделаю, - сказала она, - если ты принесешь мне мои перчатки, которые я оставила в нашем доме". Он пошел в дом, вернулся с перчатками и, увидев, что она не пошла за лошадью, шутливо хлопнул ее по плечу одной из них, сказав:

"Иди, иди!" (*dos, dos*), когда она напредила ему о понимании, на основании которого она согласилась выйти за него замуж: он не должен был ударить ее без причины; и предупредила его быть более осторожным в будущем.

В другой раз, когда они были вместе на свадьбе, посреди веселья и радости гостей, собравшихся со всех окрестностей, она разрыдалась и зарыдала от досады. Муж тронул ее за плечо и поинтересовался причиной ее плача: она ответила: "Сейчас люди вступают в беду, и твоя беда, вероятно, начнется, так как ты уже во второй раз поразил меня без причины".

Прошли годы, их дети выросли и стали особенно умными юношами. В окружении стольких мирских благ муж почти забыл, что оставалось нанести всего *один* беспричинный удар, чтобы разрушить все его благополучие. И все же он внимательно следил за тем, чтобы не произошло какого-нибудь пустяка, который жена могла бы расценить как нарушение их брачного договора. Она велела ему, поскольку ее привязанность к нему не ослабевала, быть осторожным, чтобы он по неосторожности не нанес последний и единственный удар, который, по воле непреложной судьбы, над которой она не властна, разлучит их навсегда.

Однако случилось так, что однажды они были вместе на похоронах, где, посреди траура и горя в доме покойного, она появилась самом приподнятом и веселом настроении и разразилась неумеренным смехом, который так потряс ее мужа, что он прикоснулся к ней, говоря: "Тише, тише, не смейся". Она сказала, что смеется, "потому что люди, умирая, уходят от проблем", и, поднявшись, вышла из дома со словами: "Последний удар нанесен, наш брачный договор расторгнут, и все кончено! Прощайте!" Затем она отправилась в сторону Эсгайра *■aethdy*, где собрала свой скот и прочее поголовье, назвав каждого по имени. Скот она назвала так

Mu wlfrech, Moelfrech,

Mu olfrech, Gwynfrech,

Pedair cae tonn-frech,

Yr hen wynebwen,

A'r las Geigen,

Gyda'r Tarw Gwyn

O lys y Brenin;

A'r ■o du bach,

Syđ ar y bach,

Dere dithau, yn iach adre!

Корова в белую крапинку,

Пятнистая корова, смелая веснушчатая,

Четыре поля в крапинку,

Старая белолицая,

И седой Гейнген,

С белым быком,

С королевского двора;

И маленький черный теленок.

Подвешенный на крюк,

Пойдемте и вы, совсем здоровые, домой!

Все они немедленно повиновались призыву своей хозяйки. Маленький черный теленок", хотя и был зарезан, снова стал живым и по приказу госпожи ушел вместе с остальным поголовьем. Это случилось весной, когда на одном из полей пахали четыре вола; им она крикнула: - Педвар эйдион глас!

Pedwar eidion glas

Syđ ar y maes,

Denwch chwithan

Yn iach adre!

Четыре серых вола,

Которые на поле,

Идите и вы

Домой!

И вся живность вместе с госпожой отправилась через гору Мыддфай к озеру, откуда они пришли, на расстояние более шести миль, где и исчезла под его водами, не оставив после себя никаких следов, кроме хорошо заметной борозды, проделанной плугом, который вола потащили за собой в озеро, и , которая до сих пор служит свидетельством правдивости этой истории.

Что стало с испуганным пахарем - остался ли он на поле, когда вола отправились в путь, или последовал за ними к озеру, - не сохранилось в преданиях; не сохранилась в памяти и судьба покинутого и полуразрушенного мужа. Но о сыновьях рассказывают, что они часто бродили по озеру и его окрестностям, надеясь, что их матери будет позволено еще раз посетить землю, так как они были осведомлены о ее таинственном происхождении, ее первом появлении перед их отцом и о несчастье, которое лишило их ее материнской заботы.

Во время одной из их прогулок, в местечке близ Доль-Хауэля, у Горных ворот, которые до сих пор называются "□idiad y Medŷgon", Врачебные ворота, мать появилась внезапно, обратилась к своему старшему сыну, которого звали Ривахон, и сказала ему, что его миссия на земле - быть благодетелем для человечества, избавляя его от боли и страданий, исцеляя все болезни; Для этого она снабдила его сумкой, полной медицинских рецептов и инструкций по сохранению здоровья. Строго соблюдая их, он и его семья на протяжении многих поколений станут самыми искусными врачами в стране. Затем, пообещав встретиться с ним, когда ее совет будет особенно необходим, она исчезла. Но несколько раз она встречала своих сыновей у берегов озера, а однажды даже сопровождала их при возвращении домой до места, которое до сих пор называется "Пант-и-Меджигон", "Лечебная гряда", где она указывала им на различные растения и травы, растущие в гряде, и

раскрывала их лечебные свойства или добродетели; и знания, которые она им передала, вместе с их непревзойденным мастерством, вскоре привели их к такой известности, которой никто до них не обладал. А чтобы их знания не были утрачены, они мудро зафиксировали их в письменном виде на благо человечества во все века".

К легенде мистер Риз добавил следующие примечания, которые мы также приводим полностью: - "И так заканчивается история о том, что было.

"Так заканчивается история о Врачах Миджфая, передававшаяся из поколения в поколение, и звучит она следующим образом.

Yr hên wr □wyd o'r cornel,

Gan ci dad a glywod [chwedel6](#),

A chan ci dad fe glywod yntau

Ac ar ei ôl mi gofiais innau.

Седой старик в углу

От своего отца услышал рассказ,

Которую от отца он слышал,

И после них запомнил.

Как сказано во введении к настоящему произведению [т. е. *Врачеватели из Миджфая*"], Рива и его сыновья стали врачами Риса Грыга, лорда Андовери и династии замков, "который дал им звание, земли и привилегии в Миджфая для поддержания их в практике их искусства и науки, а также для лечения и пользы тех, кто должен обращаться к ним за помощью", таким образом предоставляя тем, кто не мог позволить себе платить, лучшие медицинские советы и лечение безвозмездно. Такое поистине королевское основание не могло не привести к соответствующим последствиям. Поэтому слава о врачах из Миджфая вскоре распространилась по всей стране и сохранилась на века среди их потомков.

Знаменитый валлийский бард Дафид ап Гвиллим, процветавший в следующем веке и похороненный в аббатстве [Тал-и-Эйчав7](#), в Кармартеншире, около 1368 года, говорит в одной из своих поэм, цитируемой в словаре доктора Дэвиса

Medyg ni wnai mod y gwnaeth

Mydfai, o chai dyn medfaeth.

Лекарь, которого он не сделает

Как Мидфай, если бы был он медовухой взращен.

Из вышеперечисленных земель, дарованных Меджигону, в приходе Мидфай сохранились две фермы, которые до сих пор называются "[□wun Ifan Fedyg](#)", роща Эвана Лекаря, и "[□wun Meredyd Fedyg](#)", роща Мередита Лекаря. Эсгайр [□aethdy](#), упомянутый в вышеприведенной легенде, ранее находился во владении вышеупомянутых потомков, как и [Tu newud](#), близ Мидфая, который был куплен мистером Холфордом из Цильгвина у преподобного Чарльза Ллойда, викария. Чарльз Ллойд, викарий [□andefa□e](#), Бреконшир, который женился на дочери одного из Меджигонов и получил владение [□andefa□e](#) от мистера Вогана, который подарил ему его из благодарности, потому что отец жены мистера Ллойда вылечил его от

болезни глаза. Поскольку мистер Ллойд вступил в наследство в 1748 году и умер в 1800 году, вполне вероятно, что искусным окулистом был Джон Джонс, который упоминается в следующей надписи на надгробном камне, установленном сейчас на западном конце церкви Мидфай: "ЗДЕСЬ".

ЗДЕСЬ

покоится тело мистера ДЭВИДА ДЖОНСА, хирурга из Мотви, который был честным, милосердным и умелым человеком. Он умер 14 сентября, Anno Doñ 1719 года, в возрасте 61 года.

ДЖОН ДЖОНС, хирург,
Старший сын упомянутого Дэвида Джонса, покинул эту жизнь
25 ноября 1739 года, на 44-м году
своей жизни, и также покоится здесь.

Похоже, это были последние врачи, практиковавшие в Миджфае. Вышеупомянутый Джон Джонс некоторое время жил в Андовери и был очень известным хирургом. Один из его потомков, по имени Джон Льюис, жил в Квембране, в Миджфае, где сейчас проживает его правнук, мистер Джон Джонс.

Доктор Морган Оуэн, епископ Андаффский, умерший в Гласа, приход Миджфай, в 1645 году, был потомком Меджигонов и наследовал большую часть их земельных владений в этом приходе, большую часть которых он завещал своему племяннику, Моргану Оуэну, умершему в 1667 году, и которому наследовал его сын Генри Оуэн; после смерти последнего из его потомков, Роберта Льюиса, эск, по завещанию одного из членов семьи поместье перешло в собственность покойного Д. А. С. Дэвиса, эсквайра, члена парламента Кармартеншира.

Епископ Оуэн завещал другому племяннику, Моргану ап Рису, сыну Риса ап Джона, потомку Меджигона, ферму Риблид и некоторые другие владения. Сын Моргана ап Риса, Сэмюэл Райс, жил в Лафоре, в Гоуэре, Гламорганшир, и имел сына, Моргана Райса, который был купцом в Лондоне, стал лордом поместья Тутинг-Грейвени, высоким шерифом в 1772 году и заместителем лейтенанта графства Суррей в 1776 году. Он жил в Хилл-Хаусе, который построил сам. После его смерти все его имущество перешло к его единственному ребенку, Джону Райсу, эсквайру, старший сын которого, преподобный Джон Морган Райс, унаследовал большую часть его владений. В настоящее время главой семьи является преподобный Горацио Морган Райс, настоятель Саут-Хилла и Каллингтона в Корнуолле, а также член парламента графства, унаследовавший вместе с другими владениями небольшое поместье в Лафоре. Вышеупомянутый Морган Райс владел земельными участками в Анмадоке (□anmadock) и Аангените (□angenith), а также Лафором в Гоуэре, но был ли он как-то связан с Хауэлом Лекарем (ап Рис ап □uwelyn ап Филипп Лекарь и прямой потомок Эйниона ап Рива), который проживал в Цильгврайде в Гоуэре, неизвестно.

Среди других семей, которые претендовали на происхождение от Врачей, были Боуэны из Квмидв, Мидфай, и Джонсы из Доллгаррега и Пенрхока, в том же приходе; последние представлены Чарльзом Бишопом из Доллгаррега, эсквайром, мировым клерком Кармартеншира, и Томасом Бишопом из Брекона, эсквайром.

Риз Уильямс из Миджфая записан как один из Меджигонов. Его правнуком был покойный Рис Уильямс, доктор медицины, из Аберистута, умерший 16 мая 1842 года в возрасте 85 лет, и, похоже, он был последним, хотя и не самым выдающимся, из лекарей, происходивших от таинственной Леди из □ун у [Fan8](#)".

Таким образом, легенда о Леди с озера Фан оказывается связанной с широко распространенной семьей. Есть и другая связь между ней и современностью, о чем свидетельствует следующее заявление, любезно предоставленное мне преподобным А. Г. Эдвардсом, старостой валлийского колледжа в Андовери, с тех пор назначенным епископом Сент-Асафа: "Одна старушка из Миджфая, которой сейчас, то есть в январе 1881 года, около восьмидесяти лет, рассказала мне, что она помнит "тысячи и тысячи людей, посещающих озеро Малого Веера в первое воскресенье или понедельник августа, а когда она была молода, то часто слышала, как старики говорили, что в это время в озере происходит переполох и его воды кипят, что было принято за предвестие приближения Озерной Леди и ее оленей". Обычай ходить на озеро в первое воскресенье августа был очень хорошо известен в прошлые годы, как я узнал от многих людей, и это подтверждает мистер Джозеф Джозеф из Брекона, который любезно пишет следующее в ответ на некоторые мои расспросы: "В первое воскресенье августа на Фан-Фахе (*Fan Fach*), как полагают, кипит вода (*berwi*). Я видел десятки людей, которые поднимались посмотреть на него (не кипящий) в этот день. Я не помню, чтобы кто-то из них ожидал увидеть Леди Озера". Что касается кипения озера, то мне нечего сказать, и я не уверен, что в следующем заявлении, сделанном в качестве объяснения ежегодного посещения озера старой рыбачкой из Андовери, есть хоть что-то: "Лучшее время для ловли угря - август, когда северо-восточный ветер дует на озеро и создает в нем огромные волны. Тогда можно увидеть угря, плывущего по волнам".

Прошлым летом я сам ездил в деревню Мыджфай, чтобы узнать, не осталось ли там вариантов этой легенды, но вряд ли мне это удалось; И хотя несколько опрошенных мною крестьян смогли повторить фрагменты легенды, включая призыв Озерной Леди к своему скоту, когда она уходила, я не узнал ничего нового, кроме того, что один из них сказал, что юноша, впервые увидев Озерную Леди на расстоянии, принял ее за гуся - он даже не додумался до лебедя, - но постепенно он приблизился к ней и обнаружил, что она - дама в белом, и что в свое время они поженились, и так далее. Однако мой друг, начальник колледжа Андовери, кажется, нашел небольшую версию, которая, возможно, еще больше не похожа на ту, что записал мистер Рис из Тонна: она была получена от старика в Миджфайе в прошлом году, от которого он, тем не менее, смог получить только утверждение, "что Озерная Леди каким-то образом запуталась в "гамбо" одного фермера, и после этого его ферма была очень плодородной". Гамбо", должен пояснить я, это разновидность телеги без бортов, используемая в Южном Уэльсе: и название, и предмет, похоже, пришли из Англии, хотя в обычных словарях я не могу найти такого слова, как "*гамбо*" или "*гамбо*".

Среди прочих легенд об озерных феях в третьей главе "*Британских гоблинов*" мистера Сайкса есть две версии этой истории: первая из них незначительно отличается от версии мистера Риса тем, что фермер ходил к озеру посмотреть на ягнят, которых он купил на ярмарке, и всякий раз, когда он это делал, из озера ему являлись три прекрасные девы. Они всегда ускользали от его попыток поймать их: убегали в озеро, говоря: "*Крас да фара*" и т. д. Но однажды на берег выплыл кусок влажного хлеба, который он съел, а на следующий день пообщался с озерными девами. Он предложил одной из них выйти замуж, на что она согласилась при условии, что на следующий день он сможет отличить ее от сестер. Далее история, насколько я могу судить по краткой версии, которую приводит мистер Сайкс, развивалась так же, как и у мистера Риса. Первый приводит другую версию, с гораздо более интересными вариациями, которые, однако, опускают все упоминания о Врачах Мыджфая, и рассказывают о том, как молодой фермер услышал об Озерной Деве, гребущей вверх и вниз по озеру в золотой лодке с золотым гребком. Он отправился на озеро в канун Нового года, увидел ее, был очарован ею и ушел в отчаянии от того, что она исчезла из виду, хотя он кричал ей, чтобы она осталась и стала его женой. Она слабо ответила ему и ушла своей

дорогой, а он еще долго смотрел на ее длинные желтые волосы и бледное меланхоличное лицо. Он продолжал ходить к озеру и от тоски стал худеть и небрежно относиться к своей персоне. Но один мудрец, живший на горе, посоветовал ему искушать ее дарами хлеба и сыра, что он и сделал в канун Середины лета, опустив в озеро большой сыр и буханку хлеба. Так он делал неоднократно, пока, наконец, канун Нового года его надежды не оправдались. На этот раз он отправился к озеру в своем лучшем костюме, а в полночь опустил в озеро семь белых буханок и свой самый большой и вкусный сыр. Озерная леди, приплыв на своем ялике к месту, где он находился, грациозно сошла на берег. Эта сцена не нуждается в дальнейшем описании: Мистер Сайкс дает ее изображение, а дальше история развивается, как в другой версии.

Жаль, что мистер Риз не сохранил валлийские версии, из которых он собрал английскую; что же касается мистера Сайкса, то я не могу понять, откуда он взял свою версию, поскольку он, похоже, не слишком стремился оставить кому-либо возможность проверить свою работу, что можно обнаружить, проверив его ссылки, когда он их дает. См. также ссылки на него в "*Науке сказок*" Хартленда, с. 64, 123, 137, 165, 278.

Со времени написания предыдущих заметок я получил следующее сообщение от друга моих студенческих лет в Иисус-колледже в Оксфорде, мистера Iwan Rhys Jones из Мертир-Тидфил. Только первая часть его касается легенды о Iwan y Fan Fach; но поскольку остальное не менее пикантно, я не приношу извинений за то, что публикую его полностью, без какой-либо правки, за исключением вставки значения двух или трех валлийских слов, встречающихся в нем:...

Передайте Rhys, что я только что услышал продолжение истории о Meddygon Mydfai, полученное от деревенского жителя на Mynydd y Banwen, между Glynnedd и Glyntawë, во время недавней прогулки с Дэвидом Льюисом, адвокатом, и Сиднеем Хартландом, фольклористом. В ней рассказывалось, что после исчезновения в озере "девицы" *Форун*, расстроенный муж и его друзья принялись за работу по осушению озера, чтобы, по возможности, добраться до нее. Они сделали большую прорубь в берегу, как вдруг из воды вынырнуло огромное волосатое чудовище отвратительного вида, набросилось на них за то, что они его потревожили, и закончило свою речь такой угрозой: - Os na cha i lony...

Os na cha'i lonyd yn ym e,

Fi foda dre' 'Byrhondu!

Если я не добьюсь тишины в своем месте,

я утоплю город Брекон!

Очевидно, это был последний *брайх*, "рука", *трибана Морганнвга*, но это все, что знал о нем мой информатор. Упоминание о *Тре' Бирхонджу* натолкнуло меня на мысль, что здесь, вероятно, рассказывается о Iwan Safadon, который переместился в Iwan y Fan; потому что, конечно, должны были произойти значительные изменения в "уровнях", прежде чем Iwan y Fan и Sawde смогли бы поставить Брекон под большую [угрозу](#).

Мы также получили еще одну историю о cwmshurwr, "волшебнике", который когда-то жил в Ystradgyrlais (как произносили деревенские жители). Волшебник был dyn llaw-harn, "человек с железной рукой"; и когда ему сообщили, что в Mynydd y Drum спрятано большое сокровище, волшебник сказал, что найдет его, если только сможет найти какого-нибудь смельчака,

который проведет с ним там ночь. Джон Гетин был смелым парнем (*dyn "ysprydol"*), и он согласился присоединиться к *dyn Baw-harn* в его *дьяблерии*. Волшебник начертил на поле два кольца, соприкасающиеся друг с другом "как цифра 8"; он вошел в одно, а Гетин - в другое, причем волшебник строго-настрого приказал ему ни в коем случае не выходить из кольца. Затем *Baw-harn* принялся за *trafod 'i lyfrau*, или "занялся своими книгами"; вскоре появился чудовищный бык, грозно ревуший; но храбрый Гетин удержался на ногах, и бык исчез. Следом появился ужасный объект, "огненное колесо", которое направилось прямо на бедного Гетина и заставило его свернуть с ринга. После этого колесо приняло форму *дьявола*, который начал тащить Гетина прочь. А *Baw-harn* ухватился за него и попытался вернуть обратно. Дьявол одерживал верх, и тогда *Baw-harn* умолил дьявола позволить ему оставить Гетина, пока горит свеча, которая была у него с собой. Дьявол согласился и отпустил Гетина, после чего *Квмшурвр* тут же задул свечу, и дьявол был повержен в смятение. Гетин очень бережно хранил свечу, положив ее в прохладное место, но она все равно растаяла, хотя ее ни разу не зажигали. Гетин так испугался, что лег в постель, а когда свеча погасла, он сделал то же самое, и им обоим пришел конец одновременно. Гетин исчез - и в гроб положили не его тело, а комок глины, который положили для видимости! Говорят, что книги волшебника и по сей день хранятся в дубовом сундуке на ферме Ваунгырлайс.

Мы набрели на эти истории во время поездки на гору "Маен-и-Гведиау", расположенную неподалеку от станции Коэльбрэн на железной дороге Нит и Брекон (отмечена на карте Орднанса), но из-за страшной жары нам пришлось повернуть назад".

Прежде чем оставить письмо мистера Рейнольдса, я могу упомянуть одну историю, связанную с озером на Бреконской стороне гор. Она подробно изложена преподобным Эдвардом Дэвисом в его *"Мифологии и обрядах британских друидов"* (Лондон, 1809), с. 155-7. Согласно этой легенде, один раз в год, в майский день, дверь в скале должна была быть открыта, и через нее можно было попасть в сад фей, который был островом посреди озера. Однако этот рай изысканного блаженства был невидим для тех, кто стоял за пределами озера: они могли видеть лишь неясную массу в центре воды. Однажды один из посетителей попытался унести несколько цветов, подаренных ему феями, но тем самым он поступил против их закона, и не только был наказан потерей чувств, но и с тех пор дверь никогда не оставалась открытой. Рассказывают также, что однажды один авантюрист попытался спустить воду, "чтобы обнаружить ее содержимое, как вдруг из середины озера возникла ужасающая форма, приказавшая ему остановиться, иначе он утопит страну". Эта форма явно того же вида, что и та, которая, согласно рассказу мистера Рейнольдса, угрожала утопить город Брекон. Последующие расследования позволили получить больше информации, и я особенно обязан моему другу мистеру Айвору Джеймсу, который, будучи регистратором Уэльского университета, в последние годы жил в Бреконе. Он пишет следующее:- "Озеро, которое вам нужно, - это *llyn Cwm lwlh*, и легенда о нем очень хорошо известна в округе, но есть варианты. Однажды мужчины и мальчики прорыли овраг через плотину, чтобы выпустить воду. Человек в красном плаще, сидящий в кресле, появился на поверхности воды и пригрозил им в тех выражениях, которые вы цитируете у мистера Рейнольдса. Красный плащ наводит на мысль, что эта форма легенды относится, возможно, к тому времени, когда наши солдаты впервые были одеты в красное. В другом случае, однако, призрак принадлежал старухе; и мне сказали, что несколько похожая история рассказывается в связи с колодцем в крепостной стене в приходе *llandew*, к северу от этого города - прихода Гиральда Камбрэнсиса. Один мой друг в свободное время занимается исследованием происхождения озер этого округа, и он рассказал мне, что озеро *llyn Cwm lwlh* имеет ледниковое происхождение, его плотина состоит, как он считает, из ледниковых обломков, через которые вода всегда просачивается в долину внизу. Но ливневые воды переливаются

через плотину и с течением веков пробили в насыпи овраг, глубина которого в самом глубоком месте составляет около десяти футов. Возможно, эта история была придумана для того, чтобы объяснить этот факт. В скале нет никакой пещеры, и, вероятно, ее никогда не было, так как она образовалась из старого красного песчаника; и остров, возможно, был таким же вымышленным".

Таково содержание письма мистера Джеймса, в котором он, кроме того, ссылается на рассказ Дж. Д. Риса об озере в его валлийском введении к его Грамматике, опубликованной в Лондоне в 1592 году под названием *Cambrobrytannicæ Cymraecæve Linguæ Institutiones et Rudimenta*. Там грамматик, рассказывая о себе, упоминает о своих частых пребываниях в гостеприимной резиденции дворянина по имени М. Морган Мередид, недалеко от *y Bugeildy ynn Nyphryn Tabhîda o bhywn Swydh Bhaesybhed*, то есть "недалеко от Beguildy в долине реки Теме в графстве Раднор". Затем он продолжает: "Но последняя часть этой книги была написана под кустами и зеленой листвой в местечке, которое я сам называю *y Clun Hîr*, на вершине *Cwm y Bwch*, под отрогами горы *Bannwchdeni*, которую одни называют *Bann Arthur*, а другие *Moel Arthur*. Ниже этой горы и на ее склоне находится озеро довольно большого размера, неизвестной глубины и удивительной природы. По рассказам, ни одна птица не прилетала к нему, не подходила к нему и не плавала по нему: его совершенно не видно, а некоторые говорят, что ни животные, ни звери не пьют его воды. Крестьяне той страны, и особенно пастухи, которые часто посещают эти *молы* и *баны*, рассказывают о многих других чудесах, связанных с ним, и очень странные вещи, которые иногда видели в связи с этим озером. Это озеро или лох называется *y Clun Cwm y Bwch*".

II.

Прежде чем отказаться от рассказа о *y Clun y Fan Fach*, я хочу добавить аналогичную историю из прихода *Ystrad Dyfodwg* в Гламорганшире. Ниже приводится перевод версии, приведенной на валлийском языке в "*Cyfai y Aelwyd a'r Frythones*", отредактированной Элфедом и Кадраудом и опубликованной господами Уильямс и сын, *Y Cyfai y Aelwyd a'r Frythones*. Версия, о которой идет речь, написана Кадраудом и имеет следующий вид - см. том за 1892 год, стр. 59:-

'*y Clun y Forwyn*, "Бассейн девы", находится в приходе Истрад-Тыфодвг: жители называют его также *y Clun Nelferch*. Он лежит примерно на полпути между фермой Ронджа Фехан, "Маленькая Ронджа", и долиной Сафрвх. Древнее предание о нем выглядит следующим образом.

Жил-был в Ронджа Фехан фермер, неженатый, и вот однажды ранним весенним утром он прогуливался у озера и увидел, что по другую сторону его идет молодая женщина прекрасной наружности. Он подошел к ней и заговорил с ней: она дала ему понять, что ее дом находится в озере и что у нее есть несколько дойных коров, которые живут с ней на дне воды. Она так понравилась фермеру, что он влюбился в нее по уши: он тут же попросил ее руки и сердца и пригласил ее приехать и провести с ним всю жизнь в качестве жены в Ронджу Фехан. Она сначала отказывалась, но, поскольку он был настойчив, согласилась на следующих условиях: она приведет с собой из озера свой скот и будет жить с ним до тех пор, пока он и она не разрешат три спора друг с другом; тогда, сказала она, она и скот вернутся в озеро. Он согласился на эти условия, и брак состоялся. Долгие годы они жили очень счастливо и безбедно; но в конце концов они рассорились друг с другом, и, когда они

поссорились в третий раз, она услышала рано утром, как она гонит скот к озеру с такими словами:...

Prw dre', prw dre', prw'r gwartheg i dre';

Prw Milfach a Malfach, pedair ŷualfach,

Alfach ac Ali, pedair Ladi,

Wynebwen drwynog, tro i'r waun lidiog,

Trech ŷyn y waun odyd, tair Pencethin,

*Tair caseg du draw yn yr eithin*¹¹.

И вошли они в озеро, и скрылись из виду, и там живут по сей день. А некоторые верили, что слышали голос и крик Нелферча в шепоте ветра на вершине горы, расположенной неподалеку, - и так было много времени спустя, как гласит старая история (*weddal*)".

Из этого следует, что жену феи звали Нелферч и что в честь нее назван этот участок воды. Но я обнаружил, что в отношении старого названия озера существует большая неопределенность, так как из сообщения, полученного в 1894 году от мистера Эвеллина Уильямса, живущего в Порте, всего в пяти милях от этого места, я узнал, что один из его информаторов заверил его, что прежние поколения называли его *ŷyn Alfach*. Мистер Уильямс навел справки в Ронджа Фехан о легенде об озере. Ему рассказали, что вода давно известна как *ŷyn y Forwyn*, от *morwyn*, или девицы, и в ней утонуло несколько голов скота. История человека, упомянувшего это название как *ŷyn Alfach*, была похожа: служанка, по его словам, принадлежала к ферме Penrhys, а молодой человек - к Rhonda Fechan, и именно вследствие их третьей ссоры, добавил он, она оставила его и вернулась к своей прежней службе, а затем, когда вела скот к воде, случайно или намеренно утонула в озере, так что ее больше никогда не нашли. Здесь видно, как современный рационализм переделывает эту историю в нечто совсем неинтересное, не избавляясь при этом от оригинальных черт, таких как три спора между мужем и женой. Наконец, стоит упомянуть, что эта вода, похоже, является частью весьма примечательного пейзажа, и что ее волны с одной стороны ударяются о крутую скалу, в которой, как считается, находятся пещеры, предположительно ранее населенные мужчинами и женщинами. В настоящее время, как мне стало известно, это место находится во владении господ Дэвиса и сыновей, владельцев Ферндейлских горных заводов, которые держат на озере прогулочный катер. Я обратился к ним по вопросу названия Нелферч или Альфач, надеясь, что их книги помогут определиться со старой формой этого названия. Отвечая от их имени, мистер Дж. Проберт Эванс сообщил мне, что компания получила во владение озеро и прилегающие земли только в 1862 году, и что "*ŷyn y Forwyn*" - это название первого на самом старом плане, который у них имеется. Мой друг мистер Рейнольдс также навел справки в окрестностях и обнаружил, что старые арендаторы фермы Ронджа Фехан исчезли, а соседний фермерский дом Диффрин Сафрвх заменен коттеджами для рабочих. Но он обращает мое внимание на то, что, возможно, старое название не было ни Нелферчем, ни Альфачем, поскольку Элфарч, что подходит одинаково хорошо, был когда-то именем мелкого вождя соседней сотни Сенгенидж, за что он отправляет меня к "*Генеалогиям Гламоргана*" Кларка, стр. 511. Но я должен поблагодарить его прежде всего за более длинную версию призыва феи-жены к своему скоту, приведенную в книге Гланфрвда "*Pŵyl ŷanwyno*", "Приход *ŷanwynno*" (Pontypridd, 1888), стр. 117, следующим образом:-

Prw me, prw me,

Prw 'ngwartheg i dre';

Prw Melen a loco,

Tegwen a Rhudo,

Rhud-frech a Moel-frech,

Педаур □ iain-frech;

□ iain-frech ag Eli,

A phedair Wen-ladi,

Лади а Чорнвен,

A phedair Wynebwen;

Nepwen a Rhwynog,

Tali Lieiniog;

Brech yn y Glyn

Dal yn dyn;

Tair lygeityn,

Tair gyffredm,

Tair Caseg du, draw yn yr eithin,

Deuwch i gyd i lys y Brenin;

Bwla, bwla,

Saif yn flaena',

Saf yn ol y wraig o'r Ty-fry,

Fyth nis godri ngwartheg i!

Последние строки - слегка исправленные - могут быть переведены:

Бык, бык!

Встань ты во главе.

Назад! Ты, жена из дома на холме:

Никогда не будешь доить моих коров.

Это позволяет предположить, что ссора произошла из-за другой женщины, и что к тому времени, когда фея пришла позвать свой скот в озеро, ее сменила другая женщина, пришедшая из *Тай-фри*, или Дома на [холме](#)¹². В таком случае эта версия как никакая другая приближается к истории об Ундине, вытесненной Бертальдой из числа любимиц ее рыцаря.

Мистер Проберт Эванс любезно дал мне адрес пожилого фермера, который раньше жил в этой долине, и мой друг, мистер Эйварх Рейнольдс, счел за благо навестить его. Мистер

Рейнольдс сообщает о результате своими словами, датированными 9 января 1899 года, следующим образом

Сегодня утром я был в Пентирхе и навестил мистера Дэвида Эванса, бывшего жителя Цефн Колстона.

Старик представляет собой прекрасный образец лучшего класса валлийских фермеров; ему восемьдесят три года, он здоров и бодр, умен и полностью владеет своими способностями. Он родился и вырос в долине Ронджа-Фехан и жил там до сорока лет назад. Историю об озере он часто слышал от своей старой тетушки, жившей на ферме Маерди (на небольшом расстоянии к северу от озера), которая умерла много лет назад в весьма преклонном возрасте. Он называет озеро "[Elferch](#)", и эта история, как ему известно, имеет несколько общих моментов с легендой "[y Fan](#)", которую, однако, он, похоже, не знал. Он не смог сообщить мне много подробностей, но суть истории, как он ее знает, такова: "Молодой фермер, живший со своей матерью на соседней ферме, однажды увидел даму на берегу озера, расчесывающую волосы, которые доходили ей до ног. Он влюбился с первого взгляда и попытался подойти к ней, но она уклонилась от него, воскликнув: *Đali di ċim o fi, crâs dy fara!* (Ты не поймаешь меня, ты, о хлеб с мякиной), она погрузилась в воду. Он видел ее еще несколько раз, пускался в погоню, но всегда с тем же результатом, пока в конце концов не заставил свою мать испечь ему непеченый (или не очень твердый) хлеб, который он и предложил женщине. Тогда она согласилась стать его женой с условием, что если он обидит ее или трижды не согласится с ней (*ar yr ammod, os byssa fa yn 'i chroesi hi dair gwaith*), то она покинет его и вернется в озеро со всем своим имуществом.

'1. Первое разногласие (*croes*) произошло на похоронах соседа, человека в годах, во время которых женщина предалась чрезмерным рыданиям и причитаниям. Муж выразил удивление и досаду по поводу такой чрезмерной скорби по поводу смерти человека, не являющегося их родственником, и спросил о причине этого; она ответила, что скорбит по умершему из-за вечных страданий, которые ожидают его на том свете.

'2. Второе "*croes*" было по поводу смерти младенца самой дамы, над которой она безудержно смеялась; в ответ на возражения мужа она сказала, что делает это от радости, что ее ребенок покинул этот злой мир и перешел в мир блаженства.

'3. Третье "*крос*" мистер Эванс не смог вспомнить, но, как и два других, оно свидетельствует о том, что леди обладала сверхъестественными знаниями; это привело к тому, что она оставила мужа и вернулась в озеро, забрав с собой скот и т. д. Принятое объяснение названия озера - [El-ferch](#)¹³ (= *Hela 'r ferch*), "из-за юноши, преследовавшего девицу" (*hela 'r ferch*).

Ниже приводится клич скота, переданный мне пожилой экономкой мистера Эванса, которая вместе с семьей переехала из Ронджа-Фехана в Пентирх:

*Prw i, prw e*¹⁴,

Prw 'ngwartheg sha [= tua] thre';

Mil a môl a melyn gwttā;

Milfach a malfach;

Petar [= pedair] llearfach;

Llearfach ag aeli;

Petar a lafi;

Lafi a chornwan [= -wèn];

[...] 'nepwan [= -wèn],

'Nepwan drwynog;

Drotwan [= droedwen] litiog;

Tair Bryncethin;

Tair gyffretin;

Tair casag ðu

Draw yn yr ithin [= eithin],

Dewch i gyd i lys y brenin.

Мистер Эванс сказал мне, что *Dyffryn Safrwch* считалось преобразованием *Dyffryn Safn yr Hwch*, "Долина свиного рта"; так что это объяснение не было заслугой служителя, с которым я встретился во время моего блуждания возле озера на днях и от которого я услышал его впервые.

Сходство между версией этой легенды, приведенной мистером Эвансом, и версией *□уп у Fan Fach* заставляет обратить особое внимание на некоторые моменты, которые я был склонен считать случайными. В легенде о Фан-Фахе мать юноши - вдова, а здесь он представлен живущим с матерью. Здесь также что-то зависит от хлеба юноши, но это вводится внезапно, наводя на мысль, что часть истории была забыта. Однако в обеих историях создается впечатление, что хлеб фей считался всегда несовершенным испеченным. В обеих историях мать юноши приходит к нему на помощь со своими советами. Версия мистера Эванса приписывает фее сверхъестественные знания, хотя и не подтверждает их; а ее нравоучения читаются значительно позже, чем те, которые легенда Фэна приписывает жене феи. На некоторые из этих моментов читатель сможет обратить внимание позже, когда ознакомится с большим количеством фактов, иллюстрирующих веру в фей.

III.

Вернувшись из Южного Уэльса в Карнарвоншир летом 1881 года, я попытался найти похожие легенды, связанные с озерами Северного Уэльса, начиная с Гейриониджа, воды которого образуют ручей, впадающий в Конви возле Трефрива, немного ниже *□anrwst*. Однако мне удалось найти только старика по имени Пирс Уильямс, лет семидесяти, который очень хотел поговорить о войнах "Костлявой", но не об озерных дамах. Пытаясь заставить его понять, что мне нужно, я вынужден был употребить слово *morforwun*, то есть, по-английски, "русалка"; тогда он рассказал мне, что в молодости слышал, как люди говорили, будто кто-то видел таких существ в реке Трефрив. Но поскольку мои вопросы были наводящими, его свидетельство не имеет большой ценности; однако я уверен, что тот, кто лучше знает окрестности Гейриониджа, смог бы найти несколько фрагментов интересных легенд, все еще существующих в этом диком районе.

Я добился большего успеха в [Anberis](#), хотя то, что я нашел, поначалу было не очень много; но это было подлинно и к месту. Вот его суть: "В Хелфа-Форе, в долине под названием *Cwm Brwynog*, по левую сторону которой вы поднимаетесь на вершину Сноудона из деревни Нижний Анберис, или *Coed y Dol*, как ее там называют, жила старая женщина по имени [Сиан15](#) Дафид. Это была любопытная старушка, которая прекрасно различала достоинства соответствующих вод в округе: Так, для излечения *от дефайда* [gwyrtion16](#), или раковых бородавок, которые, как ей казалось, были у нее во рту, не годилась никакая другая вода, кроме источника Тай Бах, что у озера под названием *llyn Ffynnon y Gwas*, хотя она редко это обнаруживала, когда ее обманывал слуга, придерживавшийся удобного для себя мнения, что капля из более близкого источника сработает не хуже. Старая Сиан умерла более тридцати пяти лет назад, но, по свидетельству двух заслуживающих доверия братьев из ее семьи, которым сейчас от шестидесяти до семидесяти лет, она рассказывала им, как однажды один пастух видел сказочную деву, увидел деву-фею (*un o'r Tylwyth Teg*) на поверхности тарна под названием *llyn Du'r Ardu*, и как из шуток и их знакомство переросло в ухаживание, когда отец и мать озерной девушки явились, чтобы дать свое согласие на союз и договориться о браке. Согласно этому договору, муж никогда не должен бить свою жену железом, а она должна привезти с собой огромное богатство, состоящее из разного скота для его горной фермы. Все было исполнено, и они счастливо жили вместе, пока однажды, пытаясь поймать пони, муж не бросил жене уздечку, и железо, находившееся в ней, ударило ее. После этого с ним все было кончено, а жена поспешила уплыть со своим имуществом в озеро, и больше ее никто не видел и не слышал. Здесь я могу пояснить, что сторона крутизны [Anberis](#), близ вершины Сноудона, называется *Clogwyn du'r Ardu*, или Черный утес Арджу, у подножия которого лежит тарт, упоминаемый как Черное озеро Арджу, а рядом стоит огромный валун, называемый *Maen du'r Ardu*; все эти названия любопытны, поскольку связаны со словом *du* - черный. Само слово *Ardu* имеет то же значение и обозначает всю обрывистую сторону вершины с ее темными тенями, и такое же *Ardu* есть возле Нанмора на мериионетширской стороне Беджгелерта.

Один из братьев, надо сказать, сомневается, что упомянутое здесь озеро было тем самым, о котором рассказывал старый Сиан; но он забыл, какое именно из множества расположенных поблизости. Оба, однако, вспомнили еще одну короткую историю о феях, которую им рассказывала другая старуха, а именно Мари Домос Сион, умершая около тридцати лет назад: она сводилась к тому, что однажды пастух заблудился в тумане на горе на земле Кэо Гвинион, в направлении озера [Квеофин17](#), и попал в кольцо, где танцевали *Тилвиг Тег*: только после очень тяжелой борьбы ему удалось, наконец, вырваться от них.

К этому я могу добавить свидетельство одной дамы, за правдивость которого я могу поручиться, о том, что, когда она была ребенком в *Cwm Brwynog*, лет тридцать-сорок назад, ее, ее братьев и сестер мать часто предупреждала, чтобы они не уходили далеко от дома, когда на землю ложится густой туман, чтобы не наткнуться на танцующих *Tylwyth Teg* и не быть унесенными в их обитель под озером. По ее словам, они всегда жили в озерах, и одно из них, о котором идет речь, было *llyn Dwythych*, одно из тех, что славятся своими *торгочаидами* или чарками. Мать еще жива, но, похоже, она, как и другие, давно утратила веру в фей.

После написания этой книги я услышал, что брат вышеупомянутых братьев, а именно мистер Томас Дэвис из Мур-Мора, Анберис, помнит похожую историю. Мистеру Дэвису сейчас шестьдесят четыре года, а людьми, от которых он услышал эту историю, были та самая Сиан Дафид из Хелфа-Фора и Мари Домос Сион из [Тин18](#) Гадлас, Анберис: этим двум женщинам было около семидесяти лет, когда он, будучи ребенком, услышал ее от них. По моей просьбе

мой друг, мистер Хью Д. Джонс из Тин-Гадласа, тоже член этой семьи, одной из старейших в здешних местах, записал из уст мистера Дэвиса все, что он смог вспомнить, слово в слово, а именно:...

Yn perthyn i ffarm Bron y Fedw yr oed dyn ifanc wedi cael ei fagu, nis gwydient faint cyn eu hamser hwy. Arferai pan yn hogyn fynd i'r mynydd yn Cwm Drywenydf a Mynydd y Fedw ar ochr orllewinol y Wydffa i fugeilio, a byddai yn taro ar hogan yn y mynydd; ac wrth fynychu gweld eu gilydd aethant yn ffrindiau mawr. Arferent gyfarfod eu gilydd mewn lle nei-le duol yn Cwm Drywenydf, lle'r oed yr hogan a'r teulu yn byw, lle y byddai pob danteithion, chwareuydiaethau a chanu dihafal; ond ni fyddai'r hogyn yn gwneyd i fyny a neb ohonynt ond yr hogan.

Diwed y ffrindiaeth fu carwriaeth, a phan soniod yr hogyn am idi briodi, ni wnai ond ar un amod, sef y bywiai hi hefo fo hyd nes y tarawai ef hi a haiarn.

Priodwyd hwy, a buont byw gyda'u gilydd am nifer o flynyddoed, a bu idynt blant; ac ar dydd marchnad yn Gaernarfon yr oed y gwr a'r wraig yn medwl mynd i'r farchnad ar gefn merlod, fel pob ffarmwr yr amser hwnnw. Awd i'r mynydd i dal merlyn bob un.

Ar waelod Mynydd y Fedw mae lle yn o ryw dri-ugain neu gan lle ath o hyd ac ugain neu deg lle ath ar hugain o led, ac y mae ar un ochr iddo le tîg, ffordd y byddai'r ceffylau yn rhedeg.

Daliod y gwr ferlyn a rhoes ef i'r wraig i'w dal heb ffrwyn, tra byddai ef yn dal merlyn ara-le. Ar ol rhoi ffrwyn yn mhen ei ferlyn ei hun, taflodd un ara-le i'r wraig i roi yn mhen ei merlyn hithau, ac wrth ei thafllu tarawodd bit y ffrwyn hi yn ei lle aw. Gollwydd y wraig y merlyn, ac aeth ar ei phen i'r lle yn, a dyna diwed y briodas.

На ферме Брон-и-Федв жил сын, который вырос в молодого человека, и женщины не знали, насколько раньше их времени. Он имел привычку подниматься в горы, в Cwm Drywenydf¹⁹ и Mynydd y Fedw, на западном склоне Сноудона, чтобы пасти скот, и там он часто встречал на горе девушку, так что в результате частых встреч они с ней стали большими друзьями. Обычно они встречались в определенном месте в Cwm Drywenydf, где жила девушка и ее семья, и где было много вкусной еды, развлечений и несравненной музыки; но он ни с кем там не встречался, кроме девушки. Дружба закончилась ухаживанием, но когда юноша предложил ей выйти за него замуж, она согласилась только при одном условии: она будет жить с ним до тех пор, пока он не ударит ее железом. Их обвенчали, и они прожили вместе несколько лет, у них были дети. Однажды в Карнарвоне был базарный день, и муж с женой решили покататься на пони, как все фермеры того времени. И они отправились на гору, чтобы поймать каждый по пони. У подножия Mynydd y Fedw есть бассейн длиной около шестидесяти или ста ярдов и шириной двадцать или тридцать, а по одну сторону от него - ровное пространство, по которому обычно бегали лошади. Муж поймал пони и дал его жене, чтобы она держала его без уздечки, пока он поймает другого. Завязав уздечку на своем пони, он бросил жене другую уздечку, чтобы она закрепила свою; но когда он бросал ее, сук уздечки ударил ее по одной из рук. Жена отпустила пони и головой вперед бросилась в бассейн, и на этом их супружеская жизнь закончилась".

Ниже приводится более поздняя история, которую мистер Томас Дэвис слышал от своей матери, умершей в 1832 году: если бы она была жива, ей было бы девяносто лет.

Pan oed hi'n hogan yn yr Hafod, lle anberis, yr oed hogan at ei hoed hi'n cael ei magu yn Cwmglas, lle anberis, ac arferai dweyd, pan yn hogan a thra y bu byw, y byddai yn cael arian gan y Tylwyth Teg yn Cwm Cwmglas.

Yr oed yn dweyd y bydai ar foreuau niwliog, tywy², yn mynd i le penodol yn Cwm Cwmglas gyda dsygiad o lefrith o'r fuches a thywel glan, ac yn ei rodi ar garreg; ac yn mynd yno drachefn, ac yn cael y ¹estr yn wag, gyda darn deusw¹t neu hanner coron ac weithiau fwy wrth ei ochr.

Когда она была еще девочкой и жила в Ир-Хафод, в Анберисе, в Квмгласе, в том же приходе, воспитывалась девочка ее возраста. Последняя имела привычку говорить, когда была девочкой и до тех пор, пока жила, что у нее были деньги от *Tylwyth Teg*, в лощине *Cwmglas*. Она рассказывала, что темными туманными утрами ходила в определенное место в этой лощине с кувшином молока из доильного цеха и чистым полотенцем, а потом клала их на камень. Возвращаясь, она находила кувшин пустым, а рядом с ним - денежку: два шиллинга или полкроны, а иногда и больше".

Дочь той женщины живет сейчас на ферме, отмечает мистер Дэвис, под названием *Plas Pennant*, в приходе *anfihangel yn Mhennant*, в Карнарвоншире; и он добавляет, что эта история была достаточно распространена, когда он был мальчиком; но многие смеялись над ней, хотя старики считали ее фактом. К этому я могу приложить еще одну историю, которая всплыла в памяти одного старика, случайно оказавшегося рядом, когда мистер Джонс и мистер Дэвис были заняты вышеизложенным. Зовут его Джон Робертс, и возраст его - семьдесят пять лет: его нынешний дом находится в Капель-Сионе, в соседнем приходе *andeiniolen*.

Yr oed ef pan yn hogyn yn gweini yn Towyn Trewern, yn agos i Gaergybi, gyda hen wr o'r enw Owen Owens, oed yr adeg honno at ei oed ef yn bresennol.

Yr oedynt unwaith mewn hen adeilad ar y ffarm; a dywedod yr hen wr ei fod ef wedi cael ¹awer o arian yn y ¹e hwnnw pan yn hogyn, a buasai wedi cael ychwaneg oni bai ei dad.

Yr oed wedi cudio yr arian yn y ty, ond daeth ei fam o hyd idynt, a dywedod yr hanes wrth ei dad. Ofnai ei fod yn fachgen drwg, mai eu ¹adrata yr oed. Dywedai ei dad y gwnai ido dweyd yn mha le yr oed yn eu cael, neu y tynnai ei groen tros ei ben; ac aeth a¹an a thorod wialen bwrpasol at orchwyl o'r fath.

Yr oed y bachgen yn gwrando ar yr ymddidan rhwng ei dad a'i fam, ac yr oed yn benderfynol o gadw'r peth yn dirgelwch fel yr oed wedi ei rybudio gan y Tylwyth Teg.

Aeth i'r ty, a dechreuod y tad ei holi, ac yntau yn gwrthod ateb; ymbiliai a'i dad, a dywedai eu bod yn berffaith onest ido ef, ac y cai ef ychwaneg os cadwai'r peth yn dirgelwch; ond os dywedai, nad oed dim ychwaneg i'w gael. Mod bynnag ni wrandawai y tad ar ei esgusion na'i resymau, a'r wialen a orfu; dywedod y bachgen mai gan y Tylwyth Teg yr oed yn eu cael, a hynny ar yr amod nad oed i dweyd wrth neb. Mawr oed edifeirwch yr hen bobl am laf yr wyd oed yn dodwy.

Aeth y bachgen i'r hen adeilad lawer gwaith ar ol hyn, ond ni chafod byth ychwaneg o arian yno.

В детстве он был слугой в Тауин-Треверне, близ Холихеда, у одного старика, примерно его нынешнего возраста. Однажды они сидели в старом здании на ферме, и старик рассказал ему, что в детстве у него было много денег в этом месте, и было бы еще больше, если бы не его отец. Он спрятал деньги дома, где их нашла его мать и рассказала отцу о случившемся: она боялась, что он плохой мальчик и что он получил их воровством. Отец сказал, что заставит его сказать, где он их взял, а то и вовсе снимет с него кожу со спины, а сам пойдет и вырежет прут, пригодный для осуществления подобной цели. Мальчик слышал весь этот разговор между отцом и матерью и твердо решил сохранить все в тайне, как его предупредил *Тильвит Тег*. Он вошел в дом, и отец начал расспрашивать его, а он отказывался отвечать. Он умоляюще заверил, что деньги получены честно и что он получит еще больше, если

сохранит все в тайне, но если он этого не сделает, то больше ничего не получит. Однако отец не стал слушать его оправданий и доводов, и розга взяла верх; тогда мальчик сказал, что получил деньги от *Тылвита Тега*, и это при условии, что он никому не расскажет. Старики очень жалели, что убили гусыню, которая несла яйца. После этого мальчик много раз ходил в старое здание, но денег там больше не нашел".

IV.

Через преподобного Дэниела Льюиса, настоятеля Беттвс-Гармона, я был направлен к мистеру Сэмюэлю Рису Уильямсу, служащему почтового отделения в этом месте, который любезно предоставил мне результаты своих расспросов, когда писал о древностях этого района для конкурса на литературном собрании, проходившем там несколько лет назад. Он рассказал мне, что получил следующий короткий рассказ от уроженки Дрвс-и-Коэд, которую зовут Маргарет Уильямс. Она живет в Беттвс Гармон уже много лет, и сейчас ей уже за восемьдесят. Он не знает, напечатана эта история или нет, но уверен, что Маргарет Уильямс никогда ее не видела, даже если она и есть. Он также считает, что слышал ее от другого человека, а именно от мужчины старше семидесяти семи лет, который всегда жил в Дрвс-и-Коэд, в приходе Беджгелерт:...

Y mae hanes am fab i amaethwr a breswyliai yn yr Ystrad²⁰, Betws Garmon²¹, pan yn dychwelyd adref o daith yn hwyr un noswaith, darfod ido weled cwmni o'r Tylwyth Teg ynghanol eu hafiaeth a'u glodest. Syfrdanwyd y $\square$ anc yn y fan gan degwch anghymarol un o'r rhianod hyn, fel y beidiod neidio i ganol y cylch, a chymeryd ei eilun gydag ef. Wedi idi fod yn trigo gydag ef yn ei gartref am ysbaid, cafođ gandī adaw bod yn wraig ido ar amodau nei $\square$ duol. Un o'r amodau hyn ydoed, na byđai ido gyffwrđ yndī ag un math o haiarn. Bu yn wraig ido, a ganwyd idynt đau o blant. Un diwrnod yr oed y gwr yn y maes yn ceisio dal y ceffyl; wrth ei weled yn ffael, aeth y wraig ato i'w gynorthwyo, a phan oed y march yn carlamu heibio go $\square$ yngod yntau y ffrwyn o'i law, er mwyn ceisio ei atal heibio; a phwy a darawod ond ei wraig, yr hon a diflannod yn y fan a $\square$ an o'i olwg?

История гласит, что сын фермера, жившего на Истраде в Беттвс Гармоне, возвращаясь поздно вечером домой из путешествия, увидел компанию фей в разгар их веселья и забав. Юноша был сразу же ошеломлен несравненной красотой одной из этих дам, так что решился вскочить в круг и унести свою кумиршу с собой. После того как она немного погостила у него дома, он на особых условиях уговорил ее стать его женой. Одним из этих условий было то, что он не должен прикасаться к ней никаким железом. Она стала его женой, и у них родилось двое детей. Однажды муж был в поле и пытался поймать лошадь; видя, что ему это не удастся, жена подошла к нему, чтобы помочь, и, когда лошадь проносилась мимо него галопом, он отпустил уздечку, чтобы не дать ей проехать; но кого же он ударил, как не свою жену, которая исчезла из виду на месте".

Как раз когда я занимался сбором этих историй в 1881 году, один корреспондент прислал мне копию сказки об Истраде, опубликованной покойным бардом и антикваром, преподобным Оуэном Уин Джонсом, более известным в Уэльсе под бардовским именем *Гласинис*²², в журнале *Brython*²³ за 1863 год, стр. 193. Я не буду пытаться переводить поэтическую прозу Гласыниса со всеми ее сложными прилагательными, но в нескольких словах она сводится к следующему. Одним прекрасным солнечным утром, когда молодой наследник Истрада пас овец на берегу Моэль-Эйлио, он встретил очень красивую девушку и, вернувшись домой, рассказал об этом всем жителям. Через несколько дней он снова

встретил ее, и так повторялось несколько раз, когда он упомянул об этом своему отцу, который посоветовал ему схватить ее при следующей встрече. При следующей встрече он так и поступил, но не успел он ее увести, как к ним подошел маленький толстый старичок и стал умолять его отдать ее ему, на что юноша не послушался. Маленький человечек произносил страшные угрозы, но наследник Истрада не сдавался, и тогда между ними было заключено соглашение, согласно которому он должен был взять девушку в жены до тех пор, пока не коснется ее кожи железом, и в результате сын и его родители были очень рады. Они прожили вместе много лет, но однажды, вечером на Беттвской ярмарке, лошадь жены стала беспокойной, и как-то раз, когда муж ухаживал за лошастью, стремя коснулось кожи ее голой ноги, и в ту же ночь ее забрали у него. У нее было трое или четверо детей, и не один из их потомков, как утверждает Глазынин, был известен ему на момент написания письма в 1863 году. Глазыныс считает, что это та же самая история, которую приводит Уильямс из Андегая, о котором мы будем говорить позже; он говорит, что слышал ее много раз, когда был мальчиком.

Наконец, прошлым летом я случайно упомянул об этих легендах среди прочих преподобному Оуэну Дэвису, викарию из Анбериса, человеку, который хорошо разбирается в валлийской литературе и глубоко симпатизирует всему валлийскому. Мистер Дэвис рассказал мне, что с юности знал подобную историю, бытовавшую в приходах *an*echid и *andegai*, недалеко от Бангора. Вскоре после этого он навестил свою мать на родине, в *an*echid, чтобы освежить память о ней; он также отправился в *Waen Fawr*, на другой стороне Карнарвона, где ему рассказали ту же легенду с указанием разных мест. Ниже приводится версия *Waen Fawr*, которую я передаю на валлийском языке так, как я узнал от мистера Дэвиса, и так, как она была рассказана, по его словам, около сорока лет назад в долине *Nant y Bettws*, недалеко от Карнарвона: - *Ar brydnawngwa*.

Ar brydnawngwaith hyfryd yn Hefin, aeth ananc ieuanc gwrol-dewr ac anturiaethus, sef etifed a pherchennog yr Ystrad, i lan afon Gwyrfa, heb fod yn nepe o'i chychwyniad o lyn Cawe yn, ac a ymgudiod yno mewn dyryslwyn, sef ger y fan y bydai poblach y cotiau cochion-y Tylwyth Teg-yn arfer dawnsio. Yr ydoed yn noswaith hyfryd loergannog, heb un cwmwl i gau ygyaid y oer, ac anian yn distaw dawedog, odigerth murmuriad edf y Wyrfa, a swyn yr awel ysgafndroed yn rhodio brigau deiliog y coed. Ni bu yn ei ymgudfa ond dros ychydig amser, cyn cael difyrru o hono ei olygon a dawns y teulu dedwyd. Wrth syu ar gywreirwyd y dawns, y chwim droadau cyflym, yr ymgyniweiriad ysgafn-droediog, tarawod ei lygaid ar las lodes ieuanc, dlysaf, hardaf, lunieidiaf a welod er ei febyd. Yr oed ei chwim droadau a edneisrwyd ei hagwedion wedi tanio ei serch tu ag ati i'r fath radau, fel ag yr oed yn barod i unrhyw anturiaeth er mwyn ei henni yn gydymaith ido ei hun. O'i ymgudfa dywy, yr oed yn gwylio pob ysgogiad er mwyn ei gyfleustra ei hun. Mewn mynudd, yn disymwth digon, rhwng pryder ac ofn, amneidiod fel ew gwrol i ganol cylch y Tylwyth Teg, ac ymafaelod a dwylaw cariad yn y fun luniaid a daniod ei serch, a hynny, pan oed y Tylwyth dedwyd yn nghanol nwyfiant eu dawns. Cofleidiod hi yn dyner garedig yn ei fynwes wresog, ac aeth a hi i'w gartref-i'r Ystrad. Ond diflannod ei chyd-dawnsydion fel anadl Gorphennaf, er ei chroch dolefau am gael ei rhydhau, a'i hymegnion diflino i dianc o afael yr hwn a'i hoffod. Mewn anwylder mawr, ymdygod y ananc yn dyner odiaethol tu ag at y fun deg, ac yr oed yn orawyodus i'w chadw yn ei olwg ac yn ei fediant. wyddod drwy ei dynerwch tu ag ati i gael gand i adaw dyfod yn forwyn ido yn yr Ystrad. A morwyn ragorol oed hi. Godrai deirgwaith y swm arferol o laeth odia bob buwch, ac yr oed yr ymenyn heb bwys arno. Ond er ei ho daerni, nis gaai mewn un mod gael gand i dyweud ei henw wrtho. Gwnaeth lawer cais, ond yn gwbl ofer. Yn damweiniol ryw dro, wrth yrru

Brithen a'r Benwen i'r borfa,

a hi yn noswaith loergan, efe a aeth i'r man □e yr arferai y Tylwyth Teg fyned drwy eu campau yng ngoleuni'r □oer wen. Y tro hwn eto, efe a ymgudiod mewn dyryslwyn, a chlywod y Tylwyth Teg yn dywedyd y nai□ wrth y □a□- 'Pan oedym ni yn y □e hwn y tro diwedaf, dygwyd ein chwaer Penelope odiarnom gan un o'r marwolion.' Ar hynny, dychwelod y □encyn adref, a'i fynwes yn □awn o falchder cariad, o herwyd ido gael gwybod enw ei hoff forwyn, yr hon a synnod yn aruthr, pan glywod ei meistr ieuanc yn ei galw wrth ei henw. Ac am ei bod yn odiaethol dlos, a □uniaid, yn fywiog-weithgar, a medrus ar bob gwaith, a bod popeth yn □wydō dan ei □aw, cynygiod ei hun idi yn wr-y celai fod yn feistres yr Ystrad, yn □e bod yn forwyn. Ond ni chydsyniai hi a'i gais ar un cyfrif; ond bod braid yn bendrist oherwyd ido wybod ei henw. Fod bynnag, gwedi maith amser, a thrwy ei daerineb diflino, cydsyniod, ond yn amodol. Adawod dyfod yn wraig ido, ar yr amod canlynol, sef, 'Pa bryd bynnag y tarawai ef hi â haiarn, yr elai ymaith odi wrtho, ac na dychwelai byth ato mwy.' Sicrhawyd yr amod o'i du yntau gyda pharodrwyd cariad. Buont yn cyd-fyw a'u gilyd yn hapus a chysurus lawer o flynydoed, a ganwyd idynt fab a merch, y rhai oedynt dlysaf a □unieidiaf yn yr ho□ froyd. Ac yn rhinwed ei medrusrwyd a'i deheurwyd fel gwraig ga□, rinwedol, aethant yn gyfoethog iawn-yn gyfoethocach na neb yn yr ho□ wlad. Heblaw ei etifediaeth ei hun-Yr Ystrad, yr oed yn ffarmio ho□ ogleđ-barth Nant y Betws, ac odi yno i ben yr Wydŷfa, ynghyd a ho□ Gwm Brwynog, yn mhlwyf □anberis. Ond, ryw ddiwrnod, yn anffortunos dīgon aeth y dāu i'r dōl i dāl y ceffyl, a chan fod y ceffyl yn braid yn wy□t ac an-nof, yn rhedeg odi arnynt, taflod y gwr y ffrwyn mewn gwy□tineb yn ei erbyn, er ei atal, ac ar bwy y disgynnod y ffrwyn, ond ar Penelope, y wraig! Diflannod Penelope yn y fan, ac ni welod byth mo honi. Ond ryw noswaith, a'r gwynt yn chwythu yn oer o'r gogleđ, daeth Penelope at ffenestr ei ystafē wely, a dywedod wrtho am gymmeryd gofal o'r plant yn y geiriau hyn:

Rhag bod anwyd ar fy mab,

Yn rhođ rhowch arno gōb ei dad;

Rhag bod anwyd ar liw'r can,

Rhodwch arni bais ei mham.

Ac yna ciliod, ac ni chlywyd na siw na miw byth yn ei chylch.

Для случайных читателей, не знающих валлийского языка, добавляю краткое изложение на английском.

Однажды прекрасным июньским вечером отважный и смелый юноша, наследник Истрада, отправился на берег Гвирфая, неподалеку от того места, где он выходит из озера Квехин, и спрятался в кустах неподалеку от того места, где обычно танцевали люди Красных Плащей - феи. Луна светила ярко, ни облачка не заслоняло ее свет; все было тихо, только Гвирфай тихонько посапывала на своем ложе, и вскоре юноша с удовольствием наблюдал за танцами прекрасной семьи. Когда он наблюдал за тонким ходом танца, его взгляд остановился на девушке, самой стройной и красивой из всех, кого он видел с детства. Ее ловкие движения и очарование ее внешности воспылали к нему любовью до такой степени, что он был готов на любую встречу, лишь бы заполучить ее в свои руки. Из своего укрытия он следил за каждым движением, выискивая удобный случай; наконец, с чувством тревоги и страха, он внезапно выскочил в центр круга фей. Там, в то время как они наслаждались танцем, он схватил ее на руки и унес в свой дом в Истраде. Но когда она закричала, прося о помощи, чтобы освободить ее из объятий того, кто влюбился в нее, танцевальный вечер исчез, как дыхание в июле. Он относился к ней с величайшей добротой и постоянно стремился удержать ее в поле своего зрения и в своем владении. Благодаря своей нежности он добился того, что она согласилась стать его служанкой в Истраде. И какой же служанкой она оказалась! Она доила

коров три раза в день и каждый раз получала обычное количество молока, так что масла было так много, что никто и не думал его взвешивать. Что касается ее имени, то, несмотря на все его попытки выяснить его, она так и не сказала ему его. Однако однажды лунной ночью, когда он гнал двух своих коров к месту, где они должны были пастись, он случайно оказался в том месте, где феи обычно устраивали свои игры при свете луны. В этот раз он тоже спрятался в зарослях, когда услышал, как одна фея говорит другой: "Когда мы были здесь в последний раз, нашу сестру Пенелопу украл у нас человек". Как только он это услышал, то отправился домой, полный радости оттого, что узнал имя столь дорогой ему служанки. Она же, напротив, очень удивилась, услышав, что он назвал ее по имени. Поскольку она была так очаровательно красива, так трудолюбива, так искусна во всех делах, и удача сопутствовала ей во всем, к чему бы она ни приложила руку, он предложил сделать ее своей женой, а не служанкой. Поначалу она ни за что не соглашалась, скорее даже огорчалась, что он узнал ее имя. Однако в конце концов его настойчивость заставила ее согласиться, но при условии, что он не будет бить ее железом; если это случится, она уйдет от него и никогда больше не вернется. Соглашение было заключено с его стороны с готовностью любви, и после этого они прожили в счастье и комфорте вместе много лет, и у них родились сын и дочь, которые были самыми красивыми детьми во всей стране. Кроме того, благодаря умению и добрым качествам женщины, проникательной и добродетельной жены, они стали очень богаты - богаче всех в округе, ибо, помимо собственного наследства мужа в Истраде, он владел всей северной частью Нант-и-Беттвс и всем, что от нее до вершины Сноудона, вместе с Квм Брвиног в приходе Анбериса. Но однажды, как назло, они отправились вместе ловить в поле лошадь, а поскольку животное было несколько диким и неприрученным, им предстояла нелегкая работа. По неосторожности мужчина бросил уздечку, проносясь мимо него, но, увы, на кого же она должна была упасть, как не на жену! Не успело это произойти, как она исчезла, и больше ее никто не видел. Но однажды холодной ночью, когда с севера дул ледяной ветер, она подошла к окну его спальни и такими словами велела ему позаботиться о детях: - Чтобы мой сын не замерз.

Чтобы моему сыну не было холодно,

Накинь на него отцовский плащ:

Чтобы не было холодно красавице,

Наденьте на нее мою нижнюю одежду.

Затем она удалилась, и больше о ней ничего не было слышно.

В ответ на некоторые мои расспросы мистер О. Дэвис говорит мне, что Пенелопа произносится в три слога, *Rénělôp* - так он слышал от своего деда: далее он говорит, что потомство Озерной Леди якобы представлено семьей под названием *Пеллинги*, которая когда-то была весьма уважаемой фамилией в тех краях, и что была некая леди Булки, которая происходила из этого рода, не говоря уже о том, что несколько людей более низкого ранга, как в Англси, так и в Арфоне, утверждали, что они того же происхождения. Я не очень понимаю, как это имя попало в эту историю, и мне не удалось узнать ничего о Пеллингах; но, поскольку слово, по-видимому, считалось испорченным производным от Пенелопы, это, возможно, и есть вся связь, так что может оказаться, что оно действительно не имеет никакого отношения к легенде. Впрочем, этот вопрос должны удовлетворительно прояснить антиквары Северного Уэльса.

В ответ на мои расспросы мистер О. Дэвис сообщил мне следующие подробности: "Мне сейчас (в июне 1881 года) более пятидесяти двух лет, и я могу заверить вас, что слышал эту

легенду сорок лет назад. Я не помню своего отца, поскольку он умер, когда я был еще маленьким, но мой дед отличался любовью к сказкам и легендам, и его любимым занятием было зимними вечерами, после того как он готовил свою короткую черную трубку, рассказывать истории о борьбе с разбойниками, о тележках, и прежде всего о *Тилвит Тег*, ибо они были его главной радостью. Он умер двадцать шесть лет назад, а ему уже почти исполнилось восемьдесят. Его отец, родившийся примерно в 1740 году, также славился своими рассказами, и мой дед часто упоминал его как авторитет в ходе своего повествования. И он, и все остальные члены семьи смотрели на Корвион, о котором сейчас пойдет речь, как на священное место. Когда я был маленьким и не желал оставлять игру в сумерках, моей матери или бабушке достаточно было сказать, что "Пеллинги идут", чтобы побудить меня немедленно войти в дом: действительно, это объявление оказывало такой же эффект на людей гораздо более зрелого возраста, чем был мой тогда".

Далее мистер Дэвис любезно обратил мое внимание на книгу под названием *"Наблюдения над горами Сноудон"* мистера Уильяма Уильямса из Кандегаи, изданную в Лондоне в 1802 году. В этом труде эта история приводится несколько менее полно, чем у информатора мистера Дэвиса, но автор делает по поводу нее следующие замечания, стр. 37, 40: "Раса людей, населяющих районы у подножия Сноудона, раньше отличалась и была известна под прозвищем *Пеллингс*, которое еще не исчезло. Есть несколько человек и даже семей, которые, как считается, происходят от этих людей Эти дети [Пенелопы] и их потомки, говорят, назывались *Пеллинги*, слово, искаженное от имени их матери, Пенелопы. Покойный Томас Роулэндс, эсквайр из Каэрау на острове Англси, отец покойной леди Булки, был потомком этой дамы, если верно, что фамилия *Пеллингс* произошла от нее; и до сих пор живут несколько богатых и уважаемых людей, которые, как известно, происходят от *Пеллингсов*. В моих собственных жилах течет лучшая кровь этой феи".

Наконец, следует заметить, что в этих последних версиях нет четкого намека на то, что Озерная Леди сбегала в озеро, то есть в *Cweþуn*, а скорее, что она исчезла так же, как и танцующие, просто став невидимой, как дыхание в июле. На валлийском языке фей называют *Y Tylwyth Teg*, или Прекрасная семья; но жители Арфона настолько хорошо знакомы с той, которую я назвал Озерной леди, что, по словам одного из моих информаторов, они придумали для ее обозначения термин *Y Dylwythes Deg*, или даже *Y Dylwythen Deg*; но он неизвестен остальным, так что степень его использования не очень велика.

Здесь, пожалуй, уместно привести еще одну сказку, согласно которой мужчина отправляется в страну Озерной Девы, вместо того чтобы она поселилась с ним в его доме. Я обязан этим доброте мистера Уильяма Джонса, уроженца Беджгелерта, из Риджент-Плейс, *þаnгоþеn*. Он услышал эту историю от одного старика еще до своего отъезда из Беджгелерта, но когда через некоторое время после этого он послал друга навести справки, старика уже не было. По словам мистера Джонса, подробности этой истории по этой причине несовершенны, так как некоторые эпизоды выветрились из его памяти; но так как он все еще помнит эту историю, она приводится здесь его собственными словами

Ryw noson lawn þаer ac un o feibion þуyn On yn Nant y Betws yn myned i garu i Glogwyn y Gwin, efe a weloþ y Tylwyth yn ymloþestu a dawnio ei hochr hi ar weigloþ wrth lan þуyn Caweþуn. Efe a nesaoþ tuag atynt; ac o dipyn i beth fe'i þithiwyd gan bereiddra swynol eu canu a hoender a bywiogrwyd eu chwareu, nes myned o hono tu fewn i'r cylch; ac yn fuan fe daeth rhyw hud drosto, fel y coþoþ adnabydiaeth o bobman; a chafoþ ei hun mewn gwlad hardaf a weloþ erioed, þe'r oed pawb yn treulio eu hamser mewn afiaeth a gorfoled. Yr oed wedi bod yno am saith mlyned, ac eto nid oed dim ond megis breudwyd nos; ond daeth adgof i'w fedwl am ei neges, a hiraeth yndo am

weled ei anwylyd. Feŷy efe a ofynod ganiatad i dychwelyd adref, yr hyn a roddwyd ynghyd a ŷu o gymdeithion i'w arwain tua'i wlad; ac yn ddisymwth cafod ei hun fel yn deffro o freudwyd ar y dol, ŷe gwelod y Tylwyth Teg yn chwareu. Trod ei wyneb tuag adref; ond wedi myned yno yr oed popeth wedi newid, ei rieni wedi meirw, ei frodyr yn ffaelw ei adnabod, a'i gariad wedi priodi un araŷ. -Ar ol y fath gyfnewidiadau efe a dorod ei galon, ac a fu farw mewn ŷai nag wythnos ar ol ei dychweliad.

Однажды яркой лунной ночью, когда один из сыновей фермера, жившего в деревне ŷwun Оп в Нант-и-Беттвс, собирался отдать свой адрес девушке в Клогвин-и-Гвин, он увидел, что на лугу близ озера Cweŷun в полном разгаре веселье *Tylwyth Teg*. Он подошел к ним, и мало-помалу его увлекали чарующая сладость их музыки и живость игры, пока он не оказался в их кругу. Вскоре на него нашло какое-то заклинание, так что он потерял представление о местности и оказался в стране, прекраснее которой он никогда не видел, где все проводили время в веселье и радости. Он прожил там семь лет, и все это казалось ему лишь ночным сном; но тут ему пришло в голову слабое воспоминание о деле, по которому он покинул дом, и он почувствовал желание увидеть свою любимую. Тогда он пошел и попросил разрешения вернуться домой, которое было ему дано, вместе со множеством сопровождающих, чтобы проводить его в свою страну; и вдруг, словно очнувшись от сна, он обнаружил себя на том берегу, где видел веселящуюся семью. Он повернул к дому, но там все изменилось: родители умерли, братья не узнали его, а возлюбленная вышла замуж за другого человека. Вследствие таких перемен он умер с разбитым сердцем меньше чем через неделю после возвращения".

V.

Преподобный О. Дэвис счел легенду о ŷanŷechid настолько похожей на ту, что он получил об озере Cweŷun и о Waen Fawr, что не стал подробно излагать первую, а лишь указал на следующие различия: (1) Вместо Cweŷun озеро в первом случае - это бассейн Corwrion, в приходе ŷandegai, недалеко от Бангора. (2) То, чем была поражена Леди Озера, было не уздечкой, а железными путами: используется слово *ŷyfether*, которое, вероятно, означает длинные путы, соединяющие вместе переднюю и заднюю ноги лошади. В Арфоне это слово применяется также к шнуру, связывающему две передние ноги вместе, но в Кардиганшире он называется *hual*, а другое слово, произносимое там как *llowethir*, относится только к длинным путам. В книгах это слово пишут *llywethair*, *llefethair* и *llyffethair* или *llyffethar*, что, возможно, является произношением в некоторых районах Северного Уэльса, особенно в Арфоне. Это интересное слово, поскольку оно является не чем иным, как английским термином "длинные путы", заимствованным в валлийский язык; как, собственно, и в ирландский, достаточно рано, чтобы потребовать статьи о нем в "*Ирландском глоссарии*" Кормака, где *langfiter* описывается как английское слово для пут между передними и задними ногами: в англо-манкском оно стало *lanketer*. (3) Поле, на котором они пытались поймать коня, в версии ŷanŷechid указано как Maes Madog, у подножия горы ŷefn. (4) Когда жена феи убежала, она бросилась в бассейн Корвириона, позвав за собой всех своих дойных коров, и они последовали за ней с величайшей готовностью.

Прежде чем перейти к изложению полученных мною от других людей сведений о легенде о ŷanŷechid, я думаю, что здесь лучше всего закончить изложение материала, предоставленного мне мистером О. Дэвисом, которого я не могу слишком сердечно поблагодарить за его готовность ответить на мои вопросы. Среди прочего, он высказался следующим образом: "По сей день существует предание - и я слышал его сотни раз - что

молочная ферма в Корвионе превосходила все другие молочные фермы в тех краях, что молоко там было лучше и обильнее, а сыр и масло - лучше, чем во всей округе; причина этого в том, что скот на ферме Корвиона смешался с породой, принадлежавшей фее, которая убежала после того, как ее ударили железными путами. Однако, как бы то ни было, я прекрасно помню, с какой похвалой отзывались о коровах из Корвиона, которые отличались молоком и прибылью; а когда я был мальчиком, то слышал, как люди говорили о *Tarw Penwyn Corwrion*, или "белоголовом быке из Корвиона", как о происшедшем от породы скота, составлявшего приданое феи".

Мой следующий информатор - мистер Хью Дерфел Хьюз из Пендинаса, [andegai24](#), который был достаточно любезен, чтобы предоставить мне версию, которую я привожу здесь на английском языке, исходя из того, что мистер Хьюз говорит, что он прожил около тридцати четырех лет в миле от бассейна и фермы под названием Корврион, и что он освежил свою память о легенде, расспросив отдельно не менее трех стариков, которые были выращены и родились в этом месте или рядом с ним. Он родом из Мерионета, но живет в Андегае последние тридцать семь лет, и сейчас ему шестьдесят шесть лет. Могу добавить, что мистер Хьюз - местный антиквар, отличающийся большой работоспособностью и усердием; он опубликовал книгу о древностях этого района под названием "*Hynafiaethau andegai a anechid*", то есть "Древности andegai и anechid" (Bethesda, 1866); но она вышла из печати, и мне стоило немалого труда раздобыть ее копию: - "В давние времена, когда справедливые люди жили в andegai и anechid".

В давние времена, когда феи показывались людям гораздо чаще, чем сейчас, они устраивали свой дом в бездонном бассейне Корвирион, в Верхнем Арневеде, в той дикой части Гвинеда, которая называется Arfon. В прекрасные июньские утра этих маленьких и проворных людей можно было увидеть в ровном строю, энергично косящими сено, а их скот в стадах деловито пасется на полях близ Корвиона. Это зрелище часто представало перед глазами жителей окрестных холмов даже по воскресеньям; но когда они спешили к ним, то находили поля пустыми, а мнимых работников и их коров не было, все ушли. В другое время можно было услышать, как они работают молотками, как шахтеры, разгребают мусор или разгружают тележки с камнями. Временами они принимались петь всю ночь напролет, к вящему удовольствию окрестных жителей, которые очень любили их слушать; кроме того, они так очаровательно пели, что иногда собирались в компании для танцев, и их движения были удивительно грациозны и привлекательны. Но подходить к озеру поздно вечером было небезопасно, и однажды одна храбрая девушка, которую мучила зубная боль, встала в полночь и пошла к краю воды в поисках корня растущего там растения, обладающего способностью убивать всякую зубную боль. Но когда она отщипывала от него кусочек, из глубины озера до ее слуха донесся такой вопль, что она вернулась в дом, задыхаясь от страха и трепета; но была ли это проделка бродячей феи, которая перепугалась до смерти, когда ее внезапно настигла девица в ночном платье, или обычный способ фей лечить зубную боль, предание не сообщает. Иногда, во всяком случае, феи занимались тем, что делали добро мужчинам и женщинам, которые были их соседями, как, например, когда пытались научить их выполнять все обещания и заветы, которые они давали себе. Один человек и его жена, которых они хотели научить этой хорошей привычке, никогда не были забыты. Муж вел себя как подобает, но однажды, когда он держал плуг, а жена вела упряжку, он нарушил свой завет по отношению к ней, обойдясь с ней грубо и неласково. Не успел он это сделать, как его подхватил воздух и окунул в озеро. Когда жена подошла к краю воды, чтобы попросить его вернуться, ей ответили, что он там и должен быть там.

Феи, танцую, позволяли смотреть на себя, и это зрелище очень привлекало окрестных юношей, и однажды сын и наследник владельца Корвриона сильно влюбился в одну из грациозных девиц, танцевавших в кольце фей, ибо она была удивительно красива и прелестна до невозможности. Его страсть к ней вскоре вылилась в ухаживания, а вскоре они поженились, что произошло при четком понимании того, что, во-первых, муж не должен знать ее имени, хотя может дать ей любое имя по своему усмотрению; и, во-вторых, он может время от времени бить ее розгами, если она будет плохо себя вести по отношению к нему; но он не должен бить ее железом под страхом того, что она сразу же покинет его. Этот завет соблюдался несколько лет, и они жили счастливо вместе и имели четверых детей, из которых двое младших были мальчик и девочка. Но однажды, когда они отправились на одно из полей Брин Тврв в направлении Пеннард Грон, чтобы поймать пони, жена феи, будучи намного проворнее своего мужа, побежала впереди него и в мгновение ока запустила руку в гриву пони. Она позвала мужа, чтобы он бросил ей недоуздок, но вместо этого он бросил ей уздечку с железным долотом, которое, как на зло, попало в нее. Жена тут же взлетела в воздух и с головой погрузилась в бассейн Корврион. Муж вернулся, вздыхая и плача, к Брин Тврв, "Шумовому холму", и когда он добрался до него, шум там был сильнее, чем когда-либо прежде, а именно плач по Белене; и именно тогда, после того как он ударил ее железом, он впервые узнал, как зовут его жену. Белена так и не вернулась к своему мужу, но материнские чувства однажды привели ее к окну его спальни, где она отдала ему следующий приказ:...

Os byđ anwyd ar fy mab,

Rho'wch am dano gob ei dad;

Os anwydog a fyđ [can25](#),

Rho'wch am dani bais ei mam.

Если сын мой почувствует холод,

Пусть наденет отцовский плащ;

Если красавица почувствует холод,

Пусть она наденет мою юбку.

Шли годы, внук Белены влюбился в прекрасную девушку, жившую на соседней ферме под названием Тай Теульвриайд, и против воли отца и матери они поженились, но им нечем было запастись землей. И каково же было их удивление, когда однажды утром, встав, они увидели, что в поле спокойно пасутся шесть черных коров и белоголовый бык, которых им пригнала из озера старая бабушка Белена? Долгие годы они исправно снабжали их молоком и маслом, но в тот день, когда умер последний из семьи, шесть черных коров и белоголовый бык исчезли в озере и больше никогда не появлялись".

Мистер Хьюз сослался не менее чем на три другие версии, а именно: (1) Согласно одной из них, муж пахал, а жена вела упряжку, когда он случайно столкнулся с ней и произошел несчастный случай. Жена улетела, как лесная курица (*iar goed*), в озеро. (2) По другой версии, они находились в конюшне, пытаясь завязать уздечку одной из лошадей, и несчастье произошло по неосторожности. (3) Третий указывает на поле перед домом в Корвионе как на место, где произошел несчастный случай, когда они были заняты с коровами и лошадьми.

К этому я бы добавил следующие предания, которые приводит мистер Хьюз. Иногда жители, которые, судя по всему, были в хороших отношениях с феями, нагревали воду и оставляли ее

в сосуде на очаге на ночь, чтобы феи помыли в ней своих детей. Это считалось такой добротой, что они всегда оставляли на очаге горсть своих денег. Говорят, что в полях близ Корвириона иногда находили несколько монет, которые были меньше наших полпенни, но больше фартингов, и на одной стороне у них была изображена арфа. Но в этих вопросах предание не очень определено.

Здесь я также могу сослаться на похожий рассказ, который я получил в прошлом году в Анберисе от человека, который является уроженцем *an'echid* стороны горы, хотя сейчас он живет в Анберисе. Ему около пятидесяти пяти лет, и он помнит, как в юности слышал историю, связанную с домом под названием *Hafoty'r Famaeth*, расположенным в очень уединенном месте на горе *an'echid*, и теперь представленным лишь несколькими старыми разрушенными стенами. В ней рассказывалось, что однажды ночью, когда живший там человек отсутствовал дома, его жена, у которой был маленький ребенок, вымыла его на очаге, оставила там воду и легла спать со своим малышом: проснувшись ночью, она обнаружила, что очаг находится во владении *Tylwyth Teg* и занята мытьем своих детей. Вот и все, что я понял из этой сказки известного типа.

Возвращаясь к сообщениям мистера Хьюза, я хотел бы выбрать из них несколько замечаний о топографии, где обитают феи. Он оценивает озеро или бассейн Корвириона примерно в 120 ярдов в длину и добавляет, что оно почти круглое; но он считает, что раньше оно было значительно больше, поскольку восемьдесят или сто лет назад была сделана просека, чтобы провести воду из него в замок Пенрхин; но даже тогда его размеры не приближались к тем, которые приписывает ему народное поверье, согласно которому оно было не менее трех миль в длину. На самом деле считалось, что когда-то существовал город Корвион, который был поглощен озером; такое представление можно встретить во многих частях Уэльса, а некоторые местные жители, как говорят, способны разглядеть дома под водой. Должно быть, это было ближе к тому концу, который не является бездонным, на что указывает место, которое, как говорят, никогда не замерзает даже в суровые зимы. Старики помнят, что здесь отдыхали цапли, бакланы и водяная курица (*hobi wen*). У берегов, кроме кувшинок, росли различные виды камыша и осоки, из которых раньше делали циновки и другие полезные вещи. Когда-то он славился угрями огромных размеров, но предполагается, что в нем не водилась рыба, пока лорд Пенрхин не поместил туда несколько особей в последние годы. Однако еще недавно здесь водились пиявки трех разных видов, и один старик, живущий до сих пор, рассказал мистеру Хьюзу о своем простом способе их ловли, когда он был мальчиком, а именно: он шел в воду босыми ногами: через несколько минут он выходил на берег с девятью или десятью пиявками, прилипшими к его ногам, некоторые из которых стоили по шиллингу у медиков тех дней. Сейчас в Корвироне стоит фермерский дом, который занимает мистер Уильям Гриффитс, внук покойного барда Гутына Периса. Когда мистер Хьюз навел справки о легенде, он обнаружил там фундамент нескольких старых зданий и несколько кусков старого керна. Он считает, что в прежние времена в Корвироне были мельница и дом фуллера, что, по его мнению, следует из названий двух соседних домов, которые называются "*Y Felin Hen*", "Старая мельница", и "*Pandy Tre Garth*", "Фуллеровская мельница Трегарта", соответственно. Он также упоминает, что там была кузница, в которой работал некий Рис аб Роберт, не говоря уже о том, что большое количество пепла, как от кузницы, найдено в конце озера, наиболее удаленном от фермерского дома. Место, на котором стоит Корвион, - это часть территории между Огвеном и другим потоком, который носит название "Афон Сегин Артур", или "Река Артуровой кухни", а большинство домов и полей вокруг носят названия, которые навели людей на разные мысли: так, ферма называется "Коэд Хауэл", откуда пошло поверье, что здесь жил Хауэл Джа, король Уэльса. О нем мистер Хьюз может многое рассказать: в частности, что у него были лодки на озере

Корвирион и что он имел обыкновение ежегодно дарить жителям Бангора 300 жирных гусей, выращенных на водах этого озера. Другой человек сослался на лекцию, прочитанную в окрестностях об этих и подобных вещах покойным бардом и антикваром преподобным Робертом Эллисом (Cyndelw), но мне никогда не попадалась ее копия. Поле неподалеку от Корвиона называется "Cae Stabal", или "Поле конюшни", где, как предполагается, находятся остатки ряда конюшен и несколько яслей, где когда-то кормили лошадей Хауэла. В соседнем лесу, называемом "Parc y Geŷi" или "Норіар у Геŷі", говорит мой собеседник, можно увидеть фундаменты семнадцати или восемнадцати старых хижин, а неподалеку от них некоторые считают, что видят место, где стояла старая церковь. Примерно в миле к юго-востоку от Корвиона находится Пендинас, который мистер Хьюз описывает как старую церковь. Хьюз описывает как старую треугольную валлийскую крепость на берегу Огвена; В двух шагах от Корвиона, на южной стороне, и немного западнее Брин Тврва, о котором говорится в легенде, находится Пенардж Грон, каэр или форт, который, по его описанию, до того, как его разрушили в его время, был сорок два ярда в длину и тридцать два в ширину, и защищался своего рода валом из земли и камня шириной в несколько ярдов у основания. По воскресеньям здесь устраивали танцы, петушиные [бои](#)²⁶ и другие развлечения. Рядом с ним находился каирн, в котором, когда его раскопали, обнаружили кистень, горшок и керн: с ним связано множество историй о призраках, пещерах и спрятанных сокровищах. В общем, мистер Хьюз твердо убежден, что Корврион и его ближайшие окрестности представляют собой место, которое в свое время имело большое значение; и я не вижу причин сомневаться в правильности этого вывода, но было бы интересно узнать, назывался ли Пенрин, как предполагает мистер Хьюз, Пенрин Коррион; возможно, выяснить это не составит большого труда, поскольку некоторые владения Пенрина, похоже, были предметом судебных разбирательств в прошлые времена.

Прежде чем оставить заметки мистера Хьюза, я должен привести его слишком краткий рассказ еще об одной вещи, связанной с Корврионом, хотя, возможно, и не с легендами, о которых здесь идет речь. Я имею в виду то, что он называет Призраком Фонаря (*Ysbryd y Lantar*): "Раньше, - говорит он, - в Корвионе была, да и сейчас есть, хорошего размера кислая яблоня, которая в зимнюю половину года освещалась огнем. Огонь разгорался медленно и становился все больше и больше, пока не казалось, что все вокруг пылает". Одна старушка рассказала ему, что раньше она знала стариков, которые утверждали, что видели это. По их словам, деревья в Хопиар-и-Гефе, по их словам, также были освещены огнем". Это напомнило мне рассказ г-на Фитцджеральда об ирландском Биле-Тинеаде в *Revue Celtique*, iv. 194.

После того как мистер Хьюз передал мне заметки, из которых сделаны выдержки, он любезно предоставил мне версию легенды от мистера Дэвида Томаса из Понт-и-Верна, расположенного в том же районе, но поскольку в ней нет ничего такого, что я уже не приводил бы от мистера Хьюза, я пропускаю ее мимо ушей. Мистер Томас, однако, слышал, что число домов, составлявших город Корвирион шесть или семь веков назад, было около семидесяти пяти; но их было ровно семьдесят три, как утверждает мой следующий информатор, мистер Дэвид Эван Дэвис из Трефлис, Бетесда, более известный под своим бардовским именем Деви Глан Ффридлас. Оба этих джентльмена также слышали предание о том, что в Корврионе была церковь, где каждое воскресенье проводилась одна служба, после которой люди отправлялись в какое-нибудь место неподалеку, чтобы развлечься, а ночью посмотреть, как танцуют феи, или смешаться с ними, пока они танцевали в кольце вокруг светящегося червя. Согласно Деви Глану Ффридласу, этим местом была уже упомянутая Пен-и-Бонк, что означает, помимо прочего, что они выбирали возвышенность. Об этом говорится в современной рифме, которая звучит так: "A'r Tylwyth Te

A'r Tylwyth Teg yn dawnsio'n sionc

O gylch magïen Pen y Bonc.

С феями, проворно танцующими вокруг

Светящегося червяка на Восходящей земле.

Деви Глан Ффридлас любезно предоставил мне краткую, но полную версию легенды в том виде, в каком он ее слышал. Следует заметить, что выяснение имени феи в этой версии - пустой инцидент: оно вводится слишком поздно, и от него нет никакого толку, когда оно появляется. Вот суть его истории на английском языке: "На одном из танцев в Пен-и-Бонк взгляд наследника Корвириона упал на одну из девиц из прекрасной семьи, и он вспыхнул к ней любовью. Ухаживания и брак в время последовали, но ему пришлось согласиться на два условия, а именно: он не должен был знать ее имени и не должен был бить ее железом. Вскоре у них родились дети, и когда муж во время заточения жены отправился на веселье в Пен-и-Бонк, феи разговорились о его жене и, выражая свое сочувствие к ней, нечаянно выдали тайну ее имени, упомянув его в слух. Прошли годы, и однажды муж и жена отправились вместе ловить своего жеребенка, который еще не был выезжен, чтобы поехать на ярмарку в Конвей. Так как она была быстрее мужа, она схватила жеребенка за гриву и попросила его накинуть на нее недоуздок, но вместо того, чтобы бросить ей тот, который она просила, он бросил другой, с железом внутри, которое ударило ее. Она упала в озеро. Внук этой феи много лет спустя женился на одной из девушек Корвириона. У них был большой участок земли, но не было средств, чтобы его засеять, так что они чувствовали себя весьма удрученными. Но вот однажды из озера вышел белоголовый бык и привел на их землю шесть черных коров. Никогда не было таких коров по удою, и велико было благосостояние их хозяев, а также зависть, которую они возбуждали в груди соседей. Но когда они оба состарились и умерли, бык и коровы вернулись в озеро".

Теперь я добавлю другие рассказы о *Tylwyth Teg*, , которые Деви Глан Ффридлас любезно собрал для меня, начиная с расплывчатой истории о подменышах:...

Однажды, в XIV веке, у жены одного человека из Корвириона родились близнецы, и однажды она пожаловалась ведьме, жившей неподалеку, в Тиджин-и-Баркуд, что дети не ладят, а постоянно плачут днем и ночью. "Ты уверена, что это твои дети?" - спросила ведьма, добавив, что ей не показалось, что они похожи на ее детей. "У меня тоже есть сомнения", - ответила мать. "Интересно, не обменялся ли кто-нибудь с тобой детьми?" - сказала ведьма. "Я не знаю", - ответила мать. "Но почему ты не хочешь узнать?" - спросила другая. "Но как же мне это сделать?" - спросила мать. Ведьма ответила: "Пойди и сделай на их глазах что-нибудь странное и посмотри, что они скажут друг другу". "Ну, я не знаю, что мне делать", - сказала мать. "Ну что ж, - сказала та, - возьми яичную скорлупу, свари в ней пиво в камере в сторонке и приди сюда, чтобы рассказать мне, что скажут об этом дети". Она отправилась домой и сделала все, как велела ей ведьма, когда двое детей подняли головы из колыбели, чтобы посмотреть и послушать, что она делает. Тогда один из них сказал другому: "Я помню, как у дуба был желудь", на что другой ответил: "А я помню, как у курицы было яйцо"; и один из них добавил: "Но я не помню, чтобы кто-нибудь раньше варил пиво в скорлупе куриного яйца". Тогда мать пошла к ведьме и рассказала ей, что сказали близнецы друг другу; та велела ей пойти к небольшому деревянному мосту, расположенному неподалеку, с одним из странных детей под мышкой, и там сбросить их с моста в протекающую внизу реку. Мать снова вернулась домой и сделала все, как ей было велено. Когда она добралась до дома, то к своему изумлению обнаружила, что ее собственные дети вернулись".

Далее следует история о повитухе, жившей в Корвионе. Один из фей позвал ее, чтобы попросить прийти и присмотреть за его женой. Она отправилась с ним и была поражена тем, что попала в великолепный дворец. Некоторое время она продолжала ходить туда ночью и утром, чтобы одеть ребенка, пока однажды муж не попросил ее протереть глаза мазью, которую он ей предложил. Она сделала это и обнаружила, что сидит на пучке камышей, а не во дворце. Ребенка не было: все исчезло. Спустя некоторое время она отправилась в город, и кого же она там увидела, занятого покупкой различных товаров, как не фею, у которой она была в гостях. Она обратилась к нему с вопросом: "Как поживаете?". Вместо ответа он спросил: "Как ты меня видишь?". "Глазами", - последовал быстрый ответ. "Каким глазом?" - спросил он. "Вот этим", - сказала женщина, указывая на него, и он тут же исчез, чтобы больше никогда не попадаться ей на глаза". Эта история, как будет видно из дальнейшего сравнения, неполная и, вероятно, неверная.

Вот еще одна, рассказанная мистером Д. Э. Дэвисом: "Однажды Гуто, фермер из Корвириона, пожаловался жене, что ему не хватает людей для косьбы сена, на что она ответила: "Зачем об этом беспокоиться? Посмотри туда! Вон там есть поле, полное их, раздетых до рубахи (*yn ÷ewys eu crysau*)". Когда он подошел к тому месту, притворщики из семейства фей уже исчезли. В другой раз этот же Гуто - или кто-то другой - пахал, когда услышал, как какой-то человек, которого он не мог видеть, окликнул его: "У меня сломались кормушки (то есть пороки) моего плуга". "Принеси его мне", - сказал водитель упряжки Гуто, - "чтобы я мог починить его". Когда они закончили борозду, то нашли сломанные тиски, а рядом с ними - бочку пива. Один из мужчин сел и починил тиски. Затем они провели еще одну борозду, а когда вернулись на место, то обнаружили там двухухое блюдо, наполненное до краев *bara a chwrrw*, или "хлебом и пивом". Слово "порок", замечу, является английским термином, который применяется в Карнарвоншире к определенной части плуга: иначе его называют *бункером*, но это не похоже на валлийское слово, и я не слышал, чтобы его использовали в Южном Уэльсе.

Временами одна из фей имела привычку, как мне рассказывал не один из моих информаторов, выходить из *yn Corwrion* со своим прядильным колесом (*troe ÷ bach*) в прекрасные летние дни и предаваться прядению. Во время этой работы можно было услышать, как она постоянно напевает или напевает, как бы напевая круглую мелодию, слова *sili ffrit*. Так что это *sili ffrit Leisa Bèla* и сейчас можно услышать из уст детей того района. Но мне не удалось выяснить, что именно означает "глупый фрит" Лизы Беллы, хотя в целом я убежден, что эти слова не валлийского происхождения. Последнее из них, *ffrit*, обычно применяется в Кардиганшире к чему-либо никчемному или незначительному, а производное, *ffrityn*, означает того, в ком нет стремления или настойчивости: женский род - *ffriten*. В Карнарвоншире моя жена слышала, как *ffrityn* и *ffritan* применялись к маленькому мужчине и маленькой женщине соответственно. Мистер Хьюз говорит, что в Мерионете и некоторых районах Поуиса *sili ffrit* - это термин, применяемый к маленькой женщине или женщине-карлику, которая бывает гордой, тщеславной и любит внимание другого пола (*benyw fach neu goraches falch a hunanol a fydaï hoff o garu*); но он думает, что слышал, как его использовали по отношению к цыганам, а возможно, и к *Tylwyth Teg*. Преподобный О. Дэвис считает, что слова *sili ffrit Leisa Bèla* очень современны и что они относятся к девушке, которая жила в местечке по соседству, называемом Брин Бела или Бримбела, "Холм Беллы"; смысл в том, что эта Белла в свое время опередила всех девушек в тех краях в вопросах вкуса и моды. Однако это не кажется достаточно далеким прошлым, и все еще возможно, что в *Bèla*, то есть в английском написании *Bella*, мы имеем просто сокращение какого-нибудь имени вроде *Isabella* или *Arabella*, которые когда-то были гораздо более популярны в княжестве, чем сейчас: на самом деле, я не уверен, что *Leisa Bèla* - это не боди-корректное

написание *Isabella*. Что касается *sili ffrit*, то поначалу можно было бы склониться к тому, чтобы перевести его как *small fry*, особенно в смысле французского "de la friture" применительно к юношам и мальчикам, и связать его с валлийскими *sil* и *silod*, которые означают мелкую рыбешку; но произношение *silli* или *sili* почти такое же, как у английского слова *silly*, и в целом оно, похоже, принадлежит к числу английских слов, которые можно найти в разговорном валлийском, хотя они редко попадают в книги. Студенты, изучающие английский язык, должны быть в состоянии сказать нам, имел ли *frit* то значение, которое здесь предлагается, в какой-либо части Англии, и как давно; также, было ли в употреблении такое выражение, как "silly frit". После того, как я написал это, я получил следующее интересное сообщение от мистера Уильяма Джонса из *Anglophen*: - Термин *sili ffrit* раньше использовался в Беджгелерте, и то, что под ним подразумевалось, было ребенком из *Tylwyth Teg*. Он до сих пор используется для обозначения любого существа, которое меньше обычного. 'Pooh, a silly frit like that!' (*Pw, rhyw sili ffrit fel yna!*). 'У миссис Со и Со прекрасный ребенок' (*Mrs. So-and-So has a fine child*). 'Ха, неужели вы называете такого глупца прекрасным ребенком?' (*Mae gan hon a hon blentyn braf. Ho, a ydych chwi'n galw rhyw sili ffrit fel hwnna'n braf?*). Возвращаясь к Лейсе Беле и Белене, можно сказать, что под обоими этими именами подразумевался один и тот же человек, но я не спешу их идентифицировать, поскольку никто из моих корреспондентов не знает последнего из них, кроме мистера Хьюза, который передает его со слов барда Гутына Периса, и больше ничего, насколько я могу понять, тогда как Бела предстанет перед нами в другой истории, поскольку это то же самое имя, как я предполагаю, которое Гласынис написал *Bella* в *Cymru Fu*.

Так я писал в 1881 году: с тех пор я выяснил у профессора Джозефа Райта, занятого работой над своим большим "Словарем английских диалектов", что *frit*²⁷ - это то же самое слово в диалектах Чешира, Шропшира и Пемброкшира, что *u fright* в литературном английском; и что соответствующий глагол *to frighten* в них - *fritten*, а *a frittenin* (= книжное английское *frightening*) означает призрак или наваждение. Таким образом, *sili ffrit* - это просто английское *silly frit*, и означает оно, вероятно, глупый призрак или привидение, а *sili ffrit Leisa Bèla* означало бы глупый призрак женщины по имени Лиза Белла. Но глупая Фрит, найденная прядущей возле бассейна Корвион, снова попадет в поле зрения, поскольку эта фея принадлежит к группе сказок Румпельштильцхен, и фрагмент истории о ней покажет, что она обращалась к Глупой Фрит как к своему собственному имени, которое не должно было дойти до ушей того, кого она пыталась задобрить.

Эти истории связаны с сегодняшним днем не только в одном, но и в другом смысле, ведь помимо различных рассказов о том, как *bwganod* или боги Корвиона пугали людей, когда те выходили на улицу поздно ночью, мистер Д. Э. Дэвис знает человека, который еще жив и который хорошо помнит то время, когда в бассейне раздавался шум работы и голоса детей, плававших где-то в его глубине, но когда люди бросались туда, чтобы посмотреть, в чем дело, все оказывалось глубоко тихим и спокойным. Кроме того, в приходах *Andegai* и *anEchid* сейчас проживает несколько семей, которых раньше дразнили тем, что они являются потомками предков-фей. Одна из этих семей получила прозвище "Смычяид" или "Смычяид"; мой собеседник, которому еще нет и сорока, говорит, что слышал, как его мать десятки раз повторяла, что старики говорили, будто Смычяиды, которых было очень много в округе, произошли от фей и что они родом из *yn Corwion*. На все это Смихиаиды обычно сильно гневались. Другая традиция, по его словам, гласит, что они были странствующей семьей, прибывшей в этот район из Конвея, и что отца звали Симвх, или, скорее, это было его прозвище, основанное на собственном имени Симвнт, которое, похоже, когда-то было распространенным именем в Андегае. Исторический порядок этих слов в таком случае был бы следующим: *Симвнт*, *Симвч*, *Смихиаид*, *Смихиаид*. Теперь же *Симвнт*, по-видимому,

просто валлийская форма английского имени *Саймонд*, так же как *Эдмунд* или *Эдмонд* в Северном Уэльсе становится *Эмвнтом*. Возражение против этого прозвища, по-видимому, заключается в том, что, как указывает мне один из моих корреспондентов, *Simwch* означает обезьяну, и я хотел бы получить дополнительную информацию по этому вопросу. *Pughe* дает *simach*, правда, как имеющее значение латинского *simia*. Ветвь той же семьи, как говорят, называется "у *Cowperiaid*" или Куперы, от предка, который был бондарем либо по имени, либо по профессии. Мистер Хьюз рассказал о *Смихиаидах*, что они являются потомками некоего *Симондса*, который стал бейлифом в *Бодисгане*, недалеко от *Деганви*, и переехал оттуда в *Коэтмор*, расположенный по соседству с *Корврионом*. *Симондс* был несносен бардам, продолжает он, и они описывали *Смихейда* как прибывшего в приход на дне *саве*?, "вертела или корзины, которую несли на спине", хотя по воле случая шнур *саве* оборвался как раз в этом районе, в местечке под названием *Понт-и-Кан* (*Pont y Can*). Этот несчастный случай, по словам мистера Хьюза, описан в следующем догере, происхождение которого мне неизвестно

E dorai 'r arwest, ede wan,

Brwnt y e, ar Bont y an.

Шнур обрывался, слабая пряжа,

В том скверном месте, Понт да кан.

Любопытно, что та же история с *каве* была рассказана о широко распространенной в Северном Кардиганшире семье, чья фамилия произносилась как *Massn*, а писалась как *Mason* или *Mazon*: поскольку моя мать была из этой семьи, я часто слышал эту историю. Если я правильно помню, в данном случае говорилось, что фамилия пришла из Шотландии, где были прослежены три человека, поселившиеся в Северном Кардиганшире. У одного из них не осталось потомков, но двое других, *Мейсон* и *Пил* - кажется, его звали *Пил*, но я уверен, что это не валлиец, - произвели на свет столько потомков, что масонов, во всяком случае, там очень много; но многие из них, в какой-то степени, вероятно, из-за истории с *Кавеем*, были достаточно глупы, чтобы изменить свое имя на *Джонс*, некоторые из них - в мое время. Эти три человека, вероятно, приехали туда в поисках убежища во время беспорядков в Шотландии, как *Фрейзер* и *Фрэнсис* приехали на *Англси*. Во всяком случае, я никогда не слышал, чтобы предполагалось, что они были водного происхождения, но, принимая во внимание *саве* и популярный рассказ о *Смихиаиде*, я склонен думать, что *саве* первоначально относилось к какому-то такому предполагаемому роду. Я лишь надеюсь, что кто-нибудь поможет нам с другой и более длинной историей *саве*?, которая компенсирует краткость этих аллюзий. Однако, как мне кажется, можно предположить, что в *Гвинедде*, если не в других частях княжества, одно время существовала тенденция верить или делать вид, что верить, что потомки англичанина или шотландца, поселившиеся среди старых жителей, были фейского происхождения, и что их история была какой-то странной, что, конечно, вызывало должное негодование. Это в некоторой степени помогает объяснить, как имена сомнительного происхождения попали в эти сказания, такие как *Смихиаид*, *Каупериаид*, *Пеллингс*, *Пенелопа*, *Лейса Бела* или *Изабелла* и т. п. Именно эта связь озерных легенд с незваными гостями, возможно, в значительной степени спасла их от полного забвения.

Что касается церкви в *Корвионе*, то эта традиция не кажется древней, и она основана на одной из популярных этимологий слова *Corwion*, которая рассматривает первый слог как *cor*

в значении хор; но у слова есть и другие значения, в том числе стойло для волов или загон для скота. Если принять это за приближение к истинному объяснению, то сразу же напрашивается вывод, что *Creuwurion* в "*Мабиноги*" Мат-аб-Матхонви - это то же самое место, поскольку *creu* или *сгаи* также означало загон для животных, в том числе свиней. В ирландском языке это слово звучит как *срб*, загон, хижина или лачуга. Отрывок из "*Мабиноги*" ²⁸ относится к возвращению Гвидиона со свиньями, которых он добыл с помощью магии и обмана у Придери, принца Дифеда, и в переводе леди Шарлотты Гост звучит так: "И они отправились в самый высокий город Ар-Эф-Эчведа, , и там они сделали стойло (*creu*) для свиней, и поэтому тот город получил название Креувирион". Что касается слова *wurion* или *wurion*, которое в Корвионе по современному обычаю превращается в *wrion*, то, по-видимому, это не что иное, как обычное множественное число от *wur*, внук, ранее также любой потомок по прямой линии. Если это так, то первоначально должно было следовать имя предка, подобно тому как одно из мест, называемых Беттвс, когда-то было *Беттвс Уирион Иддон*, "Беттвс потомков Иддона"; но возможно, что *wurion* в Креу- или Кор-вирион само по себе было мужским именем, хотя я никогда с этим не сталкивался. Уместно добавить, что в "*Записях Карнарвона*" (стр. 12, 25, 26) это имя встречается как Крюрион, что отсылает нас к первой половине четырнадцатого века. Там оно встречается как название поселка, содержащего восемь галлов, и сведения о нем могли бы дать нам ценную информацию о том, каким мог быть его статус в еще более ранние времена, если бы кто-то был знаком с землевладениями того времени.

VI.

Здесь, для сравнения с нортвальскими историями, в которых фея-жена убегает от своего мужа из-за того, что он ненароком коснулся или ударил ее железом в уздечке, путах или стремени, как на стр. 35, 40, 46, 50, 54, 61. Я хочу привести самую старую версию, а именно из любопытного сборника анекдотов и легенд Уолтера Мейпса под названием *De Nugis Curialium Distinctiones Quinque*. Мапес процветал во второй половине двенадцатого века, и в *Distinctio ii. 11* издания Томаса Райта, опубликованного в 1850 году, можно прочесть следующую историю, которая служит для того, чтобы рассказать о происхождении некоего Тринио, о котором Мапес мог бы сказать больше: "...

Aliud non miraculum sed portentum nobis Walenses referunt. Wastinum Wastiniauc secus stagnum Brekeinauc [читается Брехейнаук], quod in circuitu duo miliaria tenet, mansisse aiunt et vidisse per tres claras a luna noctes choreas fæminarum in campo avenæ suæ, et secutum eum eas fuisse donec in aqua stagni submergerentur, unam tamen quarta vice retinuisse. Narrabat etiam ille raptor illius quod eas noctibus singulis post submersionem earum murmurantes audisset sub aqua et dicentes, 'Si hoc fecisset, unam de nobis cepisset,' et se ab ipsis edoctum quomodo hanc adepta [читай -us] sit, quæ et consensit et nupsit ei, et prima verba sua hæc ad virum suum, 'Libens tibi serviam, et tota obedientiæ devotione usque in diem illum prosilire volens ad clamores ultra Lenem [читай Leueni] me freno tuo percusseris.' Est autem Leueni aqua vicina stagno. Quod et factum est; post plurimæ prolis susceptionem ab eo freno percussa est, et in reditu suo inventam eam fugientem cum prole, insecutus est, et vix unum ex filiis suis arripuit, nomine Triunem Uagelauc.

Уэльсцы рассказывают нам о другом, не столько чуде, сколько предвестии, следующим образом. Говорят, что Гвестин из Гвестиниога жил рядом с Брекнокским болотом,

окружность которого составляет две мили, и что в три лунные ночи он видел на своем овсяном поле танцующих женщин, и он следил за ними, пока они не утонули в воде болота; но в четвертый раз, говорят, он схватил одну из них. Ее похититель далее рассказывал, что в каждую из этих ночей он слышал, как женщины, погрузившись в воду, журчали под водой и говорили: "Если бы он сделал так-то и так-то, он бы поймал одну из нас", и что он был проинструктирован их собственными словами о том, как ему ее поймать. Она уступила и стала его женой, и ее первые слова, обращенные к мужу, были такими: "Охотно буду я служить тебе и от всего сердца повиноваться до того дня, когда, желая отправиться на крики за *ŷufni*, ты ударишь меня уздечкой своей" - *ŷufni* - это гора у болота. Так и случилось: подарив ему многочисленное потомство, он ударил ее уздечкой, а вернувшись домой, застал ее убегающей с потомством, и погнался за ней, но с трудом догнал даже одного из своих сыновей, и его называли Тринио (?) Фаглог".

В дальнейшем повествовании Тринио вступает в бой с людьми князя, который, судя по всему, был не кто иной, как Брычан из Брычейниога, умерший, предположительно, в середине пятого века. Битва была неудачной для Тринио и его друзей, и после этого Тринио никогда не видели; Уолтер Мапес сообщает, что люди верили, будто его спасла мать и что он вместе с ней до сих пор живет в озере. Гиральдус называет его *lacus ille de Brecheniauc magnus et famosus, quem et Clamosum dicunt*, "то великое и знаменитое озеро в Брекноке, которое они также называют *Clamosus*", что объясняется валлийским *ŷyn ŷefni*, названным так от реки *ŷefni*, неправильно истолкованной как происходящая от *ŷef* "крик". С этим озером он связывает легенду о том, что по приказу законного принца Уэльского птицы, населяющие его, сразу же начинают кричать и петь. Он утверждает, что это было доказано в случае с Груффуджем, сыном Риса, хотя в то время норманны были хозяевами его личности и его территории²⁹. Остановившись на изменении цвета озера, он добавляет следующее утверждение: *-Ad hæc etiam totus ædificiis consertus, culturis egregiis, hortis ornatus et pomeriis, ab accolis quandoque conspicitur*, "Сейчас и потом соседние жители видят, что оно покрыто зданиями, украшено прекрасным земледелием, садами и огородами". Оно примечательно тем, что является одним из немногих озер в Уэльсе, где были обнаружены остатки кранного, и хотя Мейпс описывает его всего в две мили в окружности, сейчас говорят, что оно около пяти; поэтому иногда³⁰ его рассматривают скорее как островок с островом, чем как пример свайного жилища.

В "Брайтоне" за 1863 год, с. 114-15, можно найти то, что предположительно является копией версии "Легенды о Синфаджоне", содержащейся в рукописи Хью Томаса, хранящейся в Британском музее. В ней говорится, что жители окрестностей рассказывают историю о том, что вся земля, которую сейчас покрывает озеро, принадлежала принцессе, у которой был поклонник, за которого она не хотела выходить замуж, пока он не добудет много золота: ей было все равно, каким образом. Однажды он убил и ограбил человека, у которого были деньги, и тогда принцесса приняла предложение убийцы, но ей стало не по себе из-за сообщений о том, что призрак убитого преследует место, где было похоронено его тело. Поэтому она заставила своего поклонника отправиться ночью, чтобы расспросить призрака и уложить его. Когда он ждал у могилы, то услышал голос, спрашивающий, не будет ли отомщен невинный человек, и другой голос ответил, что отомщен он будет только в девятом поколении. Принцесса и ее возлюбленный почувствовали себя в безопасности и поженились: они размножились и стали многочисленными, а их город превратился в подобие Содомы; а первая пара прожила так удивительно долго, что увидела своих потомков в девятом поколении. Они ликовали в своем процветании и однажды устроили большой пир в честь этого; и когда их потомки пировали вместе с ними, а веселье и радость были в зените,

предки и потомки были все до одного утоплены в могучем катаклизме, который и породил нынешнее озеро.

Наконец, можно кратко упомянуть о сохранившемся в окрестностях поверье о том, что под водами озера находится город, и что в непогоду можно услышать звон колоколов с церковной башни этого города, а в тихую погоду отчетливо виден шпиль церкви. Мой информатор, писавший в 1892 году, добавил: "Нам эта история кажется неправдоподобной, но многие старики в нее верят".

Я должен был упомянуть, что поэт пятнадцатого века Льюис Глин Коти связывает с озером [Сифаджон](#)³¹ афанскую легенду; но ее будет легче понять в свете более полной легенды с берегов реки Конви. Поэтому читатель найдет слова Глин Коти в следующей главе.

¹ Что касается написания валлийских имен, то для пользы английских читателей можно отметить, что валлийское *f* имеет звук английского *v*, в то время как звук английского *f* в валлийском пишется *ff* (и *ph*), и каким бы странным ни казалось им, что письменное *f* должно звучать *v*, оно заимствовано из старого английского алфавита, который делал это аналогичным образом более или менее систематически. *Th* в таких английских словах, как *thin* и *breath*, пишется *th*, но мягкий звук, как в *this* и *breathe*, обычно печатается в валлийском *dd*, а в современных валлийских рукописях иногда пишется *đ*, как маленькая греческая дельта: его можно найти представленным *đ* в валлийских отрывках, отредактированных мной в этом томе.-J. R. ↑

² "Бленсавдже, или верховье реки Савдже, находится примерно в трех четвертях мили к юго-востоку от деревни Андеузант. Она дает название одной из деревушек этого прихода. Исток реки Савдже находится в деревне Фан-Фах, которая расположена почти в двух милях от Бленсавдж-Хаус". ↑

³ Правильнее было бы перевести так: "О ты, о гофрированный хлеб, меня нелегко поймать". R. ↑

⁴ Приход Мидфай в прежние времена славился своими прекрасными девушками, но были ли они потомками Леди Озера или кем-то другим, выяснить невозможно. В одном из старинных пенисов говорится об их красоте следующим образом

Mae eira gwyn

Ar ben y bryn,

A'r glasgoed yn y Ferdre,

Mae bedw mân

Ynghoed Cwm-brân,

A merched glân yn Mydfe.

Что можно перевести,

Белый снег

На челе горы,

И зеленый лес в Вердре,
Молодая береза так хороша
В лесу Cwm-brân,
И прекрасные девушки в Миджфе".

↑

5 Аналогично следует перевести: "О ты, о влажный хлеб, я не буду иметь тебя". R. ↑

6 В лучшем деметском валлийском это слово будет *hweddel*, а в гвентианском языке Гламоргана - *gweddel*, мутировавшее *weddel*, как можно услышать в окрестностях Бридженда.- Дж. R. ↑

7 Это не является общепринятым, поскольку некоторые валлийские антиквары находят основания полагать, что Дафид ап Гвилим был похоронен в Страта Флорида. R. ↑

8 Это не совсем верно, поскольку я считаю, что доктор К. Райс Уильямс, живущий в Аберистуите, является одним из Meduigon. Имеется в виду 1881 год, когда была написана эта глава, за исключением тех частей, относительно которых читателю сообщается более поздняя дата.- Дж. R. ↑

9 Позже станет ясно, что *трибан* в вышеупомянутой форме не предназначался ни для одного из двух озер, хотя, казалось бы, должен был приспособиться к нескольким. В случае с озером Фан-Фах подразумевался город Кармартен, и двустилишие, вероятно, звучало так:

Os na cha'i lonyd yn ym □e,

Fi foda dre' Garfyrdin.

↑

10 *ŵch* - это заимствованное гойдельское слово *лох*, и □yn Cwm у *ŵch* буквально означает Озеро Лох Дингл. ↑

11 Я не делаю попыток перевести эти строки, но обнаружил, что мистер Эвелин Уильямс нашел еще более непонятную версию этих строк, которая звучит так: -

Prw med, prw med, prw'r gwartheg i dre',

Prw milfach a malfach, pedair □ualfach,

ŵualfach ac Acli, pedair lafi,

Lafi a chromwen, pedair nepwen,

Nepwen drwynog, brech yn □yn a gwaun dodyn,

Tair bryncethin, tair cyffredin,

Tair caseg du, draw yn yr eithin;

Dewch i gyd i lys y brenin.

↑

12 Тай-фри - это дом, которому, как говорят, около 200 лет, расположенный примерно в двух милях от Ронджа-Фехана: точнее, в четверти мили от станции Истрад-Ронджа, и стоит у подножия горы Мыныд-ир-Эглвис со стороны Треорки. Сейчас он окружен коттеджами рабочих, один из которых занимает его. За эту информацию я должен поблагодарить мистера Проберта Эванса. ↑

13 Следует иметь в виду, что звук *h* в произношении Гламоргана неопределенный, независимо от того, какой язык используется - валлийский или английский. Однако произношение, указанное мистером Эвансом, достаточно близко к аутентичной форме, написанной *Elfarch*. ↑

14 В районе Гвинедда в Сноудоне произносят *drwi*, *drwi*, *drw-i bach*, а в Северном Кардиганшире - *trwi*, *trwi*, *trw-e fach*, также иногда произносится с сурдинкой *r*, произносится, заставляя дыхание вибрировать обеими губами - *tR'wi*, *tR'wi*, что едва ли можно отличить от *pR'wi*, *pR'wi*. Чем сильнее вибрируют губы, тем труднее начать с их смыкания, чтобы произнести *p*: поэтому при произнесении *R'* наблюдается тенденция превращать предшествующий согласный в некое подобие *t*. ↑

15 Это валлийская форма заимствованного имени *Джейн*, и его произношение в Северном Кардиганшире - *Siân*, причем *si* произносится примерно как *ti* таких французских слов, как *nation* и т. п.; но в последние годы я вижу, как *si* превращается в английское *sh* под влиянием, вероятно, в некоторой степени английского, которому учат в школе. Это происходит в Северном Уэльсе, даже в тех районах, где все еще полно людей, которые не могут приблизиться к английским словам *fish* и *shilling* ближе, чем *fiss* и *silling*. *Siôn* и *Siân* представляют собой старый импорт английских *John* и *Jane*, но теперь они считаются старомодными и вытеснены *John* и *Jane*, которые я научился произносить *Dsiôn* и *Dsiên*, за исключением того, что *Siôn* сохранилось как фамилия, пишущаяся *Shone*, в окрестностях Врекшема. ↑

16 Этот термин *dafad* (или *dafaden*), "овца", также используемый для обозначения "бородавки", и *dafad* (или *dafaden*) *wyẏt*, буквально "дикая овца", для рака или эпителиомы, вызывает вопрос, на который я не могу ответить: почему бородавка должна была быть уподоблена овце? ↑

17 Это название, вероятно, является сокращением *Caweẏyn*, а также, возможно, *Caweẏ-lyn*, "Крил или Корзиночное озеро". Его старое название, как говорят, было *ẏyn Tardenni*. ↑

18 *Tyn* - это сокращение *om tyẏyn*, которое не совсем забыто в случае с *Tyn Gadlas* или *Tyn Siarlas* (от *Tyẏyn Siarlyls*), 'Charles' Tenement', в непосредственной близости. Точно так же англ. ферма *Tyn yr Onnen* в свое время называлась *Tyẏyn yr Onnen* в книгах Иисус-колледжа, Оксфорд, к которому она принадлежит. ↑

19 Это произношение, которому я научился в Анберисе, но есть и другое, которое я тоже слышал, а именно *Derwenyđ*. ↑

20 *Ystrad* - это валлийское слово, соответствующее шотландскому *strath*, и оно почти родственно английскому *strand*. Оно означает плоскую землю возле реки. ↑

21 *Betws* (или *Bettws*) *Garmon*, по-видимому, означает *Bede-hūs* или Дом молитвы Германа, но *Garmon* вряд ли мог дойти в валлийском языке со времен знаменитого святого в V веке, поскольку тогда, вероятно, получился бы *Gerfon*, а не *Garmon*: похоже, что он пришел через гойдельский язык этой страны. ↑

22 Одним из редких достоинств наших валлийских бардов является их привычка брать себе постоянные *имена и фамилии*, благодаря чему они не дают ряду прекрасных местных имен кануть в Лету в общем хаосе англо-еврейских имен, таких как Джонс, Дэвис и Уильямс, которыми покрыто княжество. Валлийские географические названия также подвергались угрозе со стороны ивритских названий часовен, таких как Bethesda, Rehoboth и Jerusalem, но в этом направлении еврейская мания лишь иногда наносила постоянный ущерб. ↑

23 "*Брайтон*" - ценное валлийское периодическое издание, издававшееся мистером Робертом Айзеком Джонсом в Тремадоке в 1858-1863 годах под редакцией преподобного канцлера Сильвана Эванса, который в то время был викарием церкви *angŷan* в *ŷeup*: фактически он был викарием в течение четырнадцати лет! Его отличная работа по редактированию "*Брайтона*" заслужила недовольство епархиального начальства, но легче представить, чем описать, как тяжело ему было отказаться от гонорара в 24 фунта, получаемого от "*Брайтона*", когда его жалованье как священнослужителя составляло всего 92 фунта, при том, что на его иждивении находились жена и шестеро детей. Как бы ни смеялись некоторые над возрождением национального духа в Уэльсе, мы, как мне кажется, зашли так далеко, что еще какое-то время валлийского священнослужителя не будут поносить из-за его литературных вкусов или увлечения археологией своей страны. ↑

24 Этот приход назван в честь святого по имени *Тегай* или *Тыгай*, как *Тифазлог* и *Тисилио*, и хотя ударение падает на последний слог, ничто не могло помешать грамматике Хуву Тегаю и его друзьям превратить его в *Тегай* от имени Хува. ↑

25 Для *can* теперь обычно пишут *Ann*, и мистер Хьюз помнит, что слышал это много лет назад. ↑

26 Я помню, что видел подобный курган в *anfyfnach*, в Пембрукшире; предполагается, что в последний раз углубление на его вершине использовалось для петушиных боев. ↑

27 Мое внимание также было обращено на *freit, frete, freet, fret*, "новости, расследования, предзнаменования", соответствующие англосаксонскому *freht*, "гадание". Но несходство значений, похоже, не позволяет отнести наше *ffrit* к этому происхождению. ↑

28 The Oxford *Mabinogion*, p. 63; Guest, iii. 223. ↑

29 См. *Itinerarium Kambriæ*, i. 2 (pp. 33-5), и *Celtic Britain*, p. 64. ↑

30 Как, например, в *Archæologia Cambrensis* за 1870 г., с. 192-8; см. также 1872 г., с. 146-8. ↑

31 У Хауэллса также есть рассказ о *ŷyn Savadhan*, как он его пишет: см. его "*Кембрийские суеверия*", стр. 100-2, где он причудливо говорит, что история о злодеяниях древнего лорда Сифаддона приводится в качестве причины, по которой "суеверная маленькая речка Левенни не смешивает свою воду с водой озера". *Lewenny* - это безрассудное улучшение Mapes's *Leueni* (печатается *Lenem*); а *Clamosum* Гиральдуса подразумевает старое написание *ŷefni*, произносимое так же, как и более позднее написание *ŷyfní*, которое теперь превращается в *ŷynfi* или *ŷynvi*: так называемая река течет через озеро и впадает в Уай у Гласбери. Что касается *Сафаджана* или *Сифаджана*, то оно, вероятно, гойдельского происхождения и должно быть отождествлено с таким ирландским именем, как женское *Samthann*: см. 19 декабря в мартирологах. Чтобы не выходить за рамки наших данных, мы можем предположить, что так звали злую принцессу в этой истории, и что она была прародительницей клана, некогда могущественного на озере и вокруг него, который находится в гойдельской области, о чем свидетельствуют огамские надписи. ↑

ГЛАВА II

Месть фей

В старые времена короля Артура,
О котором бритты говорят с почтением,
В этой земле было много фей.
Королева эльфов со своей веселой компанией,
Даунсед фул офте во многих грин меде;
Таково было старое мнение, как я помню.
Я говорю о многих сотнях лет назад.
Чосер.

I.

Лучшим авторитетом в области фольклора Беджгелерта, Дрвс-и-Коэда и прилегающих районов, которого я нашел, является мистер Уильям Джонс, из города Кен. Он много писал на эту тему в *"Брайтоне"* и в эссе, предназначенных для конкурса на различных литературных собраниях в Уэльсе. Я одолжил у него одно из таких эссе и сослался на *"Брайтон"*; кроме того, я получил от мистера Джонса несколько писем, большинство из которых содержат дополнительную информацию. Кроме того, в соответствии со своей обычной практикой, я попросил мистера Джонса рассказать мне немного о своей собственной истории. Он был достаточно любезен, чтобы сделать это; и, поскольку до сих пор я не придерживался определенного порядка в этих заметках, теперь я предоставляю читателю содержание его писем на английском языке, поскольку я очень хочу, чтобы ни одна деталь не была потеряна или осталась недоступной для английских студентов, изучающих фольклор. То, что непонятно мне, может оказаться непонятным тем, кто серьезно изучал этот предмет. Слова мистера Джонса по существу сводятся к следующему:-

Я вырос и родился в приходе Беджгелерт, , одном из самых деревенских районов и наименее подверженных изменениям во всей стране. Некоторые из старых валлийских обычаев сохранились в моей памяти, несмотря на негативное влияние кальвинистской Реформации, как ее называют, и я сам был свидетелем нескольких ночей вязания и брачных пиров (*Neithiorau*), которые, надо заметить, не следует путать со свадьбами, поскольку это были пиры, следовавшие за свадьбами, с интервалом в неделю. На этих сборищах песни и рассказы составляли первостепенный элемент развлечений в то время, когда упомянутая Реформация уже отменила Веселые ночи (*Noswyliau* ȝawen) и Праздники святых¹ (*Gwyliau Mabsant*) до дней моей юности, хотя многие из моих пожилых знакомых хорошо помнили их и

сохранили яркие воспоминания о десятках забавных историй, которые рассказывались на последних упомянутых ночных сборищах. Я слышал не мало таких историй, воспроизведенных людьми того поколения. В качестве примера старомодных привычек жителей Беджгелерта в мои ранние годы я могу привести то, как называли жен и детей. Согласно обычаю, жена никогда не брала фамилию мужа, а сохраняла ту, что была у нее в девичестве. Так, мою бабушку по материнской линии звали Эллен Хьюз, она была дочерью Хью Уильямса, из Гвастад-Аннаса. Ее мужа, моего деда, звали Уильям Причард [= *W. ab Rhisiart*, или сын Ричарда], сын Ричарда Уильяма из Эфайл Ньюидж. Старшего сына, моего дядю (брата моей матери), звали Хью Хьюз, а второго сына - Ричард Уильям. Мать имела привилегию назвать своего первенца в честь собственной семьи, если это был мальчик; но если это была девочка, она брала имя из семьи отца, поэтому девичья фамилия моей матери была Кэтрин Уильямс. Это имя оставалось ее именем до самой смерти, а старики в Беджгелерте упорно называли меня, пока я был дома, Уильямом Причардом, в честь моего деда, поскольку я был старшим ребенком моей матери.

Большинство собранных мною историй, - говорит мистер Джонс, - относятся к приходам Беджгелерт и Долвиджелен. Моя родня из поколения в поколение жила в этих двух приходах, и они очень многочисленны: раньше говорили, что все жители Долвиджелена и Беджгелерта - двоюродные братья. В основном они были мелкими фермерами и ревниво относились ко всем чужакам, поэтому почти без исключения женились из одного прихода в другой. Это смешение помогло перенести предания одного прихода в другой и увековечить их на очагах своих домов из поколения в поколение, пока они не были сметены другим влиянием в нашем веке. Многие из моих предков, похоже, очень любили рассказы, поэзию и пение, и мне рассказывали, что некоторые из них были очень искусны в этих делах. Так и в случае с моими родителями память о прошлом имела для них большое очарование с обеих сторон; и когда родственники из Долвиджелена и Беджгелерта встречались в одном из приходов, не было конца пересказу родословных и повторению историй, чтобы лучшие. Слушая их, я загорался желанием стать знатоком родословных и легенд. Родители каждый вечер отпускали меня в дом моего деда, Уильяма аб Ризиарта, клерка, послушать сказки и назидательные книги. Мой дед был чтецом "без соперника", и "он обыгрывал пастора в пустоту". По вечерам в Пен-и-Бонт собиралось множество людей, чтобы побеседовать вместе, и рассказы некоторых из них то и дело оказывались весьма красноречивыми. Разумеется, я слушал с жадностью и открытым ртом, чтобы, если услышу что-то новое, повторить это маме. Она же, не желая дать себя обойти, наверняка рассказывала что-нибудь подобное, услышанное от матери, бабушки или старой тетки из Гвастад-Аннаса, которая была неплохим стихоплетом в домашней обстановке. Потом мой отец, если он не был занят своей музыкальной книгой, тоже рассказывал нам историю, которую он слышал от своей бабушки или дедушки, старого Джона Джонса из Тына (*Tyn ŷan Dolwydalen*), или кто-нибудь другой. Это один из источников, из которого я почерпнул свои знания о фольклоре; но это прекратилось, когда мы переехали из Беджгелерта в Карнарвон в 1841 году. Мой дед умер в 1844 году, в возрасте семидесяти восьми лет".

Кроме тех, - продолжает мистер Джонс, - кто приходил в дом моего деда и в его мастерскую рассказывать истории, кузница была, особенно в дождливый день, отличным местом для рассказа, и не раз я таился там, вместо того чтобы идти в школу, чтобы послушать старого Уильяма Дафиджа, пильщика, который - мир его праху! выпил не один рог из "*Большой квартиры*", ни разу не сорвавшись, а старый Ифан Оуэн, рыбак, рвался к лучшему в своих пряжах, иногда состоящих из лжи, а иногда из правды. Первый был весельчаком и большим острословом, способным на всевозможные уловки. Он смешил всех, в то время как второй сохранял серьезность святого, какой бы лживой ни была история, которую он рассказывал.

Лучшие истории Ифана Оуэна были о Водяном Духе, или, как он его называл, *amhigyn y Dwr*, "Водяном Попрыгунчике". Сам он не видел *amhigyn*, но его отец видел его "сотни раз". Не один вечер она не давала ему поймать ни одной рыбки в Гвинан, и когда рыбак переходил к этой теме, его красноречие становилось многословием. Однажды, когда он уже несколько часов рыбачил под конец дня, но так ничего и не поймал, он обнаружил, что при каждом забросе мушки что-то срывает ее с крючка. Переходя с места на место по озеру, он рыбачил напротив Бенлан-Вена, когда что-то страшно дернуло его леску, "и, клянусь виселицей, я дернул еще раз, - рассказывал рыбак, - со всей силой моей руки: она вылетела и сорвалась с крючка, а я обернулся, чтобы посмотреть, как она так ударилась о скалу Бенлана, что сверкнула, как молния". Он добавлял: "Если это был не *Амхигин*, то, наверное, сам дьявол". Этот утес, должно быть, находится в двухстах ярдах от берега, не меньше. Что касается его отца, то он не раз видел Водяного Духа, а еще он однажды рыбачил в реке Глас или Ффиннон Лас, когда поймал на крючок удивительное и страшное чудовище: оно не было похоже на рыбу, а скорее напоминало жабу, только вместо ног у него был хвост и крылья. Он легко подтянул ее к берегу, но, когда голова ее показалась из воды, она издала ужасный вопль, которого хватило бы, чтобы расколоть кости рыбака до мозга костей, и, если бы рядом не было друга, он упал бы головой вниз в озеро и, возможно, был бы затянут, как овца, в глубину; ведь существует предание, что если овца попадет в Глас, ее уже нельзя будет вытащить, так как что-то сразу же утащит ее на дно. На моей памяти, так считали пастухи из Квм-Дайли, и они следовали этому убеждению, никогда не позволяя своим собакам преследовать овец в окрестностях этого озера. Эти два весельчака, Уильям Дафидж и Ифан Оуэн, давно умерли, не оставив ни одному из своих потомков ни малейшей нити мантии сказочника. Первому, если бы он был жив, сейчас было бы не меньше 129 лет, а второму - около 120".

Далее мистер Джонс продолжает рассказывать, что, помимо упомянутых источников, у него были истории от Лоури Робарт, жены Рисирта Эдварта, "старого проводника"; от его старой тетки из Гвастада Аннаса; от Уильяма Вмффы, мужа сестры его бабушки; от бабушки, которая была родом из Долвиджелена, но воспитывалась в Пвэрноге, в Нанморе; от ее сестры; и от Груффуджа Присиарта, из Нанмора, впоследствии из Глан Колвина, который передал ему легенду об Оуэне Лоугохе, о которой мне будет что сказать позже, и историю о тележке из Пен Пвлл Кох, которую я не знаю. "Но главным рассказчиком в Беджгелерте, - продолжает мистер Джонс, - был Твм Ифан Сиамс (произносится как Си́амс или Шя́мс), брат, как я полагаю, Дафиджа Сиона Сиамса из Пенрхена, который был бардом и родословной. Твм жил в Нанморе, но я не знаю, чем он занимался; его родственники, однако, были мелкими фермерами, плотниками и каменщиками. Не исключено, что он также был ремесленником, поскольку разбирался в числах, величинах и буквах и оставил после себя том, составляющий родословную книгу, известную в Нанморе как *Barcud Mawr*, или "Великий змей", как сказал мне Груффудж Присиарт. Последний читал ее много раз, чтобы узнать о происхождении того или иного человека. Все, что я могу вспомнить об этом персонаже, - это то, что он был очень стар, ему было за 90, и что в преклонном возрасте он ходил из дома в дом, рассказывая сказки и пересказывая родословные: везде его встречали с большим радушием. Помню также, что он был небольшого роста, проворный, остроумный, чрезвычайно забавный и всегда готовый высказаться по любому поводу. Он имел привычку заглядывать к моему дедушке во время его прогулок, и мои родители всегда очень радушно принимали его за его рассказы и знание родословной. История афанка, приведенная в моем сборнике, взята из его уст. Вы заметите, как мало различий между его [версией2](#) и той, что была известна Эдуарду в 1695 году. Я рассказывал эту историю своему другу из Портмадока, который был внуком или правнуком Дафиджа Сиона Сиамса из Пенрхена в 1858 году, когда он обратил мое внимание на ту же историю в "*Кембрийском журнале*" из переписки Эдуарда *yw*. Меня удивило сходство между двумя версиями, и я отправился в Беджгелерт к

Груффудду Рисарту, который был родственником Твма Сиона Сиамса. Я прочитал ему эту историю и обнаружил, что он слышал ее от своего дяди точно так же, как и я, и в том виде, в каком она приводится в "Кембрийском журнале". У Твма Ифана Сиамса были забавные истории о проделках *Гврач-и-Рхибин*, *Бодах3 Глас* и *Бвбах ȳwud*, которые он локализовал в Нанморе и Анфротене; у него также был очень красноречивый рассказ об ухаживаниях моряка из Моэль-и-Гест, близ Портмадока, и русалки, о котором я сохранил довольно хорошие воспоминания. Я полагаю, что Твм умер в 1835-6 годах, в возрасте около девяти лет".

До сих пор я просто переводил рассказ мистера Джонса о себе и своих авторитетах, который он дал мне в письме, на которое я уже ссылался, датированном июнем прошлого, 1881 года. Теперь я хотел бы добавить суть его общих замечаний о феях, как он слышал их описание и как он выразился в своем эссе для конкурса фольклора на Карнарвонском съезде 1880 года: "Традиции, говорит он, относительно *Tylwyth Teg* варьируются в зависимости от положения районов, с которыми они связаны, и гораздо больше таких традиций продолжают помнить жители гор, чем жители более ровной местности. В некоторых местах *Tylwyth Teg* описываются как маленький вороватый народ, живущий летом среди кустов папоротника в горах, а зимой - в вереске и зарослях тростника. Они часто посещали ярмарки и воровали деньги из карманов фермеров, а вместо них клали свои собственные деньги фей, которые выглядели как монеты королевства, но когда ими расплачивались за что-либо купленное, они исчезали в карманах продавца. В других районах фей описывали как людей немного крупнее и сильнее, но и они отличались вороватым нравом. Они таились возле домов, выискивая возможность украсть масло и сыр с молочных заводов, и шныряли по коровьим дворам, чтобы подоить коров и коз, что они делали так тщательно, что по утрам не оставалось ни капли молока. Но главное их злодеяние заключалось в том, что они уносили некрещеных младенцев и подкладывали вместо них своих жалких и злобных отпрысков. Говорили, что они живут в скрытых пещерах в горах, и он слышал, как один старик утверждал, что твердо верит в то, что именно под Моэль-Эйлио, также называемой Моэль-Эйлиан, горой, лежащей между Анберисом и Кве-Энбином, живет *Тильвит Тег* из Нант-и-Беттвс, которого он видел много раз, когда был мальчишкой; И, если кто-нибудь заходил в устье их пещеры, он думал, что найдет там огромное богатство, "ибо они были ворами, не имеющими себе подобных".' Есть еще один вид *Tylwyth Teg*, очень непохожий на предыдущих по своей природе и повадкам. Этот последний вид был не только гораздо красивее и привлекательнее остальных, но и честнее и добрее по отношению к смертным. Вся их природа была полна радости и веселья, и их никогда нельзя было увидеть без дела, если они не были заняты каким-нибудь весельем. Яркими лунными ночами их можно было увидеть поющими и весело резвящимися на лугах и зеленых склонах, а иной раз - танцующими на верхушках камышей в долинах. А еще их часто можно было увидеть на охоте в полном вооружении на спинах своих серых лошадей, ибо эти люди были богаты и держали лошадей и слуг. Хотя раньше говорили, что это духовные и бессмертные существа, они ели и пили, как люди: женились и рожали детей. Они также отличались чистоплотностью и были склонны поощрять опрятных служанок и гостеприимных жен. Так, хозяйки увещевали своих служанок каждый вечер перед сном тщательно убираться в доме, говоря, что если вдруг в дом войдут *тилвит-теги*, то они обязательно оставят где-нибудь деньги для них; но они никому не должны были говорить, если найдут, чтобы *тилвит* не обиделись и больше не приходили. Хозяйки также приказывали поставить у подножия лестницы жестянку с водой, положить на стол чистую скатерть, а на нее - хлеб с приправами (*bara ac enȳyn*), чтобы, если *тайлвайт* зайдет поесть, служанки получили вознаграждение на плите, а также неизменную похвалу за чистоту в доме, или, как пишет мистер Джонс в двустии. Джонс приводит двустиие из книги Горонви Оуэна "Cywyd y Cynghorfynt-".

Cael eu rhent ar y pentan,

A □wyr glod o bai □awr glân.

Нашел плату фей на плите,

С полным кредитом за чистый пол.

Таким образом, независимо от того, приходили феи или нет, чтобы навестить их во время сна, к утру дом был чист, а стол готов к завтраку. Судя по всему, местами, куда чаще всего прибегали феи этого вида, были камышовые гребни, окруженные гладкими холмами с круглыми вершинами, берега рек и озер; но их редко видели вблизи скал или утесов. Поэтому больше рассказов о них можно найти в районах, относящихся к первому описанию, чем где-либо еще, и среди них можно назвать Пенмачно, Долвиджелан, склоны Моэль Сиабод, гору □andegái, а оттуда до □anberis, до Нантских озер, до [Моэль-Трифан4](#) и Нант-и-Беттвс, верхняя часть прихода Беджгелерт от Дрвс-и-Коэд до Пеннанта, и район, начинающийся оттуда и включающий равнинную часть Эйфиона, далее в сторону Селинног-Фора. Я почти не сомневаюсь, что в окрестностях Эйфла и в Эйне существует множество преданий о них; однако я мало что знаю об этих последних. Считалось, что феи этого рода живут под землей, а путь в их страну пролегает под полыми берегами, нависающими над самыми глубокими частями озер или глубокими бассейнами рек, так что смертные не могли проследить за ними дальше, чем по воде, если бы попытались их преследовать. Они выходили на берег средь бела дня, по двое или по трое, и время от времени пастух, как гласила поговорка, разговаривал и беседовал с ними. Иногда, правда, он влюблялся в их девиц с ног до головы, но они не позволяли смертному прикоснуться к ним. В наибольшем веселье их можно было увидеть ночью, когда луна была полной, когда они праздновали веселую ночь (*noswaith lawen*). В полночь с точностью до минуты их можно было увидеть поднимающимися из земли в каждой расщелине и долине; затем, взявшись за руки, они объединялись в круги и начинали петь и танцевать с мощью и силой, пока не раздавался крик петуха, после чего они исчезали. Многие ходили смотреть на них в эти ночи, но подходить к ним слишком близко было опасно, чтобы не заманить зрителя в свой круг; если это случалось, они накладывали на него чары, которые делали его невидимым для его товарищей, и он оставался в плену у фей до тех пор, пока жил. Иногда некоторые люди подходили к ним слишком близко, и их забирали к себе; а иногда влюбленный юноша, очарованный прелестями одной из фей, безрассудно бросался туда, чтобы схватить одну из них, и мгновенно оказывался окруженным и скрытым от глаз. Если бы его удалось вытащить до команды петухов, ему было бы не хуже; но как только феи исчезнут, так и не освободив его, его больше никогда не увидят в стране живых. Чтобы вытащить пленника, брали длинную палку из рябины (*pren criafol*), которую двое или более сильных мужчин держали одним из концов в середине круга, чтобы, когда человек будет кружиться в танце, он мог ухватиться за нее, ведь он находится там телесно, хотя и не виден, так что он не может пройти мимо, не наткнувшись на палку. Затем остальные вытаскивают его, потому что феи, как и любой другой дух, не смеют прикасаться к рябине.

Теперь мы перейдем к изложению некоторых легенд мистера Джонса. Первая - это та, которую он опубликовал в четвертом томе "*Брайтона*", стр. 70, откуда мы делаем следующий вольный перевод:...

В северо-западном углу прихода Беджгелерт есть место, которое старые жители называли Страной фей, и оно тянется от Cwm Hafod Ruffyd вдоль склона горы Drws y Coed до □yn y Dywarchen. Старики прежних времен находили в этом районе много удовольствия и развлечений, слушая каждую лунную ночь чарующую музыку прекрасной семьи, глядя на их

танцы и веселые забавы. Когда-то, давным-давно, жил в верхнем Дрвс-и-Коэде юноша, веселый и деятельный, храбрый и решительный сердцем. Каждый вечер этот юноша развлекался тем, что наблюдал за ними и слушал их. Однажды вечером они пришли на поле неподалеку от дома, у берега □уп у Dywarchen, чтобы провести веселую ночь. Он, как обычно, пошел посмотреть на них, и тут его взгляд сразу упал на одну из дам, которая обладала такой красотой, какой он никогда не видел ни в одном человеке. Ее внешность напоминала алебастр, голос был приятен, как у соловья, и неспешен, как зефир в цветнике в полдень длинного летнего дня, а походка - красива и аристократична; ее ноги двигались в танце так же легко по траве, как лучи солнца за несколько часов до этого по озеру, лежащему неподалеку. Он влюбился в нее по уши, и в порыве этой страсти - ведь что может быть сильнее любви - бросился, когда суматоха достигла своего апогея, в самую гущу толпы, схватил изящную девушку на руки и помчался с ней к дому. Увидев такое насилие со стороны смертного, прекратили танцы и побежали за ней дом; но когда они пришли, дверь была заколочена железом, и они не могли ни подойти к ней, ни прикоснуться к ней; девицу надежно укрыли в комнате. Юноша, получив ее, как говорится, под свою крышу, всеми силами старался завоевать ее расположение и склонить к свадьбе. Но она сначала и слышать не хотела об этом; однако, видя его настойчивость и узнав, что он не отпускает ее к своему народу, она согласилась быть его служанкой, если он узнает ее имя; но замуж за него она не хотела. Полагая, что это не исключено, он наполовину согласился на это условие, но, перебрав все известные в округе имена, так и не приблизился к цели, хотя и не хотел поспешно бросать поиски. Однажды вечером, когда он возвращался домой с рынка Карнарвона, он увидел в чащобе неподалеку от своего пути нескольких честных людей. Ему показалось, что они заняты важным совещанием, и он решил, что они планируют, как вернуть похищенную сестру. Кроме того, он подумал, что если ему удастся тайком подобраться к ним, то он, возможно, узнает ее имя. Внимательно оглядевшись по сторонам, он увидел, что через турбару пролегает канава и проходит недалеко от того места, где они стояли. Тогда он обошел арык и на четвереньках прокрался вдоль него, пока не оказался в пределах слышимости от семьи. Немного прислушавшись, он обнаружил, что они обсуждают судьбу унесенной им женщины, и услышал, как один из них жалобно плачет: "О Пенелоп, о Пенелоп, сестра моя, зачем ты убежал со смертной!" "Пенелоп, - сказал себе юноша, - так, должно быть, зовут мою возлюбленную: этого достаточно". Тотчас же он начал тихонько красться назад и благополучно вернулся домой, не замеченный феями. Войдя в дом, он позвал девушку: "Пенелопа, возлюбленная моя, иди сюда!" Она вышла вперед и с изумлением спросила: "О смертный, кто предал тебе мое имя?" Затем, подняв свои крошечные сложенные руки, она воскликнула: "Увы, моя судьба, моя судьба!" Но она смирилась со своей участью и всерьез принялась за работу. Все в доме и на ферме процветало под ее руководством. В округе не было ни лучшей, ни более чистой хозяйки, ни более предусмотрительной, чем она. Однако молодого человека не устраивало, что она должна быть его служанкой, и, после того как он долго и настойчиво добивался этого, она согласилась выйти замуж при одном условии: если он когда-нибудь прикоснется к ней железом, она будет вольна оставить его и вернуться к своей семье. Он согласился на это условие, так как верил, что от его руки такого не случится. Так они поженились и прожили несколько лет счастливо и безбедно. У них родилось двое детей, мальчик и девочка, образ матери и кумир отца. Но однажды утром, когда муж хотел отправиться на ярмарку в Карнарвон, он вышел поймать кобылку, которая паслась в поле возле дома; но, сколько он ни пытался, не мог ее поймать и позвал жену, чтобы она пришла ему помочь. Она пришла без промедления, и им удалось загнать кобылку в безопасный, как им казалось, угол; но когда мужчина приблизился, чтобы поймать ее, она промчалась мимо него. В волнении он бросил уздечку вслед за ней, но кто же должен был бежать в этом направлении, как не его жена!

Железное удило ударило ее по щеке, и она исчезла из виду. Больше муж ее не видел, но однажды холодной морозной ночью, спустя много времени после этого события, он был разбужен ото сна тем, что кто-то тер стекло его окна, и, откликнувшись, узнал нежный и ласковый голос жены, сказавшей ему: - Чтобы мой сын не замерз.

Чтобы моему сыну не было холодно,

Накинь на него отцовский плащ;

Чтобы красавице не было холодно,

Надень на нее мою юбку.

Говорят, что потомки этой семьи до сих пор живут в этих краях, и их легко узнать по светлому цвету лица. Похожая история произошла с сыном фермера из Брейч-и-Динас, что в Анфихангель-и-Пеннант, и раньше говорили, что большинство жителей этого района были светлокожими. Я часто слышал, как старики говорили, что, на их памяти, стоило только указать на ярмарке в Пенморфе на кого-нибудь из породы *тайлвитов*, чтобы в тот же день произошла большая драка".

Читатель может сравнить с этой сказкой следующую, за которую я должен поблагодарить мистера Сэмюэля Риса Уильямса, чьи слова я привожу, сопровождая их переводом: -

*Yr oed gwr ieuanc o gymydogath Drws y Coed yn dychwelyd adref o Bedgelert ar noswaith loergan
□eud; pan ar gyfer □yn y Gader gwelai nifer o'r bonedigesau a elwir y Tylwyth Teg yn myned trwy
eu chwareuon nosawl. Swynwyd y □anc yn y fan gan brydferthwch y rhianod hyn, ac yn nei□duol
un o honynt. Co□ođ y □ywodraeth arno ei hunan i'r fath radau fel y penderfynod neidio i'r cylch a
dwyn yn ysbail ido yr hon oed wedi myned a'i galon mor □wyr. Cyflawnođ ei fwriad a dygođ y
fonediges gydag ef adref. Bu yn wraig ido, a ganwyd plant idynt. Yn damweiniol, tra yn cyflawni rhyw
orchwyl, digwydođ ido ei tharo a haiarn ac ar amrantiad diflannođ ei anwylyd o'i olwg ac nis gwelođ
hi mwyach, ond darfođ idi dyfod at ffenestr ei ystaf □wely un noswaith ar ol hyn a'i annog i fod yn
dirion wrth y plant a'i bod hi yn aros ger□aw y ty yn □yny Dywarchen. Y mae y tradodiad hefyd yn
ein hysbysu darfođ i'r gwr hwn symud i fyw o Drws y Coed i Ystrad Betws Garmon.*

Молодой человек из окрестностей Дрвс-и-Коэд возвращался однажды домой яркой лунной ночью из Беджгелерта; когда он подошел к озеру под названием □yn y Gader, он увидел несколько дам, известных как *Tylwyth Teg*, которые предавались своим ночным забавам. Юноша сразу же был очарован красотой этих дам, и особенно одной из них. Он настолько потерял контроль над собой, что решил вскочить в круг и унести в качестве добычи ту, что так полно лишила его сердца. Он осуществил свое намерение и унес женщину с собой домой. Она стала его женой, и у них родились дети. Случайно, во время какой-то работы, он ударил ее железом, и в мгновение ока любимая исчезла из его поля зрения. Больше он ее не видел, только однажды ночью она подошла к окну его спальни и сказала, чтобы он был ласков с детьми, и что она живет неподалеку от дома, в озере под названием □yn y Dywarchen. Предание также сообщает нам, что этот человек переехал из Дрвс-и-Коэд в Истрад близ Беттвс-Гармона".

Название □yn y Dywarchen, я могу добавить, означает "Озеро дерна": это то самое, с плавучим островом, описанное Гиральдусом, ii. 9 (p. 135): *-Alter enim insulam habet erraticam, vi ventorum impellentium ad oppositas plerumque lacus partes errabundam. Hic armenta pascentia nonnunquam pastores ad longinquas subito partes translata mirantur.* Ибо одно из двух озер хранит блуждающий остров, который блуждает в основном под действием ветров, гоняющих его в противоположные части озера. Иногда пасущийся на нем скот, удивлению

пастухов, внезапно переносится в более отдаленные части". Известно, что овцы садятся на плавучий островок, и до сих пор считается, что он уносит их от берега. Мистер С. Рис-Уильямс, как можно заметить, изложил суть легенды, а не саму историю. Теперь я приступаю к переводу той же самой сказки на валлийский язык в "*Cymru Fu*" (стр. 474-7 издания, выпущенного господами Хьюз и Сын, Врекшем), но в совершенно ином обличье - она принадлежит перу Гласыниса и, как и следовало ожидать, украшена всеми литературными украшениями, которыми он восхищался. Язык он использовал свой собственный, но нет оснований думать, что он придумал какое-либо из происшествий: "Сын фермера Дрвс-и-Козда в один туманный день пас пастухов на склоне горы, немного ниже Квм Мархнад, и, пересекая камышовую равнину, увидел удивительно красивую маленькую женщину, стоявшую под кустом камыша. Ее желтые вьющиеся волосы свисали вниз кольцами, глаза были голубыми, как ясное небо, а лоб - белым, как волнистая мордочка сугроба, приютившегося на склоне Сноудона всего на одну ночь. Две ее пухлые щеки были похожи на красную розу, а прелестные губы могли бы вызвать желание поцеловать ангела. Юноша подошел к ней, охваченный любовью, и с нежностью и лаской спросил, может ли он поговорить с ней. Она ласково улыбнулась и, протянув руку, сказала ему: "Кумир моих надежд, наконец-то ты пришел!" Они стали тайно общаться, ежедневно встречаясь то там, то здесь на болотах вокруг берегов Гадера; наконец их любовь стала настолько сильной, что юноша не мог успокоиться ни днем, ни ночью, так как постоянно думал о Белле или напевал про себя стихотворные строфы о ее прелестях. Желтоволоосый юноша то появлялся, то пропадал надолго, и никто не мог разгадать его историю. Знакомые считали, что его приворожили: наконец тайна была раскрыта. В окрестностях Дивархена были тенистые и укромные рощи: туда он часто ходил, и эльфийка всегда ждала его там, и поэтому место, где они встречались, стали называть Девичьей рощей. После долгой любви было решено сыграть свадьбу, но для этого нужно было получить разрешение отца девицы. В одну из лунных ночей было решено встретиться в лесу, и юноша назначил встречу, но никаких признаков прихода подземных жителей не было, пока луна не скрылась за Гарном. Тогда они пришли вдвоем, и старик сразу же обратился к жениху: "Ты получишь мою дочь при условии, что не будешь бить ее железом. Если ты хоть раз прикоснешься к ней железом, она больше не будет твоей, а вернется к своим". Мужчина с готовностью согласился, и велика была его радость. Они были обручены, и редко какая пара была красивее у алтаря. Ходили слухи, что в вечер бракосочетания в Дрвс-и-Козд вместе с красавицей прибыла огромная сумма денег в качестве приданого. Вскоре после этого горный пастух из Cwm Marchnad превратился в очень богатого и влиятельного человека. Со временем у них родились дети, и не было более счастливых людей, чем их родители. Несколько лет все шло хорошо и благополучно: они стали очень богаты, но сладкое не бывает без горького. Однажды они оба отправились на прогулку верхом, и случилось им ехать недалеко от Гэдера, когда лошадь жены угодила в трясины и погрузилась по брюхо. После того как муж снял Беллу со спины, ему с большим трудом удалось вытащить лошадь, и тогда он отпустил ее. Затем он взвалил ее на спину, но, к несчастью, при попытке быстро поставить ее ногу в стремя железная часть его соскользнула и ударила ее - точнее, задела ее в коленном суставе. Не успели они проделать и половины пути домой, как им стали являться несколько уменьшенных *Tylwyth*, а со стороны холма слышалось сладкое пение. Не успел муж добраться до Дрвс-и-Козд, как жена покинула его и, как полагают, сбежала в Форвин-и-Форвин, а оттуда - в нижний мир, к Фазери. Она оставила своих дорогих малышей на попечение своего возлюбленного и больше не приближалась к ним. Однако некоторые говорят, что иногда ей удавалось увидеться с возлюбленным следующим образом. Поскольку закон ее страны не позволял ей часто бывать на земле с земным существом, они с матерью придумали способ избежать одного и обеспечить другое. На поверхности озера плавал большой кусок дерна, и на нем она

проводила долгие часы, свободно общаясь в нежности со своим супругом на берегу; с помощью этого плана им удалось прожить вместе, пока он не испустил дух. Их потомки владели Дрвс-и-Коэд на протяжении многих поколений, они смешивались с жителями округа. Более того, в более поздние времена в *Гвил-фабсанте* в Долбенмаене или в Пенморфе происходило много ожесточенных схваток, потому что люди из Эйфиониджа имели привычку раздражать жителей Пеннанта, называя их беллисийцами".

В примечании Гласынис замечает, что эта сказка бытует во многих районах без особых изменений, за исключением названий мест; однако это не может относиться к последней части, которая подходит только для *□уп* у *Dywarchen*. С этим рассказом о жене-фее, которая часто посещает озерный остров, чтобы поговорить со своим мужем на берегу, можно сравнить ирландскую историю о детях Лира, которые, хотя превратились в лебедей, сохранили способность рассуждать и говорить, так что они разговаривали с поверхности воды со своими друзьями на суше: см. "*Старые кельтские романсы*" Джойса, стр. х, 1-36. Теперь я возвращаюсь к другой сказке, которую прислал мне мистер Уильям Джонс: если я не ошибаюсь, она до сих пор не была опубликована; поэтому я привожу ее валлийский текст вместе с вольным переводом

Yr oed ystori am fab Braich y Dinas a adrođai y diweddar hybarch Elis Owen o Gefn y Meusyđ yn □ed debyg i chwedl mab yr Ystrad gan Glasynys, sef ido hudo un o ferched y Tylwyth Teg i lawr o Foel Hebog, a'i chipio i mewn i'r ty drwy orthrech; ac wedi hynny efe a'i perswadiod i ymbriodi ag ef ar yr un telerau ag y gwnaeth mab yr Ystrad. Онд кливайс хен фонеджигес о'р энв миссис Робертс, ун о ферчед йр Иса□м, оед юрист хин на мистер Оуэн, йн эй хадрод йн ваханол. Yr oed yr hen wreigan hon yn credu yn nilysrwyd y chwedl, oblegid yr oed hi 'yn cofio rhai o'r teulu, waeth be' deudo neb.' Dirwynnai ei hedau yn debyg i hyn:-Yn yr amser gynt-ond o ran hynny pan oed hi yn ferch ifanc-yr oed □awer iawn o Dylwyth Teg yn trigo mewn rhyw ogofau yn y Foel o Gwm Ystrad□yn hyd i flaen y Pennant. Yr oed y Tylwyth hwn yn □awer iawn hardach na dim a welid mewn un rhan ara□ o'r wlad. Yr oedynt o ran maint yn fwy o lawer na'r rhai cyffredin, yn lan eu pryd tu hwnt i bawb, eu gwa□t yn oleu fel □in, eu □ygaid yn loyw leision. Yr oedynt yn ymdangos mewn rhyw le neu gilyd yn chwareu, canu ac ymdifyru bob nos deg a goleu; a byđai swm eu canu yn denu y □anciau a'r merched ifainc i fyned i'w gweled; ac os byđent yn digwyd bod o bryd goleu hwy a ymgomient a hwynt, ond ni adawent i un person o liw tywy□ dđod yn agos atynt, eithr cilient ymaith o fford y cyfryw un. Yrwan yr oed mab Braich y Dinas yn □anc hard, heini, bywiog ac o bryd glan, goleu a serchiadol. Yr oed hwn yn hoff iawn o edrych ar y Tylwyth, a byđai yn cael ymgom a rhai o honynt yn aml, ond yn bennaf ag un o'r merched oed yn rhagori arnynt o□ mewn glendid a synwyr; ac o fynych gyfarfod syrthiod y đau mewn cariad a'u gilyd, eithr ni fynai hi ymbriodi ag ef, ond ađawod fyned i'w wasanaeth, a chydunod i'w gyfarfod yn Mhant-nid wyf yn cofio yr enw i gyd-drannoeth, oblegid nid oed wiw idi geisio myned gydag ef yn ngwyd y □e□e. Fe□y drannoeth aeth i fynu i'r Foel, a chyfarfyđod y rhian ef yn ol ei hađewid, ag aeth gydag ef adref, ac ymgymerođ a'r swyđ o laethwraig, a buan y dechreuod popeth lwyđo o dan ei □aw: yr oed yr ymenyn a'r caws yn cynhyđu beunyđ. Hir a thaer y bu'r □anc yn ceisio gand i briodi. A hi a ađawod, os medrai ef gael a□an ei henw. Ni wyđai Mrs. Roberts drwy ba ystryw y □wyđod i gael hwnnw, ond hynny a fu, a daeth ef i'r ty un noswaith a galwod ar 'Sibi,' a phan glywod hi ei henw, hi a aeth i lewygfa; ond pan daeth ati ei hun, hi a ymfodlonod i briodi ar yr amod nad oed ef i gyffwrđ a hi a haiarn ac nad oed bo□t haiarn i fod ar y drws na chlo ychwaith, a hynny a fu: priodwyd hwynt, a buont fyw yn gysurus am lawer o flynydoed, a ganwyd idynt amryw blant. Y diwed a fu fel hyn: yr oed ef wedi myned un diwrnod i dori baich o frwyn at doi, a tharawod y cryman yn y baich i fyned adref; fel yr oed yn nesu at y gadlas, rhedod Sibi i'w gyfarfod, a thaflod ynteu y baich brwyn yn direidus tu ag ati, a rhag ido dyfod ar ei thraws ceisiod ei atal a'i □aw, yr hon a gyffyrđod a'r cryman; a hi a dđflannod o'r golwg yn y fan yn nghysgod y baich brwyn: ni welwyd ac ni chlywyd dim ođiwrthi mwyach.

Была история о сыне фермера из Брайх-и-Динаса, которую рассказывал покойный уважаемый мистер. Эллис Оуэн из Кефн-и-Меусиджа, примерно так же, как и о юноше из Истрада, рассказанная Гласынисом; то есть юноша соблазнил одну из девиц прекрасной семьи спуститься с Моэль-Хебога, а затем силой привел ее в дом и после этого уговорил стать его женой на тех же условиях, что и наследник Истрада. Но я слышал, как одна старушка по имени миссис Робертс, которая воспитывалась в Исае, и которая была старше мистера Оуэна, рассказывала об этом иначе. Эта старушка верила в правдивость истории, поскольку "она помнила некоторых из семьи, что бы кто ни говорил". Она рассказывала так: "В давние времена - но, если уж на то пошло, когда она была молодой женщиной, - в некоторых пещерах в Фоэле от Квм Stráðyn⁵ до верховьев Пеннанта жило много представителей прекрасной семьи. Эти *Tylwyth* были гораздо красивее, чем те, которых можно было встретить в любой другой части страны. Ростом они были гораздо крупнее обычных людей, цветом лица превосходили всех, волосы у них были светлые, как лен, а глаза - прозрачно-голубого цвета. Каждую светлую ночь они появлялись то в одном, то в другом месте, занимаясь игрой, пением и весельем. Звуки их пения привлекали парней и девушек посмотреть на них; и если они были светлого цвета, феи с ними разговаривали; но они не позволяли приближаться к ним людям темного цвета: они удалялись от них. Молодой человек из Брайх-и-Динаса был красивым, энергичным и живым юношей со светлым, чистым и привлекательным цветом лица. Он очень любил смотреть на прекрасную семью и часто беседовал с некоторыми из них, но главным образом с одной из девиц, которая превосходила всех остальных красотой и здравым смыслом. Результатом частых встреч стало то, что они полюбили друг друга, но она не захотела выходить за него замуж. Однако она пообещала пойти к нему в услужение и согласилась встретиться с ним в Пант-и - я забыл остальное название - на следующий день, так как ей не хотелось идти с ним, пока остальные будут смотреть на это. Так что на следующий день он отправился в Фоэль, а девица встретила его, как и обещала, и отправилась с ним домой, где приступила к обязанностям доярки. Вскоре все стало процветать под ее рукой; масла и сыра с каждым днем становилось все больше. Юноша долго и настойчиво уговаривал ее выйти за него замуж. Она обещала сделать это, если он узнает ее имя. Миссис Робертс не знает, какими ухищрениями ему удалось узнать его, но это было сделано, и однажды ночью он вошел в дом и позвал Сиби, и когда она услышала свое имя, то упала в обморок. Однако, придя в себя, она согласилась выйти замуж при условии, что он не будет прикасаться к ней железом, а на двери не будет ни железного засова, ни замка. Все было решено, и они поженились; они прожили вместе безбедно много лет, и у них родились дети. Кончилось все так: однажды он пошел нарезать пучок камыша для соломы и, положив в пучок жатвенный крюк, отправился домой. Когда он приблизился к изголовью, навстречу ему выбежала Сиби, и он безрассудно бросил пучок камыша в ее сторону, когда она, чтобы он не попал в нее, попыталась остановить его рукой, которая коснулась жатвенного крюка. Она тут же исчезла из виду за пучком камыша, и больше ее никто не видел и не слышал".

Мистер Эллис Оуэн, о котором говорилось выше, был весьма уважаемым джентльменом, хорошо известным в Северном Уэльсе своими литературными и антикварными вкусами. Он родился в 1789 году в Кефн-и-Меусидж близ Тремадока, где и прожил до самой смерти, последовавшей 27 января 1868 года. Его литературные останки, предваряемые краткой биографией, были опубликованы в 1877 году мистером Робертом Айзеком Джонсом из Тремадока; но в них нет сказок, насколько мне удалось выяснить.

Сказка, отчасти напоминающая ту, которую Деви Глан Ффридлас рассказал о повитухе из Корвириона, упомянутая выше на с. 63, была опубликована мистером У. Джонсом в четвертом томе "*Брайтона*", с. 251: в вольном переводе на английский она звучит так

Однажды, когда повитуха из Нанхвинана только что приехала в Хафоджид Бритион, чтобы продолжить свое дело, к дверям дома подъехал джентльмен на прекрасном сером коне и велел ей немедленно ехать с ним. Он говорил с таким авторитетом, что бедная повитуха не могла отказаться, как бы ни был велик ее долг оставаться на месте. Она села за ним, и они полетели, как ласточка, через Квм, через Блх, вниз по Нант-ир-Арану и через Гадер к Квм Хафод Руффидж, прежде чем бедная женщина успела сказать "О!". Когда они добрались до места, она увидела перед собой великолепный особняк, великолепно освещенный такими лампами, каких она еще никогда не видела. Они вошли во двор, навстречу им вышла толпа слуг в дорогих ливреях, и ее сразу же провели через большой зал в опочивальню, подобной которой она никогда не видела. Там ее ждала хозяйка дома, к которой она была доставлена. Повитуха успешно справилась со своими обязанностями и оставалась там до полного выздоровления госпожи. Ни одну часть своей жизни она не проводила так весело, ибо там день и ночь не было ничего, кроме праздников: танцы, пение и бесконечное ликование. Но как бы ни было весело, она поняла, что ей пора уходить, и дворянин дал ей большой кошелек с наказом не открывать его, пока она не попадет в свой собственный дом. Затем он велел одному из своих слуг проводить ее тем же путем, каким она пришла. Когда она добралась до дома, то открыла кошелек, и, к ее великой радости, он был полон денег: на эти деньги она счастливо жила до конца своих дней".

С таким окончанием истории следует сравнить сказку Деви Глан Ффридласа, на которую я уже ссылался; и я могу сослаться на *"Британских гоблинов"* мистера Сайкса, стр. 86-8, где приводится история, отличающаяся и от сказки Деви, и от сказки Джонса тем, что там феи представляются дьяволами кормилице, которая случайно использовала некую мазь, которую она не должна была класть возле своих глаз. Вместо того чтобы получить вознаграждение за свои услуги, она была очень рада, что ее так или иначе положили рядом с домом. "Но, - говорится далее, - много лет спустя, будучи на ярмарке, она увидела, как человек крадет что-то из ларька, и краем глаза заметила, как ее старый хозяин толкает этого человека локтем. Она бездумно спросила: "Как поживаете, хозяин? Как дети?". Он ответил: "Как ты меня увидела?" Она ответила: "Уголком левого глаза". С этого момента она ослепла на левый глаз и прожила много лет, пользуясь только правым". Таков конец этой истории, рассказанной мистером Сайксом.

"Но прекрасная семья не всегда, - продолжает мистер Уильям Джонс, - давала смертным средства для хорошей жизни: иногда они не мало над ними издевались. Однажды Дрвс-и-Коэд возвращался домой с Беджгелертской ярмарки, скорее веселый, чем грустный, по старой дороге через Гадер, и вдруг, подойдя к вершине Гадера, он увидел у дороги красивый дом, в котором царил редкое веселье. Он прекрасно знал, что нигде на его пути нет такого дома, и это навело его на мысль, что он сбился с пути и заблудился; поэтому он решил зайти в дом и попросить ночлега, который ему и предоставили. Войдя в дом, он сразу же принял его за брачный пир (*neithior*) по веселью, пению и танцам. Дом был полон юношей, девушек и детей, все веселились и выкладывались по полной. Компания стала исчезать один за другим, и он спросил, можно ли ему лечь спать, после чего его привели в великолепную комнату, где стояла кровать из мягчайшего пуха с белоснежными одеждами на ней. Он сразу же разделся, лег в нее и спокойно проспал до утра. Первое, что пришло ему в голову, когда он полусонно полубодрился, - это веселье прошедшей ночи и то, что он спал в великолепной комнате в чужом доме. Он открыл глаза, чтобы осмотреть свою спальню, но она была слишком широкой: он спал на голом болоте, подушкой ему служил комок камыша, а покрывалом - голубое небо".

Мистер Джонс упоминает, что, насколько он помнит, в его округе еще были люди, которые верили, что феи крадут некрещеных детей и подкладывают вместо них своих: он приводит следующую историю о жене фермера из Диффрин Мимбир, недалеко от Кейпл Куриг, и ее младенце: - Yr oed y wraig

Yr oed y wraig hon wedi rhoi genedigaeth i blentyn iach a heinif yn nechreu y cynheuaf ryw haf blin a thymhestlog: ac o herwyd fod y tydyn getyn o ffordd odiwrth lan na chapel, a'r hin mor hynod o lawiog, esgeuluswyd bedyddio y plentyn yn yr amser arferol, sef cyn ei fod yn wyth niwrnod oed. Rwyd diwrnod teg yn nghanol y cynheuaf blin aeth y wraig a' an i'r maes gyda'r rhelyw o'r teulu i geisio achub y cynheuaf, a gadawoed y baban yn cysgu yn ei gryd o dan ofal ei nain, yr hon oed hen a methiantus, ac yn ana'uog i fyned lawer o gwmpas. Syrthiod yr hen wreigan i gysgu, a thra yr oed hi fe'u, daeth y Tylwyth i fewn, a chymerasant y baban o'r cryd, a dodasant un ara'u yn ei le. Yn mhen ennyd dechreuod hwn erain a chwyno nes deffro y nain, ac aeth at y cryd, a'u gwelod gleiriach hen eidil crebachlyd yn ymstwyrian yn flin. 'O'r wchwi!' ebai hi, 'y mae yr hen Dylwyth wedi bod yma;' ac yn dioed chwythod yn y corn i alw y fam, yr hon a daeth yno yn diatreg; a phan glywod y crio yn y cryd, rhedod ato, a chodod y bychan i fynu heb sylwi arno, a hi a'i cofleidiod, a'i suod ac a'i swcrod at ei bronau, ond nid oed dim yn tycio, parhau i nadu yn didor yr oed nes bron a ho'i ei chalon; ac ni wydai pa beth i wneud i'w distewi. O'r diwed hi a edrychod arno, a gwelod nad oed yn debyg i'w mhebyn hi, ac aeth yn loes i'w chalon: edrychod arno drachefn, ond po fwyaf yr edrychai arno, hy'af yn y byd oed hi yn ei weled; anfonod am ei gwr o'r cae, a gyrrod ef i ymholi am wr cyfarwyd yn rhywle er mwyn cael ei gynghor; ac ar ol hir holi dywedod rhywun wrtho fod person Trawsfynydd yn gyfarwyd yn nghyfrinion yr ysprydion; ac efe a aeth ato, ac archod hwnnw ido gymeryd rhaw a'i gorchudio a halen, a thori a'un croes yn yr halen; yna ei chymeryd i'r ystafell a'u yr oed mab y Tylwyth, ac ar ol agor y ffenestr, ei rhoi ar y tan hyd nes y a' osgai yr halen; a hwy a wnaethant fe'u, a phan aeth yr halen yn eiriasboeth fe aeth yr erthyl croes ymaith yn anweledig idynt hwy, ac ar drothwy y drws hwy a gawsant y baban ara'u yn iach a dianaf.

Эта женщина родила здорового и энергичного ребенка в начале сбора урожая, одним несчастным и ненастным летом. Поскольку усадьба находилась на значительном расстоянии от церкви или часовни, а погода была очень дождливой, не было принято крестить ребенка в **обычное** время, то есть до того, как ему исполнилось восемь дней. В один прекрасный день, в самый разгар жатвы, мать отправилась в поле вместе с остальными членами семьи, чтобы попытаться спасти урожай, и оставила ребенка спать в колыбели на попечение бабушки, которая была настолько дряхлой и дряхлой, что не могла много ходить. Старушка уснула, и, пока она была в таком состоянии, пришел *Тильвит Тег* и забрал ребенка, положив вместо него другого. Вскоре тот начал хныкать и стонать, так что бабушка проснулась: она подошла к колыбели, где увидела худого, исхудавшего старика, который беспокойно и раздраженно двигался. "Увы, увy!" - сказала она, - "здесь побывал старый *Тильвит*"; и она тотчас же затрубила в рог, чтобы позвать мать домой, которая пришла без промедления. Услышав плач в колыбели, она подбежала к ней и подняла малыша, не глядя на него; она обняла его, прижала к груди и запела ему колыбельную, но все было бесполезно: он продолжал, не переставая, кричать так, что разрывалось сердце; и она не знала, что делать, чтобы успокоить его. Наконец она взглянула на него: она увидела, что он не похож на ее дорогого мальчика, и ее сердце пронзила мучительная боль. Она снова посмотрела на него, и чем больше она его рассматривала, тем уродливее он ей казался. Она послала за мужем с поля и велела ему поискать где-нибудь опытного человека; после долгих поисков кто-то сказал ему, что пастор из Травсфиниджа знает тайны духов; и он отправился к нему. Тот велел ему взять лопату, обсыпать ее солью и сделать в соли фигуру креста; затем отнести ее в комнату, где находилось дитя феи, и, открыв окно, поставить лопату на огонь, пока соль не сгорит. Так и делали, а когда соль раскалялась добела, злобный аборт уходил, никем не замеченный, а

второго ребенка находили целым и невредимым у порога". Огонь также использовали в Шотландии, чтобы обнаружить подменыша и заставить его уйти: см. *отчет* Британской ассоциации, 1896, с. 650, где мистер Гомме ссылается на книгу мистера Грегора "Фольклор северо-востока Шотландии", с. 8-9.

В ответ на мой вопрос о сплене, который в Северном Уэльсе называют *edafed gwawn*, "сплетенная пряжа", мистер Джонс сообщил мне в письме от апреля 1881 года, что раньше его называли *Rhaffau'r Tylwyth Teg*, то есть "веревки семьи фей", которые ассоциировались с маленькими, озорными и беспутными феями, обитавшими в болотистых и камышовых местах, или среди папоротника и вереска. Раньше говорили, что если человек ложится и засыпает в таком месте, то феи приходят и связывают его своими веревками, чтобы он не мог пошевелиться, а затем накрывают его простыней из своих веревок, что делает его невидимым. Это он проиллюстрировал следующей сказкой, которую услышал от своей матери:.

Clywais fy mam yn adrodd chwedl am fab y Ffritd, yr hwn wrth dychwelyd adref o ffair Bedgelert yn rhywle odeutu Pen Cae'r Gors a welodd beth afrifed o'r Tylwyth Bach yn neidio a phrancio ar bennau y grug. Efe a eisteddodd i lawr i edrych arnynt, a daeth hun drosto; ymo yngoedd i lawr a chysgoedd yn drwm. A phan oedd fe y, ymosododd yr ho lu arno a rhwymasant ef mor dyn fel na aasai symud; yna hwy a'i cudiasant ef a'r tuded gwawn fel na aai neb ei weled os digwydai ido lefain am help. Yr oedd ei deulu yn ei disgwyl adref yn gynnar y nos honno, ac wrth ei weled yn oedi yn hwyr, aethant yn anesmwyth am dano ac aethpwyd i'w gyfarfod, eithr ni welent dim odiwrtho, ac aed gan beed a'r pentref, e en hyspyswyd ei fod wedi myned tuag adref yn gynnar gyda gwr Hafod Ruffydd. Fe y aed tua'r Hafod i edrych a oedd yno; ond dywedodd gwr yr Hafod eu bod wedi ymwahanu ar Bont Glan y Gors, pawb tua'i fan ei hun. Yna chwiliwyd yn fanwl bob ochr i'r ffordd odiyno i'r Ffritd heb weled dim odiwrtho. Buwyd yn chwilio yr ho ardal drwy y dydd drannoeth ond yn ofer. Fod bynnag odeutu yr un amser nos drannoeth daeth y Tylwyth ac a'i rhyddasant, ac yn fuan efe a deffrodd wedi cysgu o hono drwy y nos a'r dydd blaenorol. Ar ol ido deffro ni wydai amcan daear yn mha le yr oedd, a chrwydro y bu hyd ochrau y Gader a'r Gors Fawr hyd nes y canodd y ceiliog, pryd yr adnabu yn mha le yr oedd, sef o fewn ai na chwarter mi tir i'w gartref.

Я слышал, как моя мать рассказывала историю о сыне фермера из Ффриджа, который, возвращаясь домой с ярмарки в Беджгелерте, увидел где-то возле Пен-Кеар-Горс бесконечное множество маленьких семейств, прыгающих и резвящихся на вересковых вершинах. Он сел посмотреть на них, и тут на него навалился сон; он опустился на землю и крепко заснул. Когда он пришел в себя, на него набросились все хозяева и связали его так крепко, что он не мог пошевелиться; затем они накрыли его сплетенной простыней, чтобы никто не мог его увидеть, если он позовет на помощь. В тот вечер люди ожидали его возвращения домой рано вечером, и, поскольку он задерживался допоздна, им стало не по себе. Они отправились встречать его, но не увидели никаких следов и дошли до деревни, где им сообщили, что он вовремя отправился домой с крестьянином Хафода Руффиджа. Тогда они отправились в Хафод, чтобы узнать, там ли он; но фермер сказал им, что они расстались на мосту Глан-и-Горс, чтобы разойтись по своим домам. Тогда они с минуту поискали его по обеим сторонам дороги от этого места до Ффриджа, но не нашли никаких следов. Весь следующий день они продолжали обыскивать все окрестности, но безрезультатно. Однако примерно в это же время на следующую ночь пришли *тилвиты* и освободили его, и он вскоре проснулся, проспав всю предыдущую ночь и день. Проснувшись, он не знал, где находится, и бродил по склонам Гадера и возле Горс-Фора до петушиного крика, когда обнаружил, где находится, а именно - менее чем в четверти мили от своего дома".

Покойный мистер Оуэн из Кефн Меусидж уже упоминался. Мне не удалось узнать о многом из фольклора, с которым он был знаком, но в ответ на некоторые мои вопросы мистер Роберт Айзек Джонс из Тремадока, его биограф и издатель "Брайтона", пока он существовал, любезно порылся в его памяти. Он пишет мне на валлийском языке следующее:-

Я расскажу вам, что слышал от мистера Оуэна и моей матери, когда был еще мальчишкой, лет пятьдесят семь назад. Первый рассказывал, что у жителей Пеннанта в Эйфионидже было прозвище *Белсиайд-и-Пеннант*, "беллизианцы Пеннанта"; когда он был мальчиком, если на ярмарке в Пенморфе кто-нибудь выкрикивал *Белсиайд-и-Пеннант*, то выходил каждый домкрат, и всегда возникала драка. Антиквар объяснял это так. Две или три сотни лет назад у сэра Роберта из Нанта, одного из предков сэра Ричарда Балкли, был сын и наследник, экстравагантный и дикий. Он женился на цыганке, и у них родились дети; но поскольку семья считала этот брак позором для своего древнего рода, говорят, что отец, когда в следующий раз приехали бродяги, дал отцу девушки большую сумму денег, чтобы тот забрал ее с собой. После этого по округе поползли слухи, что это была одна из фей, на которой женился юноша, и что она пошла с ним ловить пони, когда он набросил уздечку на животное, чтобы оно не проехало, и железо уздечки коснулось жены; тогда она сразу же исчезла, как это всегда делают феи, когда их трогают железом. Однако двоих детей отдали в няньки, и одна из них, девочка, выросла в Плас-и-Пеннанте, и звали ее *Пелиша*⁷; ее потомки до сих пор живут в Нанте и называются Беллис, и там до сих пор считают, что они произошли *от Тилвит Тер*. Ничто так не оскорбляет их, как напоминание об этом".

Далее мистер Р. И. Джонс рассказывает еще одну историю, которая выглядит следующим образом:...

Dywedir fod □e a elwir yr Hafod Rugog mewn cwm anial yn y mynydd □e y byđai y Tylwyth Teg yn arferol a mynychu; ac y byđent yn trwblio'r hen wraig am fenthylg rhywbeth neu gilyđ. Dywedod hithau, 'Cewch os caniatewch đau beth cyntaf-i'r peth cyntaf y cyffyrđaf ag ef wrth y drws dorri, a'r peth cyntaf y rhof fy □aw arno yn y ty estyn hanner □ath.' Yr oed carreg afael, fel ei gelwir, yn y mur wrth y drws ar ei fford, ac yr oed gandi đefnyđ syrcyn gwlanen yn rhy fyr o hanner □ath. Ond yn anffodus wrth đod a'i chawe□ad mawn i'r ty bu agos idi a syrthio: rhoes ei □aw ar ben ei chlun i ymarbed a thorod honno, a chan faint y boen cyffyrđod yny ty a'i thrwyn yr hwn a estynnod hanner □ath.

Рассказывают, что в дикой лощине среди гор было место под названием Хафод Ругог, где любили останавливаться представительницы прекрасного рода, и что они часто обращались к старухе Хафод с просьбой одолжить то одну, то другую вещь. И вот однажды она сказала: "Ты получишь заем, если дашь мне две вещи: чтобы первая вещь, к которой я прикоснусь у двери, сломалась, и чтобы первая вещь, к которой я приложу руку в доме, была удлинена на полярда". В стене возле двери был камень, который мешал ей, а в доме у нее был кусок фланели для плаща, который был на пол-ярда короче. Но, к несчастью, когда она шла к дому с корзиной, набитой дерном, на спине, она чуть не упала: чтобы спастись, она приложила руку к коленному суставу, который потом сломался; и от боли, когда она вошла в дом, она коснулась рукой своего носа, и тогда ее нос стал на полярда длиннее".

Далее мистер Джонс рассказал, что, по мнению стариков, феи часто появлялись на болотах у озера Свешуп, неподалеку от Рид-Джу, чтобы петь и танцевать, и что считалось опасным приближаться к ним в таких случаях, чтобы не быть очарованным. Что касается упомянутых фланели и камня, то один фольклорист спрашивает меня, почему старуха не упомянула о них определенно и не сказала, чего именно она хотела. Вопрос стоит того, чтобы его задать: Я не могу ответить на него, но упоминаю в надежде, что кто-нибудь другой ответит.

II.

В начале 18998 года я получил небольшую группу историй от преподобного У. Эванса Джонса, настоятеля Долбенмаена, который рассказал мне, что окрестности Гарна изобилуют сказками. Место действия одной из них находится недалеко от истока Афон-фах-Блаен-и-Кае, притока Двайфаха. Там пастух, присматривая за своим стадом, наткнулся на кольцо камышей, которые он случайно пнул, когда маленькие человечки вышли танцевать. Они задержали его, и он женился на одной из них. Ему сказали, что он будет жить с ними счастливо, если не прикоснется ни к одному железному инструменту. В течение нескольких лет ничто не нарушало мир и счастье в семье. Однако однажды он неосознанно прикоснулся к железу, в результате чего исчезли и жена, и дети". Эта история заметно отличается от тех, что уже упоминались на с. 32, 35; но пока она не будет подтверждена историями из других источников, я могу рассматривать ее лишь как размытую версию истории более обычного типа, например, следующей, которую прислал мне мистер Эванс Джонс: "Сын фермера Эванса Джонса...

Сын фермера из Блен Пеннанта женился на фее, и они счастливо жили вместе много лет, пока однажды он не взял уздечку, чтобы поймать лошадь, которая оказалась довольно упрямым животным, и, пытаясь помешать лошади пройти, он бросил в нее уздечку, которая, однако, промахнулась мимо животного и ударила жену так, что сук задел ее, и она тут же исчезла. По преданию, их потомки и по сей день живут в долине Пеннант, а если между ними и соседями возникают какие-либо неприятности, их дразнят тем, что они принадлежат к роду *Тилвит Тер*". Это, я полагаю, те самые люди по прозвищу *Белсиайд*, о которых уже упоминалось.

Следующая история рассказывает о старушке из Гарн Долбенмаен, которая переходила через Грейг Гох, "Красную скалу", "как вдруг она наткнулась на фею, сидящую с большим количеством золотых монет". Старушка осмелилась заметить, насколько она богата: фея ответила: *Wele dacw*, "Lo there!" и тут же исчезла". Это выглядит так, словно должно быть частью более длинной истории, которую мистер Эванс Джонс не слышал.

Последний кусочек фольклора, который он сообщил, столь же короткий, но более редкого описания: "Одна фея имела привычку каждый вечер приходить в одну семью в долине Пеннант, чтобы уложить детей спать; и поскольку фея была плохо одета, хозяйка дома дала ей платье, которое утром было найдено разорванным в клочья". Недовольство феи тем, что ей предложили платье, аналогично тому, что происходит с фенодири или манкским пирожным, описанным в главе iv. Что касается вида услуг, которые здесь приписываются фее Пеннанта, то я не знаю ничего точно похожего.

III.

Следующие четыре истории можно найти в *Cymru Fu* на стр. 175-9, откуда я взял на себя смелость перевести их на английский. Они были написаны Гласынисом, чье имя уже так часто встречалось в связи с этими валлийскими легендами, что читатель должен знать о нем больше; но я был разочарован, пытаясь получить краткий отчет о его жизни, чтобы вставить

его сюда. Могу лишь сказать, что я познакомился с ним в 1865 году на острове Англси: в то время он был священником в окрестностях Холихеда и находился в расцвете сил. Он произвел на меня впечатление энтузиаста валлийских древностей: он родился и вырос, как я полагаю, в окрестностях Сноудона, а его смерть произошла около десяти лет назад. Для изучающих валлийский фольклор было бы удобно иметь краткую биографию Гласиниса, но пока ничего подобного, кажется, не написано.

(1) "Когда жители Горс Гоч однажды вечером только легли спать, они услышали сильный шум и беспорядок вокруг дома. Невозможно было понять, что это за шум в такое время. И муж, и жена проснулись, не в силах понять, что это могло быть. Дети тоже проснулись, но никто не мог вымолвить ни слова: языки у всех прилипли к крыше рта. Муж, однако, наконец смог пошевелиться и спросить: "Кто там? Что вам нужно?" И тут ему ответил маленький серебристый голосок: "Это комната, мы хотим одеть наших детей". Дверь отворилась, вошла дюжина маленьких существ и стала искать глиняный кувшин с водой; там они пробыли несколько часов, умываясь и орошая себя. На исходе дня они ушли, оставив после себя прекрасный подарок за оказанную им доброту. Впоследствии Горс Гоч часто бывал в обществе этой семьи. Но однажды случилось так, что в колыбели лежал пухленький и хорошенький младенец. Пришла эта семья, и, поскольку младенец не был крещен, они взяли на себя смелость поменять его на одного из своих. Вместо него они оставили отвратительное создание, которое только и делало, что плакало и кричало каждый день недели. У матери чуть не разорвалось сердце от этого несчастья, и она очень боялась кому-либо об этом рассказать. Но все поняли, что в Горс Гоч что-то не так, что и подтвердилось, когда мать умерла от тоски по своему ребенку. Остальные дети умерли с разбитым сердцем вслед за матерью, а муж остался один на один с маленьким эльфом, и некому было их утешить. Но вскоре к очагу Горс Гоха снова стали прибегать, чтобы одеть детей, и подарок, который раньше был серебряными деньгами, отныне стал чистым золотом. За несколько лет эльф стал наследником большой фермы в Северном Уэльсе, и поэтому старики говорили: "Обуй эльфа в золото, и он вырастет" (*Fe daw gwidon yn fawr ond ei bedoli ag aur*). Такова легенда о Горс Гоч".

(2) "Однажды, когда Уильям Эллис из Гилверна рыбачил на берегу озера Квм Силин в темный туманный день, он не видел ни одного живого христианина с тех пор, как покинул Нант. Но когда он в радостном настроении забрасывал удочку, то увидел напротив себя в зарослях камыша большую толпу людей или существ в форме людей около фута ростом: они прыгали и танцевали. Он смотрел несколько часов, и, по его словам, никогда в жизни не слышал такой музыки. Но Уильям подошел к ним слишком близко, и они бросили ему в глаза какую-то пыль, и, пока он вытирал ее, маленькая семья воспользовалась случаем и скрылась из виду, так что он больше ничего не видел и не слышал о них".

(3) "Есть похожая история, связанная с местом под названием □yn y Ffynhonnau. Там не прекращалось веселье, танцы, арфы и скрипки, а слуга Гефа Ффридау и две его собаки были в гуще толпы, прыгая и капризничая не хуже других. Так они играли три дня и три ночи, не останавливаясь; и если бы не один опытный человек, живший неподалеку и узнавший, как все происходит, бедняга, без сомнения, затанцевал бы до смерти. Но в тот раз он был спасен".

(4) Четвертая история, о которой он говорит, что слышал ее от своей матери; но он переделал ее в своей обычной манере, и имена собственные, несомненно, принадлежат ему: "Однажды мальчик-пастух пошел в гору. Тот день, как и многие другие дни до и после него, был очень

туманным. И вот, хотя он хорошо знал это место, он сбился с пути и шел взад-вперед долгий час. Наконец он набрел на низкое камышовое место, где увидел перед собой множество круглых колец. Он сразу вспомнил это место и начал бояться самого худшего. Он сотни раз слышал о горьком опыте многих пастухов, случайно попавших на танцплощадку или в круги прекрасной семьи. Он поспешил прочь как можно быстрее, чтобы не погибнуть, как все остальные; но, хотя он напрягался до седьмого пота и потери дыхания, он остался на месте, и так продолжалось долгое время. Наконец его встретил пожилой толстый человечек с веселыми голубыми глазами и спросил, что он делает. Он ответил, что пытается найти дорогу домой. "О, - сказал он, - идите за мной и не произносите ни слова, пока я не прикажу вам". Он так и поступил, следуя за ним все дальше и дальше, пока они не пришли к овальному камню, и старый толстый человечек поднял его, трижды стукнув тростью по его середине. Там была узкая тропинка со ступеньками, видневшимися то тут, то там; от камней исходил какой-то беловатый свет, переходящий в серо-голубой. "Иди за мной без страха, - сказал толстяк, - тебе не причинят вреда". И бедный юноша пошел, нехотя, как собака, которую вешают. Но вскоре перед ними расстилалась прекрасная, лесистая, плодородная страна, усеянная хорошо устроенными особняками, и всевозможное видимое величие встречало взгляд и, казалось, улыбалось в пейзаже; яркие воды рек извивались в извилистых потоках, холмы были покрыты пышной зеленью травы, а горы - блестящим руном ровных пастбищ. Когда они добрались до особняка крепкого джентльмена, чувства юноши были ошеломлены сладкой музыкой, которую птицы доносили из рощи: то золото ослепляло его глаза, то серебро сверкало в его глазах. Он увидел там всевозможные музыкальные инструменты и всевозможные вещи для игры; но во всем этом месте он не заметил ни одного жителя; и когда он сел есть, блюда на столе сами собой появлялись на своих местах и исчезали, когда человек с ними расправлялся. Это озадачило его до крайности; кроме того, он слышал, как вокруг него разговаривают люди, но, сколько он ни вглядывался, никого, кроме своего старого друга, не видел. В конце концов толстяк сказал ему: "Теперь ты можешь говорить сколько угодно"; но когда он попытался пошевелить языком, тот зашевелился не больше, чем ледяная глыба, что очень его напугало. В этот момент к ним подошла прекрасная пожилая дама, лицо которой светилось здоровьем и доброжелательностью, и слегка улыбнулась пастуху: за матерью следовали три ее дочери, удивительно красивые. Они смотрели на него с несколько игривым видом и в конце концов начали с ним разговаривать, но язык у него не ворочался. Тогда одна из девушек подошла к нему и, поиграв его желтыми и вьющимися локонами, смачно поцеловала его в румяные губы. Это ослабило веревку, связывавшую его язык, и он начал говорить свободно и красноречиво. Вот так, под обаянием этого поцелуя, он пребывал в блаженстве счастья; и так он оставался год и один день, не зная, что провел среди них больше дня, ибо попал в страну, где нет счета времени. Но вскоре ему захотелось навестить свой старый дом, и он спросил у крепкого мужчины, можно ли ему туда пойти. "Побудь еще немного, - ответил тот, - и ты пойдешь". Так и вышло: он остался, но Олвен, так звали поцеловавшую его девушку, очень не хотела, чтобы он уезжал. Она грустила всякий раз, когда он заговаривал об отъезде; да и сам он не чувствовал холодного трепета при мысли о том, что ему придется покинуть ее. Однако при условии возвращения он получил разрешение уехать, взяв с собой много золота и серебра, безделушек и драгоценных камней. Когда он добрался до дома, никто не знал, кто он такой: считалось, что его убил другой пастух, который счел нужным поспешно уехать в Америку, чтобы его не повесили без промедления. Но вот Эйнион Лас дома, и все особенно удивляются, видя, что пастух стал похож на состоятельного человека: его манеры, одежда, язык, сокровища, которые он имел при себе, - все сговорилось, чтобы придать ему вид джентльмена. Однажды вечером в четверг, в первую луну того же месяца, он вернулся так же внезапно, как ушел в первый раз, и никто не знал, куда. В стране царила великая радость, когда Эйнион вернулся,

и никто не радовался этому больше, чем Олвен, его возлюбленная. Им не терпелось пожениться, но сделать это нужно было тихо, ибо семья внизу не любила ничего, кроме суеты и шума; так, в полутайне, они и поженились. Эйниону очень хотелось снова отправиться к своим людям, сопровождаемый, конечно же, женой. После того как он долго упрашивал старика отпустить его, они отправились в путь на двух белых пони, которые и в самом деле больше всего по цвету напоминали снег. И вот он прибыл со своей супругой в свой старый дом, и, по общему мнению, жена Эйниона была самой красивой из всех, кого они когда-либо видели. Пока они были дома, у них родился сын, которому дали имя Талиессин. Теперь Эйнион пользовался большой славой, а его жена - должным уважением. Их богатство было огромным, и вскоре они приобрели большое поместье; но прошло немного времени, и люди стали интересоваться родословной жены Эйниона: в стране бытовало мнение, что не подобает быть без родословной. Эйниона расспрашивали об этом, но не дали никакого удовлетворительного ответа, и пришли к выводу, что она принадлежит к честному роду (*Tylwyth Teg*). "Конечно, - ответил Эйнион, - не может быть сомнений, что она из очень светлой семьи; ведь у нее есть две сестры, такие же светлые, как она, и, если бы вы увидели их вместе, вы бы признали это имя самым подходящим". Вот почему замечательная семья в Стране Чародейства и Очарования (*Hud a Eiddirith*) называется справедливой".

Две следующие сказки Гласыни появляются в *Cymru Fu*, на стр. 478-9; первую из них следует сравнить с уже рассказанной (стр. 99, 100), а вторая не похожа ни на одну из тех, что я могу сейчас вспомнить:...

(5) "Квмэан был главным местом отдыха прекрасной семьи, и пастухи Хафода ежедневно видели их в давно минувшие века. Однажды туманным днем один из них искал овец в направлении Нант-и-Беттвс. Когда он перебрался через Bwlch Cwmэан и неторопливо спускался вниз, то увидел бесконечное множество маленьких ребятишек, которые оживленно и легко танцевали, а самые красивые девушки, которых он когда-либо видел, готовили пир. Он подошел к ним и отведал их лакомства, и ему показалось, что он никогда в жизни не пробовал ничего похожего на их блюда. Когда наступили сумерки, они раскинули свои шатры, и человек никогда прежде не видел такой красоты и изобретательности. Ему постелили мягкую постель из пуха и простыни из тончайшего льна, и он лег отдыхать, гордый, как будто был принцем. Но, увы, на следующее утро, после всего этого веселья и притворного великолепия, бедняга, открыв глаза, обнаружил, что его постель - всего лишь куст камыша, а подушка - ком мха. Тем не менее он нашел в своих башмаках серебряные деньги и после этого долгое время продолжал каждую неделю находить между двумя камнями у того места, где он спал, кусочек отчеканенных денег. Однако однажды он рассказал своему другу тайну о деньгах и больше их не находил".

(6) "Однажды один из этих пастухов натравливал свою собаку на овец в Квмэне, когда услышал в расщелине скалы какой-то низкий шум. Он повернулся, чтобы посмотреть, и обнаружил там какое-то существо, обильно плачущее. Он подошел и вытащил маленькую девочку; вскоре после этого к нему подошли двое мужчин средних лет, чтобы поблагодарить его за доброту, и, когда они собирались расстаться, один из них подарил ему трость на память о его добром поступке. На следующий год после этого у каждой овцы в его владениях появилось по две овцы, и так его овцы продолжали плодиться еще несколько лет. Однажды он задержался в деревне до позднего вечера, а более бурной ночи, чем эта, не бывает: ветер завывал, тучи проливали дождь, а темнота была такая, что почти ничего не было видно. Когда он переходил реку, текущую из Квмэна, где паводок сметает все на своем пути, он каким-то образом выпустил трость из рук; и когда на следующее утро кто-то поднялся вверх по Квмэну,

оказалось, что почти все овцы были унесены паводком, а богатство фермера исчезло почти так же, как и появилось, вместе с тростью".

Краткие версии, приведенные Гласынисом, вероятно, более точно передают то, что он слышал, чем длинные, которые можно заподозрить в том, что они были сильно перевраны им; но в каждой из них, вероятно, очень мало его собственного изобретения, хотя на вопрос, откуда он взял свои материалы в каждом случае, может быть трудно ответить. В одном случае это совершенно ясно, хотя он и не указывает этого, а именно в истории о пребывании пастуха Элфода в Сказочной стране, приведенной в *Cymru Fu*, p. 477: это не что иное, как воспроизведение из вторых или третьих рук истории, записанной Гиральдусом о некоем Элиодоре, клирике двенадцатого века в епархии Святого Давида⁹. Но самая длинная сказка, опубликованная Гласынисом, - это сказка о русалке: см. *Cymru Fu*, pp. 434-44. Откуда он ее взял, мне выяснить не удалось, но, вероятно, она была собрана из разных источников. Я уверен, что некоторые материалы, по крайней мере, были валлийскими, кроме персонажей, известных валлийской мифологии как Nefyd Naf Neifion, Gwyn ab Nud, Gwydion ab Dôn, Dylan и Ceridwen, которые были опрометчиво введены в нее. Он помещает ее, по-видимому, где-то на побережье Карнарвоншира, а главное место действия называет *Огоф Дейо* или Пещера Давида, что, насколько мне известно, не является реальным названием, а предложено "локером Дэвида Джонса" как сленг моряков, обозначающий море. В надежде на то, что кто-нибудь передаст мне какие-либо фрагменты этой сказки, которые, как оказалось, до сих пор бытуют на валлийском побережье, я привожу ее краткое изложение здесь:...

Однажды бедный рыбак познакомился с русалкой в пещере на берегу моря; сначала она дико визжала, но, когда немного успокоилась, велела ему уйти подальше от ее брата и вернуться в назначенное время на следующий день. Когда он уходил, его выбросило в море, а на сушу веревка, обмотанная вокруг его талии; потянув за нее, он вытащил на берег сундук, полный сокровищ, которые он всю ночь таскал домой. На следующий день он с некоторым опозданием вернулся в пещеру и не увидел там русалки, которая должна была встретить его, как обещала. Но на следующую ночь он был разбужен от сна ее визитом в его дом, и она велела ему прийти на следующий день. По дороге он узнал от рыбаков, что они напрасно трудились всю ночь, так как огромная русалка открыла их сети, чтобы выбрать лучшую рыбу, а остальным позволила уйти. Когда он добрался до пещеры, то обнаружил там русалку, расчесывающую свои волосы: она удивила его, рассказав, что пришла жить среди местных жителей, хотя, по ее собственным словам, она была дочерью короля. Она уже не была голой, но была одета как леди: в одной руке она держала диадему из чистого золота, а в другой - шапочку чудесной работы; первую она надела на голову, а вторую передала Ифану Моргану, приказав ему хранить ее. Затем она рассказала ему, как заметила его, когда он был румяным мальчиком, на рыбалке в белой лодке своего отца, и услышала, как он пел песню, которая заставила ее полюбить его, и как она пыталась повторить эту песню при дворе своего отца, где все хотели получить ее. Много раз, по ее словам, она с тревогой прислушивалась, не услышит ли она ее снова, но все было напрасно. Тогда она добилась от родных разрешения прийти со своими сокровищами и посмотреть, не научит ли он ее; но вскоре она увидела, что ей не удастся добиться успеха, если она не предстанет в том виде, в котором была сейчас. Сказав, что ее зовут Нефин, она дочь Нефиджа Наф Нейфиона и племянница Гвина, сына Нуджа, и Гвидиона, сына Дона, она успокоила его, рассказав о скромном домике, в котором он живет. Вскоре он попросил ее стать его женой, и она согласилась при условии, что он будет всегда держать подаренную ею шапку подальше от ее глаз и научит ее песне. Они поженились и жили счастливо, и детей у них рождалось пять раз, каждый раз сын и дочь; они часто ходили в пещеру, и никто не знал, какие сокровища у них там были; но однажды они отправились в лодке развлекаться, как это было принято, с шестью или семью детьми,

сопровождаящими их, и когда они были далеко от суши, поднялась сильная буря; Помимо обычных звуков, присущих шторму на море, раздавались неземные крики и шумы, которые напугали детей, а их мать выглядела неловко; но вскоре она наклонила голову над бортом лодки и прошептала что-то, чего они не уловили: К их удивлению, море мгновенно успокоилось. Они благополучно добрались до дома, но старшие дети были сильно озадачены влиянием матери на море, и прошло немного времени, пока они не стали так дразнить каких-то недобродушных старух, что те рассказали им о странном происхождении их матери. Старший мальчик был раздосадован этим и вспомнил, как его мать разговаривала с кем-то возле лодки в море, и что ему никогда не разрешали ходить с родителями в Огоф Дейо. Вспомнил он и рассказ матери о странных странах, которые она видела. Однажды в дом Ифана Моргана, который теперь был особняком, пришел гость, которого детям не разрешалось даже видеть; и однажды ночью, когда молодая луна закатилась за западный горизонт, Ифан и его жена тихо вышли из дома, сказав слуге, что не вернутся ни через три недели, ни через месяц; это подслушал старший сын. Он тихо пошел за ними, пока не увидел их на берегу, где мать накинула на себя и отца что-то вроде кожаной мантии, и оба они бросились в ложбину лодки, которая приплыла за ними. Сын вернулся домой, разбил себе сердце и умер через девять дней, узнав, что его мать - русалка; а сестра-близнец, увидев брата мертвым, пошла и бросилась в море; но вместо того, чтобы утонуть, ее подхватил на своего коня прекрасный рыцарь, который понесся галопом по волнам, словно по сухой и ровной земле. Слуги сомневались, что делать, ведь Нфид Морган умер, а Эйлонви бросилась в море; но Тегид, второй сын, который ничего не боялся, сказал, что тело Нфид нужно отнести на берег, так как кто-нибудь наверняка придет за ним, чтобы похоронить среди семьи его матери. В полночь прибыл рыцарь, который сказал, что похороны должны состояться в три часа утра, и сообщил, что их брат вернется к ним, поскольку Гвидион аб Дон собирается дать ему сердце, которое не сможет сломить никакая тяжесть, что Эйлонви скоро выйдет замуж за одного из лучших и храбрейших рыцарей Гверджонау, и что их родители находятся с Гвином аб Нудж в Гвелодионе. Тело вынесли на берег, и, как только волна коснулась его, из гроба, словно морская свинья, выпрыгнул Нфид. Его видели, как он шел рука об руку с Гвидионом аб Доном к ожидавшему его кораблю, и на берегу слышалась чарующая музыка; но вскоре корабль уплыл, едва коснувшись вершушек бурь. По прошествии года и одного дня Ифан Морган, отец, вернулся домой, выглядя гораздо лучше и благообразнее, чем прежде; он никогда не говорил о Нефин, своей жене, пока Тегид однажды не спросила его, что с матерью; она уехала, сказал он, искать Эйлонви, которая сбежала от мужа в Гверджонау с Гланфридом аб Глойвфрейнтом. Скоро она вернется, подумал он, и расскажет им обо всех чудесах, которые они видели. В ту ночь Ифан Морган лег спать, а утром его нашли мертвым; считалось, что его убил Черный рыцарь, который уже некоторое время преследует это место в полночь и всегда исчезает, когда его преследуют, в колодце, который бурлит в темной нише неподалеку. В день похорон Ифана Моргана вернулась Нефин, его жена, и оплакивала его многими слезами; больше ее не видели на суше. Теперь семья перешла в руки Тегиды, и он вел себя во всем так, как подобает человеку и джентльмену высоких принципов и большой щедрости. Он был очень богат, но его часто мучила мысль об убийстве отца. Однажды, когда он и два его брата рыбачили в лодке в соседней бухте, ветер пригнал их к самому чудесному месту, которое они когда-либо видели. Море там было гладким, как стекло, и ярким, как самый ясный свет, а под ним, неподалеку от них, они увидели великолепную страну с плодородными полями и далями, покрытыми пастбищами, с цветущими изгородями, рощами, покрытыми зеленой листвой, и лесами, нежно развевающими свою лиственную пышность, с реками, лениво созерцающими свои извилистые русла, и с особняками то тут, то там самого красивого и изобретательного описания; Вскоре они увидели, что жители развлекаются всевозможными забавами и

гуляньями, тут и там звучит музыка и исполняются самые энергичные танцы; в самом деле, зыбкие волны, казалось, впитали в себя всю музыку, так что слабое эхо ее, мягко отдаваемое волнами, не переставало очаровывать их слух, пока они не достигли берега. В ту ночь трем братьям приснился один и тот же сон, а именно, что Черный рыцарь, задушивший их отца, скрывается в пещере на побережье; утром они отправились к пещере, но Черный рыцарь убежал от них и помчался по волнам галопом, словно забавляясь на лугу. В тот день их сестры, возвращаясь домой из школы, должны были пересечь часть моря, как вдруг поднялась буря и потопила судно, утопив всех, кто был на борту, и братья приписали это Черному рыцарю. Примерно в это же время рыбаки были в большом смятении из-за морского змея, который обвился вокруг скал возле пещер, и ничего не оставалось делать, как Тегиду и его братьям пойти и убить его; но когда однажды они подошли к месту, где водился змей, то услышали глубокий голос, сказавший им: "Не убивайте свою сестру", и они сильно удивились и внезапно отправились домой. Но в ту ночь Тегид вернулся туда один, позвал сестру по имени, и она, дожидаясь немного, подползла к нему в облике морской змеи и сказала, что должна некоторое время оставаться в этом облике, потому что сбежала с чужим мужем; далее она сказала, что видела, как их сестры гуляют с матерью, а отец скоро будет в пещере. Но внезапно появился Черный рыцарь, который обнажил меч, похожий на пламя огня, и стал рубить морского змея на тысячу кусочков, которые, однако, соединялись так же быстро, как он их рубил, и становились такими же целыми, как прежде. Кончилось тем, что чудовище обвилось вокруг его горла и ужасно укусило его в грудь. В этот момент появился Белый рыцарь и пронзил его копьем, так что тот мгновенно упал, а Белый рыцарь поспешил прочь с морским змеем, обвившимся вокруг его шеи. Тегид убежал, спасая свою жизнь, но не раньше, чем на него начало нападать чудовище, более ужасное, чем все, что он когда-либо видел. Оно преследовало его в самых разных обличьях: иногда оно было похоже на море, но Тегид умел плавать; иногда оно было ледяной горой, но Тегид умел на нее взбираться; иногда оно было похоже на печь с сильным огнем, но жар не действовал на него. Но в основном он выглядел как сочетание хищного зверя и ядовитой рептилии. Но вдруг появился юноша, взял Тегиду за руку и ободрил его, тогда чудовище с визгом убежало, и к нему примчалось множество рыцарей в великолепных одеждах и на гордо гарцующих конях; среди них он нашел своих братьев и отправился с ними в страну своей матери. Там ему оказали особый прием, и он нашел всех счастливыми и присутствующими, кроме одного только отца, которого он решил забрать из высшего мира, получив на это разрешение от своего деда. Его мать и братья отправились с ним на поиски тела отца, а с ними пришли Гвидион аб Дон и Гвин аб Нудж, но он не желал просыпаться. Тогда Тегид, который очень любил своего отца, попросил разрешения остаться на могиле отца, где он и пребывает по сей день. Его мать приходит туда, чтобы успокоить его, а братья посылают ему подарки, а он посылает свои подарки Нфидду Наф Нейфиону, своему деду; говорят также, что его сестра-близнец Серидвен давно уже живет рядом с ним, чтобы радоваться еще больше и быть еще красивее, и чтобы поддерживать свое достоинство и честь в мире и спокойствии".

Последняя часть этой истории, упоминание Серидвен, к которой барды обращаются как к гению, руководящему их профессией, и Тегид, оставшийся на могиле своего отца, очевидно, является ссылкой на *Llyn Tegid*, или озеро Бала, и на легенду о Талиессине в так называемой *Hanes*, или истории Талиессина, опубликованной в конце третьего тома "*Мабиногиона*" леди Шарлотты Гост. Таким образом, история, несомненно, была собрана воедино, но не полностью выдумана, о чем свидетельствует упоминание о диковинном колпаке, который муж должен был держать подальше от глаз своей жены-русалки. В ирландских легендах этому колпаку придается особое значение, о котором Гласынис не мог знать, поскольку не знал, как его использовать. Обучение жены песне не упоминается после свадьбы; да и вообще введение ее в текст примечательно: во всяком случае, я не встречал ничего

подобного в других сказках. Случай с бурей, когда русалка разговаривала с кем-то у борта лодки, напоминает Ундину во время путешествия по Дунаю. Пожалуй, нет смысла вдаваться в подробности, пока не выяснится, насколько эта история основана на подлинном валлийском фольклоре. Но раз уж я заговорил об этом, то рискну приложить ирландскую сказку, которая объяснит смысл шапочки русалки, необходимой для ее комфортного пребывания в водном мире. Я обязан ею доброте доктора Нормана Мура из больницы Святого Варфоломея, который в письме от 7 марта 1882 года сообщил мне, что он и мисс Рейнелл из Киллинона слышали ее от старухи по имени миссис Долан, которая жила в поместье покойного мистера Кука из Куксборо в Вестмите. Она рассказывала следующее: "У одного человека по имени Махон была ферма на краю Лох-Оуэла. Он заметил, что его кукурузу вытаптывают, и просидел всю ночь, наблюдая за этим. Он увидел, как из озера выскочили лошади, скорее жеребята и кобылки, и стали топтать ее. Он погнался за ними, и они скрылись в озере. На следующую ночь он снова увидел их, и среди них прекрасную девушку с шапочкой из кожи лосося на голове, и она сияла в лунном свете; он поймал ее и обнял, и отнес в свой дом, и женился на ней, и она была очень хорошей хозяйкой, как все эти озерные люди, и прекрасно содержала его дом; И вот однажды во время жатвы, когда мужчины были в поле, она вошла в дом и стала искать на загородке сало, чтобы приготовить колканнон¹⁰ для мужчин, и увидела свою старую шапочку из рыбьей кожи, надела ее на голову и убежала прямо в озеро, и больше ее не видели, а Махон был ужасно огорчен и вскоре умер от болезни. У нее было трое детей, и я часто видел их на рынке в Маллингаре. Они тоже были фермерами на Лох-Оуэле".

IV.

Позвольте мне теперь вернуться к пресноводным феям Сноудона и дать ссылку на "Путешествие Пеннанта по Уэльсу": в издании, опубликованном в Карнарвоне в 1883 году, нам рассказывают, ii. 326, как мистер Пеннант узнал, "что в дни фей эти уменьшительные дворяне устраивали свои веселья" на окраине озера Сноудон, называемого □уп Coch. Насколько я могу судить, в настоящее время не сохранилось ни одной легенды о феях из □уп Coch. Поэтому я прилагаю легенду, значительно отличающуюся от всех предыдущих: Я обязан ей любезностью моего друга мистера Хауэлла Томаса, сотрудника Совета по делам местного самоуправления. Она была записана мистером Г. Б. Гатти, и я беру на себя смелость приложить к ней его письмо к мистеру Томасу, датированное Уолхэм-Гроув, Лондон, юго-запад, 27 апреля 1882 года. В письме говорится следующее

Я совсем забыл о прилагаемом письме, которое я записал во время моей недавней болезни и должен был послать вам уже давно. Конечно, формулировка очень грубая, поскольку в этом вопросе не было никакой осторожности. Она интересна тем, что является еще одной версией очень красивой старой легенды, которую часто повторяла моя мать. Она происходила из очень древнего северо-валлийского рода; более того, я полагаю, что мой уважаемый дедушка дошел до того, что проследил свое происхождение от самого великого патриота Оуэна Глендауэра! Моя мать наслаждалась не только древними фольклорными легендами и сказками княжества, с которыми она была прекрасно знакома, но и особенно прекрасными национальными мелодиями, которые она знала наизусть и, будучи весьма искусной, никогда не уставала играть или петь их. Вы увидите, что легенда в основном повторяет рассказ профессора Риса, хотя и несколько отличается от него необычными условиями брачного контракта. Местом действия легенды, как рассказывала моя покойная

мать, было, конечно же, озеро, валлийское название которого я, к сожалению, забыл, но оно находилось где-то, кажется, недалеко от Анбериса, а героем - мужественный молодой фермер".

Сама легенда гласит: "Однажды в жаркий день фермер

Однажды в жаркий день фермер, проезжая мимо озера, завел свою лошадь в воду, чтобы попить, и, глядя поверх ушей лошади на гладкую поверхность, увидел, что из-под воды на него смотрит прекраснейшее лицо. В полном недоумении он убедительно позвал, и постепенно из воды показались голова и плечи, принадлежавшие этому лицу. Переполненный эмоциями и почти обезумевший от внезапно представшего перед ним сияния красоты, он соскочил с лошади и с диким криком бросился в озеро, чтобы прижать прекрасное видение к своему сердцу. Поскольку это был явный случай "любви с первого взгляда", бедный юноша, разумеется, не отвечал за свои поступки. Но видение исчезло под волнами, чтобы тут же появиться вновь в ярде или двух от него, с самой провокационной улыбкой, протягивая прекрасные белые руки к своему поклоннику, но при его приближении ускользая в глубину.

В течение многих дней молодой фермер часто посещал озеро, но так и не увидел прекрасную наяду, пока однажды не сел на берегу, надеясь, что она появится, и в то же время страшаясь ее появления, ибо последнее означало для него потерю всякого покоя. И все же он устремился навстречу судьбе, подобно влюбленному пастуху из старого итальянского романа, который наблюдал за спящей красавицей, но боялся ее пробуждения: - *io perderò la pace, quando si sveglierà!*

Молодой человек взял с собой остатки своего скромного ужина и спокойно ел на десерт редкое и вкусное яблоко с дерева, росшего в соседнем поместье. Внезапно дама появилась во всей своей редкой красоте почти вплотную к нему и попросила "бросить" ей одно из его яблок. Это было уже слишком, и в ответ он протянул заманчивое яблоко, демонстрируя его красивые красные и зеленые бока, и сказал, что если она действительно хочет его, то должна сама принести. На это она подошла совсем близко, и, когда она взяла яблоко из его левой руки, он ловко схватил ее правой и крепко держал. Она, однако, ничуть не испугалась, закричала во весь голос, прося о помощи, и подняла такой возмутительный шум, что в конце концов из середины озера внезапно появился почтенного вида пожилой джентльмен. У него была великолепная белая борода, а одет он был просто и классически, лишь в одном венке из прекрасных водяных лилий, обвинявшем его чресла, что, вероятно, было его летним костюмом, поскольку погода стояла жаркая. Он вежливо поинтересовался, в чем дело и что молодой фермер хочет от своей дочери. Дело было объяснено, но не без нервного трепета, который обычно испытывают влюбленные свахи, когда их вызывают в ужасное присутствие "папы", чтобы "объяснить свои намерения!"

После долгих переговоров леди, в конце концов, согласилась стать женой молодого человека на двух условиях, которые он должен был торжественно пообещать соблюдать. Эти условия заключались в том, что он никогда не будет бить ее *сталью* или *глиной* (землей), на что юноша с готовностью согласился. Поскольку это были первобытные времена, когда люди были счастливы и честны, не было адвокатов, которые обременяли бы Святое поместье долгими уговорами и набивали бы свои карманы большими гонорарами; поэтому дела были вскоре улажены, и леди вышла замуж за молодого фермера на месте, под руководством очень уважаемого старого божества озера, ее папы.

Далее в рассказе говорится, что от этого союза родились два сына и две дочери. Старший сын стал великим врачом, и все его потомки славились своим мастерством в благородном

искусстве врачевания. Второй сын был могучим мастером во всех делах, связанных с производством и использованием железа и металлов. В самом деле, намекали, что, когда его маленький корракул из бычьей шкуры стал старым и небезопасным, ему пришла в голову блестящая идея сделать такой же из тонкого железа. Это ему удалось, и, к вящему изумлению изумленного населения, он постоянно использовал ее для рыбалки или других целей на озере, где плавал на веслах в полной безопасности. Этот важный факт должен быть более широко известен, так как он дает ему право на введение железного судостроения, опережая тени Бофора и Брюнеля.

Из двух дочерей одна, как говорят, изобрела маленькую десятиструнную арфу, а другая - прялку. Таким образом, были введены такие искусства, как медицина, мануфактура, музыка и шерстяное дело.

Как говорится в старинной балладе, где цитата относится к отцу и матери.

Они прожили более сорока лет

Долго и счастливо!

Однажды случилось так, что жена выразила большое желание отведать тех самых вкусных яблок, которые она так любила, и которые сосед часто присылал им в подарок. Фермер, как хороший муж, отправился в путь и привез в подарок от своего друга не только яблоки, но и прекрасный молодой саженец высотой семь или восемь футов с такими же яблоками. Они сразу же принялись за посадку: он копал, она держала; но яма оказалась недостаточно глубокой, и он снова принялся за работу, с еще большей энергией орудуя лопатой, и, низко наклонившись, выбросил последнюю лопату через плечо - увы! не глядя - прямо в грудь своей жене. Она уронила саженец и торжественно предупредила его, что одно из двух условий их брачного договора было нарушено. Он ссылаясь на случайность, но тщетно: был прискорбный факт - он *ударил ее глиной!* Посчитав саженец причиной всех бед, он решил немедленно вернуть его своему доброму соседу. Взяв в руки уздечку, он отправился в поле, чтобы поймать свою лошадь, а жена любезно помогла ему. Они подбежали оба, по одному с каждой стороны, и, поскольку непокорный конь не собирался останавливаться, муж попытался перекинуть уздечку через его голову. Не побывав в Мексике и не научившись пользоваться лассо, он промахнулся мимо головы лошади и - несчастье из несчастий - ударил жену железным долотом по лицу, нарушив тем самым второе условие. *Он ударил ее сталью.* Не успела она получить удар, как, подобно Исаву, "заплакала великим и горьким плачем" и, попрощавшись с мужем, молниеносно сбежала с холма, бросилась в озеро и исчезла в его гладких и прозрачных водах! Таким образом, можно сказать, что если яблоко косвенно способствовало началу ее супружеской жизни, то яблоко же привело к ее печальному завершению".

Такова сказка мистера Гатти, и ему, вероятно, следует приписать ее литературную отделку; но даже лишённая этого аксессуара, она оставляет нам трудности примерно того же порядка, что и те, что приписываются некоторым историям, прошедшим через руки Глазыниных. Тем не менее, суть его кажется подлинной и доказывает, что существовала северовалийская традиция, которая прослеживала медицинское искусство от озерной дамы, подобной Эгерии из "Врачей Миджфая".

V.

Мы уже упоминали об истории *афанков*, и будет удобно привести ее, прежде чем продолжить. В "*Кембрийском журнале*" за 1859 год, с. 142-6, она приводится в письме Эдварда *□wud'a*, датированном 1693 годом и переданном в это периодическое издание покойным каноником Робертом Уильямсом из Рид-и-Кросау, который скопировал ее с оригинала письма, хранящегося у *него*¹¹, и здесь следует перевод на английский той ее части, которая касается *□un yr Afanc*¹², бассейна на реке Конви, выше Беттвс-и-Коэд и напротив Капель Гармон: - "Я полагаю, что очень вероятно, что я не знаю, что это такое.

Я полагаю, что вы, вероятно, слышали, как говорят о *□un yr Afanc*, "бассейне Афанка", и поэтому мне не нужно беспокоиться, чтобы сообщить вам, где он находится. Думаю, вы также знаете, если можно доверять тому, что говорят деревенские жители, что это была девушка, которая соблазнила Афанка выйти из его жилища, а именно из бассейна, чтобы его заковали в железные цепи, в то время как он дремал, положив голову ей на колени и положив одну руку ей на грудь. Когда он очнулся от дремоты и понял, что с ним сделали, он внезапно встал и поспешил к своему старому убежищу, унося в когтях грудь своей возлюбленной. И тут заметили, что хорошо, что цепь была достаточно длинной, чтобы прикрепить ее к волам, которые вытащили его из бассейна. После этого среди людей разгорелся спор: каждый утверждал, что он взял на себя большой груз и тянул гораздо сильнее, чем кто-либо другой. "Нет, - говорил другой, - это был я" и т. д. И пока они так переругивались, как рассказывают, афанк ответил им и заглушил их недовольство, сказав.

Oni bae y dai ag a dyn

Ni dactha'r afanc byth o'r □yn.

Если бы не волы, которые тянули,

Афанк никогда бы не вышел из бассейна.

Вы должны понимать, что некоторые принимают афанка за телесного демона; но я достаточно уверен, что существует животное с таким же названием, которое по-английски называется *bever*, поскольку термин *cei□ie'r afanc* означает *bever stones*. Я не знаю, что это были за волы, о которых идет речь, но есть сведения, что они были близнецами; также я не знаю, почему их называли *Ичайн Манног* или *Ичайн Банног*. Но, возможно, они были названы *Ичайн Банног* в связи с тем, что их много раз откармливали, или откармливали на откорме (были откормлены в течение многих лет). Однако слово "*банног*" не подходит для обозначения откормленных, поскольку *банног* - это не что иное, как то, что сделано очень толстым путем битья [или набивки], как говорят о толстом одеяле из грубой пряжи (*y gwrthban tew-bannog*), толстом *банногском*¹³ одеяле. Пока я бездельничал, рассуждая об этом, волы ушли очень далеко, и я не находил их следов, когда они проходили через часть прихода Долидж-Элан (*Luedog*), пока не достиг перевала, называемого с тех пор *Bwlch Rhiw'r Ychen*, "Перевал Склона Волос", между верхними частями Долиджэлана и верхними частями Нанхвинена. При переходе через этот перевал один из волов уронил один из своих глаз на открытое место, которое по этой причине называется *Gwaun Lygad Ych*, "Болото глаза вола". Место, куда упал глаз, превратилось в бассейн, который к этому времени известен как *Pw□□ygad Ych*, "бассейн бычьего глаза", который никогда не бывает сухим, хотя вода в нем не поднимается и не течет, кроме как во время дождя; не вытекает она из него и в сухую погоду. Глубина его всегда одинакова, то есть доходит примерно до коленного сустава, по мнению тех, кто уделял этому внимание на протяжении значительного количества лет. Есть мелодия для арфы, которую знают не все музыканты: она известна как "воздух *Ичайн Манног*", и она

действует на слух так же жалобно, как стоны этих *Ичайн* под тяжестью афанка, особенно когда один из пары потерял глаз. Они дотащили его до *Ласе* *Лун Свм Ффynnon Las*, "Озера Зеленого Колодца", куда он и был отправлен, поскольку, по некоторым поверьям, в этом озере уже хранились жуткие вещи. В самом деле, было вполне уместно позволить ему отправиться к своим сородичам. Но независимо от того, были ли в нем раньше какие-то сверхъестественные вещи или нет, многие считают, что теперь в нем нет ничего хорошего, как вы поймете из дальнейшего. О Ласе *Лун Свм Ффynnon* много говорят, кроме того, что он всегда свободен ото льда, за исключением одного угла, где в него попадает торфяная вода из чистых бассейнов, и что он также имеет множество мрачных оттенков. Причину этого, как я полагаю, следует искать в различных оттенках окружающих его скал, а также в том, что вихрь перемешивает его воду, чего достаточно, чтобы придать любому озеру неприятный цвет. В нем ничто не плавает без опаски, и я не уверен, что птице будет безопасно перелетать через него или нет. Если бросить в воду тряпку, она пойдет ко дну, и я собственными ушами слышал, как один человек рассказывал, что видел, как коза, чтобы избежать поимки, ушла в это озеро, и что, как только животное вошло в воду, оно крутилось туда-сюда, словно вершитель, пока не утонуло Некоторые упоминают, что во время охоты какого-то великого человека в районе Сноудона (Эрири) олень, чтобы избежать гончих, когда они на него наседали, и, как это принято у оленей, чтобы защитить себя, сбежал в это озеро: охотники едва успели обернуться, как увидели рога оленя (*mwnglws*), поднимающиеся на поверхность, но больше они ничего не видели Видели, как из этого озера выходила молодая женщина, чтобы постирать одежду, а когда она это сделала, то сложила одежду и, взяв ее под мышку, вернулась в озеро. Один человек, брат которого до сих пор жив и здоров, видел в каное на этом же озере рыбака с красной шапочкой на голове; но тот умер через несколько дней, так как все это время был не в своем уме. Большинство людей считают это истинной правдой, и я, как и я сам, не могу отказаться поверить, что подобное видение не могло привести человека в такое недоумение, чтобы навлечь на него болезнь, закончившуюся его смертью'.

Название *Лун Свм Ффynnon Las* позволило бы предположить, что имеется в виду бассейн, обозначенный на картах как *Лун у Свм Ффynnon*, и расположенный в горах между *Pen у Gwryd* и верхней долиной *Ланберис*; но, судя по тому, что пишет о приходе *Беджелерт* в *Брытон* за 1861 год, стр. 371-2, выясняется, что это не так, и что тарн находился в верховьях *Свм Дyli* и был известен как *Лун у Ффynnon Las*, "Озеро зеленого колодца", о котором он много говорит в том же духе, что и о *Лвуд* в уже цитированном письме. Среди прочего он отмечает, что это очень глубокий тарн и что его дно, как было установлено, находится ниже, чем поверхность *Лун Лвдау*, которая лежит на 300 футов ниже. А что касается афанка, то он отмечает, что жители Нант-Конви и нижних частей прихода Долвиджелан, испытывая частые неприятности и потери от огромного чудовища в реке Конви, недалеко от Беттвс-и-Коэд, пытались убить его, но тщетно, поскольку ни гарпун, ни стрела, ни копье не произвели никакого впечатления на шкуру зверя; поэтому было решено утащить его, как в истории с *Лвуд*. От мистера Пирса (*Elis o'r Nant*) из Долвиджелана я узнал, что озеро по-разному называют *Лун (Свм) Ффynnon Las* и *Лун Glas* или *Glaslyn*: именно это название я встречаю на картах. Следует заметить, что жители Нант-Конви, перетащив туда афанка, вывели его за пределы своего водораздела, так что он больше не мог вызывать наводнения в Конви.

Здесь, как и было обещано на с. 74, я прилагаю слова Льюиса Глин Коти об афанке в *Лун Свфадон*. В поэме, где они приводятся, бард рассказывает о своей привязанности к другу *Лввелын аб Гвильм аб Томас Вагхан*, из Брин Хафода в долине Тоуи, и утверждает, что его будет так же трудно заставить покинуть гостеприимный дом друга, как и увести афанк из озера Сифаддон, следующим образом

Yr avanc er ei ovyn

Wyv yn □ech ar vin y □yn;

O dòn □yn Syfaðon vo

Ni thynwyd ban aeth yno:

Ni'm tyn mèn nag ychain gwaith,

Ođiyma hedŷw ymaith. [14](#)

Афанк - это я, который, разыскиваемый, скрывается

скрываясь на краю озера;

Из вод Сифаддона Мере

Он не был привлечен, как только добрался туда.

Так и со мной: ни коновязь, ни волы, привыкшие трудиться.

Я в день сегодняшний буду черпать отсюда".

Из этого отрывка следует, что в сифаддонском рассказе афанка увозили от озера на телеге или повозке, запряженной волами; но везли ли его Ху и кто именно, неизвестно. Тем не менее, в рассказе эта затея должна была быть представлена как неудачная, а афанк - как оставшийся в своем озере: если бы было иначе, трудно было бы понять смысл сравнения.

VI.

Приход □anfachreth и его традиции стали темой некоторых материалов для первого тома "*Талиесина*", опубликованного в Рутине в 1859-60 годах, стр. 132-7, автором, называющим себя *Кофиадуром*. Я полагаю, что это был Гласинис, поскольку стиль, похоже, принадлежит ему: он притворяется, что копирует со старой рукописи Хью Бифана - и рукопись, и ее владелец были выдумкой Гласиниса, как мне сказали. В этих записях есть два или три пункта о феях, которые кажутся подлинными:...

"Дно озера Синнх в поместье Наннау находится на одном уровне с очагом дома Доль-и-Клочидж. Его глубина была обнаружена благодаря тому, что возлюбленный одной из девушек Сивси потерял дорогу к ней из Наннау, где он был слугой. Бедняга упал в озеро и катился все ниже и ниже, и чем ниже он опускался, тем чище становилось вокруг, пока наконец он не выбрался на ровное место, где все и вся выглядело так, как он видел на суше. Когда он достиг дна озера, к нему подошел невысокий толстый пожилой джентльмен и спросил, чем он занимается, когда он рассказал ему, как случилось, что он пришел. Его встретили очень радушно, и он пробыл там целый месяц, не зная, что пробыл там три дня, а когда собрался уходить, его вывели к возлюбленной жителя дна озера. Он утверждал, что весь путь был ровным, за исключением одного места, где они спустились примерно на сажень в землю; но, добавлял он, нужно было подняться примерно на столько же, чтобы добраться до камня очага Доль-и-Клошидж. Но самое удивительное заключалось в том, что камень сам поднялся, когда он поднялся к нему из подземного хода. Так и добрался возлюбленный туда однажды вечером, когда девушка сидела у огня и плакала о нем. Сивси

ушла за несколько дней до этого, и она знала обо всем, хотя никому ничего не сказала. Вот так и стала известна глубина □уп Сунпвч".

Затем в нескольких предложениях он рассказывает о старом доме под названием Сеймарч: "Сеймарч был старым особняком с большой репутацией, и в старые времена он считался рядом с Наннау по значимости во всей округе. Вокруг него был глубокий ров, который всегда держали полным воды, чтобы бродяги и воры, а также другие беззаконники не застали обитателей дома врасплох. Но в далекие времена это место было очень известно тем, что его часто посещала прекрасная семья. Они приходили к канаве, чтобы умыться, и переплывали воду в лодках, сделанных из коры рябины¹⁵, а то и березы, а в дом они приходили, чтобы заплатить за то, что топчут землю вокруг дома. Под кувшин они всегда клали кусок денег, и в результате семья, жившая там, стала необычайно богатой. Но как-то, по прошествии многих лет, хозяин дома обидел их, проявив неуважение к их малочисленной семье: вскоре мир стал идти против него, и вскоре он опустил в жизни. Все обернулось против него, и в прежние времена все считали, что он понес все это из-за того, что заслужил неудовольствие честной семьи".

В "Бритоне" за 1862 год, стр. 456, в ходе эссе об истории лордства Мауджви в Мерионете, признанного лучшим в конкурсе на Eistedfod, состоявшемся в Динас Мауджви 2 августа 1855 года, Glasynys приводит следующие сведения о феях этого района: "Сторона Аран Фауджви - отличное место для семьи фей: они постоянно играют в свои игры на склонах холмов вокруг этого места. Говорят, что их много и в окрестностях Бвлх-и-Грос. Однажды летним вечером один мальчик переходил с наступлением ночи из Гадфы в Мавдви, а когда возвращался, увидел возле Абер-Ривлеха целый рой этой маленькой семейки, танцующей во всю прыть. Мальчик бросился бежать, а две девицы погнались за ним, уговаривая остаться; но Робин, так его звали, продолжал бежать, и двум эльфам не удалось его догнать, иначе он попал бы в плен любви. На склонах холмов между Aber Rhiwlech и Bwlch y Groes можно увидеть множество их танцевальных колец".

Здесь я хотел бы представить еще две мерионетширские сказки, которые я получил от мистера Э. С. Робертса, учителя школы □andysilio, расположенной неподалеку от □ango□en. Он узнал их от некоего Абея Эванса, который в настоящее время живет в приходе □andysilio: он родом из прихода □andri□o на склонах Бервина и из долины в нем, известной как Cwm Pennant, названной так потому, что ее осушала Пеннант на своем пути к впадению в Ди. Квм Пеннант был местом обитания фей или определенной их семьи, и случай, о котором рассказывается в следующей истории, произошел, должно быть, не менее семидесяти лет назад: он был хорошо известен покойной миссис Эллен Эдвардс из Андриана:...

Ryw diwrnod aeth dau gyfai□ i hela dwfrgwn ar hyd lannau afon Pennant, a thra yn cyfeirio eu camrau tuagat yr afon gwelsant ryw greadur bychan □iwgoch yn rhedeg yn gyflym iawn ar draws un o'r dolyd yn nghyfeiriad yr afon. Ymaeth a nhw ar ei ol. Gwelsant ei fod wedi myned ođitan wraid coeden yn ochr yr afon i ymgudio. Yr oed y dau dyn yn medwl mae dwfrgi ydoed, ond ar yr un pryd yn methu a dea□ paham yr ymdanghosai i'w □ygaid yn □iwgoch. Yr oedynt yn dymuno ei dal yn fyw, ac ymaith yr aeth un o honynt i ffarmdy ger□aw i ofyn am sach, yr hon a gafwyd, er mwyn rhoi y creadur yndi. Yr oed yno dau dw□ o tan wraid y pren, a thra daliai un y sach yn agored ar un tw□ yr oed y □a□ yn hwthio ffon i'r tw□ ara□, ac yn y man aeth y creadur i'r sach. Yr oed y dau dyn yn medwl eu bod wedi dal dwfrgi, yr hyn a ystyrient yn orchest nid bychan. Cychwynasant gartref yn □awen ond cyn eu myned hyd □ed cae, □efarod □etywr y sach mewn ton drist gan dywedyd-'Y mae fy mam yn galw am danaf, O, mae fy mam yn galw am danaf,' yr hyn a rodd fraw mawr i'r dau heliwr, ac yn y man tafasant y sach i lawr, a mawr oed eu rhyfedod a'u dychryn pan welsant dyn bach mewn gwisg goch yn rhedeg o'r sach tuagat yr afon. Fe a dflannod o'i golwg yn mysg y drysni

ar fin yr afon. Yr oed y dau wedi eu brawychu yn dirfawr ac yn teimlo mae doethach oed myned gartref yn hytrach nag ymyrraeth yn mhe¹⁶ach a'r Tylwyth Teg.

Однажды два друга отправились охотиться на выдр на берега Пеннанта, и когда они направили свои шаги к реке, то увидели, что по лугу в сторону реки быстро бежит какое-то маленькое существо рыжего цвета. Они побежали за ним и увидели, что оно забралось под корни дерева на берегу реки, чтобы спрятаться. Мужчины решили, что это выдра, но в то же время не могли понять, почему она показалась им рыжей. Они хотели взять ее живой, и один из них отправился на ферму, которая находилась неподалеку, чтобы попросить мешок, который он получил, и положил в него существо. Под корнями дерева было два отверстия, и пока один держал мешок с открытым ртом над одним из них, другой просовывал свою палку в другое отверстие, и вскоре существо оказалось в мешке. Мужчины решили, что поймали выдру, и это показалось им немалым подвигом. Они отправились домой, но не успели пройти и одного поля, как обитатель мешка заговорил с ними печальным голосом: "Моя мама зовет меня, о, моя мама зовет меня!" Это очень испугало двух охотников, и они тут же бросили мешок; и каково же было их удивление, когда они увидели маленького человечка в красном платье, выбежавшего из мешка в сторону реки. Он скрылся из виду в кустах у реки. Оба мужчины очень испугались и решили, что разумнее будет вернуться домой, чем вмешиваться в дела прекрасной семьи". Насколько мне известно, эта история является единственной в валлийском фольклоре; но у нее есть точная параллель в [Ланкашире](#)¹⁶.

Другая история, которую я сейчас воспроизвожу, была получена мистером Робертсом от того же Абеля Эванса. Он узнал ее от миссис Эллен Эдвардс, и она относится к моменту ее жизни, который Абель Эванс относит к девяностолетней давности. Мистеру Робертсу не удалось выяснить имя коттеджа, о котором в ней говорится; но он жил на берегу Бервина, выше Квм Пеннант, где до недавнего времени стоял коттедж, возле которого феи устраивали свои прибежища: - Yr oed perchen y

Yr oed perchen y bwthyn wedi amaethu rhyw ran fychan o'r mynydd ger ¹⁷aw y ty er mwyn plannu pytatws yndo. Fe¹⁸y y gwnaeth. Mewn coeden yn agos i'r fan canfyddoŵ nyth bran. Fe fedylïod mae doeth fuasai ido dŷ¹⁹io y nyth cyn amlhau o'r brain. Fe a esgynnod y goeden ac a dŷ²⁰ioŵ y nyth, ac wedi disgyn i lawr canfyddoŵ gylch glas (fairy ring) odiamgylch y pren, ac ar y cylch fe welod hanner coron er ei fawr lawenyd. Wrth fyned heibio yr un fan y boreu canlynol fe gafod hanner coron yn yr un man ag y cafod y dyd o'r blaen. Hynna fu am amryw dydiau. Un diwrnod dywedod wrth gyfai²¹ am ei hap da a dangosod y fan a'r ²²e y cawsai yr hanner coron bob boreu. Wel y boreu canlynol nid oed yno na hanner coron na dim ara²³ ido, oherwyd yr oed wedi torri rheolau y Tylwythion trwy wneud eu haelioni yn hysbys. Y mae y Tylwythion o'r farn na dylai y ²⁴aw aswy wybod yr hyn a wna y ²⁵aw dehau.

Владелец коттеджа обработал небольшую часть горного склона возле своего дома, чтобы посадить картофель, что он и сделал. Он заметил, что на дереве, которое находилось неподалеку от этого места, свили гнездо грачи, и ему пришло в голову, что было бы разумно разбить гнездо, пока грачи не размножились. Он взобрался на дерево и разбил гнездо, а спустившись, заметил вокруг дерева зеленый круг (кольцо феи), и на этом круге, к своей великой радости, разглядел половину кроны. Когда на следующее утро он проходил мимо того же места, то обнаружил еще одну половинку кроны на том же месте, что и раньше. Так продолжалось несколько дней, но однажды он рассказал о своей удаче другу и показал ему место, где каждое утро находил полкроны. На следующее утро он не нашел ни полкроны, ни чего-либо другого, потому что нарушил правило честных людей, объявив о своей щедрости: они считали, что левая рука не должна знать, что делает правая".

Так заканчивается эта короткая история, которую старая леди, миссис Эдвардс, и жители окрестностей объяснили как пример благодарности фей человеку, оказавшему им услугу, которая в данном случае заключалась в том, что они избавили их от грачей, мешавших их веселью в зеленом кольце под ветвями дерева.

VII.

Было бы непростительно уехать из Мерионета, не упомянув о бродячей корове *ŷyn Barfog*. Эта история появилась на валлийском языке в "*Брайтоне*" за 1860 год, с. 183-4, но автор, тщательно подражающий стилю Гласыниса, говорит, что взял свои материалы из статьи покойного мистера Пуге из Абердовея, под которой он, видимо, имел в виду статью, написанную последним в "*Archæologia Cambrensis*" и опубликованную в томе за 1853 год, с. 201-5. В этой статье г-н Пьюге много рассказывает о пейзажах уголка Мерионет в тылу Абердовея; но главное в его статье - легенда, связанная с *ŷyn Barfog*, которое он переводит на английский как Бородатое озеро¹⁷. Оно описывается как горное озеро в уединенном месте на возвышенности за Абердовеем; но я позволю мистеру Пьюге говорить за себя: - "Любители кембрийских преданий могут сказать следующее.

Любителям кембрийских преданий известно, что *Триады* в своих записях о потопе утверждают, что он был вызван мистическим Афанком и *ŷyn*, крокодилом¹⁸ озера, разбившим берега *ŷyn ŷion*, озера вод; и повторение этой катастрофы было предотвращено только благодаря Ху Гадарну, смелому человеку с силой, утащившему Афанка с помощью его *Ŷchain Banawg*, или больших рогатых быков. Многие озера в наших краях претендовали на местонахождение *ŷyn ŷion*; среди прочих и это озеро. Как бы то ни было, королю Артуру и его боевому коню принадлежит заслуга среди здешних горцев в избавлении их от чудовища, вместо Ху Могучего, в доказательство чего на соседней скале есть отпечаток, похожий на отпечаток копыта или башмака лошади, оставленный там его возницей, когда наш британский Геркулес совершал этот сомнительный подвиг, и этому отпечатку дали название Карн Марч Артур, копыто коня Артура, которое он сохраняет и по сей день. Считается, что спускать воды из озера очень опасно, и недавно одна пожилая жительница района сообщила писателю, что, по ее воспоминаниям, это было сделано в период долгой засухи, чтобы получить двигательную силу для мельницы "*ŷyn Pair*", и после этого долго шли проливные дожди. Неудивительно, что наши смелые, но суеверные предки, пораженные одиночеством этого места - темно-сепиальным оттенком его вод, в которых не промелькнет ни единой рыбки, и редко посещаемое воздушными жителями, должны были установить в качестве канона в своем вероучении ужаса, что озеро является одним из многих сообщений между нашим внешним миром и внутренним или нижним миром Аннун - неизвестным миром¹⁹ - владением Гвина ап Нуджа, мифического короля сказочного царства, населенного этими детьми тайны, Растением Аннун; И среди жителей наших гор до сих пор бытует вера в то, что в этот верхний мир время от времени навещаются *Gwaged Annwn*, или дамы из страны эльфов. Проницательный старый фермер (Томас Абергрэс по имени), хорошо знакомый с фольклором этой местности, сообщил мне, что в давние годы, хотя когда именно, он уже не помнит, эти дамы появлялись в зеленом одеянии в окрестностях Барфога (*ŷyn Barfog*), В основном на закате, в сопровождении своих коней и гончих, и что тихими летними ночами, в особенности, часто можно было услышать, как эти гончие с воплями преследуют свою добычу - души обреченных людей, умирающих без крещения и покаяния - вдоль возвышенности Кефнрхосуча. Многие фермеры видели их прекрасных молочно-белых коней;

у многих брадобреев душа обращалась к романтике и поэзии от внезапного видения их самих в облике девиц, одетых в зелень и сияющих красотой и грацией; и многим спортсменам пересекали дорогу их белые гончие сверхъестественной быстроты и красоты, Cwn Annwn; Но никому не удавалось увидеть их более чем мельком, пока один старый фермер, живущий в Диссирианте, в прилегающей долине Диффрин Гвин, не стал наконец счастливым обладателем одной из их молочно-белых кобыл. Знакомство, которое завязалось у Гвартег-и-Гвин, озерных коров, с фермерским скотом, подобно любви ангелов к дочерям человеческого, стало средством захвата, и фермер получил возможность добавить таинственную корову к своему стаду, а это событие во всех случаях считается наиболее благоприятным для мирского процветания того, кто сделает столь удачное приобретение. Никогда не было такой коровы, никогда не было таких телят, никогда не было такого молока, масла и сыра, и слава о Fiwch Gyfeiliorn, бродячей корове, вскоре распространилась по всей центральной части Уэльса, известной как район Rhwng y dŵy Afon, от берегов Mawddach до берегов Dofwy20 - от Aberdiswnwy21 до Abercorris. Фермер, начав с малого, быстро стал, подобно Иову, человеком состоятельным, обладателем процветающих стад скота - настоящим патриархом среди гор. Но, увы, не имея сдерживающей благодати Иова, богатство сделало его гордым, гордость заставила его забыть о своем долге перед коровой Эльфин, и, опасаясь, что она скоро станет слишком старой, чтобы приносить пользу, он откормил ее для мясника, и тогда даже она не преминула отличиться, ибо более чудовищно жирной скотины еще не видели. Наконец настал день убоя - знаменательный день в летописи горной фермы - убийство жирной коровы, да еще такого монстра ожирения! Неудивительно, что все соседи собрались, чтобы посмотреть на это зрелище. Старый фермер смотрел на приготовления с самодовольной важностью, мясник чувствовал, что ему предстоит не обычный подвиг, и, обнажив руки, нанес удар - не смертельный, ибо не успел пострадать даже волос, как его руку парализовало - нож выпал из его руки, и вся компания была наэлектризована пронзительным криком, пробудившим эхо в дюжине холмов и заставившим снова зазвенеть; и вот, пожалуйста! все увидели женскую фигуру в зеленом одеянии, с воздетыми руками, стоящую на одной из сучьев, нависающих над Барфогом, и услышали, как она взывает голосом, громким как гром: - Dere di velen Einion.

Дере ди велен Эйнион,

Cyrn Cyveiliorn-braith y □yn,

A'r voel Dodin,

Codwch, dewch adre.

Приди желтая Наковальня, бродячие рога,

Пятнистый из озера,

И безрогий Додин,

Встань, вернись [домой22](#).

И не успели эти властные слова прозвучать, как первозданная озерная корова и все ее потомство, вплоть до третьего и четвертого поколений, устремились к высотам □yn Barfog, словно преследуемые злодеем. Самолюбие быстро пробудило фермера, и он пустился в погоню, пока, запыхавшись, не достиг возвышенности с видом на озеро, но не добился большего успеха, чем увидел, как дама в зеленом наряде неторопливо спускается к середине озера, сопровождаемая беглыми коровами и их телятами, образовавшими вокруг нее круг, Они подбрасывали хвосты, она презрительно махала руками, словно говоря:

"Поймай нас, друг мой, если сможешь", - и они исчезали под темными водами озера, оставляя лишь желтую кувшинку, чтобы отметить место, где они исчезли, и увековечить память об этом странном событии. Тем временем фермер с сожалением смотрел на то место, где исчезло стадо эльфов, и имел достаточно времени, чтобы сожалеть о последствиях своей жадности, поскольку вместе с ними ушло и благополучие, которое до сих пор сопровождало его, и он обеднел до такой степени, что стал ниже своих прежних возможностей; и в изменившихся обстоятельствах мало кто испытывал жалость к тому, кто в полуденном потоке процветания настолько забыл о полученных милостях, что вознамерился убить своего благодетеля".

Мистер Пьюдж сделал очень хорошее дело, спасая эту легенду от забвения, но было бы очень интересно узнать, насколько она все еще актуальна среди жителей уединенного района вокруг *Barfog*, и как бы выглядела эта история, если лишить ее витиеватого языка, в который мистер Пьюдж считал нужным ее облечь. Наконец, позвольте мне добавить ссылку на *рукописи Иола*, стр. 85, 475, где приводится короткая история о некой молочно-белой сладкомолочной корове (*Fuwch Laethwen Lefrith*), чье молоко было столь обильным и обладало такими достоинствами, что почти соперничало со Святым Граалем. Подобно Святому Граалю, эта корова бродила повсюду, распространяя изобилие, пока случайно не попала в долину Тоуи, где глупые жители захотели убить и съесть ее: в результате она исчезла в их руках, и с тех пор о ней никогда не было слышно.

VIII.

Здесь я хочу добавить еще несколько историй, связанных с Мерионетширом, которые попались мне на глаза в последнее время. Я привожу их в основном со слов мистера Оуэна М. Эдвардса из Линкольн-колледжа, который является уроженцем *Barfog* и до сих пор проводит там значительную часть своего времени; и частично на основании эссе Хайвела о фольклоре графства, которое было удостоено приза на Национальном конкурсе 1898 года²³. История, бытующая в *Barfog*, о повитухе, которая ухаживает за матерью-феей, похожа на другие из той же группы: об одной из них см. с. 63 выше. В первом случае, однако, мазь отсутствует, а вместо нее говорится о том, что повитуха не должна была касаться глаз водой, которой она омывала младенца феи. Но, как и следовало ожидать, один из глаз у нее зачесался, и она коснулась его пальцами прямо из воды. Похоже, что с тех пор она могла видеть фей этим глазом; во всяком случае, представляется, как через некоторое время после этого она узнает отца младенца-феи на ярмарке в Бала и любезно расспрашивает его о семье. Фея спросила, каким глазом она его видит, и когда он убедился в этом, то сразу же ослепил его, так что впоследствии она никогда не могла видеть этим глазом. Хайвел также рассказывает, что раньше *milwit-teg* часто посещали рынки в Бала и поднимали шум на рыночной площади, причем никто не мог их видеть: это был знак, что цены будут расти.

Пастухи из Ардудви, по словам Хайвела, знакомы с вариантом истории, в которой мужчина женился на фее при условии, что не будет трогать ее железом. Они жили на Мольфре и счастливо сосуществовали долгие годы, пока в один прекрасный летний день, когда муж занимался стрижкой овец, он не вложил в руку жены *gwe*, "ножницы", после чего она мгновенно исчезла. Более ранние части этой истории мне неизвестны, но догадаться о них нетрудно.

Что касается *ŷyn Irdyn*, расположенного между западными склонами *ŷawŷech*, то у Хайвела есть история, подобной которой я не знаю: гуляя возле этого озера, вы избегаете берега и держитесь за траву, чтобы избежать фей, ибо если вы ухватитесь за траву, ни одна фея не сможет коснуться вас, ни при каких обстоятельствах не посмеет повредить травинку.

Наконец, Хайвел рассказывает о нескольких пещерах, где хранятся сокровища, например, о *telyn aur*, или золотой арфе, спрятанной в пещере под *Casteŷ Carn Dochan* в приходе *ŷanuwschŷyn*. Льюис Моррис в "*Кельтских останках*", стр. 100, называет его Кастеŷ Корндочен и описывает его как расположенный на вершине крутой скалы на дне глубокой долины: похоже, он состоял из стены, окружавшей три башенки, а раствор, похоже, состоял из ракушек петуха: см. также *Archæologia Cambrensis* за 1850 г., стр. 204. Хайвел также говорит о пещере под Кастером Динас Бран, недалеко от *ŷangoŷen*, как о содержащей много сокровищ, которые могут быть открыты только мальчику, за которым следует белая собака с *ŷygaidd arian*, "серебряными глазами", что объясняется как светлые глаза: говорят, что каждая такая собака видит ветер. Так гласит эта история, но она требует большей экзегезы, чем я могу предложить. Можно сравнить ее с договоренностью Мирджина о том, что клад, зарытый им в Динас Эмрис, должен найти только юноша с желтыми волосами и голубыми глазами, а также с верой в то, что пещерные сокровища в районе Сноудона принадлежат *Гвидилу* или *Гойделам*, и что *Гойделы* в конце концов найдут их: см. главу viii.

Следующие три истории взяты из "*Сумру*" мистера Оуэна Эдвардса за 1897 год, стр. 188-9, где он опубликовал их из сборника, составленного для литературного конкурса или местного *Eisteddfod* его другом Дж. Х. Робертсом, который умер в раннем возрасте. Первая из них представляет собой размытую версию истории о Леди Озера и ее приданом в виде скота, но остается достаточно, чтобы показать, что, если бы мы получили ее в оригинальной форме, она бы отличалась по нескольким пунктам от всех других сохранившихся версий. Я кратко излагаю валлийскую версию так: "В давние времена, когда пастух Хафод-и-Гаррег присматривал за своими овцами на берегу озера Аренниг, он наткнулся в камышах на молодого теленка, пухлого, гладкого и сильного. Он не мог понять, откуда взялся зверек, ведь в это время года к озеру не подпускали скот. Однако он забрал его домой и вырастил, пока тот не стал быком, отличающимся прекрасной внешностью. Со временем его потомство стало единственным крупным рогатым скотом на ферме, и никогда прежде в Хафод-и-Гарреге не было таких зверей. Они были предметом удивления и восхищения всей страны. But one summer afternoon in June, the shepherd saw a little fat old man playing on a pipe, and then he heard him call the cows by their names—

Муликан, Моликан, Мален, Мейр,

Dowch adre'r awrhon ar fy ngair.

Муликан, Моликан, Мален и Мейр,

Возвращайтесь домой по моему слову.

И увидел он, как все стадо побежало к маленькому человечку и скрылось в озере. Больше о них ничего не было слышно, и все решили, что это скот *Тильвит Тега*.

Следующая история - это почти сказка, развязка которой напоминает приключение фермера из Дрвс-и-Коэда по возвращении с ярмарки в Беджгелерте, стр. 99 выше. В ней рассказывается о молодом арфисте, который пробирался через всю страну из своего дома в *ŷsrytu Ifan* в окрестности Бала, и вот, перебираясь через гору, он в тумане сбился с дороги и упал в *Gors Fawr*, "большое болото". Там он провалялся несколько часов, не в силах

выбраться, несмотря на все свои усилия. Но когда он уже собирался сдаться в отчаянии, он увидел рядом с собой, протягивая ему руку, маленькую женщину, удивительно красивую, превосходящую все его представления о красоте, и с ее помощью он выбрался из Горса. Девушка одарила его веселым сладким поцелуем, от которого все его естество вспыхнуло электричеством: он сразу же влюбился по уши. Она привела его в хижину отца и матери: там ему оказали радушный прием, и он провел ночь, распевая и танцуя с Олвен, ибо так ее звали. И хотя арфист был еще совсем мальчишкой, он сразу же подумал о свадьбе - никогда прежде он не был в таком раю наслаждения. Но на следующее утро его разбудил не поцелуй Олвен, а пастушья собака Плас Дрейн, лизнувшая его в губы: он обнаружил себя спящим у стены овчарни (*корлана*), с арфой в куче камышей у ног, без каких-либо следов семьи, с которой он провел такую счастливую ночь.

Следующая история напоминает "Эйнион Лас" Гласыниса, приведенную выше на с. 111-5: ее особенность в том, что в ней играет роль хорошо представленный человек. Место действия - турбара у реки Афон-Минач, названной так от Квм Тир-Минач, расположенной за холмами к северу от Бала: "Когда-то давно несколько человек резали дерн на месте, которое тогда было болотом, а теперь является огороженной землей, составляющей часть фермы под названием Нант Хир, один из них случайно омыл лицо в колодце, принадлежащем феям. Во время обеда в середине дня они сели в круг, а юноша, который умылся, пошел за едой, но внезапно и он, и коробка с едой пропали. Они не знали, что делать, подозревали, что это дело рук фей; но тут к ним пришел мудрец (*gwr hyspys*) и сказал, что если они пойдут на это место в ночь полнолуния в июне, то увидят его танцующим с феями. Они сделали так, как им было сказано, и обнаружили, что болото покрыто тысячами маленьких проворных существ, которые пели и танцевали изо всех сил, и среди них они увидели пропавшего человека. Они бросились на него и с большим трудом вытащили. Но часто Эйнион снова пропадал, пока в июне, в полнолуние, не вернулся домой с дивно прекрасной женой, чьей истории и родословной никто не знал. Все считали, что она одна из *Тильвит Тер*.

IX.

Существует разновидность сказок, образцов которых, как мне кажется, я до сих пор не приводил: хороший пример приведен в третьем томе "*Брайтона*", на с. 459, автором, назвавшим себя Иднертом аб Гвганом, который, как я узнал от преподобного канцлера Сильвана Эванса, редактора, был не кто иной, как преподобный Бенджамин Уильямс, наиболее известный валлийским древностям под своим бардовским именем Гвинионикд. Предисловие к рассказу также интересно, поэтому я склонен перевести его на английский язык следующим образом:-

Прекрасная семья была удивительным существом в воображаемом мире: они собирались в лагерь, ходили и баловались в прежние века в нашей стране, как мы узнаем от некоторых наших стариков. Можно предположить, что они были совсем маленькими, как дети *Руса Джуфна*; ведь старики воображали, что в давние времена они часто посещали их очаги в большом количестве. Девушки в крестьянских домах после ужина наводили порядок у очага и ставили у огня котел с водой, и поэтому они думали, что прекрасная семья приходит туда играть по ночам, принося возлюбленных для молодых женщин, а утром оставляли для них на конфорке кусочки денег. Иногда их можно было увидеть в качестве великолепных хозяев, упражняющихся на наших холмах. Они очень любили горы Дайфеда; путешественники

между Лампетером и Кардиганом часто видели их на холме [anwenog](#), но когда они добирались туда, феи были уже далеко на холмах [andyssul](#), и когда человек добирался до места, где ожидал увидеть семью вместе в опрятном виде, их можно было увидеть очень занятыми на вершинах Crug y Balog; Когда же вы отправлялись туда, они оказывались на Blaen Pant ar Fi, двигались дальше и дальше к Bryn Bwa, и, наконец, к тому или иному месту в нижней части Dyfed. Подобно воинам нашего земного мира, они владели ужасно чарующей музыкой; а в осенний сезон у них были свои кольца, до сих пор носящие их имя, в которых они пели и танцевали. Юноша из [Iech y Derwyd](#)²⁴ был единственным сыном своего отца, а также наследником фермы; поэтому он был очень дорог своему отцу и своей матери, поистине он был светом их глаз. Старший слуга и сын были закадычными друзьями: они были как братья, точнее, братья-близнецы. Поскольку сын и слуга были такими друзьями, жена фермера готовила для слуги точно такую же одежду, как и для сына. Оба они полюбили двух красивых молодых женщин с очень хорошей репутацией в округе. Вскоре супруги сочетались честным браком, и по этому случаю было много веселья. У слуги было подходящее место для жизни на ферме [Iech y Derwyd](#); но примерно через полгода после женитьбы сына он и его друг отправились на охоту, и слуга удалился в дикий и уединенный уголок, чтобы поискать дичь. Вскоре он вернулся за своим другом, но когда пришел туда, то нигде его не увидел: он еще некоторое время искал его, кричал и свистел, но друга не было видно. Тогда он отправился домой, в [Iech y Derwyd](#), ожидая увидеть его, но никто ничего о нем не знал. Велика была печаль его семьи всю ночь, а на следующий день тревога стала еще сильнее. Они отправились посмотреть на то место, где его друг видел его в последний раз: трудно сказать, кто плакал сильнее - мать или жена; но отцу было немного лучше, хотя он тоже выглядел так, словно наполовину обезумел от горя. Место осмотрели и, к своему удивлению, увидели рядом кольцо феи, а слуга вспомнил, что где-то в это время он слышал звуки очень чарующей музыки. Сразу же было решено, что человек имел несчастье попасть в кольцо *тилвитов* и был унесен ими неизвестно куда. Прошли недели и месяцы, и у наследника [Iech y Derwyd](#) родился сын, но молодой отец не увидел своего ребенка, что показалось старикам очень тяжелым. Однако малыш вырос в точности копией своего отца, и его влияние на деда и бабушку было огромным; по сути, он был для них всем. Он вырос мужчиной и женился на красивой девушке из этого района, но ее семья не пользовалась репутацией добросердечных людей. Старики умерли, умерла и их невестка. Однажды ветреным днем в октябре семья Хеч-и-Дервиджа увидела, как к дому приближается высокий худой старик с белыми как снег бородой и волосами, и они подумали, что это еврей. Служанки уставились на него, а их хозяйка смеялась над "старым евреем", в то время как она поднимала детей одного за другим, чтобы увидеть его. Он подошел к двери, смело вошел и спросил о своих родителях. Хозяйка ответила ему в необычайно угрюмом и презрительном тоне, интересуясь, зачем "пьяный старый еврей пришел сюда", так как считалось, что он пил и иначе не стал бы так говорить. Старик окинул удивленным и тревожным взглядом все в доме, чувствуя себя крайне удивленным; но больше всего его внимание привлекли маленькие дети на полу: его взгляд был полон разочарования и печали. Он рассказал все, что произошло, сказав, что накануне его не было дома и что сейчас он возвращается. Хозяйка дома рассказала ему, что слышала историю об отце своего мужа, что он пропал за много лет до ее рождения, когда занимался спортом, а ее отец утверждал, что это неправда, но что его убили. Она рассердилась и совсем вышла из себя, увидев, что "старый еврей" не уходит. Старик вскочил и заявил, что он хозяин дома и должен иметь свои права. Он вышел посмотреть свои владения, а затем отправился в дом слуги, где, к его удивлению, все сильно изменилось; после разговора с пожилым человеком, сидевшим у огня, тот стал все больше и больше разглядывать другого. Пожилой человек у огня рассказал ему о судьбе своего старого друга, наследника Хеч-и-Дервиджа. Они долго рассказывали о событиях своей

молодости, но все это казалось сном; в общем, старик в углу пришел к выводу, что его гость - это его старый друг, наследник *ŷech y Derwyd*, вернувшийся из страны *Tylwyth Teg* после полусотни лет, проведенных там. Другой старик, с белоснежной бородой, верил в его историю, и они много часов говорили вместе и расспрашивали друг друга. Старик у костра рассказал, что хозяина *ŷech y Derwyd* в тот день не было дома, и он уговорил своего престарелого гостя съесть немного еды, но, к всеобщему ужасу, тот упал замертво на [месте](#)²⁵. Нет никаких сведений о том, что над ним проводилось дознание, но, согласно преданию, причиной смерти стало то, что он съел пищу после того, как так долго пробыл в мире прекрасной семьи. Его старый друг настаивал на том, чтобы его похоронили рядом с предками, но грубость хозяйки *ŷech y Derwyd* по отношению к свекру навлекла на семью проклятие, которое цеплялось за нее до самых дальних поколений, и пока это место не было продано девять раз".

Подобная история рассказывается об Идвале из Нантклауда в *Cymru Fu*, р. 85. Я сказал "подобная сказка", но, переосмыслив вопрос, решил, что это та самая сказка, прошедшая через руки Гласыниса или кого-то из его подражателей. Еще один вариант такого рода можно найти в *Brython*, ii. 170, а также несколько подобных в книге Вирта Сайкса, pp. 65-90, где они либо подробно описаны, либо просто упомянуты. Есть один вариант, который заслуживает особого внимания, поскольку в нем музыка, к которой на протяжении десятков лет прислушивается обитатель Фейри, оказывается музыкой птицы, поющей на дереве. Подобную историю Хоуэллс в своих "*Кембрийских суевериях*", стр. 127-8, приводит в Пант Шон Шенсин, недалеко от Пенкадера, в Кардиганшире. Этот последний вид истории легко приводит к другому развитию, а именно, к замене птичьего воя песней и небесным счастьем, а простого пастуха - благочестивым монахом. В этой форме она находится в месте под названием *ŷwyp y Nef*, или "Небесная роща", недалеко от Селинног-Фора, в Карнарвоншире. Оно приведено Гласынисом в *Cymru Fu*, pp. 183-4, где оно было скопировано из *Brython*, iii. 111, в котором он ранее его опубликовал. В XVIII веке до нас дошло несколько рифмованных версий этой песни, и Сильван Эванс собрал воедино двадцать шесть строф в журнале колледжа Святого Давида за 1881 год, с. 191-200, где в нескольких абзацах изложил все, что известно о песне *Хен Вр о'р Коэд*, или Лесного старика, в своем обычно ясном и доходчивом стиле.

История, пришедшая с другого конца страны, где когда-то жили кельты, а может быть, и пикты, заставляет человека, а не фей, исполнять музыку. Я обязан добротой преподобного Эндрю Кларка, студента Линкольн-колледжа в Оксфорде, который услышал ее от покойного пономаря прихода Доллар, что в графстве Клакманнан. Пономарь умер около двенадцати лет назад, в возрасте семидесяти лет: он узнал эту историю от своего отца. Ниже приводятся слова мистера Кларка.

Глендевон - приход и деревня в горах Очилс в графстве Перт, примерно в пяти милях от Доллара, когда вы поднимаетесь по Глен Куич и спускаетесь по Глумхиллу. Глен Куич - это узкая лощина между двумя травянистыми холмами. На вершине лощины находится круглый холм не очень большой высоты, но очень аккуратной формы, трава на котором всегда короткая и аккуратная, а папоротники на плече очень заметного зеленого цвета. Когда вы поднимаетесь по склону, кажется, что он полностью преграждает путь. Его называют "Девичий замок". Только когда вы подходите совсем близко, вы видите тропинку, огибающую его подножие. Чуть дальше находится прекрасный источник, окаймленный плоскими камнями, посреди аккуратного дернового места, называемый "Девичьим колодцем". Эта дорога, пока не была построена новая платная дорога с другой стороны холмов, была главной между Долларом и Глендевоном".

Легенда, рассказанная в "Бетреле", такова: "Вольтер, неся свои трубы, шел из Глендевана в Доллар серым вечером. Он перешел Гарчел (маленький ручеек, впадающий в Квейч), посмотрел на "Девичий замок", увидел лишь серый склон холма и услышал лишь ветер, проносящийся по склону. Он уже прошел дальше, когда услышал взрыв оживленной музыки: обернулся и вместо темного холма увидел большой замок, в окнах которого горел свет, а из открытой двери доносился шум танцев. Он неосторожно попятился назад, и в этот момент процессия, выходящая вперед, настигла его и завела в большой зал, пылающий огнями, и танцующих на полу людей. День или два ему пришлось общаться с ними, но он начал волноваться, потому что знал, что его люди будут недоумевать, почему он не вернулся утром, как обещал. Феи, казалось, сочувствовали его беспокойству и обещали отпустить его, если он сыграет свою любимую мелодию, которая, как им казалось, им очень нравилась, к их удовольствию. Он сыграл все, что мог, танец прошел быстро и яростно, а в конце его встретили громкими аплодисментами. Выйдя на свободу, он оказался один, в серой вечерней мгле, возле темного холма, и не было слышно ни звука, кроме журчания гари и порывов ветра. Вместо того чтобы завершить свой путь в Доллар, он поспешно вернулся в Глендеван, чтобы развеять тревогу своих родителей. Войдя в дом отца, он не обнаружил там лица кента. Когда он заявил, что уехал всего день или два назад, и громко заговорил о своем недоумении, седой старик пробудился от дремоты за камином и рассказал, что еще мальчиком слышал от отца, как вольтер тихим вечером уехал в Доллар, и с тех пор его никто не слышал и не видел, и никаких следов его не нашли. Он прожил в "замке" сто лет".

Термин *Plant Rhys Dwfyn* уже встречался читателю: он означает "дети Риса Джуфна", а *Rhys Dwfyn* - буквально Рис Глубокий, но прилагательное в валлийском языке означает глубину характера в смысле пронизательности или хитрости. Более того, даже английское *deer* часто заимствуется для использования в том же смысле, как, например, в разговорной речи говорят *un dîp iawn uw e*, "он очень расчетливый или хитрый парень". Следующий рассказ о Рисе и его потомстве приводится Гвинионом в первом томе "*Брайтона*", стр. 130, и заслуживает подробного цитирования: "В Дайфеде бытует предание, что существует или, скорее, существовала страна между Кеммесом, северной сотней Пемброкшира, и Абердароном в *■еуп*. Главным патриархом жителей был Рис Джуфн, а его потомков называли Детями Риса Джуфна. Говорят, они были достаточно красивой расой, но удивительно маленького роста. Утверждается, что на их земле росли какие-то странные травы, так что они могли уберечь свою страну от посторонних глаз даже самых зорких захватчиков. Нет никаких сведений о том, что эти удивительные травы росли в какой-либо другой части света, за исключением небольшого участка площадью около квадратного ярда в определенной части Кеммеса. Если случалось, что человек стоял на нем один, он видел всю территорию *Растения Рис-Джуфн*; но стоило ему пошевелиться, как он полностью терял ее из виду, и искать его следы было бы совершенно напрасно. В другой истории, как мы увидим далее, необходимой платформой был дерн с церковного двора Святого Давида. У Ризианов было не так много земли - они жили в городах. Поэтому в прежние времена они часто приезжали на рынок в Кардиган и страшно поднимали цены на вещи. Их никто не видел, когда они приезжали или уезжали, их видели только на рынке. Когда цены были высоки, и кукуруза вся продавалась, сколько бы ее ни было утром, бедняки говорили друг другу по дороге домой: "О, они были там сегодня", имея в виду *Плант Рис Джуфн*. Так что они были близкими друзьями в глазах фермера Сиона Фила Хайвела, но не так высоко в глазах рабочего Дафиджа. Однако говорят, что они были очень честными и решительными людьми. Некий Груффид аб Эйнон продавал им больше кукурузы, чем кто-либо другой, и был их большим другом. Они оказали ему большую честь, чем все его современники, и пригласили в гости в их дом. Поскольку они были великими торговцами, как древние финикийцы, у них были сокровища из всех стран под солнцем. Вдоволь налюбовавшись их чудесами, Груффид был отправлен ими обратно,

нагруженный подарками. Но прежде чем расстаться с ними, он спросил их, как им удается оберегать себя от захватчиков, ведь кто-то из них может стать неверным и выйти за пределы действия трав, составляющих их безопасность. "О! - ответил маленький старик с пронизательным взглядом, - как Ирландия была благословлена почвой, на которой не могут жить ядовитые рептилии, так и наша земля: ни один предатель не может здесь жить. Взгляните на песок на морском берегу: там царит полное единство, так и среди нас. Рис, отец нашего рода, велел нам, вплоть до самого отдаленного потомка, почитать своих родителей и предков, любить своих жен, не глядя на жен соседей, и делать все возможное для своих детей и внуков. И он сказал, что если мы будем так поступать, то никто из нас никогда не окажется неверным другому или станет тем, кого вы называете предателем. Последний у нас совершенно выдуманный персонаж; рисуются странные картины, на которых он изображен с ногами, как у осла, с гнездом змей в груди, с головой, как у дьявола, с руками, похожими на человеческие, в одной из которых он держит большой нож, а семья лежит мертвая вокруг этой фигуры. Прощайте!" Оглядевшись, Груффид потерял из виду страну *Плант-Рис* и оказался возле своего дома. После этого он стал очень богатым и продолжал быть большим другом *Плант-Риса*, пока тот был жив. После смерти Груффиды они снова приехали на рынок, но так жадны были фермеры, как и Груффид до них, к богатству, и так неразумны были цены, которые они просили за свою кукурузу, что рисы обиделись и больше не приезжали в Кардиган на рынок. Старики думали, что теперь они ходят на рынок Фишгарда, поскольку там можно было встретить очень странных людей". С другой стороны, некоторые жители Фишгарда в последнее время считали, что феи торгуют именно в Хаверфордвесте: Я ссылаюсь на письмо мистера Феррара Фентона в газете *Pembroke County Guardian* от 31 октября 1896 года, в котором он упоминает о разговоре с женщиной из Фишгарда о существовании фей: "Феи есть, - утверждала она, - потому что они приходят на рынок Хаверфордуэста, чтобы купить вещи, так что они *должны* быть".

С этим следует сравнить стр. 9-10 книги Вирта Сайкса *"Британские гоблины"*, где упоминаются моряки на побережье Пембрукшира и Кармартеншира, "которые все еще говорят о зеленых заколдованных лугах, лежащих в Ирландском канале к западу от Пембрукшира", и люди, которые высаживались на них или видели, как они внезапно исчезали. Затем автор переходит к выдержке из книги Хауэллса *"Кембрийские суеверия"*, стр. 119, следующего абзаца: "Говорят, что феи, населяющие эти острова, регулярно посещали рынки в Милфорд-Хейвене и Лафарне. Они совершали покупки, не разговаривая, клали деньги и уходили, всегда оставляя точную сумму, которую, казалось, знали, не спрашивая цену чего-либо. Иногда они были невидимы, но их часто видели зоркие глаза. В Милфорд-Хейвене всегда был один особый мясник, которому феи оказывали свое покровительство, а не раздавали свои милости без разбора. Жители Милфорд-Хейвена могли отчетливо видеть зеленые Острова фей, лежащие на небольшом расстоянии от суши; по общему мнению, они были густо населены феями. Говорили также, что последние ходят туда-сюда между островами и берегом по подземной галерее под дном моря".

Другая история, приведенная в *Brython*, ii. 20, автором, который называет свое имя Б. Дэвис²⁶, покажет, хотя и коротко, что термин *Plant Rhys Dwf* не ограничивался теми, кто честно торговал феями, а использовался в значении, полностью синонимичном *Tylwyth Teg*, как это понимается в других частях Уэльса. Рассказ выглядит следующим образом, и его следует сравнить с рассказом *Dyffryn Mymbyr*, приведенным выше, стр. 100-3: "Однажды в тихий жаркий день, когда солнце на небе сияло ярким светом, а сено в долинах деловито заготавливали парни и девушки, а также взрослые люди обоих полов, одна женщина в

окрестностях Эмлина положила своего годовалого младенца в *гэдер*, или кресло, как в этих краях называют колыбель, и вышла на некоторое время в поле, намереваясь вернуться, когда ее соседка, старуха лет восьмидесяти, окликнет ее, что ее милый плачет. Прошло совсем немного времени, и она услышала, как старуха зовет ее; она поспешно побежала и, как только ступила на пол кухни, взяла своего малыша на руки, как обычно, сказав ему: "О мой малыш! Ты - радость твоей матери! Я бы за тебя весь мир не отдала и т. д.". Но, к ее удивлению, он выглядел очень старым, и чем больше нежная мать вглядывалась в его лицо, тем более странным оно ей казалось, так что в конце концов она положила его в колыбель и рассказала о своей беде и горе своим родственникам и знакомым. И после того как то один, то другой высказал свое мнение, в конце концов сошлись на том, что в колыбели лежит один из детей *Риса Джуфна*, а не ее любимый младенец. В такой беде ничего не оставалось делать, как позвать колдуна, причем так быстро, как только может скакать самая быстрая лошадь. Увидев ребенка, он сказал, что уже видел таких, как он, и что избавиться от него будет нелегко, хотя на этот раз не так уж и сложно. Один из мальчиков [Цефнарта27](#) раскалил лопату докрасна в огне и поднес ее к лицу ребенка; в одно мгновение коротышка-старичок пустился наутек, и после этого ни его, ни ему подобных не видели от Абер-Куча до Абер-Баргоеда, во всяком случае. Мать, говорят, нашла своего любимца невредимым в следующее мгновение. Помнится, я также слышал, что странному ребенку было столько же лет, сколько дедушке того, который потерялся".

Поскольку я не вижу причин проводить глубокое различие между озерными и морскими девами, приведу рассказ Гвиниона о русалке, которую нашел рыбак из Кандидока или Святого [Догмаэля28](#), недалеко от Кардигана: см. *Brython*, i. 82:-.

"Однажды прекрасным сентябрьским днем в начале прошлого века один рыбак, которого звали [Пергрин29](#), отправился в углубление в скале возле Пен Цеммеса, где нашел морскую деву, которая причесывалась, и взял водяную в плен к себе в лодку Мы не знаем, на каком языке говорят морские девы... но эта, во всяком случае на этот раз, говорила, говорят, на очень хорошем валлийском; ибо когда она в отчаянии оказалась под стражей Пергринна, обильно плача и распустив свои локоны, она воскликнула : "Пергрин, если ты отпустишь меня, я дам тебе три крика во время твоей величайшей нужды". И он, в удивлении и страхе, отпустил ее погулять по глубоким улицам и навестить там своих возлюбленных. Проходили дни и недели, и Пергрин не видел ее после этого; но однажды в жаркий полдень, когда море было довольно спокойным и рыбаки не думали об опасности, его старая знакомая показала свою голову и локоны и закричала громким голосом: "Пергрин! Пергрин! Пергрин! Возьми свои сети, возьми свои сети, возьми свои сети, возьми свои сети! Пергрин и его спутник мгновенно повиновались и с большой поспешностью затянули сети. Они пошли, миновали бар, и к тому времени, когда они достигли Пвлл-Кам, над морем разразилась страшная буря, а он и его спутник были в безопасности на суше. Дважды с ними выходили еще девять человек, но все они утонули, не послушавшись предупреждения водяной". Возможно, не будет лишним упомянуть здесь гербовые знаки, которые Дрейтон приписывает соседнему графству Кардиган в следующем двустишии в своей "*Баталии при Азенкуре*" (Лондон, 1631), стр. 23:-

Как Кардиган следующий из тех, что шли,

Пришел с Мермейдом, сидящим на скале.

Писатель в *Brython*, iv. 194, утверждает, что жители Нефина в *Њеуп* утверждают, что история о рыбаке и русалке принадлежит им, что доказывает, что подобная легенда бытовала и там: добавьте к этому факт, упомянутый в *Brython*, iii. 133, что красная русалка с желтыми

волосами на белом поле изображена на гербе семьи, проживающей в Гласфрин в приходе □angybī, в Эйфиониид или южной части Карнарвоншира; и мы уже предположили, что история Гласыниса (стр. 117-25) была в определенной степени составлена из материалов, найденных на побережье Карнарвоншира. Небольшую порцию историй о русалках Южного Уэльса приводит писатель, называющий себя Абом [Надоллом](#)³⁰, в *Brython*, iv. 310, следующим образом:-.

Говорят, лет восемьдесят назад несколько каменщиков работали в каменоломне неподалеку от Порт-и-Рхау, когда день был тихий и ясный, а природа, как водится, пировала, цветы вокруг источали сладкий аромат, а жаркое солнце било в зубчатые скалы. И хотя время от времени на романтические скалы набегала волна, море напоминало спокойное озеро, а его голубой светлый покров был достаточно привлекателен, чтобы соблазнить одну из дам *Рис-Джуфна* из города, который видел Дэниел Хьюс у Трефина, когда путешествовал между Фишгардом и Сент-Дэвидом в 1858 году, пройти к вершине камня и сесть на него, чтобы распутать свои струящиеся серебристые волосы. Пока она приводила себя в порядок, каменщики спустились вниз, и когда они подошли к ней, то увидели, что от талии и выше она похожа на уэльских девушек, а от талии и ниже у нее тело рыбы. А когда они заговорили с ней, то обнаружили, что она говорит по-уэльски, хотя произнесла всего несколько слов: "Жатва в Пемброкшире, а прополка в Кармартеншире". После этого она отправилась гулять по морским глубинам в сторону своего дома. Повторяется и другая история о русалке, которую, как говорят, поймали люди под землей □anwnda, недалеко от того места, если не на том месте, где французы впоследствии высадились, и в трех милях к западу от Фишгарда. Далее говорится, что они отнесли ее в свой дом и держали в надежном месте некоторое время; вскоре она взмолилась, чтобы ей разрешили вернуться в рассольную землю, и дала жителям дома три совета; но я помню только один из них, - пишет он, - и вот какой: "Снимайте кожу с поверхности похлебки, прежде чем добавлять в нее сладкое молоко: она будет белее и слаще, и ее понадобится меньше". Мне сказали, что эта семья следует этим трем советам и по сей день". Говорят, что совет, несколько похожий на совет о похлебке, был дан русалкой при аналогичных обстоятельствах одному из жителей Мэнкс.

После того как я собрал воедино все вышесказанное, мистер Бенджамин Уильямс одарил меня своими заметками об этих историях и о людях, от которых он их услышал: они составляют содержание двух или трех писем, в основном ответов на мои вопросы, а суть их такова: мистер Уильямс - уроженец долины [Троед-ир-Аур](#)³¹ в Кардиганширском приходе с таким названием. Часть своей юности он провел в Вервиге, в углу между северным берегом Тейфи и Кардиганским заливом. О Детях Риса Джуфна он узнал от дальней родственницы своего отца, некой Кэтрин Томас, которая приехала навестить свою дочь, жившую неподалеку от дома его отца: это было сорок восемь-пятьдесят лет назад. В то время он был совсем юн, и о потомстве Риса Джуфна у него сложилось прекрасное представление, которое отчасти объяснялось и разговорами некоего Джеймса Дэвиса или Сиамы Мосина, хорошо знакомого с фольклором и бывшего одним из соседей его отца. Он был пожилым человеком и племянником музыканта Дэвида Дженкина Моргана. Единственное место рядом с домом мистера Уильямса, которое часто посещали феи, - это *Cefn y Seirw*, "Олений хребет", большая ферма, названная так потому, что Льюисы из Абер-Нант-Бычан держали ее как парк для своих оленей. Он добавляет, что покойный мистер Филиппс из Абергласни очень любил рассказывать о своих родных местах и упоминать о феях в Кефн-и-Сейрв. Именно после переезда в Вервиг мистер Уильямс начал записывать услышанные истории на бумагу: тогда он познакомился с тремя братьями, которых звали Джон, Оуэн и Томас Эванс. Они были обеспеченными и респектабельными холостяками и жили вместе на большой ферме Хафод Руффидж. Томас был человеком с очень сильным здравым смыслом, с которым можно было

посоветоваться по любому вопросу: он был хорошим арифметиком и постоянным читателем баптистского периодического издания "Серен Гомер" с момента его первого появления. Он хорошо понимал бардовский текст и неплохо разбирался в музыке. Он хорошо знал Священное Писание и исполнял обязанности дьякона в баптистской часовне. Его смерть наступила в 1864 году. Старшему из трех братьев, Джон, или Сиону, было тогда около семидесяти пяти лет, и он свято верил в сказки о феях, как видно из следующего короткого диалога

Siôn: *Williams bach, ma'n rhaid i bod nhw'i gâl: yr w i'n cofio yn amser Bone fod marchnad Aberteifi yn □awn o lafir yn y bore-digon yno am fis-ond cin pen hanner awr yr ôd y cwawl wedi darfod. Nid ôd possib i gweld nhwi: mâ gida nhwi faint a fynnon nhwi o arian.*

Уильямс: *Siwt na fyse dynion yn i gweld nhwi ynte, Siôn?*

Siôn: *O mâ gida nhwi dynion fel ninne yn pryni drostyn nhwi; ag y mâ nhwi fel yr hen siôwmin yna yn ge□i gneid pob tric.*

Джон: "Мой дорогой Уильямс, должно быть, они существуют: Я помню, как на рынке Кардигана во времена Бонапарта по утрам было полно кукурузы - хватило бы на месяц, но меньше чем через полчаса все исчезло. Увидеть их было невозможно: у них столько денег, сколько они захотят".

Уильямс: "Как же так получилось, что люди их не видели, Джон?"

Джон: "О, у них есть такие люди, как мы, которые делают за них покупки; и они могут, как те старые шоумены, проделывать любые трюки".

На такое проявление простодушия со стороны брата Томас обычно улыбался и говорил: "Мой брат Джон верит в такие вещи", потому что сам он в них не верил. Тем не менее именно из его уст мистер Уильямс опубликовал в "Брайтоне" сказки, , которые здесь воспроизведены, - о Пергрине и русалке и о "Наследнике □ech y Derwyd", не говоря уже об этическом элементе в рассказе о стране Риса Джуфна и ее людях, - продукт, вероятно, его ума. Томас Эванс, или, как его на самом деле звали, Томмос Ифан, любил поразмышлять над вопросом о происхождении подобных верований; однажды он позвал мистера Уильямса и привел его на место примерно в четырехстах ярдах от Бол-и-Фрона, где тот тогда жил: он указал на заходящее солнце и спросил мистера Уильямса, что он думает о великолепном закате, который предстал перед ними. "Все это происходит, - заметил он, - благодаря отражению солнечных лучей на тумане: можно подумать, - продолжал он, - что перед нами райская страна, полная полей, лесов и всего, что только можно пожелать". И не успели они удалиться, как грандиозная сцена исчезла, а Томас предположил, что идея существования страны Детей Риса Джуфна возникла из созерцания этого явления. Можно сказать, что Томас Эванс, вероятно, намного опередил валлийских историков, которые пытаются извлечь историю из рассказа о *Cantre'r Gwaelod*, "Нижней сотне", лежащей под волнами Кардиганского залива; но то, что мы видели, было, вероятно, примером миража, о котором мы сейчас упомянем. И наконец, помимо вклада мистера Уильямса в "Брайан", в "Брайанскую сотню" вошли и другие произведения. Уильямса в "Брайтон" и небольшого тома поэзии под названием "*Bria□en glan Ceri*", несколько его рассказов были опубликованы в "*Bygones*" несколько лет назад, и он получил приз на Кардиганской ярмарке 1866 года за лучшее собрание фольклора Дифеда на валлийском языке: По его воспоминаниям, всего в сборнике было тридцать шесть сказок разного рода; но поскольку рукопись, как собственность комитета того Eistedfod, была продана, он не может сейчас с ней ознакомиться: на самом деле он не уверен, кто сейчас является ее владельцем, хотя у него

есть предположение, что это либо преподобный Рис Уильямс, либо викарий. Риз Уильямс, викарий Уитчерча, близ Солвы, Пембрукшир, или Р. Д. Дженкинс, эск, из Килброннау, Кардиганшир. Кто бы ни был ее владельцем, он, вероятно, будет только рад, если она будет опубликована, и я упоминаю об этом только для того, чтобы привлечь к ней внимание. Eisteddfod заслуживает похвалы за то, что поощряет местные исследования, а иногда даже за то, что хоронит их результаты в неизвестности, но не всегда.

Х.

Прежде чем покинуть Дайфед, я хотел бы вернуться к выдержке из статьи мистера Сайкса, стр. 161 выше. Отчасти ему помогла статья о Гавране в *"Кембрийской биографии"* Уильяма Оуэна, более известного впоследствии как Уильям Оуэн Пьюдж и доктор Пьюдж, а отчасти - заметка Саути о следующих словах в его *"Мадоке"* (Лондон, 1815), i. III:-

Где сыновья Гаврана? Где его племя,
Верные? Следуют за своим любимым вождем,
Они Зеленые острова океана искали;
Ни язык человеческий не скажет, ни ухо человеческое,
С тех пор как от серебряных берегов Они отправились в путь,
не слышало их судьбы.

История Гаврана, как я могу предположить, основана на одной из валлийских триад - i. 34, ii. 41, iii. 80, и Саути цитирует статью в *"Кембрийской биографии"*; но далее он приводит следующие утверждения, не указывая, на какие источники он опирается - читатель, однако, уже был ознакомлен с достоинством травинки, благодаря краткому упоминанию *ŷyn Irdyn* выше, с. 148: -

Об этих островах, или зеленых пятнах наводнений, существует несколько необычных суеверий. Они являются обителью *Tylwyth Teg*, или прекрасной семьи, душ добродетельных друидов, которые, не будучи христианами, не могут попасть в христианский рай, но наслаждаются этим собственным раем. Однако они обнаруживают любовь к озорству, не свойственную счастливым духам и не соответствующую их первоначальному характеру; ведь они любят посещать землю и, схватив человека, спрашивают, как он будет путешествовать: против ветра, по середине ветра или под ветром; против ветра - это головокружительный и страшный путь, под ветром - через кусты и тормоза, а середина - безопасный путь. Но заклинание безопасности заключается в том, чтобы ухватиться за траву, ибо эти существа не в силах уничтожить ни травинки. В лучшем настроении они приплывают и перевозят валлийцев в своих лодках. Тот, кто посещает эти острова, по возвращении воображает, что отсутствовал всего несколько часов, тогда как на самом деле прошли целые века. Если вы возьмете дерн с церковного двора Святого Давида и встанете на него на берегу моря, вы увидите эти острова. Однажды один человек, увидев их, сразу же отправился в море, чтобы найти их; но они исчезли, и его поиски оказались тщетными. Он вернулся, снова посмотрел на них с заколдованного дерна, снова пустился в плавание и снова потерпел неудачу. В третий раз он взял дерн в свое судно и стоял на нем, пока не добрался до них".

Корреспондент, подписывающийся "Старинный мореплаватель" и пишущий в "*Пембрук Каунти Гардиан*" из Ньюпорта, Пембрукшир, 26 октября 1896 года, цитирует заметки Саути и добавляет к ним утверждение, что около пятидесяти лет назад среди жителей Тревайна (Трефина) в его графстве существовала традиция, что эти острова можно увидеть с острова *Yan Non* или *Eglwys Non*, расположенного поблизости. Возвращаясь к *Мадоксу*, Саути добавляет к уже процитированной заметке упоминание о жителях Арран-Мор, на побережье Голуэя, о том, что, по их мнению, в ясный день они могут увидеть Хай-Бреасаил, зачарованный остров, считавшийся раем язычников-ирландцев: сравните призрачный город, виднеющийся в том же море с побережья Клэра. Затем он задает вопрос, наводящий на объяснение, что все это связано с "тем самым необычным явлением, известным на Сицилии под названием "работы Моргейн ле Фей"". В связи с этим вопросом о мираже я осмелюсь снова привести цитату из газеты *Pembroke County Guardian*. Мистер Феррар Фентон, уже упоминавшийся выше, пишет в номере от 1 ноября 1896 года, приводя сообщение, которое он получил одним летним утром от капитана Джона Эванса, ныне покойного. В нем говорится о том, что "однажды, двигаясь вверх по Ла-Маншу и проходя мимо острова Грэшолм, на глубине, которую он всегда считал глубокой, он с удивлением увидел с наветренной стороны от себя большой участок земли, покрытый прекрасным зеленым лугом. Однако он находился не *над водой*, а всего лишь на несколько футов *ниже*, скажем, на два или три, так что трава колыхалась и плыла по , когда по ней пробегала рябь, что было очень приятно для глаз, так что, наблюдая за этим, можно было почувствовать легкую сонливость. Знаете, - продолжал он, - я слышал, как старые люди говорили, что там есть плавучий остров, который иногда поднимается на поверхность, или почти поднимается, а потом снова опускается на глубину сажени, так что никто не видит его годами, а когда никто не ожидает, он снова всплывает на некоторое время. Как это может быть, я не знаю, но так говорят".

Наконец, мистер Э. Перкинс из Пенисгварна, близ Фишгарда, написал 2 ноября 1896 года следующее о меняющемся виде, открывающемся с вершины Гарна, что означает *Гарн-Фоур*, одного из самых интересных доисторических мест в графстве, которое я имел удовольствие посетить не раз в компании Генри Оуэна и Эдварда Лоуса, историков Пемброкшира: - "Разве не сказочные острова, о которых говорится, являются сказочными островами?"

"Не могли ли сказочные острова, о которых говорит профессор Рис, возникнуть из миражей? Во время великолепной погоды, которой мы наслаждались прошлым летом, я поднялся одним прекрасным вечером на вершину Гарна за Пенисгварном, чтобы полюбоваться закатом. Мне стоило бы проехать тысячу миль, чтобы увидеть такую картину, как в тот вечер. До заката оставалось около получаса, залив был спокойным и гладким, как самое лучшее зеркало. Солнечные лучи прокладывали

золотую дорожку через море,

и картина была неопишуемой. По мере приближения солнца к горизонту лучи расширялись, пока блеск не стал напоминать гигантскую золотую тарелку, готовую вместить более яркое солнце. Не успело солнце сесть, как я увидел поразительный мираж. Справа виднелся участок местности, похожий на пейзаж в этой стране. Виднелся фермерский дом и хозяйственные постройки, не скажу, что столь же отчетливо, как я вижу верхнюю часть прихода Святого Давида из этого Гарна, но гораздо более детально. Мы могли видеть заборы, дороги и ворота, ведущие на фермерский двор, но в дымке это больше походило на панораму, чем на реальный пейзаж. Подобные миражи, возможно, заставили нашего старого *тадау* подумать, что это обитель фей".

Если вернуться к мистеру Сайксу, то остальная часть его рассказа о пемброкширских феях и их зеленых островах, о мяснике из Милфорда и о подземной галерее, ведущей в их дом, как уже говорилось, по большей части взята у Хоуэллса. Но не известно, на каком основании сам Саути сделал ушедших друидов феями. В этом вопросе можно было бы успокоиться, поскольку такая гипотеза вполне согласуется с тем, что нам рассказывают о священном характере обитателей островов на побережье Британии в древности. Возьмем, к примеру, краткий рассказ Плутарха об одном из островов, исследованных неким Деметрием на службе у императора Рима: см. главу viii.

XI.

Мистер Крейгфрин Хьюз, автор валлийского [романа](#)³², действие которого происходит в Гламоргане, уговорил меня взять экземпляр, я прочел его и нашел, что он полон местного колорита. Затем я рискнул обратиться к автору с вопросом о сказках, и читатель сможет судить, насколько сердечным был ответ. Прежде чем воспроизвести сказку, которую прислал мне мистер Хьюз, я вкратце переведу на английский его рассказ о себе и своих авторитетах. Мистер Хьюз живет в Квакерском подворье в окрестностях Понтиприджа, в Гламорганшире. Его отец не был [верующим](#)³³ в сказки о феях и тому подобное, и все, что он знает о преданиях о них, он узнал в отсутствие отца, от своей бабушки и других стариков. Бабушку звали Рейчел Хьюз. Она родилась в Панди-Понт-и-Симмер, близ Понтипула, или *Понт-ап-Хайвел*, как мистер Хьюз произносит это имя, в 1773 году, и у нее были яркие воспоминания об Эдмунде Джонсе из Транша, о котором мы еще расскажем, который время от времени приезжал туда проповедовать индипендентам. Однако она переехала жить в приход Анфабон, недалеко от двора квакеров, когда ей было всего двенадцать лет; и там она продолжала жить до самой своей смерти, которая произошла в 1864 году, так что на тот момент ей был примерно девяносто один год. Г-н. Хьюз добавляет, что, кроме своей бабушки, он помнит многих старых жителей, которые были прекрасно знакомы с историей, которую он изложил; но только двое из них были живы, когда он писал мне в 1881 году, и обоим было больше девяноста лет, а их разум был затуманен детскостью возраста; Но совсем недавно умер еще один, который, по его словам, был ходячей библиотекой сказок о трупных свечах, привидениях и *Bendith y Mamau*³⁴, или "Материнском благословении", как обычно называют фей в Гламоргане. Отец мистера Хьюза старался, чтобы его детям не рассказывали никаких историй о привидениях, трупных свечах или феях; но бабушка находила возможность рассказывать их много, и мистер Хьюз ярко описывает, как они влияли на его разум, когда он был мальчиком, как он пугался, как натягивал одежду на голову в постели и как полузадушил себя тем самым под воздействием страха, которым его наполняли эти истории. Затем, говоря о местности, он делает следующие замечания: "Мало найдется людей, которые не слышали бы что-нибудь о старом кладбище квакеров, о котором рассказала Лидия Фил, жившая в соседнем фермерском доме под названием Кефн-и-Ффорест. Это старое кладбище находится в восточном углу прихода Мертир-Тидфил, на земле под названием Пантаннас, о значении которого ходит много споров. Одни считают, что оно правильно называется Пант-ир-Арос, или Лощина пребывания, поскольку путники иногда останавливались там на ночь из-за разлива соседней реки; другие считают его Пант-ир-Ханес, Лощина легенды, ссылаясь на следующую историю. Но до того, как здесь появилось кладбище, это место называлось Рид-и-Груг, или Брод вереска, который растет здесь в изобилии. Перед старым кладбищем, на юге, протекают реки Тафф и Баргод, которые некоторые превращают в Биргод или Шорт-Вуд, встречаются друг с другом, а затем

устремляются друг к другу через ужасные скалы, в углублениях которых лежат огромные *цервини* или котлообразные бассейны, называемые соответственно Гервин Фах, Гервин Фавр и Гервин Ганол, где не раз тонули люди. Поднявшись над Таррен-и-Кринвир, "Разломом квакеров", до Пантаннаса и пройдя на север около полутора миль, вы попадаете в фермерский дом под названием *Пен-Крейг-Даф*³⁵, "Вершина скалы Тафф". Тропинка между двумя домами ведет через плодородные поля, на которых, если есть глаза, можно увидеть небольшие кольца, более зеленые, чем остальная земля. На самом деле они зеленые даже по сравнению с окружающей их зеленью - это кольца, в которых *Бендит-и-Мамау* собирались, чтобы петь и танцевать всю ночь. Если человек случайно попадал в один из таких кругов, когда там находились феи, его нельзя было спешить вытаскивать, так как они очаровывали его и уводили в одну из своих пещер, где держали целую вечность, не подозревая о нем, слушая их музыку. Кольца сильно различаются по размеру, но по форме они все круглые или овальные. Я слышал, как моя бабушка, - говорит мистер Хьюз, - рассказывала и пела несколько песен, которые феи пели в этих кольцах. Одна из них начиналась так:...

Canu, canu, drwy y nos,

Dawnsio, dawnsio, ar Waen y Rhos

Y' ngoleuni'r □eudad dlos:

Hapus ydym ni!

Pawb ohonom syđ yn □on

Heb un gofid dan ei fron:

*Canu, dawnsio, ar y ton*³⁶-

Dedwyđ ydym ni!

Поем, поем, поем всю ночь,

Танцуем, танцуем с нашей силой,

Где луна болото освещает,

Счастливы мы всегда!

Один и все веселы,

Без печали мы видим,

Поем, танцуем на зелени,

Gladsome ever we!

Далее следует, на валлийском языке мистера Хьюза, замечательная история мести, которую совершили феи: -

Yn un o'r canrifoed a aethant heibio, preswyliai amaethwr yn nhyđyn Pantannas, a'r amser hwnnw yr oed bendith y mamau yn ymwelwyr aml ag amryw gaeau perthynol iđo ef, a theimlai yntau gryn gasineb yn ei fynwes at yr 'atras fwstrog, leisiog, a chyn□wynig,' fel y galwai hwynt, a mynych yr hiraethai am a□u dyfod o hyd i ryw lwybr er cael eu gwared ođiyno. O'r diwed hysbyswyd ef gan hen reibwraig, fod y fford i gael eu gwared yn đigon hawđ, ac ond iđo ef rođi godro un hwyr a boreu iđi hi,

yr hysbysai y fford i'do gyrraedd yr hyn a fawr dymunai. Bodlonod i'w thelerau a derbyniod yntau y cyfarwydwyd, yr hyn ydoedd fel y canlyn:-Ei fod i aredig yr ho gaeau i ba rai yr oedd eu hoff ymgyrchfan, ac ond idynt hwy unwaith go i y ton glas, y digient, ac na deuent byth mwy i'w boeni drwy eu hymweliadau a'r e.

Dilynodd yr amaethwr ei chyfarwydwyd i'r ythyren, a choronwyd ei waith a wydiant. Nid oedd yr un o honynt i'w weled o'deutu y caeau yn awr; ac yn e sain eu caniadau soniarus, a glywid bob amser yn dyrchu o Waen y Rhos, nid oedd dim ond y distawrwyd trylwyr af yn teyrnasu o gylch eu hen a'u hoff ymgyrchfan.

Hauod yr amaethwr wenith, &c., yn y caeau, ac yr oedd y gwanwyn gwyrddlas wedi gwthio y gauaf odia ei sedd, ac ymdangosai y maesydd yn arderchog yn eu ifrai gwyrddleision a gwanwynol.

Ond un prydawn, ar ol i'r haul ymgilio i yst fe oedd y gorwin, tra yr oedd amaethwr Pantannas yn dychwelyd tua ei gartref cyfarfydwyd ag ef gan fod bychan ar ffurf dyn, yn gwisgo hugan goch; a phan daeth gyferbyn ag ef dadweiniod ei gled bychan, gan gyfeirio ei flaen at yr amaethwr, a dywedyd,

Наберуме номер daw,

Y mae geraw.

Ceisiodd yr amaethwr chwerthin, ond yr oedd rhywbeth yn edrychiad sarrug a ym y gwr bychan ag a barod i'do deimlo yn hynod o annymunol.

Ychydig o nosweithiau yn diweddarach, pan oedd y teulu ar ymnei duo i'w gorphwysleoedd, dychrynwyd hwy yn fawr iawn gan drwst, fel pe byddai y ty yn syrthio i lawr bendramwnwgl, ac yn union ar ol i'r twrf beidio, clywent y geiriau bygythiol a ganlyn-a dim yn rhagor-yn cael eu parablu yn uchel,

Daw dial.

Pan oedd yr yd wedi cael ei fedi ac yn barod i gael ei gywain i'r ysgubor, yn sydyn ryw noswaith osgwyd ef fel nad oedd yr un dywysen na gweytyn i'w gael yn un man o'r caeau, ac nis gaasai neb fod wedi gosod yr yd ar dan ond Bendith y Mamau.

Fel ag y mae yn naturiol i ni fedwl teimlod yr amaethwr yn fawr oherwyd y tro, ac edifarhaodd yn ei galon dardod i'do erioedd wrando a gwneuthur yn ol cyfarwydwyd yr hen reibwraig, ac fe y dwyn arno digofaint a chasineb Bendith y Mamau.

Drannoeth i'r noswaith y osgwyd yr yd fel yr oedd yn arolygu y difrod achoswyd gan y tan, wele'r gwr bychan ag ydoedd wedi ei gyfarfod ychydig o diwrnodau yn flaenorol yn ei gyfarfod eilwaith a chyda threm herfeidiol pwyntiod ei gledyf ato gan dywedyd,

Nid yw ond dechreu.

Trodd gwyneb yr amaethwr cyn wynnodd a'r marmor, a safodd gan alw y gwr bychan yn ol, ond bu y cor yn hynod o wydn ac anewyysgar i droi ato, ond ar ol hir erfyn arno trodd yn ei ol gan ofyn yn sarrug beth yr oedd yr amaethwr yn ei geisio, yr hwn a hysbysodd i'do ei fod yn berffaith fodlon i adael y caeau e yr oedd eu hoff ymgyrchfan i dyfu yn don eilwaith, a rhodi caniatad idynt i dyfod idynt pryd y dewisent, ond yn unig idynt beidio dial eu id yn mheach arno ef.

"Na," oedd yr atebiad penderfynol, "y mae gair y brenin wedi ei roi y bydd i'do ymdial arnat hyd eithaf ei a'u ac nid oes dim un ga'u ar wyneb y greadigaeth a bair i'do gael ei dynnu yn ol.

Dechreuod yr amaethwr wylo ar hyn, ond yn mhen ychydig hysbysod y gwr bychan y byddai ido ef siarad a'i bennaeth ar y mater, ac y cawsai efe wybod y canlyniad ond ido dyfod i'w gyfarfod ef yn y fan honno amser machludiad haul drennyd.

Adawod yr amaethwr dyfod i'w gyfarfod, a phan daeth yr amser apwyntiedig o amgylch ido i gyfarfod a'r bychan cafod ef yno yn ei aros, ac hysbysod ido fod y pennaeth wedi ystyried ei gais yn difrifol, ond gan fod ei air bob amser yn anghyfnawddig y buasai y dialed bygythiedig yn rhwym o gymeryd ☐e ar y teulu, ond ar gyfrif ei edifeirwch ef na chawsai dŷgwyd yn ei amser ef nac eiddo ei blant.

Llonydd hynny gryn lawer ar fedwl terfysglyd yr amaethwr, a dechreuod Bendith y Mamau dalu eu hymweliadau a'r ☐e eilwaith a mynych y clywid sain eu cerdoriaeth felusber yn codi o'r caeau amgylchynol yn ystod y nos.

Pasiod canrif heibio heb i'r dialed bygythiedig gael ei gyflawni, ac er fod teulu Pantannas yn cael eu hadgofio yn awr ac eilwaith, y buasai yn sicr o dŷgwyd hwyr neu hwyrach, eto wrth hir glywed y waed,

Daw dial,

ymgynefinasant a hi nes eu bod yn barod i gredu na fuasai dim yn dyfod o'r bygythiad byth.

Yr oed etifed Pantannas yn caru a merch i dirfeddiannyd cymydogaethol a breswyliai mewn tydyn o'r enw Pen Craig Daf. Yr oed priodas y par dedwyd i gymeryd ☐e yn mhen ychydig wythnosau ac ymdangosai rhieni y cwpl ieuanc yn hynod o fodlon i'r ymuniad teuluol ag oed ar gymeryd ☐e.

Yr oed yn amser y Nadolig-a thalod y darpar wraig ieuanc ymweliad a theulu ei darpar wr, ac yr oed yno wled o wyd rostiedig yn baratoedig gogyfer a'r achlysur.

Eistedai y cwmni odeutu y tan i adrodd rhyw chwedlau difyrus er mwyn pasio yr amser, pryd y cawsant eu dychrynu yn fawr gan lais treiddgar yn dyrchafu megis o wely yr afon yn gwaedi

Daeth amser ymdial.

Aethant o ☐ a ☐an i wrando a glywent y ☐eferyd eilwaith, ond nid oed dim i'w glywed ond brochus drwst y dwfr wrth raiadru dros glogwyni aruthrol y cerwyni. Ond ni chawsant aros i wrando yn hir iawn cyn idynt glywed yr un ☐eferyd eilwaith yn dyrchafu i fyny yn uwch na swm y dwfr pan yn bwrlymu dros ysgwydau y graig, ac yn gwaedi,

Daeth yr amser.

Nis ga ☐ent dŷfalu beth yr oed yn ei arwyd, a chymaint ydoed eu braw a'u syndod fel nad a ☐ent lefaru yr un gair a'u gilyd. Yn mhen ennyd dychwelasant i'r ty a chyn idynt eistedd credent yn dios fod yr adeilad yn cael ei ysgwyd id ei sylfeini gan ryw dwrf y tu a ☐an. Pan yr oed yr o ☐ wedi cael eu parlysio gan fraw, wele fenyw fechan yn gwneuthur ei hymdangosiad ar y bwrdd o'u blaen, yr hwn oed yn sefy ☐ yn agos i'r ffenestr.

'Beth yr wyt yn ei geisio yma, y peth bychan hagr?' holai un o'r gwydfodolion.

'Nid oes gennyf unrhyw neges a thi, y gwr hir dafod,' oed atebiad y fenyw fechan. 'Ond yr wyf wedi cael fy anfon yma i adrodd rhyw bethau ag sydd ar dŷgwyd i'r teulu hwn, a theulu ara ☐ o'r gymydogaeth ag a dichon fod o dŷdordeb idynt, ond gan i mi derbyn y fath sarhad odiaf law y gwr du ag sydd yn eistedd yn y cornel, ni fydd i mi godi y ☐en ag oed yn cudio y dyfodol a ☐an o'u golwg.'

'Atolwg os oes yn dy fediant ryw wybodaeth parth dyfodol rhai o honom ag a fyddai yn dyddorol i ni gael ei glywed, dwg hi a□an,' ebai un ara□ o'r gwydfodolion.

'Na wnaif, ond yn unig hysbysu, fod calon gwryf fel □ong ar y traeth yn methu cyrraedd y porthlad oherwydd digalondid y pilot.'

A chyda ei bod yn □efaru y gair diwedaf diflannod o'u gwyd, na wyddai neb i ba le na pha fod!

Drwy ystod ci hymweliad hi, peidiodd y waed a godasai o'r afon, ond yn fuan ar ol idi diflannu, dechreuod eilwaith a chyhoedi

Daeth amser dial,

ac ni pheidiodd am hir amser. Yr oedd y cynu□iad wedi cael eu mediannu a gormod o fraw i fedru □efaru yr un gair, ac yr oedd □en o bruddder yn daenedig dros wyneb pob un o honynt. Daeth amser idynt i ymwahanu, ac aeth Rhyderch y mab i hebrwng Gwerfyl ei gariadferch tua Phen Craig Daf, o ba siwrnai ni dychwelod byth.

Cyn ymadael a'i fun dywedir idynt dyngu bythol ffydlondeb i'w gilyd, pe heb weled y nai□ y □a□ byth ond hynny, ac nad oedd dim a a□ai beri idynt anghofio eu gilyd.

Mae yn debygol i'r □anc Rhyderch pan yn dychwelyd gartref gael ei hun odifewn i un o gylchoedd Bendith y Mamau, ac yna idynt ei hud-denu i mewn i un o'u hogofau yn Nharren y Cigfrain, ac yno y bu.

Y mae yn □awn bryd i ni droi ein gwynebau yn ol tua Phantannas a Phen Craig Daf. Yr oedd rhieni y bachgen anffodus yn mron gwa□gofi. Nid oedd gandynt yr un drychfedwl i ba le i fyned i chwilio am dano, ac er chwilio yn mhob man a phob □e methwyd yn glir a dyfod o hyd ido, na chael gair o'i hanes.

Ychydig i fyny yn y cwm mewn ogof dandaeearol trigfannai hen feudwy oedrannus, yr hwn hefyd a ystyrrid yn dēwin, o'r enw Gweiryd. Aethant yn mhen ychydig wythnosau i ofyn ido ef, a fedrai rodi idynt ryw wybodaeth parthed i'w mab co□edig-ond i ychydig bwrpas. Ni wnaeth yr hyn a adrodd hwnnw wrthynt ond dyfnhau y clwyf a rhoi golwg fwy anobeithiol fyth ar yr amgylchiad. Ar ol idynt ei hysbysu ynghylch ymdangosiad y fenyw fechan ynghyd a'r □ais wylofus a glywsent yn dyrchafu o'r afon y nos yr aeth ar go□, hysbysod efe idynt mai y farn fygythiedig ar y teulu gan Fendith y Mamau oedd wedi godiweid y □anc, ac nad oedd o un diben idynt fedwl cael ei weled byth mwyach! Ond fea□ai y gwnelai ei ymdangosiad yn mhen oesau, ond dim yn eu hamser hwy.

Pasiai yr amser heibio, a chwyddod yr wythnosau i fisoedd, a'r misoedd i flynyddoedd, a chasglwyd tad a mam Rhyderch at eu tadau. Yr oedd y □e o hyd yn parhau yr un, ond y preswylwyr yn newid yn barhaus, ac yr oedd yr adgofion am ei go□edigaeth yn darford yn gyflym, ond er hynny yr oedd un yn disgwyl ei dychweliad yn ol yn barhaus, ac yn gobeithio megis yn erbyn gobaith am gael ei weled eilwaith. Bob boreu gyda bod dorau y wawr yn ymagor dros gaerog fynyddoedd y dwyrain gwelid hi bob tywyd yn rhedeg i ben bryn bychan, a chyda □ygaid yn orlawn o dagrau hiraethlon sy□ai i bob cyfeiriad i edrych a ganfyddai ryw argoel fod ei hanwylyd yn dychwelyd; ond i dim pwrpas. Canol dyd gwelid hi eilwaith yn yr un man, a phan ymgo□ai yr haul fel pelen eiriasgoch o dân dros y terfyingylch, yr oedd hi yno.

Edrychai nes yn agos bod yn da□, ac wylai ei henaid a□an o dyd i dyd ar ol anwyldyn ei chalon. O'r diwed aeth y rhai syd yn edrych drwy y ffenestri i omedd eu gwasanaeth idi, ac yr oedd y pren almon yn coronni ei phen a'i flagur gwryfol, ond parhai hi i edrych, ond nid oedd neb yn dod. Yn □awn o dyddiau

ac yn aeddfed i'r bedd rhodwyd terfyn ar ei ho□ obeithion a'i disgwyliadau gan anghyfeirdd, a chludwyd ei gweddï□ion marwol i fynwent hen Capel y Fan.

Pasiai blynnydoed heibio fel mwg, ac oesau fel cysgodion y boreu, ac nid oed neb yn fyw ag oed yn cofio Rhyderch, ond adroddid ei go□iad disymwyth yn aml. Dylasem fynegu na welwyd yr un o Fendith y Mamau odeutu y gymydogaeith wedi ei go□iad, a pheiddio sain eu cerdoriaeth o'r nos honno a□an.

Yr oed Rhyderch wedi cael ei hud-denu i fyned gyda Bendith y Mamau-ac aethant ag ef i ffwrdd i'w hogof. Ar ol ido aros yno dros ychydig o diwrnodau fel y tybiai, gofynnod am ganiatad i dychwelyd, yr hyn a rwyd ganiatawyd ido gan y brenin. Daeth a□an o'r ogof, ac yr oed yn ganol dyd braf, a'r haul yn □ewyrchu odiaf fynwes ffurfafen digwmwl. Cerddod yn mlaen o Darren y Cigfrain hyd nes ido dyfod i olwg Capel y Fan, ond gymaint oed ei syndod pan y gwelod nad oed yr un capel yno! Pa le yr oed wedi bod, a pha faint o amser? Gyda theimladau cymysgedig cyfeiriod ei gamrau tua Phen Craig Daf, cartref-le ei anwylyd, ond nid oed hi yno, ac nid oed yn adwaen yr un dyn ag oed yno chwaith. Ni fedrai gael gair o hanes ei gariad a chymerod y rhai a breswylient yno mai gwa□gofdyn ydoed.

Prysuod eilwaith tua Phantannas, ac yr oed ei syndod yn fwy fyth yno! Nid oed yn adwaen yr un o honynt, ac ni wydent hwythau dim am dano yntau. O'r diwed daeth gwr y ty i fewn, ac yr oed hwnnw yn cofio clywed ei dad cu yn adrodd am lanc ag oed wedi myned yn disymwyth i go□er ys peth cannoed o flynydoed yn ol, ond na wyddai neb i ba le. Rywfoed neu gilyd tarawod gwr y ty ei ffon yn erbyn Rhyderch, pa un a dflannod mewn cawod o lwch, ac ni chlywyd air o son beth daeth o hono mwyach.

В один из минувших веков на ферме Пантаннас жил крестьянин, и в те времена феи часто навещали несколько полей, принадлежавших ему. Он питал лютую ненависть к "шумному, буйному и пагубному племени", как он их называл, и часто мечтал найти способ избавиться от них. Наконец одна старая ведьма сказала ему, что избавиться от них довольно просто и что она расскажет ему, как достичь того, чего он так сильно желает, если он даст ей одну вечернюю [дойку](#)³⁷ на своей ферме и одну утреннюю. Он согласился на ее условия и получил от нее совет, который заключался в том, что он должен вспахать все поля, где они любили отдыхать, и что, если они обнаружат, что зеленый газон исчез, они обидятся и никогда больше не будут беспокоить его своими визитами в это место.

Пастух последовал совету в точности, и его труд увенчался успехом. Теперь на полях не было видно ни одного из них, а вместо звуков их сладкой музыки, которая всегда доносилась с Грубого луга, на их любимом курорте воцарилась полнейшая тишина.

Он засеял свою землю пшеницей и другими зерновыми культурами; весна сместила зиму с ее трона, и поля предстали перед ним великолепными в своей весенней и зеленой ливрее.

Но однажды вечером, когда солнце ушло в западные покои и фермер из Пантаннаса возвращался домой, его встретило маленькое существо в форме человека, одетого в красный плащ. Подойдя к нему вплотную, он обнажил свой маленький меч и, направив острие в сторону фермера, сказал: "Мечь грядет!

Мечь приближается,

Быстро приближается.

Фермер попытался рассмеяться, но в угрюмом и суровом взгляде малыша было что-то такое, от чего он почувствовал себя крайне неудобно.

Через несколько ночей после этого, когда семья укладывалась отдыхать, их очень напугал шум, как будто дом разваливался на куски; и сразу после шума они услышали голос, громко произнесший угрожающие слова - и больше ничего: "Мечь наступает."

Мечь грядет.

Когда же кукуруза была собрана и готова к переноске в амбар, она вдруг сгорела в одну ночь, так что на полях не осталось ни одного колоса, ни одной соломинки; и теперь никто, кроме фей, не мог поджечь кукурузу.

Как и следовало ожидать, крестьянин очень расстроился из-за этого события и в душе пожалел, что поступил по указанию ведьмы и тем самым навлек на себя гнев и ненависть фей.

На следующий день после ночи сожжения кукурузы, когда он осматривал разрушения, причиненные огнем, ему снова встретился малыш, который встречался ему за несколько дней до этого, и, бросив на него вызывающий взгляд, он направил на него свой меч, сказав: - Это только начало.

Это только начало.

Лицо фермера стало белым, как мрамор, и он стоял и звал малыша вернуться, но карлик оказался очень неуступчивым и не желал поворачиваться к нему; Но после долгих уговоров он все-таки вернулся и спросил фермера угрюмым тоном, что ему нужно, на что тот ответил, что он вполне готов позволить полям, на которых они так любили отдыхать, снова зарости зеленым кустарником и разрешить им посещать их столько раз, сколько они пожелают, если они больше не будут вымещать на нем свой гнев.

"Нет, - решительно ответил фермер, - дано слово короля, что он отомстит за тебя по всей строгости своей власти; и нет на свете силы, которая заставила бы его отступить".

Фермер начал плакать, и через некоторое время малыш сказал, что поговорит со своим господином по этому поводу и сообщит ему результат, если тот придет к нему в час захода солнца на третий день после этого.

Фермер пообещал встретиться с ним, и когда наступило время, назначенное для встречи с маленьким человеком, он нашел его ожидающим, и тот сказал ему, что его господин серьезно обдумал его просьбу, но, поскольку слово короля непреложно, угрожающая мечь должна подействовать на семью. Однако благодаря его раскаянию это не произойдет ни при нем, ни при его детях.

Это несколько успокоило взволнованный разум фермера. Феи снова стали часто навещать это место, и их мелодичное пение снова слышалось по ночам на окрестных полях.

Прошло столетие, и угрожаемая мечь не была приведена в исполнение; и хотя семье Пантаннас то и дело напоминали, что рано или поздно она обязательно , тем не менее, долгое время слыша голос, который говорил

Мечь грядет,

они настолько привыкли к этому, что готовы были поверить в то, что от этой угрозы ничего не будет.

Наследник Пантаннаса сватался к дочери соседнего землевладельца, жившего в доме на ферме под названием Пен-Крейг-Даф, и через несколько недель должна была состояться свадьба счастливой пары, и родители с обеих сторон были очень довольны союзом, который должен был произойти между двумя семьями.

Наступило Рождество, и будущая жена нанесла визит в семью своего будущего мужа. По этому случаю они устроили пир с жареным гусем.

Компания сидела вокруг огня и рассказывала забавные истории, чтобы скоротать время, когда их сильно напугал пронзительный голос, поднявшийся, казалось, со дна [реки38](#), и прокричавший: "Время мести пришло!"

Настало время мести.

Все вышли послушать, не раздастся ли голос во второй раз, но ничего не было слышно, кроме гневного шума воды, каскадом обрушивающейся на грозные скалы *Кервини*; однако ждать пришлось недолго, пока они снова не услышали тот же голос, возвышающийся над шумом воды, бурлящей на плечах скалы, и кричащий: - Время пришло!

Время пришло.

Они не могли понять, что это значит, и так велики были их испуг и изумление, что никто не мог вымолвить ни слова. Вскоре они вернулись в дом, когда поверили, что, вне всякого сомнения, здание сотрясается до основания от какого-то шума снаружи. Когда все были парализованы страхом, на столе, стоявшем у окна, появилась маленькая женщина.

"Что тебе здесь нужно, уродливая маленькая тварь?" спросил один из присутствующих.

"Мне нечего делать с тобой, о человек с болтливым языком, - ответила маленькая женщина, - но я была послана сюда, чтобы рассказать о некоторых вещах, которые должны произойти с этой семьей и другой семьей по соседству, о вещах, которые могут быть им интересны; но, поскольку я получила такое оскорбление от черного парня, который сидит в углу, завеса, скрывающая их от их глаз, не будет поднята мной."

"Прошу вас, - сказал другой из присутствующих, - если вы обладаете какими-либо знаниями о будущем кого-либо из нас, которые нам было бы интересно услышать, озвучьте их".

"Нет, я просто скажу вам, что сердце одной девы подобно кораблю на берегу, который не может добраться до гавани, потому что лоцман потерял сердце".

Как только она произнесла последнее слово, она исчезла, и никто не знал, куда и как.

Во время ее визита крик, доносившийся с реки, прекратился, но вскоре после этого он снова стал возвещать: "Пришло время мести!"

Время возмездия пришло;

И так продолжалось долгое время. Компания была охвачена слишком сильным ужасом, чтобы один мог обратиться к другому, и на лицо каждого как бы легла простыня мрака. Пришло время расставаться, и наследник Риджерх отправился провожать Гверфил, свою возлюбленную, домой, в Пен-Крейг-Даф, откуда он уже не вернулся.

Говорят, что перед тем, как сказать друг другу "Прощай", они поклялись друг другу в вечной верности, даже если с этого момента они никогда не увидятся и ничто не заставит одного из них забыть другого.

Считается вероятным, что юноша Риджерх, возвращаясь домой, попал в одно из колец фей, те заманили его в одну из своих пещер в Вороньем разломе, и там он остался.

Теперь нам пора возвращаться в Пантаннас и Пен-Крейг-Даф. Родители неудачливого юноши были почти вне себя: они не знали, где его искать, и, хотя обыскивали все места, так и не смогли найти ни его самого, ни какой-либо зацепки к его истории.

Чуть выше по стране, в подземной пещере, жил престарелый отшельник по имени Гвейрид, которого тоже считали колдуном. Через несколько недель после этого они отправились к нему, чтобы спросить, не может ли он дать им какую-нибудь информацию об их потерянном сыне; но это было бесполезно. То, что сказал им этот человек, лишь усугубило рану и придало событию еще более безнадежный вид. Когда они рассказали ему о появлении маленькой женщины и горестном крике, доносившемся с реки в ночь, когда пропал их сын, он сообщил им, что юношу постигла кара, которой феи угрожали их семье, и что им бесполезно думать о том, что они когда-нибудь увидят его снова: возможно, он объявится через несколько поколений, но не при их жизни.

Время шло, недели превращались в месяцы, а месяцы - в годы, пока отец и мать Риджерха не ушли к своим предкам. Место оставалось прежним, но жители постоянно менялись, так что память об исчезновении Риджерха быстро угасала. Однако был один, кто все это время ожидал его возвращения и надеялся, как бы не надеясь, увидеть его еще раз. Каждое утро, когда рассветные ворота открывались за крепостными стенами на востоке, в любую погоду ее можно было увидеть спешащей на вершину небольшого холма и с глазами, полными слез тоски, вглядывающейся во все стороны, чтобы увидеть хоть какой-нибудь знак возвращения своего возлюбленного; но тщетно. В полдень ее снова можно было увидеть на том же месте; она была там и в тот час, когда солнце, подобно раскаленному шару, скрывалось за горизонтом. Она смотрела, пока не ослепла, и изо дня в день оплакивала милого сердцу человека. Наконец они, заглядывающие в окна, стали отказываться от своих услуг, а миндальное дерево начало венчать ее голову своим девственным цветением. Она продолжала смотреть, но он не приходил. Полная дней и созревшая для могилы смерть положила конец всем ее надеждам и ожиданиям. Ее бранные останки были погребены на кладбище старой часовни [Фан39](#).

Годы уходили, как дым, а поколения - как утренние тени, и уже не было в живых никого, кто помнил бы Риджерха, но рассказ о его внезапной пропаже часто звучал в устах людей. И следовало бы сказать, что после этого события никого из фей не видели в окрестностях, и звуки их музыки прекратились с той ночи.

Они заманили Риджерха и унесли его в свою пещеру. Пробыв там, как ему казалось, всего несколько дней, он попросил разрешения вернуться, и король с готовностью дал ему его. Он вышел из пещеры в прекрасный полдень, когда солнце било из груди безоблачного небосвода. Он шел от Вороньего разлома, пока не приблизился к месту, где стояла часовня Фан; но каково же было его изумление, когда он не обнаружил там никакой часовни! Где, спрашивается, он был и как долго отсутствовал? Со смешанными чувствами он направил свои шаги к Пен-Крейг-Дафу, дому своей возлюбленной, но ни ее, ни кого-либо из знакомых там не оказалось. Он не мог получить ни слова об истории своей возлюбленной, а те, кто жил в этих местах, принимали его за сумасшедшего.

Тогда он поспешил в Пантаннас, где его удивление было еще больше. Там он никого не знал, и никто ничего не знал о нем. Наконец вошел хозяин дома и вспомнил, что слышал, как его

дед рассказывал, как за несколько сотен лет до этого один юноша внезапно исчез, никто не знал куда. Как-то случайно хозяин дома стукнул своей тростью по Риджерчу, и тот исчез, рассыпавшись в пыль. Больше о нем ничего не было слышно".

Прежде чем покинуть Гламорган, добавлю, что мистер Сайкс ассоциирует фей с озером Кримлин, расположенным между Бритон Ферри и Суонси; но, как это часто с ним случается, он не соизволил сообщить нам, откуда он взял эту легенду. Считается также, - пишет он на с. 35, - что там лежит большой город, поглощенный водой, и что *Гврагед Аннун* превратили затопленные стены в надстройку для своих сказочных дворцов. Некоторые утверждают, что видели башни прекрасных замков, возвышающиеся над поверхностью темных вод, и временами с этих башен доносится звон колоколов фей". Это так, к слову: мы вернемся к Кримлину в главе vii.

XII.

На днях, направляясь в Гвент, я случайно оказался в Золотой долине в Херефордшире, где имена в церковных дворах, похоже, указывают на валлийское население, хотя валлийский язык там не слышен уже много веков. Среди прочих я заметил Джонсов и Уильямсов в изобилии в аббатстве Дор, Эвансов и Беванов, Морганов, Проссеров и Прайсов, не говоря уже о Сайсах, то есть валлийцах английского происхождения или образования - имена, которые также можно встретить в Маленькой Англии в Пембрукшире и, вероятно, на других англо-валлийских границах. Случилось так, что мне пришлось ждать поезда на станции Эбби-Дор, и я вступил в разговор с жильцами коттеджа, расположенного неподалеку, и затронул тему фей. Старик ничего о них не знал, но его жена, Элизабет Уильямс, была служанкой в местечке под названием Пен-Пох, которое она произносила с валлийским гортанным "ч": по ее словам, оно находится неподалеку от Крессенни в Монмутшире. Она служила в Пен-Пох около сорока лет назад, а ее хозяйку звали Эванс, ей было тогда около пятидесяти лет. Миссис Эванс имела привычку внушать своим служанкам, что, если они не наведут порядок в доме перед сном и не разложат все по местам на ночь, маленькие человечки - феи, как она их называла, - не дадут им покоя в постели ночью, а придут и "ущипнут их как следует". Если же они разложат все по своим местам и оставят дом "опрятным", то все будет в порядке, и "никто ничего им не сделает". Это все, чего я смог добиться от нее, не побуждая ее к действию, что я и сделал, предложив ей, что феи могут оставлять аккуратным слугам подарки - шиллинг "на очаге или на плите, как". Да, она подумала, что что-то в этом роде есть, и по ее манере отвечать мне было понятно, что она не в первый раз слышит о шиллинге. Ей никогда не везло самой, и она не знала никого, кто "получил бы его как".

Во время короткого, но очень приятного пребывания в мае 1883 года я навел справки о феях и получил следующий рассказ от Уильяма Уильямса, который сейчас, на семидесятом году жизни, работает в саду леди Энвер:- "Я знаю одну семью, живущую в некотором отдалении отсюда, в местечке --, или, как его теперь называют по-английски, --, чьи предки, четыре поколения назад, были добры к *Бендит-и-Мамау* и всегда приветствовали их визиты, оставляя на ночь у огня тазик с хлебом и молоком. И всегда съедали его до того, как семья вставала утром. Но однажды ночью непослушный слуга дал им вместо молока полный таз [мочи](#)⁴⁰. Они, обнаружив это, разбросали ее по дому и ушли с отвращением. Но на следующую ночь слуга караулил в доме. Они нашли его и сказали, что он выставил их

дураками и что в наказание за его преступление в его семье всегда будет дурак, то есть идиот. Собственно говоря, среди его детей потом был один такой, есть он и сейчас. С тех пор у них всегда все плохо, и они никогда не процветают. Человека, который изначально обидел фей, звали --; а нынешнего дурака из его потомков зовут --". По понятным причинам публиковать имена нежелательно.

Уильямс также рассказал о сестре своей матери, которая служила его родителям. По его словам, между домом его отца и колодцем было десять ступенек, и на каждой из них его тетя каждое утро находила пенни, пока не сообщила об этом другим, после чего, конечно, пенни перестали приходить. Он не знал, почему феи давали ей деньги, разве что потому, что она была самой аккуратной служанкой.

Другой садовник из Анувера вспомнил, что феи меняли детей и что некая женщина по имени Нани Фах в этом районе была одной из их отпрысков; и ему говорили, что на некоторых полях неподалеку в приходе Анувера есть кольца фей.

Третий садовник, которому шестьдесят восемь лет и который также работает у леди ЭнOVER, слышал, что девушки-служанки в его доме по ночам подметают пол и бросают на него крошки хлеба перед сном.

И наконец, миссис Гарднер из Тай-Учаф-Ановер, которой девяносто лет, помнит, как ей указали на поле рядом с Капель-Ньюидж возле Блаен-Афон, что в Учаф-Ановер, как содержащее кольца фей; и она вспоминает, как в детстве слышала, что в одно из них попал человек. По ее словам, он пробыл вдали от дома, как это всегда бывает, целый год и один день; но она забыла, как его вызволили. Потом она рассказала, что ее отец часто вставал по ночам, чтобы проследить, чтобы его лошадей не вывели и не объехали по полям *Бендит-и-Мамау*; ведь они имели обыкновение поздно ночью объезжать чужих лошадей по четырем углам полей и тем самым часто ломали лошадям ветер. В это, как она мне сказала, верили в приходе ГанOVER и вообще в этой части страны. Так что здесь мы имеем случай, вероятно, спутать фей с ведьмами.

У меня нет возможности подробно останавливаться на фольклоре Гвента, поэтому я просто упомяну, где читатель может найти много интересного. Я уже упоминал имя легковверного старого христианина Эдмунда Джонса из Транша: он опубликовал в Трефекке в 1779 году небольшой том под названием *"Географический, исторический и религиозный отчет о приходе Аберистрат в графстве Монмут"*, к которому добавлены воспоминания о нескольких известных людях, живших в этом приходе. В 1813 году, когда он, по-видимому, покинул этот мир ради другого, где он рассчитывал узнать все о феях и их таинственной жизни, в Ньюпорте был опубликован его небольшой том под названием *"История явлений духов в графстве Монмут и княжестве Уэльс, с другими примечательными событиями из Англии, вместе с наблюдениями о них и наставлениями от них, призванными опровергнуть и предотвратить неверность отрицания существования и явлений духов, которая ведет к иррелигии и атеизму. Покойный преподобный Эдмунд Джонс, из Транша"*. Естественно, эти тома были отложены мистером Сайксом, хотя рассказы о явлениях в них часто носят жуткий характер, а иногда и отвратительный: в целом они больше всего напоминают мне бретонские сказки, которые дышат огнем и серой: все подобное сейчас выходит из моды в протестантских странах. Сейчас я процитирую только отрывок совершенно иного характера из предыдущего тома, стр. 72 - он интересен и звучит так: "В прошлые времена, когда такие вещи были очень часты, было распространено мнение, что феи знают все, что говорится в воздухе без домов, и не столько то, что говорится в домах. Я полагаю, что они знали в основном то, что говорилось в воздухе ночью. Говорили также, что

они являлись неодинаковому числу людей: одному, трем, пяти и т. д.; и чаще мужчинам, чем женщинам". Томас Уильям Эдмунд из Хавадавила, честный благочестивый человек, который часто видел их, заявил, что они появляются, когда один из них больше, чем остальные, идет впереди них в компании". С представлением о том, что феи слышат все, что произносится за дверью, можно сравнить способность, приписываемую великому королю-магу Мату аб Матонви, слышать любой шепот, который встречает ветер: см. оксфордский "*Мабиногион*", стр. 60, и Guest's *Mabinogion*, iii. 219; см. также стр. 94, 96 и стр. 308, 310, соответственно, о той же способности, присущей сказочному народу кораннийцев, и о странных мерах предосторожности, принятых против них братьями *ŷŷ* и *ŷevelys*.

1 Они проводились, насколько я могу судить по описаниям, которые обычно даются, точно так же, как я видел празднование *кермесса* или *кирхмесса* в Гейдельберге, или, скорее, в деревне на Неккаре напротив этого города. Это было в 1869 году, но я забыл, с именем какого святого был связан *кермесс*: главными его особенностями были танцы и распитие пива. Валлийский *Гвил Фабсант* нередко собирал в сельской местности гораздо больше людей, чем можно было разместить; а в Карнарвоншире наспех сооруженную кровать и по сей день называют *gwely g'l'absant*, то есть "кровать (на время) праздника святого". Справедливо или нет, но сохранилось мнение, что эти веселые сборища отличались немалой безнравственностью, что заставляло людей лучшего сословия ополчаться против них. ↑

2 С тех пор как началось редактирование этого тома, я слышал, что предполагается опубликовать валлийский сборник, составленный мистером Джонсом, поэтому я приведу только перевод версии Эдварда *ŷwud* истории об афанке: см. раздел v. этой главы. ↑

3 Этого слова нет в валлийских словарях, но оно есть в шотландском и манкском гэльском, и, возможно, является остатком гойдельского языка, на котором когда-то говорили в Гвинедде. ↑

4 Наши шарлатаны не оставляют попыток превратить это в *Трифазн*, чтобы извлечь из него *таен*, "камень". Они не утруждают себя выяснением того, был ли это когда-нибудь *Трифазн* или нет: на самом деле им нравится изменять все, что только можно. ↑

5 *Ystráðŷyn*, с ударением на полуслове, обычно произносится как *Stráðŷyn* и означает "прядь озера", и впадина названа в честь нее *Cwm Stráðŷyn*, а озеро в ней *ŷyn Cwm Stráðŷyn*, что буквально означает "Озеро Комба Пряди Озера" - все, по-видимому, ради роскоши забыть первоначальное название озера, которое я так и не смог выяснить. ↑

6 Так говорит мистер Джонс: Я никогда не слышал ни о какой другой части княжества, где детей обычно крестят до того, как им исполнится восемь дней. ↑

7 Я не могу объяснить такое написание, но *ll* в *Bellis* - это английское *ll*, а не валлийское *ŷ*, которое представляет собой звук, сильно отличающийся от *l*. ↑

8 Если не указано иное, как в данном случае, читатель должен считать, что эта глава была написана во второй половине 1881 года. ↑

9 См. "*Itinerarium Kambriæ*" Гиральдуса, i. 8 (с. 75-8); некоторое обсуждение всей этой истории можно найти в главе iii данного тома. ↑

10 Д-р Мур объясняет, что это капуста и картофель, растолченные и смешанные с маслом или салом. ↑

11 Было бы интересно узнать, что стало с этим и другими письмами □wyd'a, некогда находившимися в распоряжении каноника, поскольку не следует полагать, что последний когда-либо брал на себя труд сделать с них точную копию, так же как и с любых других MSS. ↑

12 Существует также *Сарн-ир-Афанк*, "Ступени Афанка", на реке Огвен в Нант-Ффранконе: см. "*Путешествия Пеннанта по Уэльсу*", iii. 101. ↑

13 Соответственно, волы должны были называться *Ychain Pannog*; но это объяснение не следует принимать всерьез. Эти волы еще не раз попадут в поле зрения читателя, а именно в главе x. ↑

14 Строки скопированы в точном соответствии со стр. 189 (l. vi. 25-30) "*Поэтических произведений Льюиса Глина Коти*", отредактированных для "*Cymmrodorion*" Гваэлем Мехейном и Тегидом и напечатанных в Оксфорде в 1837 году. ↑

15 Это, я думаю, должно быть ошибкой, так как противоречит всему фольклору, который делает рябину предметом страха для фей. ↑

16 См. *избранные заметки из "Notes and Queries"* (Лондон, 1859), с. 147. ↑

17 Более вероятно, что это сокращение от □yn y *Barfog*, что означает Озеро Бородатого, *Lacus Barbatī*, как это было, Бородатый был кем-то вроде волосатого монстра из другого озера, упомянутого на с. 18 выше, или его белой бороды, изображенной на с. 127. ↑

18 В истории о Передуре *афанк* представлен далеко не как крокодил, а как существо, которое бросало в каждого встречного отравленное копье из-за столба, стоявшего у устья пещеры, в которой оно обитало; см. *Oxford Mabinogion*, p. 224. Соответствующее ирландское слово - *abhac*, которое, по словам О'Рейли, означает "карлик, пигмей, манекен; шпрот". ↑

19 Я не хотел бы ручаться за точность перевода мистером Пьюджем этого и других валлийских имен, которые он ввел: это связано с трудными вопросами. ↑

20 Писатель имел в виду реку, известную как Dyfi или Dovey; но, по-видимому, у него в голове была водная этимология. ↑

21 Речь идет о названии реки Disynni, а *Diswni* воплощает популярную этимологию, которую не стоит обсуждать. ↑

22 Думаю, ближе к истине было бы следующее:...

Иди сюда, Желтый Эйнион,

Бродячие рога, Разноцветная озерная корова,

И безрогий Додин:

Встань, вернись домой.

Но хотелось бы знать, не следует ли *Додин* писать *Додин*, чтобы рифмовать с □yn. ↑

23 Настоящее имя Хайвела - Уильям Дэвис, Тал-и-Бонт, Кардиганшир. В качестве судьи я познакомился с несколькими историями, которые мистер Дэвис с тех пор разрешил мне использовать, и я должен поблагодарить его за подсказки к нескольким другим. ↑

24 Или *□ech y Deri*, как сообщает мне мистер Уильямс в письме, где добавляет, что не знает этого места, но полагает, что оно находится в сотне Кеммес, на северо-западе Пембрукшира. Я считаю, что *□ech y Derwyd* - выдумка; но мне также не удалось найти место, называемое другим именем. ↑

25 Возможно, более обычным было то, что человек, вернувшийся из Фейри, рассыпался в прах на месте: см. далее в этой главе "Проклятие Пантаннаса", которое заканчивается подобным примером, и сравните Howells, pp. 142, 146. ↑

26 Б. Дэвис, то есть Бенджамин Дэвис, который рассказывает эту историю, был, как я узнал от Гвинионда, уроженцем Сенарта. Он был школьным учителем около двенадцати лет и умер в октябре 1859 года в Мертире, недалеко от Кармартена: он описывает его как хорошего и умного человека. ↑

27 Обычно пишется Senarth - название прихода на реке Тейфи, где сходятся три графства: Кардиган, Пемброк и Кармартен. ↑

28 Имя *□an Dydoch* встречается в Брутах 987 и 1089 гг. н. э. и до сих пор используется в валлийском языке; но английское *St. Dogmael's* показывает, что оно происходит от имени Догфаэля, когда мутационный согласный *f* или *v* еще писался *m*. В валлийском языке имя святого сократилось до *Dogwel*, как в церкви Святого Догвела близ Фишгарда и *□andogwel* в приходе *□anrhuŵlad* на острове Англси: см. *Reese's Welsh Saints*, p. 211. Оно указывает на раннюю бриттскую форму *Doco-maglos*, причем *doco* имеет то же происхождение, что и латинское *dux, dūcis*, "вождь", а *maglo-s* = ирландское *māl*, "лорд или принц". Имя Догфаэля принимает в *□an Dydoch* гойдельскую форму, поскольку Догфаэль должен был бы стать по-ирландски *Doch-mhāl*, который, сокращенный до *Doch* с почетным префиксом *to*, дал *Ty-doch*; но мне неясно, почему это не *Ty-đoch*. Еще один пример того, как гойдельская форма имени пользуется местным предпочтением в Уэльсе и по сей день, представлен в *Сайфелахе* и *Гифелахе* в Гламорганшире. На валлийском языке это название раньше звучало как *Cimeliauc* (Реесе, p. 274). Здесь также можно упомянуть Святого Сингара, иначе называемого Доквиннус (Реесе, p. 183), но это имя встречается в *Liber Landavensis* в родительном падеже как *Docunn-i* и *Docguinni*, первое из которых легко объяснить как гойдельское для ранней формы Сингара, а именно *Cuno-caros*, от которого образовалось бы *To-chun* или *Do-chun*. Именно это, по-видимому, лежит в основе латинского *Docunnus*, а *Docguinni*, возможно, является гойдельской модификацией письменного *Docunni*, если только такое имя, как *Doco-vindo-s*, не было спутано с *Docunnus*. В одном случае в Книге *□an Dâv* вместо *Abbas Docunni* или *Docguinni* стоит более короткое обозначение - *Abbas Dochou* (p. 145), которое нельзя безоговорочно считать *Dochon*, поскольку в более поздней книге *Dochou* было бы валлийским *Dochau*, а в диалекте района *Docha*; и что это встречается в названии церкви *□andough* около Кардиффа и *□andough* около Коубриджа. Связь некоего святого Дочдв с этими церквями не кажется вполне удовлетворительно установленной, но требуется больше света, чтобы помочь понять эти и подобные им названия церквей. ↑

29 Это имя, которое, возможно, пришло из Малой Англии ниже Уэльса, когда-то было нередким в Южном Кардиганшире, как сообщил мне мистер Уильямс, но теперь оно в основном заменено в качестве фамилии на Дэвис и Джонс! Сравните аналогичную судьбу фамилии Мейсон, упомянутой выше, с. 68. ↑

30 Мне не удалось выяснить, кто был автором, использовавшим это имя. ↑

31 Это имя, как оно пишется сейчас, должно означать "Золотая нога", но в деметинском диалекте *aui* произносится как *oer*, и я узнал от настоятеля, преподобного Риса Джонса

Ллойда, что это имя иногда писалось *Tref Deyrn*, что я считаю тщетной попыткой какого-то этимолога объяснить его. Большее значение следует придавать имени на чаше для причастия, датированной 1828 годом и гласящей, как любезно сообщил мне мистер Ллойд, *Poculum Ecllyseye de Tre-droyre*. Под именем *Дройр*, возможно, скрывается какое-то личное имя. ↑

32 *Y Ferch o Gefn Ydfa* ("The Maid of Cefn Ydfa"), автор Isaac Craigfryn Hughes, издано Messrs. Daniel Owen, Howell & Co., Cardiff, 1881. ↑

33 В письме от 9 февраля 1899 года он сообщает, однако, что в отношении фольклора смерть его отца в возрасте семидесяти шести лет в 1889 году стала для него большой потерей; он добавляет, что был прекрасно знаком с традициями окрестностей и общался с людьми старшего поколения. Среди последних он имел обыкновение беседовать с одним стариком, чей отец помнил, как Кромвель проезжал мимо, чтобы разрушить железный завод в Пант-и-Гвайт, где кавалеры отлили пушку, которая впоследствии была использована в сражении при Сент-Фагане. ↑

34 Этот термин иногда представляют как *Bendith eu Mamau*, "Благословение их матери", как если бы каждая фея была настолько восхитительным потомством, что стала бы благословением для своей матери; но я не нашел удовлетворительных доказательств того, что *Bendith eu Mamau*, или, как это произносилось бы в Гламоргане, *Béndith i Máma*, является валютой. В целом, поэтому, возможно, можно считать, что это имя восходит к кельтским богиням, известным в Галлии в римские времена как Матери. ↑

35 О Пен Крейг Даф мистер Хьюз дает следующее примечание: "Это была резиденция Дафиджа Моргана или "советника Моргана", который, по его словам, был казнен на Кеннингтон Коммон за то, что перешел на сторону Претендента. Он отступил в Пен-и-Грейг, где находилось его жилище, чтобы скрыться; но ночью его обнаружили и увезли. Далее следует стих из старой баллады о нем:...

Dafyd Morgan ffel a ffol,

Fe aeth yn ol ei hyder:

Fe neidod naid at rebel haid

Pan drod o blaid Pretender.

Таффи Морган, хитрый и глупый,

Он пошёл по следу:

Он прыгнул в мятежный рой,

Чтобы вооружиться для Претендента.

↑

36 *Тэн* - это любое зеленое поле, которое используется для выпаса скота и не предназначено для покоса, земля, которая, так сказать, имеет свою кожу из травянистого дерна, не нарушенную плугом в течение многих лет. ↑

37 По этому поводу у мистера Хьюза есть примечание о том, что в Гламоргане вся сумма за одну дойку отдавалась рабочим за помощь в сборе урожая или другой работе, и нередко ее хватало на изготовление двух сыров. ↑

38 С тех пор как эта книга была впервые напечатана, я узнал от мистера Хьюза, что первый крик раздался из Черного котла в Таффе (*o'r Gerwyn Du ar Daf*), который, как я понимаю, является бассейном в этой реке. ↑

39 Фан - самая высокая гора в приходе Мертир-Тидфил, говорит мне мистер Хьюз: он добавляет, что на ее склоне когда-то стояла часовня с захоронением. История этого места, похоже, утеряна, но, по его словам, там часто находили человеческие кости. ↑

40 Вышеизложенное, к моему сожалению, не единственный случай, когда этот мерзкий трюк ассоциируется с Гвентом, как видно из истории *Bwca'r Twyn* в главе x. ↑

ГЛАВА III

Способы и слова фей

Небеса защитят меня от этой валлийской феи!

Шекспир.

В предыдущих главах предания о феях княжества были набросаны наспех, без всякой методики; и я боюсь, что теперь, когда мне придется воспроизвести кое-что из того, что я почерпнул несколько позже, методики будет, по возможности, еще меньше. Обычный читатель, если он заглянет на эти страницы, несомненно, почувствует, что, как только он прочтет несколько рассказов, остальные покажутся ему знакомыми и очень утомительными. Можно, однако, предположить, что все люди, желающие прийти к идее происхождения веры в фей, согласятся с тем, что мы должны располагать как можно более обширной и исчерпывающей коллекцией фактов, на основе которых можно работать. Если мы сможем предоставить эти данные без каких-либо затруднений, студент-антрополог сможет вовремя обнаружить их ценность для своих индукций и место в истории человеческой расы.

I.

В течение лета 1882 [года](#)¹ я много бывал в Уэльсе, особенно в Карнарвоншире, и записал множество обрывков легенд о феях и других кусочков фольклора. Сейчас я соберу некоторые из них вместе, как я их нашел. Я начал с [Трефрива](#)² в Нант-Конви, где наткнулся на старика, родившегося и выросшего там, по имени Моррис Хьюз. На вид ему около семидесяти лет: раньше он работал стропальщиком, а теперь живет в Анрвсте и пытается добыть средства к существованию рыбалкой. Он рассказал мне, что давным-давно на ферму Коулид, что возле озера Коулид, пришли феи с ребенком, которого нужно было одеть, и попросили пустить их в дом, сказав, что хорошо заплатят за это. Их просьба была удовлетворена, и они оставляли за собой деньги. Однажды служанка случайно обнаружила, что они также оставили вещи, которые имели привычку использовать для мытья своих детей. Она осмотрела его, и когда у нее зачесался один глаз, она потерла его пальцем, которым прикасалась к вещи; тогда, отправившись на ярмарку, она увидела там тех же самых фей, которые воровали пирожки у

стойки, и спросила их, зачем они это делают. Они спросили, каким глазом она их видит: она поднесла руку к глазу, и одна из фей быстро вытерла его, так что больше она их не видела. Они также очень любили приводить своих детей, чтобы их одевали в домах между Трефривом и Анрвстом; а на равнине, граничащей с Конви, они танцевали, резвились и пели каждую лунную ночь. Эван Томас из Сгубор Герриг получал от них деньги. Он умер, по словам Морриса Хьюза, более шестидесяти лет назад: на его земле было что-то вроде коровника, где феи находили приют, отсюда и плата.

Когда Моррис был мальчиком, родители предупреждали его, чтобы он был осторожен, чтобы его не украли феи. Он знал Томаса Уильямса из Брин-Сити, или, как его обычно называли, Твм Брин-Сити, который был подменным. Это был резкий, маленький человек, который ничего не боялся. Смерть настигла его несколько лет назад, когда он утонул вблизи Эглвис-Фах, когда ему было около шестидесяти трех лет. Его родственники в районе *□ anrwst* есть до сих пор: то есть родственники его матери, если она действительно была его матерью (*os oed hi'n fam ido fo, ynté*). Наконец, у Морриса была сказка о русалке, выброшенной на берег штормом недалеко от Конвея. Она умоляла нашедших ее рыбаков помочь ей вернуться в родную стихию, а когда они отказались выполнить просьбу, молила их опустить в воду хотя бы ее хвост. Очень грубая рифма описывает ее смерть от холода так: -

Y forforwyn ar y traeth,

Crio gwaedu'n arw wnaeth,

Ofn y deuai drycin drannoeth:

Yr hin yn oer a rhewi wnaeth.

Заблудившаяся русалка на берегу

Плакала и жалобно кричала,

Боясь переждать утренний бриз:

Наступил холод, и она замерзла.

Но перед смертью русалка прокляла жителей Конвея, чтобы они всегда были бедными, и с тех пор Конвей, как гласит сказка, страдает от этого проклятия; так что, когда чужеземцу случается привезти туда государя, жители Конвея, если требуется серебро, вынуждены посылать за мелочью на другой берег, в город *□ ansanffraid*.

Следующим моим информатором был Джон Дункан Макларен, который родился в 1812 году и живет в Трефриве. Его отец был шотландцем, но во всех остальных отношениях Макларен - валлиец. Он также знал о народе Сгубор Герриг и о том, что Эван Томас и Лоури, его жена, приложили немало усилий, чтобы их сын Роджер не был унесен феями. Ведь служанки фей постоянно пытались увлечь его, а он постоянно находил деньги фей. Танец фей, а также игры и пение, сопровождавшие его, обычно происходили на поле перед домом его отца; но Лоури никогда не позволяла своему сыну выходить на улицу после того, как солнце заходило за его крепостные стены (*ar ol i'r haul fyn'd i lawr i gaera*). Самыми опасными были ночи, когда ярко светила луна, а луга у реки украшали красивые венки из тумана. Макларен слышал, что один человек, которого он называл Сион Катрин из Тин Тв, каждый день находил пенни у *писти*, или водостока, рядом с домом, когда ходил туда за водой. На равнине между Трефривом и Анрвстом было множество фейских колец, и некоторые из них, по словам Макларена, можно

увидеть до сих пор. Там феи танцевали, и когда юноша попадал в одно из колец, феи забирали его; но его можно было вытащить невредимым через год и день, когда его находили танцующим с ними в том же кольце: тогда кто-нибудь из его друзей должен был ловко коснуться его куском железа и тут же вытащить. Именно таким образом был вызволен молодой человек, которого мои записи связывают с местом под названием Брин Глас. Он пошел гулять с другом, который потерял его, и забрел в кольцо фей. В то время на нем были новые туфли, и друзья вывели его по истечении интервала в год и один день; но ему никак не удавалось понять, что он отсутствовал более пяти минут, пока его не попросили взглянуть на его новые туфли, которые к тому времени разлетелись на куски". Макларену также есть что рассказать об истории и месте обитания фей. Феи из Нант-Конви одеваются в зеленое, а его мать, умершая около шестидесяти двух лет назад в возрасте сорока семи лет, рассказывала ему, что они живут семь лет на земле, семь лет в воздухе и семь лет под землей. У него также была сказка о русалке, как у Пергринна из Дайфеда, стр. 163. Рыбак из деревни *□andri□o yn Rhos*, расположенной между Колвином и Андудно, поймал в свои сети русалку. Она попросила освободить ее, пообещав, что, если он согласится, окажет ему любезность. Он согласился, и в один прекрасный день, спустя много времени после этого, она вдруг вынырнула из воды рядом с ним и закричала: *Siôn Ifan, cwyd dy rwyda' a thyn tua'r lan*, "Джон Эванс, возьми свои сети и иди к берегу". Он послушался, и почти сразу же разразился страшный шторм, в котором погибло множество рыбаков. Река Конви - главное место обитания таинственного афанка, о котором уже упоминалось в с. 130, и Макларен утверждал, что на его памяти его именем пугали девушек и детей: так сильно его до сих пор боятся. Возможно, мне следовало бы сказать, что Макларен очень любит музыку и что он рассказал мне о джентльмене в Конвее, который записал предполагаемую мелодию фей. Я навел справки у сына последнего, мистера Хеннесси Хьюза из Конвея; но бумаги его отца, похоже, были утеряны, и он не может найти мелодию, о которой идет речь, хотя и слышал о ней.

Пока речь идет о музыке, позвольте мне процитировать письмо *□wyd* в *Cambrian Journal* за 1859 год, pp. 145-6, на которое я уже ссылался выше, pp. 130-3. Отрывок, о котором идет речь, следующего содержания:...

"Я оставляю эти истории в стороне, пока дойду до Ого Джу, "Черной пещеры", которая находится в непосредственной близости от [Кригсиета3](#), и в которую музыканты зашли так далеко, что потеряли дорогу назад. Было слышно, как один из них играл на своей трубе, а другой - на роге, примерно в двух милях от того места, куда они вошли; место, где слышали волынщика, называется Брайх-и-Биб, а место, где слышали человека с рогом, - Брайх-и-Корнор. Я не верю, что хоть один человек сомневается в том, что все это правда, и не знаю, откуда у песен под названием *Ffarwel Dic y Pibyd*, "Прощание Дика-трубача", и *Ffarwel Dwm Bach*, "Прощание маленького Тома", такие названия, если только не от упомянутых выше музыкантов. Я также не знаю, что Нед Пув мог быть не третьим, и что песня под названием *Ffarwel Ned Puw*, "Прощание Неда Пува", могла быть не последней, которую он сыграл перед уходом в пещеру. Я не могу утверждать, что это правда, так как слышал это только от одного человека, и он просто высказал предположение, навеянное этим воздухом *Ffarwel Dic y Pibyd*".

Однако история, упомянутая Синджелвом в *Brython* за 1860 год, стр. 57, заставляет Неда Пью войти в пещеру *Tal y Clegyr*, которую писатель в своей статье отождествляет с *Ness Cliff*, недалеко от Шрусбери. В этой пещере, которая считалась чудесной, музыкант, по его словам, исчез, а в память о нем осталась песня, которую он играл, *Ffarwel Ned Puw*, "Ned Pugh's Farewell". Некоторый рассказ об уходе Неда Пью и о бесконечной пещере, в которую он вошел, можно найти в бессвязном виде в *Cambrian Quarterly Magazine* (London, 1829), vol.

i, pp. 40-5, где валлийское имя менестреля указано как Iolo ap Huw. Там нам сообщают, что в последний раз его видели в сумерках туманного Хэллоуина, и должным образом приводят ноты мелодии, которую он играл в последний раз. Записано также одно из предположений относительно конечной судьбы Иоло, а именно, что на том свете он поменял свою скрипку на горн и стал главным охотником Гвина аб Нуджа, так что каждый Хэллоуин его можно встретить подбадривающим *Cwn Anllwn*, "Гончих другого мира", над Кадер [Идрисом](#)⁴.

Тем же летом я познакомился с мистером Моррисом Эвансом из Серриг-Мана, что неподалеку от Амлвха. Он работает горным агентом в поместье Гвидир в долине Конви, но родом он из окрестностей горы Парис на острове Англси, где и приобрел свои знания о горном деле. Он слышал сказки от своей бабушки, Грейс Джонс, жительницы деревни Йсгау близ Мыньид-Мече, между Амлвхом и Холихедом. Она умерла в возрасте почти девяноста лет, более двадцати лет назад. Она рассказывала, как в молодости она и другие ее ровесники любили выходить в светлые лунные ночи к месту неподалеку от *□un y Bwch*. Им редко приходилось долго ждать, прежде чем они услышали изысканную музыку и увидели стоящий на земле величественный дворец. Маленькие жители сказочной страны выходили на сцену, чтобы потанцевать и порезвиться. На следующее утро дворец исчезал, но бабушка собирала на месте деньги фей, и так продолжалось до тех пор, пока она не рассказывала о своей удаче другим. Мой собеседник, которому самому уже немного за пятьдесят два, рассказывает, что в местечке неподалеку от *□un y Bwch* в траве можно было увидеть множество колец фей, и именно в них, как считается, феи [танцуют](#)⁵.

Из *□anrwst* я отправился в гости к барду и антиквару, мистеру Гетину Джонсу. Его дом красиво расположен на склоне холма слева от дороги, когда вы подъезжаете к деревне Пенмачно. Я с сожалением обнаружил, что его память значительно ухудшилась из-за паралитического инсульта, от которого он пострадал незадолго до этого. Однако из своей комнаты он указал мне на место на другом берегу Махно, которое называется *Y Werdon*, что означает "Зеленая земля", или, если говорить более буквально, "Зелень". Оно было хорошо известно своими зелеными, травянистыми кольцами фей, которые раньше часто посещали *Tylwyth Teg*; и он сказал, что даже тогда мог различить некоторые из этих колец с того места, где он стоял. Верджон находится на Беннаре, а Беннар - это возвышенность между Пенмачно и Долвиджеланом. Место, о котором идет речь, находится в той части, которая ближе всего к водопаду Конви. Это название, *Y Werdon*, можно спутать с *Iwerdon*, "Ирландия", которое обычно трактуется так, как если бы оно начиналось с определенного артикля, так что оно превращается в *Y Werdon* и *Werdon*. Фея Верджон в радикальной форме *Gwerdon* не только напоминает мне о Зеленых островах, называемых *Gwerdonau Gŵion*, но и о поговорке, распространенной в Северном Уэльсе, что человек, испытывающий сильное беспокойство, "видит *Y Werdon*". Так, например, человек, который не вернулся к своей семье в ожидаемый час и считает, что его люди очень беспокоятся о нем, выражает свое мнение, говоря, что они "увидели Верджона из-за меня" (*mi fydan' wedi gwel'd y Werdon am dana'i*). Это Ирландия или страна фей, потусторонний мир? Если последнее, то это может означать, что они просто умрут от беспокойства; но, признаюсь, я так и не смог определиться. Мне неизвестно, чтобы этот термин встречался в какой-либо другой форме выражения, кроме той, которую я привел; если бы это было так, и если бы о Верджоне говорили каким-то другим образом, это, возможно, прояснило бы проблему. Если оно относится к Ирландии, то должно подразумевать, что увидеть Ирландию равносильно сбиться с пути в море, то есть в данном случае выйти из себя; но валлийцам не очень-то свойственны морские выражения. Это несколько напоминает мне аллюзию Джеральда Гриффина на Призрачный город и наказание, которое понесут те, кто мельком увидит его башни, когда разделяющиеся волны

на мгновение откроют их взору на западном побережье Ирландии: - Скоро белые воды закроют его.

Вскоре белые воды закрывают его,

И, как говорят, смерть от чудесного зрелища,

становится смертью для глаз, которые его видели.

Глен фей над Беттвс-и-Коэд называется по-валлийски Ffos 'Nodyn, "Раковина бездны"; но мистер Гетин Джонс сказал мне, что его также называли Glyn y Tylwyth Teg, что весьма вероятно, поскольку какое-то подобное обозначение необходимо для объяснения английского названия "the Fairy Glen". Люди со стороны Капель-Гармона часто видели, как там играет *Тайлвит*, и спускались в Фос или Глен осторожно и легко, не причиняя себе ни малейшего вреда. Несомненно, предполагалось, что в Глене фей находится вход в нижний мир. Это напоминает название симпатичной лощины, идущей вглубь острова от железнодорожной станции в Бангоре. Почему она должна называться Нант Уфферн, или "Адская впадина"? Может быть, где-то здесь находился предполагаемый вход в мир фей? В любом случае, я совершенно уверен, что валлийские географические названия содержат аллюзии на фей гораздо чаще, чем предполагалось до сих пор; и я склонен привести в качестве еще одного примера Moel Eilio⁶ или Moel Eilian, от личного имени Eilian, которое будет упомянуто далее. Моэль Эйлиан - это гора, под которой, как предполагалось, феи хранили большие сокровища. Но, возвращаясь к мистеру Гетину Джонсу, я почти забыл, что у меня есть еще один его пример. Он показал мне отрывок из статьи, написанной им на валлийском языке некоторое время назад о древностях Yspty Ifan. Он говорит, что там, где Серв соединяется с Конви, есть пещера, в которую, как утверждает традиция, арфистку когда-то заманил *Тилвит Тег*. Разумеется, после этого его никто не видел, но эхо музыки, которую он и они исполняли на своих арфах, до сих пор можно услышать чуть ниже, под полем, которое до сих пор называется Gweirglod y Telynorion, "Луг арфистов": сравните выдержку из переписки Эдварда Iwyd на стр. 202 выше.

Мистер Гетин Джонс также рассказал мне об озере под названием Пенкрейг (Pen Craig), которое осушили в надежде найти под ним свинец, и эта надежда не была полностью обречена на разочарование; он сообщил мне, что его старое название было Pen Penifon; поэтому болото вокруг него называлось Гваен Penifon. Судя по всему, это было большое озеро, но только в сырую погоду, и у него не было глубокого дна. С этим местом связаны такие названия, как Нант Гваен Penifon и Гвайт (или Шахта) Гваен Penifon: они, как я понимаю, находятся в пределах Трефрива. Название Pen Penifon представляет большой интерес в связи с триадическим рассказом о катаклизме, названном Взрывом Pen Penifon. Мистер Гетин Джонс, однако, считал, что Pen Penifon - это не что иное, как озеро Бала, через которое пробивается Ди.

II.

Однажды в августе того же года я прибыл на станцию Динас и пешком отправился вниз, чтобы увидеть Динас Дини и выяснить, какие традиции сохранились там в отношении Каэр Арианрход, Каэр Эвгиффес, Дилан Эйлтон и других имен, фигурирующих в "*Мабиноги*" Мат-аб-Матхонви. Сначала я обратился к директору школы, и он любезно отвел меня к клерку Хью Эвансу, уроженцу окрестностей города Хангефни на острове Англси. Он часто слышал, как

люди рассказывали о том, что однажды женщины пришли из Трегар-Антрега в Каэр-Лода, место у берега, за едой или водой, и когда они оглянулись, то увидели, что город залит морем: стены до сих пор видны при низкой воде. Одну из женщин звали Гвеннан, и она была похоронена в месте, которое теперь называется Бедж Гвеннан, или Могила Гвеннан. Он также слышал сказки о Ваен-Форе и Нант-и-Беттвс, рассказанные антикваром Оуэном Уильямсом из первого места. Например, он рассказал ему сказку о человеке, который спал на кусте камыша и думал, что находится в великолепном особняке; см. с. 100, выше. Теперь я должен объяснить, что Трегар Антрег можно увидеть в низкую воду из Динас Дин как скалу недалеко от берега. Карантрег, который он подразумевает, - это одна из современных форм, к которой был приведен Каэр Арианрод; к нему был добавлен синоним *Каэра*, а именно, *Треф*, сокращенный до *Тре'*, так же как Кармартен часто называют *Тре' Гаерфурджин*. *Сae'r 'Loda*" объясняется как *Сae'r Aelodau'*, "Поле конечностей"; но я с сожалением должен сказать, что забыл записать историю, объясняющую это название. Думаю, оно дано ферме, так же как и *Bed Gwennan* - название фермерского дома. Арендатор последнего, Уильям Робертс, был дома, когда я посетил это место. Он рассказал мне ту же историю, но с вариациями: три сестры пришли из Треган-Антрега за провизией, когда их город переполнился. Гвен бежала в место, которое теперь называется Бедж Гвеннан, Элан - в Тиджин Элан, или Холдинг Элана, а Маэлан - в Рос Маэлан, или Болото Маэлана; все три названия - это названия мест в непосредственной близости.

Из Динас-Динаса меня направили через владения лорда Ньюборо в Глин-и-Фифон на станцию Пен-и-Грос; по дороге у меня была возможность расспросить нескольких человек, работавших в Глин-и-Фифоне. Одного из них звали Уильям Томас Соломон, интеллигентный мужчина средних лет, работающий в саду. Он сказал, что три женщины, спасшиеся из затопленного города, были сестрами и что он еще в детстве научился называть их Гвеннан би Дон, Элан би Дон и Маэлан би Дон. И, наконец, название города, по его словам, было Треган-Антрод. В тот день у меня были следующие формы этого названия: Трегар Анрхег, Трегар Антрег, Треган Анрхег, Треган Антрег и Треган Антруд. Все это попытки воспроизвести то, что могло бы быть написано *Tre'-Gaer-Arianrhod*. Модификация *nrh* в *nthr* очень распространена в Северном Уэльсе, и Трегар Анрег, похоже, был создан на основе предположения, что название имеет какое-то отношение к *anrheg*, "подарок". Треган Антрод - это, несомненно, Каэр Арианрход, или "крепость Арианрход" из "*Мабиноги*", и она должным образом отмечена на карте Спида в том месте, где она должна быть. Арианрод из "*Мабиноги* Мата" вряд ли можно назвать дамой грубой добродетели, а в окрестностях бытует мнение, что это место было затоплено из-за нечестивости жителей. Таким образом, получается, что Гвеннан, Элан и Маэлан, сестры Арианрода, были единственными, кому удалось спастись. Арианрход, вероятно, был утоплен как главный грешник; но я не обнаружил, как ожидал, что преступление, которое требовало такого искупления, в данном случае заключалось в игре в карты в воскресенье. На самом деле эта часть легенды, похоже, еще не получила должного развития.

Теперь я должен вернуться к Соломону *би Дону*, который не мало меня озадачил. Арианрод была дочерью Дона, и, соответственно, несколько других персонажей в тех же "*Мабиноги*" были детьми Дона. Но что такое *bi Dôn*? Я заметил, что все валлийские антиквары, которые берут Дона из книг, неизменно называют этого персонажа *Dôn* или *Donn* с коротким "о", что неправильно, и это спасло меня от обмана раз или два: поэтому я полагаю, что *bi Dôn* - это, как утверждал Соломон, местное выражение, значения которого он не знал. В отсутствие лучшего объяснения я могу лишь добавить, что *bi Dôn* напомнило мне о том, что я незадолго до этого услышал во время поездки из Абердарона на остров Бардси. Мы с женой и двумя друзьями после долгих красноречивых уговоров взяли лодку в этом месте, но один из

мужчин, который должен был нас грести, посадил в лодку своего мальчика лет четырех, что не добавило удовольствия от этого несколько опасного путешествия среди непонятных течений. Но лодочники Абердарона всегда называли этого ребенка *Би Донн*, что, как я понял, было своего рода имитацией младенческого произношения "малыш Джон", поскольку его звали Джон, а валлийские младенцы, как правило, сначала произносят Донн: я хорошо помню то время, когда я это сделал. В применении к *Гвеннану би Дону* это означает, что Соломон слышал его в детстве в качестве детской сказки и что оно означало просто - Гвеннан, младенец или дитя Дона. И наконец, единственный след Дилана, который я смог найти, был в названии небольшого мыса, называемого по-разному глинскими людьми *Pwynt Maen Tylen*, что было произношением Соломона, и *Pwynt Maen Dulan*. Он также известен, как мне дали понять, как Пвинт-и-Виг: кажется, я видел на картах его название как Маен Дилан-Пойнт.

Соломон рассказал мне следующую сказку, а после был достаточно любезен, чтобы переписать ее для меня. Я привожу ее своими словами, поскольку в некоторых отношениях она своеобразна:...

Mi'r oed gwr a gwraig yn byw yn y Garth [Dorwen](#)7 ryw gyfnod maith yn ol, ag aethant i Gaer'narfon i gyflogi morwyn ar dyd ffair G'langaeaf, ag yr oed yn arferiad gan feibion a merched y pryd hynny i'r rhai oed yn sefydlu arian am lefyd aros yn top y maes presennol wrth boncan las oed yn y fan y lle saif y Post-office presennol; aeth yr hen wr a'r hen wraig at y fan yma a gwelent eneth lan a gwaith melyn yn sefydlu 'chydig o'r neiadu i bawb ara; aeth yr hen wraig ati a gofynnod i'r eneth oed arni eisiau lle. Atebod fod, ag feleu cyflogwyd yr eneth yn dioed a daeth i'w lle i'r amser penodedig. Mi fyddai yn arferiad yr adeg hynny o nydu ar ol swper yn hirnos y gauaf, ag fe fyddai y forwyn yn myn'd i'r weirglod i nydu wrth oleu y lleoer; ag fe fyddai tylwyth teg yn dwad ati hi i'r weirglod i ganu a dawnio. A ryw bryd yn y gwanwyn pan esdynnod y dyd diangod Eilian gyd a'r tylwythion teg i ffwrdd, ag ni welwyd 'mo'ni mwyach. Mae y cae y gwelwyd hi diwethaf yn cael ei alw hyd y dyd hedyw yn Gae Eilian a'r weirglod yn Weirglod y Forwyn. Mi'r oed hen wraig y Garth Dorwen yn arfer rhoi gwragedd yn eu gwllau, a byddai pawb yn cyrchu am dani o bob cyfeiriad; a rhyw bryd dyma wr bonedig ar ei geffyl at y drws ar noswaith loergan lleuad, a hithau yn glawio 'chydig ag yn niwl braid, i 'nol yr hen wreigan at ei wraig; ag feleu aeth yn sgil y gwr diarth ar gefn y march i Ros y Cowrt. Ar ganol y Rhos pryd hynny'r oed poncan lle uchel yn debyg i hen amdiffynfa a lle awer o gerrig mawrion ar ei phen a charnedd fawr o gerrig yn yr ochor ogledol idi, ag mae hi i'w gwel'd hyd y dyd hedyw dan yr enw Bryn y Pibion. Pan gyrhaeddan y lle aethan' i ogo' fawr ag aethan' i 'stafellu lle'r oed y wraig yn ei gwely, a'r lle crandia' a welod yr hen wraig yrioed. Ag fe roth y wraig yn ei gwely ag aeth at y tan i drin y babi; ag ar ol idi orphen dyna y gwr yn dod a photel i'r hen wraig i hiro llygaid y babi ag erfyn arni beidio a'i gyffwr' a'i llygaid ei hun. Ond ryw fod ar ol rhoi y botel heibio fe daeth cosfa ar lygaid yr hen wraig a rhwbiod ei llygaid â'r un bys ag oed wedi bod yn rhwbio llygaid y baban a gwelod hefo'r llygad hwnnw y wraig yn gorfedd ar docyn o frwyn a rhedyn crinion mewn ogo' fawr o gerrig mawr o bob tu idi a 'chydig bach o dan mewn rhiw gornel, a gwelod mai Eilian oed hi, ei hen forwyn, ag hefo'r llygad ara yn gwel'd y lle crandia' a welod yrioed. Ag yn mhen ychydig ar ol hynny aeth i'r farchnad i Gaer'narfon a gwelod y gwr a gofynnod ido-'Pa sud mae Eilian?' 'O y mae hi yn bur da,' meddai wrth yr hen wraig: 'a pha lygad yr ydych yn fy ngwel'd?' 'Hefo hwn,' meddai hithau. Cymerod babwyren ag a'i tynod arian ar unwaith.

'Старик и его жена жили в Гарт Дорвен в какой-то период давным-давно. Они отправились в Карнарвон, чтобы нанять служанку на ярмарке в [Оллхоллоусе](#); , а тогда было принято, чтобы юноши и девушки, претендовавшие на места, располагались на вершине нынешнего Маеса, у небольшого зеленого возвышения, где сейчас стоит почта. Старик и его жена отправились на это место и увидели там девушку с желтыми волосами, стоявшую немного в стороне от

всех остальных; старуха подошла к ней и спросила, не хочет ли она занять место. Она ответила, что хочет, и тогда она сразу же нанялась и пришла на место в назначенное время. В те времена долгими зимними вечерами было принято прясть после ужина. Служанка отправлялась на луг прясть при свете луны, а *Тильвит Тег* приходил к ней петь и танцевать. Но однажды весной, когда дни стали длиннее, Эйлиан сбежала вместе с *Тильвит Тегом*, и больше ее не видели. Поле, где ее видели в последний раз, и по сей день называется Полем Эйлиан, а луг - Лугом Девы. Старуха из Гарт-Дорвен имела обыкновение укладывать женщин в постель, и ее услуги пользовались большим спросом во всех уголках мира. Через некоторое время после побега Эйлиан к дому старухи подъехал верхом на лошади джентльмен, и однажды ночью, при полной луне и небольшом дожде, а также при небольшом тумане, он привез старуху к своей жене. Она поехала за незнакомцем на его лошади и приехала в Рос-и-Коурт. В то время в центре *Роса* было некоторое возвышение, похожее на старое укрепление, с множеством больших камней на вершине и большим каирном из камней на северной стороне: его можно увидеть там и по сей день, и он носит название Брин-и-Пибион, но я никогда не посещал это место. Когда они добрались до места, то вошли в большую пещеру и попали в комнату, где жена лежала в своей постели; это было самое прекрасное место, которое старуха видела в своей жизни. Успешно уложив жену в постель, она подошла к огню, чтобы одеть ребенка; когда она это сделала, муж подошел к старухе с бутылочкой [мази9](#), чтобы она помазала глаза ребенка; но он просил ее не касаться ею собственных глаз. Как-то, после того как она поставила флакон, у старухи зачесался один глаз, и она стала тереть его тем же пальцем, которым теребила глаза младенца. Тогда она увидела этим глазом, как жена лежит на пучке камыша и засохших папоротников в большой пещере, вокруг нее лежат большие камни, а в углу горит маленький костер; она увидела также, что госпожа - это всего лишь Эйлиан, ее бывшая служанка, а другим глазом она увидела самое прекрасное место, которое когда-либо видела. Вскоре после этого старая повитуха отправилась в Карнарвон на рынок, увидела мужа и спросила его: "Как поживает Эйлиан?" "Она вполне здорова, - ответил он старухе, - но каким глазом ты видишь меня?" "Вот этим", - ответила старуха; он взял камыш и сразу же выколол ей глаз".

Мой собеседник рассказывает мне именно эту историю, как он слышал ее от своей матери, которая слышала ее от старухи, жившей в Гарт-Дорвене, когда его мать была девочкой, около восьмидесяти четырех лет назад, как он полагает; но в своей письменной версии он опустил одну вещь, которую рассказал мне в Глинфифоне, а именно, что, когда девушка-служанка отправлялась к феям прясть, прясть приходилось очень много. Я упоминаю об этом, поскольку это напоминает мне о сказках других народов, где девушке, не умеющей прясть соломой в золото, помогает фея на определенных условиях, которые впоследствии оказываются очень неудобными. Можно догадаться, что в случае с Эйлиан эти условия предполагали ее превращение в жену феи, и она их соблюдала. И наконец, я хотел бы, чтобы археологи Карнарвоншира обратили свое внимание на Брин-и-Пибион, поскольку можно ожидать, что они наткнутся там на остатки кургана или форта.

III.

Тем же летом мне довелось встретиться с преподобным Робертом Хьюзом из Увчлав'р-Ффиннон, что неподалеку от Ханаэльхаарна, деревни, на которую Тре'р Кейри, или Город Кейри, смотрит в своей первобытной мрачности с вершины одной из трех высот Эйфл, или Ривалов, как их называют англичане. Этот район отличается долголетием жителей, и мистер

Хьюз насчитал в своем ближайшем окружении пятнадцать фермеров, средний возраст которых составлял восемьдесят три года, а за четыре года до этого средний возраст восемнадцати из них был не менее восьмидесяти пяти лет. Ему самому, когда я с ним познакомился, был семьдесят один год, и он считал, что представляет традиции более чем полутора веков, поскольку был двенадцатилетним мальчиком, когда один из его дедов умер в возрасте девяноста двух лет: возраст одной из его бабушек был почти таким же, а его отец умер всего несколько лет назад, едва достигнув девяносто пятого дня рождения.

В приходе *anaphaearn* рассказывание историй сохранилось благодаря известному там заведению под названием "*пилнос*", или "вечер шелухи", когда соседи собирались в домах друг друга, чтобы провести долгие зимние вечера за вязанием пеньки и чесанием шерсти, хотя я полагаю, что изначально "*пилнос*" был вечером, когда люди собирались, чтобы *шелушить* камыш для камышовых фонарей. Когда они покидали эти веселые собрания, то, как говорит мистер Хьюз, были готовы увидеть все, что угодно. В самом деле, он приводит случай, когда некоторые люди пришли с *пилноса* через гору от Нант Гвртхейрн к Литфаену и увидели фей, которые пели и танцевали изо всех сил: они были втянуты в них и утром остались одни на вереске. Действительно, мистер Хьюз сам видел фей: это было на дороге Пвххели, когда он возвращался серым утром из дома своей *невесты*, когда ему было двадцать семь лет. Феи, которых он видел, ехали верхом на маленьких лошадках: по его воспоминаниям, время от времени он поднимал глаза и находил дорогу совершенно ясной, но в следующий момент видение возвращалось, и ему казалось, что он видит эту маленькую кавалькаду как можно отчетливее. Точно так же человек по имени Соломон Эванс тридцать лет назад, возвращаясь поздно вечером домой через парк Глин-Гифон, обнаружил, что за ним следует целая толпа маленьких существ, которые, по его словам, были размером с морскую свинку и покрыты красными и белыми пятнами. Это был невежественный человек, который не знал ничего лучшего, чем верить до самой своей смерти, случившейся восемь или девять лет назад, что это были демоны. Вероятно, это размытая версия истории о *Cwn Annwn*, "адских гончих", подобной следующей, опубликованной мистером О. М. Эдвардсом в его *Cymru* за 1897 г., стр. 190, из эссе мистера Дж. Х. Робертса, упомянутого выше на стр. 148: "Много лет назад, когда человек, занятый делом, не самым похвальным в мире, возвращался глубокой ночью через Кефн Крейни и в унынии размышлял о том, что он делал, он услышал вдалеке низкий и внушающий страх лай; затем другой лай, и еще один, и еще, и еще, и еще полдюжины. Вскоре он понял, что его преследуют собаки, и это были *Cwn Annwn*. Он увидел, что они приближаются: он попытался бежать, но почувствовал, что совершенно бессилён, и не смог убежать. Они приближались все ближе и ближе, и он увидел пастуха с ними: лицо его было черным, а на голове были рога. Они обошли его и встали полукругом, готовые броситься на него, как вдруг он почувствовал удивительное избавление: он вспомнил, что у него в кармане лежит маленький крестик, который он им показал. Они в величайшем ужасе разбежались во все стороны, и это объясняет пословицу: "*Mwy na'r cythraul at y groes*" ("Любой больше, чем дьявол на крест")". Такова история мистера Робертса; но на *Cwn Annwn* уже было сделано несколько ссылок. Вероятно, правильнее было бы отождествить их в первую очередь со стаей, с которой Араун, король Аннуна, застает на охоте Пвифа, короля Дифеда, когда тот случайно встречается его в Глин Куч в своем собственном королевстве. Затем в поэме из *Черной книги Кармартена* мы видим Гвина аб Нудда со сворой во главе с Дормартом, гончей с рыжей мордой, которую он держал близко к земле, когда участвовал в погоне; аналогичным образом в истории Иола аб Хува собаки считаются принадлежащими Гвину. Но в целом более поздние представления чаще всего сводятся к тому, что дьявол - это охотник, что его собаки преследуют в воздухе, что их добычей являются души усопших, а их лай предвещает смерть, поскольку они следят за душами людей, собирающихся умереть. Это, однако, может вызвать возражения как

языческое; поэтому я слышал, как в окрестностях Истрад-Меурига один человек, подобно мистеру Пуге, объяснил, что речь идет о душах только отъявленных злодеев и хорошо известных злых печенках. При таком ограничении [статья 10](#), похоже, не подвергается непосредственной опасности считаться браконьерской.

Возвращаясь к [Iwan Iwan Iwan](#), следует сказать, что там тоже верят в добрых духов, которые посещают добрых кальвинистов. Моррис Хьюз из Квм Коррин был первым кальвинистским методистом в [Iwan Iwan Iwan](#); он был прадедом жены Роберта Хьюза; за ним обычно следовали две маленькие симпатичные желтые птички. Он звал их: "*Врид, Врид!*", и они прилетали и кормились с его руки, а когда он умирал, они прилетали и хлопали крыльями по его окну". Это засвидетельствовал Джон Томас из Мольтре Бах, который присутствовал в то время. Томас умер около двадцати пяти лет назад в возрасте восьмидесяти семи лет. Я слышал эту историю от других людей, но не знаю, что о ней думать, хотя могу добавить, что маленькие птички, как полагают, были ангелами. В книге мистера Риса "*Валлийские святые*", стр. 305-6, Гврюд назван именем монаха, жившего в конце двенадцатого века, и его память отмечается 1 ноября; автор добавляет примечание, ссылаясь на "*Кембрийский реестр*" за 1800 год, том iii, стр. 221, где говорится, что Гврюд избавил барда Эниона аб Гвалчмай от какого-то гнета, вероятно душевного, который мучил его в течение семи лет. Можно ли предположить, что Гврюд послал двух ангелов в виде маленьких птичек, чтобы защитить первого методиста [Iwan Iwan Iwan](#)? Призыв "*Wryd, Wryd*", похоже, указывает на то, что изначально имя было не *Gwryd*, а *Wryd*, которое можно отождествить с пиктским именем *Uoret* в надписи в Сент-Вигейнсе, близ Арброата, и отличить от валлийского слова *gwryd*, "доблесть", и от валлийского имени *Gwriad*, представляющего то, что в своей галльской форме было *Viriatius*. Возможно, название *Wryd* произошло от *Hafod Wryd*, места в долине Махно над Bettws y Coed; в противном случае следовало бы ожидать *Hafod y Gwryd*, что в просторечии означает *Hafod Gwryd*.

Мистер Хьюз рассказал мне много интересного о Нанте Гвртхейрне, одном из мест, где локализуется история Вортигерна. Нант - это своего рода впадина, выходящая к морю у подножия Эйфла. Там есть скала, называемая *Y Farches*, а угол моря рядом со старым замком, который кажется просто курганом, называется *Y Dynclun*, или "Водоворот"; и это, возможно, важный пункт в локализации города Вортигерна там. Мистер Хьюз сообщил мне, что в этом Нанте находится могила Олфина, а неподалеку - разрушенная церковь: в остальном они мне неизвестны. Отойдя от этого странного места в окрестности Селиннога, можно обнаружить, что Пеннард из "*Мабиноги Мата*" теперь называется Пеннарт, и на нем находится хорошо известный кромлех. Разумеется, я не покинул мистера Хьюза, не спросив его о Каэр Арианрод, и узнал, что он называет его Тре' Гаер Анрег: он описал его как каменистый участок в море, и, по его словам, до него можно добраться пешком, когда весной и осенью отлив минимален. История, которую он слышал о нем, когда учился в школе у Дэвида Томаса, более известного под бардовским именем *Дафидж Джу Эрири*, была следующей: - "Трегер Анрег".

В Трегере Анрег жила семья разбойников, и среди прочего они убили и ограбили человека в Глин Иврх, у дальней стены парка Глинн-Фифон, и на этом их беззаконие закончилось. Однако с ними в Трегере Анрег жила одна женщина, которая не состояла с ними в родстве, и когда она однажды вечером вышла с кувшином за водой, то услышала голос, возглашающий: *Dos i ben y bryn i wel'd rhyfedod*, то есть "Иди на холм посмотреть на чудо". Она послушалась, и как только поднялась на вершину холма, который назывался Динас Дин, увидела, что Трегер Анрег тонет в море".

Поскольку я отвлекся от фей, могу добавить следующую любопытную легенду, которую мне передал мистер Хьюз: "Когда святой Беуно жил в Селинноге, он регулярно ходил проповедовать в *andwun* на противоположной стороне воды, которую он всегда пересекал пешком. Но однажды в воскресенье он случайно уронил свою книгу проповедей в воду, и когда он не смог ее достать, мимо проплыл *gylfin-hir*, или *curlew*, поднял ее и положил на камень в недоступном для прилива месте. Святой помолился о защите и благосклонности Творца к *гилфин-хир*: она была дарована, и теперь никто никогда не знает, где эта птица устраивает свое гнездо".

IV.

Однажды в августе того же лета я отправился еще раз взглянуть на старый камень с надписью в Гесейл *Гифарч11*, неподалеку от Тремадока, и, вместо того чтобы возвращаться тем же путем, пошел пешком до станции Крисчиет; по дороге мне велели зайти в фермерский дом под названием *awun* у *Mafon Uchaf*, где я должен был увидеть мистера Эдварда Эвелина, холостяка семидесяти шести лет от роду. Он был уроженцем этого района и всегда жил в нем; кроме того, уже некоторое время он был слеп. Он слышал немало сказок. Среди прочих он упомянул Джона Робертса, сланцевика из Гарна, что в Карн Долбенмаен, который однажды, когда был небольшой туман и моросил дождь, услышал толпу фей, которые в полном смятении переговаривались между собой возле овчарни на горе Овитмор; но он очень боялся посмотреть на них. Он также рассказал мне, что один человек на ферме Истум Сегид, расположенной неподалеку, женился на жене-фее с условием, что он не должен будет прикасаться к ней никаким железом под страхом того, что она покинет его навсегда. Затем произошел обычный несчастный случай: он поймал лошадь, чтобы поехать на ярмарку в Карнарвон, и жена тут же исчезла. В этот момент сестра мистера Эвелина вмешалась, заявив, что жена однажды вернулась и обратилась к мужу в рифме: *Os byd anwyd ar fy mab*, &c.: см. стр. 44, 55 выше. Затем мистер Эвелин перечислил несколько человек, принадлежащих к этой семье, среди которых была и девушка, которая, по его словам, в точности похожа на фей. Это заставило меня спросить, на кого похожи феи, и он ответил, что это маленькие непривлекательные существа с желтой кожей и черными волосами. Однако некоторые из тех, кого он отнес к феям, отнюдь не похожи на них. Мужчин фейского происхождения называют *белсиаидами*, и живут они в основном в соседнем приходе Пеннант, куда, как мне сказали, я никогда не поеду собирать сказки; а мистер Эвелин помнит, какие драки происходили на ярмарках в Пенморфе, если хоть раз звучало слово "*белсиайд*". Он также был знаком со сказкой о повитухе, которая попала в семью фей, и о том, как муж-воробей лишил ее одного глаза. Он также рассказывал о том, как феи меняют детей, и как один из таких менял, которого приняли за младенца, заявил, что он видел желудь раньше дуба, яйцо раньше птенца, но никогда не видел никого, кто варил бы эль в яичной скорлупе: см. с. 62 выше. Что касается способов избавления от подменышей, то один из друзей мистера Хевелина упоминал историю о том, что однажды одного из них сбросили в реку Гласлин, неподалеку от Беджгелерта. Феи любили детей, не похожих на их собственных, то есть тех, чьи волосы были белыми или склонными к желтизне, а кожа - светлой. Он много рассказывал о некой Элис Бах из Нант Гвртхейрн, которую раньше считали меняющейся. За исключением этого случая смены детей, феи, похоже, были в довольно хороших отношениях с жителями и имели привычку одалживать в фермерских домах *паду* и *сорт* для выпечки. *Раскатка* - это что-то вроде круглого плоского утюга, на который выкладывают тесто, а *паде* - это *сковорода*, на которую его накрывают: они до сих

пор широко используются для выпечки в Северном Уэльсе. Так вот, феи одалживали эти два предмета, а в качестве платы оставляли на ночь деньги на конфорке. По всему *Deun Tylwyth* изображены как одалживающие *pade a grade*. Похоже, они никогда не были сильны в изготовлении домашней мебели, особенно изделий из железа. Господин *Iewelyn* слышал, что причина, по которой люди не видят фей в наши дни, заключается в том, что они были изгнаны (*wedi eu hoffrymu*) на сотни лет вперед.

Примерно в то же время мне посоветовали обратиться к памяти мисс Джейн Уильямс, живущей в Грейге, Тремадок: ей было тогда, как мне сказали, семьдесят пять, она была очень сообразительна, но отнюдь не общительна с бездельниками. Самой важной для меня информацией, которой она располагала, было то, что *Tilvut Teg* был изгнан (*wedi 'ffrymu*) и в наше время уже не вернется. Когда ей было около двенадцати лет, она служила в Ге между Тремадоком и Понтом Абергласлин. Хозяина ее звали Син Ифан, а жена его была родом из окрестностей Карнарвона; она могла рассказать им много историй о *тилвутах*, о том, как они меняют детей, как заманивают мужчин в кольца фей и как их жертвы возвращаются через некоторое время в жалком состоянии, почти без плоти на костях. Она услышала от нее рассказ о том, как мужчина женился на фее и как она его бросила; но прежде чем уйти от мужа и детей, она спросила их по именам, что бы они хотели иметь - грязный коровий двор (*buches fudur*) или чистый коровий двор (*buches lân*). Некоторые отвечали правильно - грязный коровник, а некоторые - чистый: уделом последних была бедность, так как у них не должно было быть скота. Тот же вопрос задается в истории, записанной покойным преподобным Элиасом Оуэном в его "*Уэльском фольклоре*", стр. 8212: его пример относится к окрестностям Пентревозласа, в Денбигшире.

V.

Когда тем же летом я гостил в Пвххели, я отправился в соседнюю деревню Четыре Креста и нашел там уроженца, который слышал от своей матери много любопытных вещей. Его звали Льюис Джонс, ему было уже за восемьдесят, и раньше он был шорником. Среди прочего, мать часто рассказывала ему, что ее бабушка, когда та была ребенком, часто бывала у фей. Она жила в Плас-Ду, и однажды ей случилось быть неподалеку от Карн-Бентирха, когда она увидела их. Они были похожи на маленьких детей и играли в ручье, который ей пришлось переходить. Она была так восхищена ими и так долго оставалась с ними, что ее стали искать, и она была найдена в компании фей. В другой раз они встретили ее, когда она шла с поручением через большое болото в туманный день, когда моросил дождь, который можно было бы назвать то ли росой, то ли дождем, поскольку он не был ни тем, ни другим, а чем-то средним между ними, как валлийцы называют *gwylthlaw*, "роса-дождь". Она просидела в их компании до тех пор, пока ее снова не стали искать. Льюис Джонс рассказал мне историю о повитухе, которую он произносил по-валлийски "midwaith", - она посещала фею. Как и в других версиях, она потеряла зрение на один глаз из-за того, что уличила фею-джентльмена в воровстве; но ярмарка, на которой это произошло, в данном случае проходила в Нефине. Он также рассказал, как фермер из Пеннанта женился на фее по имени Белла. Эта сказка была похожа на другие версии и даже не опускала битву в Пенморфе: см. с. 89, 93, 220. У него также есть рассказ о двух юношах, которые отправились за скотом и, возвращаясь в сумерках, наткнулись на танцующих фей. Один из них был вовлечен в круг, а другого долго подозревали в убийстве, пока, по предложению волшебника, он не отправился на то же место в конце года и дня: тогда он нашел его танцующим и сумел вытащить. Он был

превращен в скелет, но сразу же поинтересовался, далеко ли ушел скот, который он гнал. Джонс слышал о ребенке, которого подменили феи, когда мать положила его на сено, пока работала на уборке урожая. Она обнаружила, что он не ее собственный, когда, как обычно, варила его в яичной скорлупе. Затем она перестала обращать на него внимание и вскоре обнаружила, что ее собственный ребенок вернулся; но он выглядел гораздо хуже после пребывания в стране *Тилвит Тег*.

Мой информатор описал мне Элиса Баха из Нант Гвртхейрна, уже упоминавшегося в стр. 221, который умер чуть более сорока лет назад. Его отец был фермером, а его дети, мальчики и девочки, были как обычные люди, за исключением Элиса, который был деформирован: его ноги были настолько короткими, что при ходьбе его тело казалось всего в нескольких дюймах от земли. Голос у него тоже был маленький и писклявый. Однако он был очень зорким и прекрасно находил дорогу среди скал, когда отправлялся на поиски овец и коз своего отца, которых здесь раньше было много. Все верили, что Элис был подменным, и одну его поговорку до сих пор помнят в этой части страны. Когда в Нант Гвртхейрн приходили незнакомые люди, что случалось нечасто, и когда его родители приглашали их к столу и угощали, он весело пищал: *Buta 'nyinna buta'r cwbwyl*, то есть "Есть это значит есть все, что у нас есть".

Далее он рассказал мне, что раньше девушки-служанки заботились о том, чтобы с наступлением ночи приносить в дом запас воды, чтобы феи могли вдоволь искупать своих детей, опасаясь, что при недостатке воды они могут использовать вместо нее молоко. Кроме того, когда они занимались выпечкой, то заботились о том, чтобы оставить феям и *падуб*, и *сорт*, чтобы они могли заняться выпечкой ночью. Последние платили за эту доброту тем, что оставляли на конфорке лепешку, а иногда и деньги. Мне, однако, не удалось узнать ничего о качестве или вкусе этой сказочной еды.

Он также много рассказывал о разжигании костров в начале зимы. На ферме под названием Кромлех всегда разжигали костер накануне Зимних календ, или *Нос Галан Гаеаф*, как они называются на валлийском языке; и подобные костры можно было увидеть в изобилии в направлении *□ithfaen*, *Carnguwch* и *□anaelhaearn*, а также на стороне залива Мерионет. Кроме топлива, каждый присутствующий бросал в огонь небольшой камень с меткой, по которой он должен был узнать его снова. Если ему удавалось найти камень на следующий день, то год был для него удачным, а если не удавалось, то наоборот. Те, кто помогал разжигать костер, наблюдали за ним, пока пламя не гасло, и тогда кто-нибудь поднимал обычный крик, после чего каждый убегал, чтобы его не нашли последним. Этот клич, который является своего рода эквивалентом хорошо известной в Карнарвоншире английской поговорки "Дьявол забирает задних", в валлийском языке этого графства звучал так: "Yr hwch *đu*".

*Yr hwch đu gwta*¹³ *A gipio'r ola*;

то есть "Пусть черная свиноматка без хвоста заберет самый задний хвост".

В наши дни черная свиноматка часто упоминается, чтобы напугать детей в Арфоне, и это явно то самое существо, которое описывается в некоторых частях Северного Уэльса следующим образом

Hwch đu gwta

Ar bob camfa

Yn nyđu a chardio

Bob nos G'langaea'.

Милая черная свиноматка

На каждой колее,

Прядет и прядет

Каждый сочельник.

В Кардиганшире эта песня сокращена до слов:...

Nos Galan Gaea',

Bwbach ar bob camfa.

В сочельник

Тележка на каждом столбе.

Уэльсцы говорят только о трех календах - *Калан-май*, или Первое мая; *Калан-гаеаф*, Календы зимы, или Оллхаллоу; и *Й Калан*, или Календы *par excellence*, то есть первый день января, который, вероятно, является не кельтским, а римским. Два других, несомненно, являются таковыми, и одна из их особенностей заключается в том, что в ночь, предшествующую каждому из них, все жуткие духи и боги находятся на свободе. *Hwch du gwtá* находится на свободе в канун Дня всех святых, а у шотландских гэлов для любого демона Дня всех святых есть название "*Samhanach*", образованное от слова *Samhain*, Allhallows. Можно предположить, что канун первого мая был таким же, что следует из истории о ребенке Рианнон и жеребенке Тейрнона, которых в ту ночь украли неописанные демоны - я ссылаюсь на "*Мабиноги*" Пвифа, принца Дифеда.

VI.

В Нефине, в [#eyn14](#), я получил несколько историй о *Tylwyth Teg* от Лоури Хьюз, вдовы Джона Хьюз, которая живет в коттедже в Pen Isa'r Dref, и ей уже более семидесяти четырех лет. Ее тетя, знавшая множество историй, умерла примерно за шесть лет до моего визита, в преклонном возрасте девяноста шести лет. Она рассказывала Лоури, как *Тильвиты* имели обыкновение посещать Сингруг, дом, ныне разрушенный, на земле Пен Изар Дреф, и как у них было принято одалживать *паду* и *сорт* для выпечки: за одалживание они расплачивались тем, что давали хозяевам по буханке. Ее бабушка, умершая не так давно в весьма преклонном возрасте, вспоминала, как она доила в одном из уголков земли Карн Бодюан, и как к ней подошла маленькая собачка и получила от нее удар, от которого она покатила прочь. Вскоре, добавила она, собака появилась вновь вместе с хромым человеком, игравшим на скрипке; но она не дала им молока. Если бы она это сделала, то неизвестно, сколько денег могла бы получить, сказала она. Но, как оказалось, *тилвиты* так пели и плясали вокруг хромого скрипача, что она убежала так быстро, как только могли нести ее ноги. Муж Лоури также видел *тилвитов* на рассвете возле мельницы Мадрун, где они, похоже, вели какую-то беседу; но вскоре один из них заметил, что услышал голос мужа курицы, и они тут же улетели. Феи также имели привычку танцевать и петь на мысу, через который пролегают старые земляные сооружения под названием *Динь*. Наигравшись и

навеселившись вдоволь, они поднимали определенный кусок дерна и спускались в свои владения. Моя собеседница также слышала историю о повитухе и знала, что феи меняют детей людей; более того, она упомянула мне о фермерском доме неподалеку, где тогда жила дочь такого происхождения, не говоря уже о том, что она знала все об Элисе Бах. Другая женщина, которую я встретил возле Порт Динь, сказала, что фей Динь можно увидеть только в туманную погоду.

В Нефине мистер Джон Уильямс (Алау *ŷeun*) получил от своей матери рассказ об акушерке. В ней говорилось, что та потеряла зрение правого глаза на ярмарке в Нефине из-за того, что фея, которую она там узнала, уколола ее глаз зеленым камышом. Во время моего визита в Абердарон мы с женой отправились на вершину *Mynydd Anelog*, и по пути вверх проходили мимо домика, где очень неграмотная женщина рассказала нам, что *Tylwyth Teg* раньше часто посещали гору, когда на ней был туман; что они меняли детей людей, если те оставались одни на земле; и что способ вернуть правильного ребенка - это оставить фею ежиком, не трогая и не кормя. Она также рассказывала, что после выпечки люди оставляли *панг*, чтобы феи сделали свою выпечку: тогда они оставляли после себя пирог в качестве платы. Что касается фей, то они уже давно изгнаны (*wedi'ffrymu*). Миссис Уильямс из *Pwll Defaid* рассказала мне, что скала напротив, называемая *Clip y Gylfinir*, на горе *Bodwydog*, входящей в *Mynydd y Rhiw*, была местом отдыха *Tylwyth Teg*, и что они веселились там, когда она была покрыта туманом; она добавила, что соседняя ферма, называемая *Bodermud Isa'*, была хорошо известна в свое время как место, куда феи приходили печь свои пироги. Но самую замечательную историю, связанную с окрестностями Абердарона, я узнал от Эвана Уильямса, кузнеца, живущего в Ир-Ард-Ласе, на Рос-Хирваен. Если я правильно помню, он - уроженец Аниэстина, и то, что он мне рассказал, относится к жене фермера, которая жила в Нанте, в этом приходе. Эту старушку часто посещала фея, которая брала у нее взаймы *падежи за сорт*. Она получала их и возвращала с караваем, который несла на голове в знак благодарности. Но однажды она пришла на и попросила одолжить ей *троечный бач*, или колесо для прядения льна. Вручая ей это, жена крестьянина пожелала узнать ее имя, поскольку она так часто приходит, но та отказалась назвать его. Однако за прядением наблюдали и подслушали, как она напевала под жужжание колеса:...

Bychan a wyda' hi

Mai Sili go Dwt

Yw f'enw i.

Она не знала.

что Глупышка го Дут

это мое имя.

Это в некоторой степени объясняет *ffrimty sili*, которую пела фея Корвиона, когда выходила из озера прясть: см. с. 64 выше. Сначала я тщетно пытался понять смысл этой легенды; но с тех пор я также нашел рифму *ŷaniestin* немного измененной в *ŷanberis*: она была подхвачена там, не знаю точно как, моими маленькими девочками этим летом. Слова в их исполнении звучат так: -

Bychan a wyda' hi

Mai Trwtyn-Tratyn

Yw f'enw i.

Здесь, вместо *Sili go Dwt* или *Sili ffrit*, имя - *Trwtyn-Tratyn*, и эти доггерои сразу же напоминают сказку о Румпельштильцхене; но ясно, что пока мы имеем лишь самые незначительные фрагменты целого, хотя мне до сих пор не удалось получить больше. Поэтому нельзя сказать, насколько она похожа на сказку о Румпельштильцхене: несомненно, есть одно отличие, которое сразу бросается в глаза, а именно: в то время как немецкий Румпельштильцхен был феей мужского пола, наша валлийская *Sili ffrit* или *Sili go Dwt* - другого пола. Вероятно, в сказке *aniestyn* заимствование для выпечки не имело ничего общего с прядением, поскольку все феи в *euyn* заимствуют *pade* и *grade*, а прядением, как правило, не занимаются. Тогда можно ли предположить, что в данном случае прядение было выполнено для жены фермера на условиях, которые она смогла обойти, узнав имя феи помощницы? Во всяком случае, мы ожидаем увидеть историю, в которой жена фермера обременена обязательствами со стороны феи, а не наоборот. У меня будет возможность вернуться к этому типу сказок в главе х.

Кузнец рассказал мне еще одну короткую историю, о фермере, который жил не так давно в Деунанте, недалеко от Абердарона. Тот имел обыкновение, как это принято у деревенских людей, каждый вечер выходить на несколько шагов перед своим домом, чтобы... перед тем как лечь спать; но однажды, когда он стоял там, к нему подошел незнакомец и заговорил с ним, сказав, что он не понимает, чем он и его семья ему досадили. Фермер спросил, как такое может быть, на что незнакомец ответил, что его дом находится прямо под тем местом, где они стоят, и если бы он только встал на его ногу, то увидел бы, что его слова - правда. Фермер согласился, поставил свою ногу на ногу другого, и тогда он ясно увидел, что все помои из его дома стекают в дымоход чужого дома, который стоял далеко внизу на улице, которую он никогда раньше не видел. Тогда фея посоветовала ему поставить дверь с другой стороны дома, и если он так поступит, то его скот никогда не будет страдать от *clwy' byr*¹⁵. В результате фермер послушался, замуровал свою дверь и сделал другую с другой стороны дома: с тех пор он был самым процветающим человеком, и никто так не преуспел в разведении скота, как он, во всей этой части страны. Чтобы исключить всякие сомнения, Эван Уильямс заверил меня, что часто видел дом фермера с парадной дверью сзади. Я упоминаю эту странную историю для того, чтобы сравнить ее в вопросе стояния на ноге феи с тем, как стоять ногой внутри кольца феи. Сравните также стояние на определенном дерне в Дайфеде, чтобы увидеть восхитительное царство Детей Риса Джуфна: см. с. 158 выше.

VII.

Вскоре после этого я отправился в окрестности Абер-Соха и Аненгана, где мне посчастливилось застать профессора Оуэна из колледжа Святого Давида в Лампетере, с тех пор назначенного епископом Святого Давида, во время визита в его родные места. Он провел меня по тем жителям, которые, как считалось, могли бы рассказать о них; но я не нашел ничего о феях, кроме обычной истории об их заимствовании *pade* и *grade* и об изменении их детей. Однако одна из услышанных мною версий процесса возвращения украденного ребенка отличается от всех известных мне: ее передала нам Маргарет Эдвардс из Пентре-Бах, которой тогда было восемьдесят семь лет. В нем говорилось, что мать, которой подарили младенца-фею, должна была положить его на пол, а все присутствующие в доме должны были бросить в него кусок железа. По ее мнению, это делалось для того,

чтобы убедить *Tylwyth Teg* в намерении убить подменыша и побудить их вернуть нужного ребенка. Этот план, как нам сказали, всегда был успешным, и это, на мой взгляд, иллюстрирует предполагаемую эффективность железа против фей.

По дороге в Абер-Сох я проходил мимо старомодного дома, который, судя по всему, когда-то был важным местом; и когда мне сказали, что его название - Касте-Марч, я начал думать о Марче аб Мейрхионе, упоминаемом в Триадах. Я давно был убежден, что он должен быть валлийским рефлексом *Labhraidh Lorc*, или ирландского короля с лошадиными ушами; а соответствующий греческий персонаж Мидаса с ушами осла настолько хорошо известен, что мне нет нужды останавливаться на нем. Итак, я взялся расспросить разных людей в окрестностях о значении названия Кастемарч. Большинство из них проанализировали его как *Caste* + *y March*, "Замок коня", и объяснили, что там держал своих лошадей рыцарь шира или какая-нибудь другая уважаемая безвестность. Такому обращению со словом не очень способствует произношение, которое превращает название в одно слово с сильным ударением на среднем слоге. Мне также рассказали, что когда-то в Кастемарче жил очень злой и жестокий человек, один из слуг которого, после того как с ним очень плохо обошлись, сбежал и отправился на борт военного корабля. Через некоторое время этот корабль оказался в бухте Кардиган, и беглый слуга уговорил капитана судна бросить якорь в Тудвальских дорогах. Кроме того, он уговорил его обстрелять особняк своего старого хозяина, и эта история считается доказанной старыми пулями, которые то и дело находят в Кастемарче. Впоследствии мне было высказано предположение, что эти пули являются свидетельством нападения на это место во время Гражданской войны, что не кажется невероятным. Но, докопавшись до того, что с Кастемаршем был связан злой и жестокий человек, я думал, что сразу же услышу ту часть предания, которую искал; но не тут-то было: выуживать ее в спешке не стоило. Однако, утомив своими вопросами очень старого кузнеца, память которого была уже далеко не в порядке, и после того как он, в свою очередь, утомил меня ответами такого рода, как я уже описал, я решился наконец спросить его, не слышал ли он какой-нибудь очень глупой байки о лорде Кастемарче, что он не совсем такой, как другие люди. Он сразу же признался, что слышал, как говорили, будто у него лошадиные уши, но что ему никогда бы не пришло в голову повторять мне подобную чепуху. Это неплохой пример трудностей, с которыми приходится сталкиваться при выведывании у людей такого рода традиций. Правда, что касается Кастемарха, то ничего не было бы потеряно, если бы я потерпел неудачу в Абер Сох, потому что позже я получил ту же информацию в Сарн Фютейрн; не говоря уже о том, что, вернувшись к своим книгам и еще раз перелистав листы *Бритона*, я с радостью обнаружил там эту историю. Она находится на с. 431 тома за 1860 год. Она приводится вместе с несколькими другими интересными фрагментами старины, а в конце редактор поставил "*Edward* + *wyd*, 1693"; я полагаю, что все это происходит из писем, исходящих от великого Лхвида, ибо так, или скорее *Лхюд*, он предпочитал писать свое имя. В ней говорится о следующем:...

Один из воинов Артура, которого звали Марч (или Парч) [Амхейрхион16](#), был владыкой Кастмарча в Эйне. У этого человека были лошадиные уши (похожие на Мидаса), и, чтобы никто не узнал об этом, он убивал каждого, кто пытался сбрить бороду, боясь, что не сможет сохранить тайну; а на месте, где он обычно хоронил трупы, рос тростник, один из которых кто-то срезал, чтобы сделать трубу. Труба не издавала никаких звуков, кроме "У марта Амхейрхиона лошадиные уши". Когда воин услышал это, он, наверное, убил бы невинного человека, если бы сам не смог заставить трубу издавать другие звуки. Но, узнав, где вырос тростник, он больше не пытался скрыть ни убийства, ни свои уши. Эта история Эдуарда Хвыда явно относится к тому времени, когда любимым музыкальным инструментом в Северном Уэльсе была не арфа, а какая-то разновидность трубы.

VIII.

Некоторое время назад мистер Эван Ллойд Джонс из Динорвига, что неподалеку от Анбериса, снабдил меня коротким, но интересным рассказом. Мистер Ллойд Джонс, как я уже упоминал, не так давно опубликовал в "*Y Cais y Wlad*" (Бангор, Северный Уэльс) и в "*Drych*" (Ютика, Соединенные Штаты Северной Америки) серию статей под названием "*Yn y Werin yn Sir Gaernarfon, or the Folklore of Carnarvonshire*". Я случайно увидел ее у друга и сразу же убедился, что автор страстно увлекается древностями и имеет привычку использовать частые возможности, которые он имеет в каменоломнях Динорвига, для сбора информации о том, во что раньше верили жители Арфона и Англси. Сказка, которую мы сейчас расскажем, связана с озером, называемым Марчлин Маур, или Большое Лошадиное озеро, потому что есть два озера, называемых Марчлин: они лежат недалеко друг от друга, между Фронтом, в приходе *Ynandegai*, и Элидыром, в приходах *Ynandëiniolen* и *Ynanberis*. Мистер Ллойд Джонс расскажет о своей истории своими словами:...

Amgylchynir y Marchlyn Mawr gan greigiau erchy ym yr olwg arnynt; a dywed tradodiad dafod i un o feibion y Rhiwen¹⁷ unwaith tra yn cynorthwyo dafad oed wedi syrthio i'r creigiau i dod odyyno, darganfod ogof anferth: aeth i fewn idi a gwelodd ei bod yn ymawn o drysorau ac arfau gwerthfawr; ond gan ei bod yn dechreu tywyllu, a dringo i fynu yn orchwyl anhawdd hyd yn nod yn ngoleu'r dyd, aeth adref y noswaith honno, a boreu drannoeth ar lasiad y dyd cychwynnod eilwaith i'r ogof, ac heb lawer o drafferth daeth o hyd idi: aeth i fewn, a dechreuodd edrych o'i amgylch ar y trysorau oed yno:- Ar ganol yr ogof yr oed bwrdd enfawr o aur pur, ac ar y bwrdd goron o aur a pherlau: dea oed yn y fan mai coron a thrysorau Arthur oeddynt-nesaod at y bwrdd, a phan oed yn estyn ei law i gymeryd gafael yn y goron dychrynwyd ef gan drwst erchy, trwst megys mil o daranau yn ymrwyo uwch ei ben ac aeth yr ho le can dywyll a'r afagdu. Ceisiodd ymbalfalu odyyno gynted ag y gallai; pan lwyddodd i gyrraedd i ganol y creigiau taflodd ei olwg ar ymlyn, yr hwn oed wedi ei gynhyrfu drwydd a'i donnau brigwynion yn cael eu lluchio trwy dannedd ysgythrog y creigiau hyd y man yr oed efe yn sefyll arno; ond tra yr oed yn parhau i sylw ar ganol ymlyn gwelodd gwrwgl a thair o'r benywod prydferthaf y disgynodd ymgyad unrhyw dyn arnynt erioed ynddo yn cael ei rwyfo yn brysur tuag at enau yr ogof. Ond och! yr oed golwg ofnadwy yr hwn oed yn rhwyfo yn dïgon i beri iasau o fraw trwy y dyn cryfaf. Gallodd ymanc rywfoed dianc adref ond ni fu iechyd yn ei gyfansoddiad ar ol hynny, a byddai hyd yn nod crybwyll enw y Marchlyn yn ei glywedigaeth yn dïgon i'w yrru yn waill gof.

Марчлин-Маур окружен скалами, на которые страшно смотреть, и предание рассказывает, как однажды один из сыновей фермера Ривена, помогая овце, упавшей среди скал, выбраться, обнаружил там огромную пещеру; Он вошел в нее и увидел, что она полна сокровищ и оружия огромной ценности; но так как уже начало темнеть, а выбраться обратно было непросто даже при свете дня, он отправился домой тем же вечером, а на следующее утро с серым рассветом снова отправился к пещере, и нашел ее без особого труда. Он вошел внутрь и стал разглядывать находившиеся там сокровища. В центре пещеры стоял огромный стол из чистого золота, а на столе лежала корона из золота и жемчуга. Он сразу понял, что это корона и сокровища Артура. Он подошел к столу и, когда протянул руку, чтобы взять корону, его испугал страшный шум, словно тысяча громов пронеслась над его головой, и все вокруг стало темно, как в Тартаре. Он попытался нащупать путь наружу, как только мог. Когда ему удалось добраться до середины скал, он бросил взгляд на озеро, которое было взволновано до самого конца, а его белоснежные волны пробивались сквозь зубцы скал до того места, где он стоял. Но когда он продолжал смотреть на середину озера, то увидел

кораблик, в котором находились три женщины, прекраснейшие из тех, на которых когда-либо падал взгляд человека. Их быстро гребли к устью пещеры, но грозный вид того, кто греб, вызывал дрожь ужаса у самых сильных людей. Юноше удалось каким-то образом выбраться домой, но после этого в его теле не осталось здоровья, и даже одного упоминания о Марчлине в его слухе было достаточно, чтобы он сошел с ума".

Мистер Ллойд Джонс прилагает к этой истории следующее примечание: "На берегу Марчлин-Мора, в приходе Кандегай, есть небольшая возвышенность, называемая *Брин Кврвгл*, или "Холм Кораблика"; а *Огоф-и-Марчлин*, или "Пещера Марчлина", - название, знакомое всем в этих краях. Были и те, кто верил в то, что в пещере хранится множество сокровищ, хотя, надо сказать, они есть и сейчас. Несколько молодых людей из каменоломен, как в Каэ, так и в Динорвиге, побывали среди скал Марчлин в поисках пещеры, и им удалось пробраться в нее. Однако они ушли без сокровищ. Один старик, Роберт Эдвардс (Iorwerth Sardis), рассказывал, что он и еще несколько человек принесли из каменоломни веревки, чтобы спуститься в пещеру, но сокровищ не нашли. До сих пор я излагал суть слов мистера Джонса, к которым я хотел бы добавить следующее заявление, полученное от уроженца Динорвига: "Около семидесяти лет назад, когда дворяне грабили бедняков этих районов, отнимая у них дома и земли, которые те выделили из общин, старая женщина по имени Сиан Уильям из Гарнеджа была вынуждена бежать из своего дома с ребенком - впоследствии он был известен как преподобный Роберт Эллис из Исголди - на руках. Именно в одной из пещер Марчлин она нашла убежище на день и ночь. Другая история, связанная с Марчлин-Мавр, записана преподобным Элиасом Оуэном в "*Коллекциях Поуислендского клуба, история и арх.*", т. xv. с. 137: "Один человек, рыбачивший на озере, обнаружил, что его окутали облака, спустившиеся с холмов к воде. Внезапный порыв ветра проложил дорогу сквозь туман, висевший над озером, и явил его взору человека, занятого вязанием соломы для стога. Человек, или, скорее, фея, стоял на лестнице. Стог и лестница лежали на поверхности озера".

IX.

Мистер Э. С. Робертс из школы *Landysilio School*, расположенной неподалеку от *Llandovery Castle* (стр. 138), прислал мне еще несколько кусочков легенд о феях. Он услышал следующее от мистера Томаса Пэрри с фермы Тан-и-Коэд, который слышал ее от своего отца, покойного Эвана Пэрри, а тот - от Томаса Морриса из Эглвисега, который рассказывал ее ему не раз: - Томас Моррис возвращался домой из Эглвисега очень поздно вечером в субботу в середине лета, и когда он добрался до дома, уже рассвело, он увидел, как несколько *тилвит-тегов* с собакой ходят взад-вперед по склону скал Эглвисега, которые угрожающе нависали над головой. Поглядев на них несколько минут, он направил свои шаги к ним; но, увидев его приближение, они спрятались, как ему показалось, за большим камнем. Дойдя до места, он обнаружил под камнем отверстие, через которое они пробрались в свой подземный дом. Так закончилась эта история, рассказанная мистером Робертсом. Она примечательна тем, что феи выглядят как браконьеры; но есть и другие, в которых говорится о том, что у них были лошади и борзые, как и полагается всем джентльменам.

В качестве примера можно привести одну из историй мистера Робертса: он получил ее от мистера Хью *Фрэнсиса*¹⁸ из Холихед-Хаус, Рутин, , а тот услышал ее от Роберта Робертса из Амлвха, который умер около тридцати лет назад: - Около 105 лет назад в приходе

Андифрайдог, недалеко от Аннерч-и-Медж, на острове Англси, жил человек по имени Ифан Груффид, у которого однажды пропала корова. Ифан Груффид очень расстроился, и он с дочерью обошли всю округу в поисках коровы. Возвращаясь вечером после безуспешных поисков, они пересекли поле, названное в честь вора Дифрайдога *Caе ðeidr Dyfrydog*, и увидели там множество маленьких человечков на пони, быстро скачущих кольцом. Они подошли поближе, чтобы посмотреть; но дочь Ифана Груффиды, желая поближе рассмотреть маленьких рыцарей, не заметила, как оказалась в кругу, по которому скакали их пони, и не вернулась к отцу. Тот, забыв о потере коровы, несколько часов искал свою дочь, но в конце концов в глубочайшей печали был вынужден вернуться домой без нее. Через несколько дней после этого он отправился в Майнаджвин, чтобы посоветоваться с Джоном Робертсом, который был магом с немалой репутацией. Этот "мудрец" посоветовал Ифану Груффиду больше не печалиться, ведь он сможет вернуть свою дочь в тот самый час, когда наступит годовщина со дня ее потери. И тогда он действительно увидит ее верхом в компании того самого *Тильвит Тег*, которого он видел в ту памятную ночь. Отец должен был отправиться туда в сопровождении четырех крепких мужчин, которые должны были помочь ему в спасении дочери. Он должен был обвязать вокруг талии крепкую веревку, и с ее помощью друзья должны были вытащить его из круга, когда он войдет в него, чтобы схватить свою дочь. Он отправился на место и через некоторое время увидел, что его дочь едет по кругу в прекрасном состоянии. Он бросился и схватил ее, и, благодаря своим друзьям, успел вытащить ее из кольца фей прежде, чем маленькие человечки успели об этом подумать. Первым делом дочь Ифана спросила его, нашел ли он корову, потому что она не имела ни малейшего представления о времени, проведенном с феями.

Раз уж я об этом заговорил, то, пожалуй, пройду и по материалам мистера Робертса. Следующая сказка, как и предыдущая, была рассказана мистером Хью Фрэнсисом и происходит из Англси. Прадеда мистера Фрэнсиса звали Роберт Фрэнсис, и у него была мельница в Аберфрау около 100 лет назад; суть следующей истории часто повторяли в слух информатора мистера Робертса его отец и его дед: - Зимой Роберт Фрэнсис имел обыкновение задерживаться на работе, суша кукурузу в своей печи. Поскольку необходимо было поддерживать постоянный огонь, он ходил взад-вперед из дома, нередко присматривая за ним до двух часов ночи. Однажды он случайно оставил на полу печи котел, наполненный водой, и каково же было его удивление, когда, вернувшись, он увидел двух маленьких человечков, моющихся в воде. Он не стал входить, чтобы не потревожить их, и вернулся в дом, чтобы рассказать об этом своей жене. "О, - сказала она, - это феи". Вскоре он вернулся к печи и обнаружил, что они исчезли. Ему показалось, что это муж и жена. Однако они оставили после себя очень чистое место, а в довершение всего он обнаружил оставленную ими сумму денег, чтобы заплатить ему, как он предполагал, за воду и пользование печью. На следующую ночь в печь пришло еще много фей, потому что посетители предыдущей ночи привели с собой детей, и мельник нашел их занятыми купанием и очень уютно устроившимися в теплой комнате, где они находились. Заработок в тот вечер был также более значительным, чем в предыдущий, поскольку посетителей было больше. После этого мельник не переставал каждый вечер оставлять в печи сосуд, полный воды, и феи пользовались этим в течение многих лет, пока не обиделись на то, что мельник рассказал соседям о денежных подарках, оставленных им в печи. С тех пор ни одна фея не посещала печь, принадлежащую мельнице Аберффрау.

Последняя история, рассказанная мне мистером Робертсом, - следующая, которую он выведал у Маргарет Дэвис, своей экономки, прочитав ей несколько сказочных легенд, опубликованных в "*Cymmrodor*" некоторое время назад - вероятно, в серии "*Corwrion*", одна из которых очень похожа на нее. Миссис Дэвис, которой шестьдесят один год, рассказывает,

что когда ее родители, Эдвард и Энн Уильямс, жили в Рослидане, недалеко от Брайнеглвиса, в Йеле, около семидесяти пяти лет назад, однажды весной слуга пахал поле рядом с домом. Когда он разворачивал свою упряжку в одном конце поля, то услышал, как кто-то окликнул его с другого конца: *Y mae eisieu hoelen yn y pil*, или "Кожура хочет гвоздь"; ведь *pil* - это английское *reel*, так называлась лопата с длинной ручкой для помещения хлеба в печь и доставания его оттуда. Когда пахарь дошел до конца поля, откуда, по его предположению, раздался звонок, он увидел под изгородью небольшую кожуру, а также молоток и гвоздь. Он увидел, что кожура нуждается в гвозде, чтобы держать ее вместе, и поскольку все необходимое для ее починки было под рукой, он поступил так, как ему было предложено. Затем он пошел за плужным хвостом, пока снова не пришел на то же место, и там он увидел пирог, поставленный для него на том месте, где он раньше нашел кожуру и другие вещи, которые теперь исчезли. Когда слуга рассказал об этом своему хозяину, тот сразу же сказал, что его окликнул один из *Tylwyth Teg* этой местности. С этим следует сравнить историю о человеке, который починил порок плуга феи: см. с. 64 выше.

Х.

В начале этого года мне довелось посетить известную библиотеку Хенгврта в Пениарте, и во время моего пребывания там мистер Уинн очень любезно отвел меня к тем из жителей Анегринна, которые, скорее всего, могли что-то рассказать о феях. Многие из жителей слышали о них, но длинных рассказов о них не было. Один человек, однако, рассказал мне об Уильяме Притчарде из Пентре Бах, что неподалеку от Онегринна, который умер в возрасте шестидесяти лет, более восьмидесяти лет назад, и о Рисе Уильямсе, клерке из Онегринна, как они возвращались домой поздно вечером после петушиных боев в Онегрине, и как они наткнулись на фей, которые пели и танцевали на участке земли, известном как *Гвастад Мейрионидж*, "Равнина Мерионет", по дороге из Гвингврила в Анегрин. По словам мистера Роберта Робертса из Анегринна, она занимает не более двадцати квадратных ярдов, с которых открывается хороший вид на залив Кардиган и высоты Мерионета и Карнарвоншира, в то время как с самого Гвастада не видно ни моря, ни гор. На этом месте запоздавших петухов окружили феи. Они поклялись феями и пустились в бегство, но их преследовали до самого Клауд-Ду. А еще мне рассказывали, что Элен Эгрин, автор шестидесяти лет назад поэзии под названием *Telyn Egryn*, тоже видела фей в юности, когда ходила на холмы присматривать за овцами своего отца. Это происходило возле небольшого ручья, из которого она могла видеть море, когда солнце погружалось в него; тогда выходило множество фей, которые танцевали и пели, а также переходили и снова переходили через маленький ручей. Это было на стороне Ривфелена, и она думала, что маленькие человечки выходят из ручья. Ее ругали за разговоры о феях, но она твердо верила в них до конца своих дней. Об этом мне рассказал мистер У. Уильямс, портной, которому около шестидесяти лет, а также мистер Роулендс, бывший судебный пристав Пениарта, которому около семидесяти пяти. Кроме того, я с большим интересом обнаружил в Пениарте обрывок келпийской истории, в которой говорится о деревне Гвернен, расположенной недалеко от старой дороги между Долгеем и Пениартом: "Я был человеком из деревни Гвернен.

Когда один человек из деревни *anegryn* возвращался в вечерних сумерках через гору из *Dolge* *eu*, он услышал, проходя мимо *yn Gwernen*, голос, кричащий из воды: - *Daeth yr awr awr awr awrwernen*.

Daeth yr awr ond ni daeth y dyn!

Час настал, а человека нет!

Когда крестьянин отошел на небольшое расстояние, ему навстречу попался человек безумного вида, на котором не было ничего, кроме рубахи. Увидев, что мужчина направляется к водам озера, он бросился на него, чтобы не дать ему пройти дальше. А вот насчет продолжения есть некоторые сомнения: по одной из версий, житель деревни проводил человека примерно на милю от озера до фермерского дома под названием Дифридан, который находился по дороге домой. Другие считают, что человек в рубашке непреодолимо бросился в озеро, и я не сомневаюсь, что это ближе к концу истории в ее первоначальном виде. Недавно я услышал часть похожей истории о *Суннвч*, которая уже упоминалась выше, с. 135. Мой информатор - мисс Люси Гриффит из Глинмалдена, близ Долгея, дама, глубоко интересующаяся валлийским фольклором и валлийскими древностями в целом. Она узнала от одного из стойбищ Долгея, ранее работавшего в гостинице "Корабль", что в Гвил Галан, "канун Нового года", видели человека, который ходил взад и вперед по берегу озера Синнвх, выкрикивая: "Mae'r'r wedi".

Mae'r awr wedi dyfod a'r dyn heb dyfod!

Час настал, а человека нет!

Остлер также сообщил, что накануне Нового года на Кадер Идрис можно увидеть огни, что бы это ни значило. Эти две истории об озерах, похоже, говорят о том, что Дух Озера имел право на жертву раз в год, независимо от того, считалось ли это жертвоприношение результатом случайности или умысла. Для сравнения можно упомянуть еще не исчезнувшее представление о том, что некоторые реки в разных частях королевства регулярно требуют столько-то жертв: несколько случайных примеров см. в статье мистера Дж. М. Макинлея "Следы поклонения рекам в шотландском фольклоре", опубликованной в *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*, 1895-6, pp. 69-76. Возьмем, к примеру, следующую рифму: -

Кровожадный Ди

Каждый год нужно три;

А вот прекрасная Дон

Ей не нужно ни одного.

Или вот это: -

Твид сказал Тиллю.

"What gars ye rin sae still?

Till said to Tweed

"Хоть ты и мчишься быстро.

And' I rin slaw,

Yet where ye droon ae man

I droon twa.

XI.

В окрестностях Истрад-Меурига, между бассейнами рек Тейфи и Иствит, почти все могут рассказывать истории о феях, но это мало чем отличается от обычных рассказов в других местах. Исаак Дэвис, кузнец, живший в Истрад-Меуриг, много слышал о феях и говорил, что на некоторых полях в Тан-и-Грейг и в Анафане лежат принадлежащие им кольца. Там, где были кольца, феи танцевали до тех пор, пока земля не становилась красной и без травы. По его словам, все феи были женщинами, а одеты они были как иностранцы - в короткие хлопковые платья, доходившие только до колена. Это описание несколько своеобразно, поскольку в округе распространено представление, что у фейских дам очень длинные шлейфы и что они очень элегантно одеты; так что там принято говорить, что девушки, которые одеваются лучше или показушнее, чем обычно, похожи на *Tylwyth Teg*, и кузнец признался, что часто слышал, как это говорят. Аналогичным образом Хауэллс, стр. 113, 121-2, находит платья фей, танцующих на Френи, на северо-востоке Пемброкшира, представленными как неопишимо элегантные и разнообразные по цвету; А те, кто в мае часто бывал в доисторическом лагере [Моэджин19](#) или Мойджин - от которого получил свое название целый кантрид в Центральном Кардиганшире, - любили появляться в зеленом; в то время как голубые подъябники, по его словам, преобладали в танцах фей в Северном [Уэльсе20](#).

Другой показал мне место на другом берегу Тейфи, где у *Tylwyth Teg* было излюбленное место для танцев; а в соседней деревне *Swyd Ffynnon* на ферме *Dôl Bydyë* был указан другой луг, где они отдыхали. Согласно одному из рассказов, феи оделись в очень длинные одежды и, танцуя, ухватились за огромные шлейфы друг друга. Помимо обычных историй о мужчинах, которых заманивают на ринг и удерживают в Фаэри на год и день, и о страхе фей *перед Прен Цердингеном* или рябиной, у меня была сказка о повитухе в двух или трех формах, отличающихся в большей или меньшей степени от версий, существующих в Северном Уэльсе. Самой полной из них я обязан одному из молодых людей, обучающихся в Грамматической школе, мистеру Д. Эдродиану Дэвису. Когда-то ее рассказывала одна старушка, которая умерла около тридцати лет назад в преклонном возрасте около ста лет. Это была Пали, мать старой Рейчел Эванс, которая умерла семь или восемь лет назад, когда ей было около восьмидесяти. Последняя была любопытной личностью, иногда пела *maswed*, или рифмы сомнительной пристойности, и водила детей деревни смотреть на кольца фей. Она также часто встречалась с *тилвитами* и могла рассказать о них много историй. Но ее мать, Пали, действительно была призвана присутствовать при заключении одного из них. Начало сказки не очень понятно, но, так или иначе, однажды вечером Пали оказалась лицом к лицу с леди-феей, которую ей предстояло обслуживать. Она оказалась женой одного из принцев страны. Она пользовалась большим уважением и жила в очень большом дворце. Все в нем было устроено самым красивым и очаровательным образом. Жена лежала в своей постели, на ней не было ничего, кроме белого белья, и она была ухожена до блеска. В положенное время, когда родился ребенок, повитуха занялась его одеванием и обслуживанием матери. Пали не видела и не слышала никого, кроме матери и ребенка. Она понятия не имела, кто за ними ухаживает и кто готовит все необходимое, потому что все делалось бесшумно и тайно. Мать была очаровательной особой, с прекрасным характером и легко управляемой. Утром и вечером, когда она заканчивала мыть ребенка, Пали давала ей определенную мазь, чтобы она натирала ее. Ей было велено не прикасаться к ней иначе, как рукой, и особенно не подносить к глазам. Так продолжалось некоторое время, но однажды, когда она одевала ребенка, у нее зачесались глаза, и она потерла их рукой. И тут же она

увидела множество чудес, которых раньше не замечала, и все вокруг предстало перед ней в новом свете. Она ничего не сказала, и в течение дня увидела еще много интересного. Среди прочего она заметила, как маленькие мужчины и маленькие женщины входили и выходили, занимаясь самыми разными делами. Но их движения были легки, как утренний ветерок. Передвигаться им не составляло труда, и они с величайшей быстротой вносили вещи в комнату. Они готовили для заключенной дамы изысканную пищу с величайшим порядком и мастерством, а атмосфера доброты и привязанности, с которой они обслуживали ее, была поистине удивительной. Вечером, когда она одевала ребенка, акушерка сказала леди: "У вас сегодня было очень много посетителей". На это она ответила: "Откуда вы знаете? Ты мазала глаза мазью?" Тогда она вскочила с кровати и подула ей в глаза, сказав: "Теперь ты больше не увидишь". После этого она так и не смогла увидеть фей, как ни старалась, и мазь ей больше не давали. Однако, согласно другой версии, которую я слышал, ей сказали, что, узнав об этом, она не должна больше наносить мазь на глаза. Она пообещала, что не будет этого делать, но рассказчик считает, что она нарушила это обещание, поскольку продолжала видеть фей, пока жила.

Мистер Д. ² Дэвис также имеет версию, подобную североуэльским. Он получил ее от семидесятивосьмилетней женщины из Броннанта, недалеко от Аберистуита, которая слышала ее от одного из своих предков. По ее словам, повитуха отправилась на ярмарку под названием Ffair Rhos, которая проходила между Ystrad Meurig и Pont Rhyd [Fendigaid21](#). Там она увидела множество *тилвитов*, которые были очень заняты, и среди них - даму, которую она обслуживала. Так и случилось, она подошла к ней и поприветствовала. Леди-фея гневно спросила, как она ее увидела, и плюнула ей в лицо, в результате чего она навсегда потеряла способность видеть ее или кого-либо из ее рода.

Та же пожилая женщина из Броннанта рассказала мистеру Д. Дэвису еще одну историю, которая отличается от всех подобных, известных мне. В один из весенних дней у фермера, живущего в -- (мистер Дэвис не помнит названия фермы), пропали телята; слуга и девушка-служанка отправились их искать, но когда они оба пересекали болотистую местность, мужчина вдруг упустил девушку. Он стал искать ее, но так как не увидел, то решил, что она его разыгрывает. Однако после долгих криков и поисков поблизости он начал думать, что она, должно быть, нашла дорогу домой, поэтому он повернул назад и спросил, не приходила ли девушка, но, к своему удивлению, обнаружил, что никто не видел, как она возвращалась. Весть о ее пропаже вызвала большое волнение в округе, так как многие подозревали, что он по какой-то причине оборвал ее жизнь: кто-то объяснял это так, а кто-то иначе. Но так как о ней ничего не удалось узнать, слугу взяли под стражу по обвинению в ее убийстве. Он всем сердцем протестовал, и никаких доказательств того, что он убил девушку, предъявить не удалось. Поскольку у некоторых возникла мысль, что она ушла к феям, было решено послать к "мудрецу" (*Y dyn hysbys*). Это было сделано, и он узнал, что пропавшая девушка находится у фей: суд был отложен, и он дал слуге обычные указания, как ее вызволить. По истечении двенадцати месяцев и одного дня за ней наблюдали в танце в кольце фей на том месте, где она потерялась, и она была успешно извлечена из кольца; но слуга должен был быть там в той же одежде, в какой он был, когда она его оставила. Как только она освободилась и увидела слугу, она спросила о телятах. По дороге домой она сказала своему хозяину, слуге и остальным, что будет жить у них до тех пор, пока хозяин не ударит ее железом, но они пошли домой, очень радуясь тому, что нашли ее. Однако однажды, когда ее хозяин собирался отправиться домой и готовил лошадь и телегу, он попросил девушку помочь ему, что она охотно и сделала; но когда он запрягал лошадь, удил задела девушку, и она мгновенно исчезла, и с того дня ее больше никогда не видели.

Я не могу объяснить эту историю, если только не считать, что она составлена из кусочков двух разных историй, которые изначально не имели ничего общего друг с другом; впрочем, в таких делах последовательности ожидать не приходится. Мистер Д. [2]. Дэвис любезно предоставил мне еще две сказки, подобные первой части той, которую я изложил вкратце, а также одну, в которой пропавший человек, маленький мальчик, посланный матерью принести для нее барм, сам возвращается домой, пробыв там год или больше, играя с *Tylwyth Teg*, которых он нашел очень милыми, приятными людьми; они были очень добры к нему, и даже позволили ему в конце концов взять бутылку с бармом домой. Это было где-то между Свиджем Финноном и Кармартеном.

Мистер Д. [2]. Дэвис сообщает то, чего я не нашел нигде, - что среди стариков Кардиганшира было распространено представление о том, что, встретив одну из фей, от нее нелегко избавиться, поскольку феи были маленькими существами с очень преданной натурой. Стоит человеку подружиться с одной из них, и та будет сопровождать его почти везде, куда бы он ни пошел, пока не станет ему в тягость. Однако народные поверья не принимали эту примету без другой, чтобы при необходимости нейтрализовать ее: так, если человек твердо решил избавиться от феи-компаньона, ему в крайнем случае достаточно было бросить в него кусок ржавого железа, чтобы навсегда расстаться с ним. Для фей не было большего оскорбления. Но хотя подружиться с ними было несложно, они никогда не прощали тех, кто их обижал: прощение не входило в их природу. В целом мой информатор описывает внешний облик фей в том виде, в котором они представлены в народных поверьях, - это маленькая симпатичная раса, женщины которой были великолепно одеты в белое, а мужчины довольствовались одеждой темно-серого цвета, обычно включающей в себя штаны до колен. Как и следовало ожидать, описания в разных районах и даже в разных рассказах об одном и том же районе сильно различаются: это никого не удивит. Именно ночью они выходили на берег, как правило, у воды, чтобы петь и танцевать, а также красть все, что им взбредет в голову; воровство всегда было для них естественным, но никто никогда не жаловался на это, поскольку считалось, что оно приносит удачу.

XII.

Мистер Ричард Л. Дэвис, учитель школы-пансиона в Исталифере, что в долине Таве, был достаточно любезен, чтобы изложить мне свои соображения о феях Квм Таве, которые ему поведал местный житель, очень ценивший традиции своего района, Джон Дэвис (*Shôn o'r Bont*), который был кладовщиком в Исталифере. Он умер старым человеком около трех лет назад. Я привожу его истории в том виде, в каком их передал мне мистер Дэвис, но читателю они покажутся несколько туманными, как это бывает, когда феи превращаются в обычных чертей-фокусников:...

Rhywbeth rhyfedd yw yr hen Gaste [2] yna (gan olygu Craig Ynys Geinon): yr wyf yn cofio yr amser pan y byddai yn dychryn gan bobl fyned yn agos ato-yn enwedig y nos: yr oed yn dra pheryglus rhag i dyn gael ei gymeryd at Bendith eu Mamau. Fe dywedir fod wmrdd o'r rheiny yna, er na wn i pa le y maent yn cadw. 'R oed yr hen bobl yn arferol o dweyd fod pw [2] yn rhywle bron canol y Caste [2], tua [2] athen o led, ac yn bump neu chwech [2] ath o dyfnder, a charreg tua thair tynne [2] o bwysau ar ei wyneb e', a bod ffordd dan y daear gandynt o'r pw [2] hynny bob cam i ogof Tan yr Ogof, bron blaen y Cwm (yn agos i balas Adelina Patti, sef Caste [2] Craig y Nos), mai yno y maent yn treulio eu hamser yn y dyd, ac yn dyfod lawr yma i chwareu eu pranciau yn y nos.

Mae gandynt, mede nhw, ysgol aur, o un neu dwy ar hugain o ffyn; ar hyd honno y maent yn tramwy i fyny ac i lawr. Mae gandynt air bach, a dim ond i'r blaenaf ar yr ysgol dywedyd y gair hynny, mae y garreg yn codi o honi ei hunan; a gair ara², ond i'r olaf wrth fyned i lawr ei dywedyd, mae yn caud ar eu hol.

Dywedir i was un o'r ffermyd cyfagos wrth chwilio am wningod yn y graig, dygwyd dyweyd y gair pan ar bwys y garreg, idi agor, ac ido yntau fyned i lawr yr ysgol, ond am na wydai y gair i gauad ar ei ol, fe adnabu y Tylwyth wrth y draught yn diffod y canwy³au fod rhywbeth o le, daethant am ei draws, cymerasant ef atynt, a bu gyda hwynt yn byw ac yn bod am saith mlyned; ymhen y saith mlyned fe diangod a ⁴on'd ei het o guineas gando.

Yr oed efe erbyn hyn wedi dysgu y dau air, ac yn gwybod ⁵awer am eu cwtches nhw. Fe dywedod hwn y cwbl wrth ffarmwr o'r gymdogaeth, fe aeth hwnnw drachefn i lawr, ac yr oed rhai yn dyweyd ido dyfod a thri ⁶on'd cawnen halen o guineas, hanner guineas, a darnau saith-a-chwech, odiyno yr un diwrnod. Ond fe aeth yn rhy drachwantus, ac fel ⁷awer un trachwantus o'i flaen, bu ei bechod yn angu ido.

Canys fe aeth i lawr y bedwared waith yngwy⁸ y nos, ond fe daeth y Tylwyth am ei ben, ac ni welwyd byth o hono. Dywedir fod ei bedwar cwarter e' yn hongian mewn ystaf⁹ o dan y Caste¹⁰, ond pwy fu yno i'w gwel'd nhw, wn i dim.

Mae yn wir ei wala i'r ffarmwr crybwy¹¹edig fyned ar go¹², ac na chlybuwyd byth am dano, ac mor wir a hynny i'w dylwyth dyfod yn abl iawn, bron ar unwaith yr amser hynny. A chi wydych gystal a finnau, eu bod nhw yn dywedyd fod ffyrdd tandraearol gandynt i ogofau Ystrad Fe¹³te, yn agos i Benderyn. A dyna y Garn Goch ar y Drum (On¹⁴wyn yn awr) maent yn dweyd fod canoed o dyne¹⁵i o aur yn stôr gandynt yno; a chi glywsoch am y stori am un o'r Gethings yn myned yno i glodio yn y Garn, ac ido gael ei drawsffurfio gan y Tylwyth i olwyn o dân, ac ido fethu cael ¹⁶onyd¹⁷ gandynt, hyd nes ido eu danfon i wneyd rhaff o sand!

Fe fu gynt hen fenyw yn byw mewn ty bychan ger¹⁸aw i Ynys Geinon, ac yr oed hi yn ga¹⁹u rheibo, mede nhw, ac yr oed sôn ei bod yn treulio saith diwrnod, saith awr, a saith mynyd gyda y Tylwyth Teg bob blwydyn yn Ogof y Caste²⁰. Yr oed y gred yn ²¹ed gyffredinol ei bod hi yn cael hyn a hyn o aur am bob plentyn a a²²ai hi ladrata idynt hwy, a dodi un o'i hen grithod hwy yn ei le: 'doed hwnnw byth yn cynydu. Y ffordd y bydai hi yn gwneyd oed myned i'r tŷ dan yr esgus o ofyn cardod, a hen glogyn ²³wyd-đu mawr ar ei chefn, ac o dan hwn, un o blant Bendith y Mamau; a bob amser os bydai plentyn bach gwraig y tŷ yn y cawe²⁴, hi gymerai y swyd o siglo y cawe²⁵, a dim ond i'r fam droi ei chefn am fynydd neu dwy, hi daflai y ²⁶edri²⁷th i'r cawe²⁸, ai ymaith a'r plentyn yn gyntaf byth y ga²⁹ai hi. Fe fu plentyn gan dyn o'r gym'dogaeth yn lingran am flynyddau heb gynydu dim, a barn pawb oed mai wedi cael ei newid gan yr hen wraig yr oed; fe aeth tad y plentyn i fygwth y gwr hysbys arni: fe daeth yr hen wraig yno am saith niwrnod i esgus bado y bachgen bach mewn dwfr oer, a'r seithfed bore cyn ei bod yn oleu, hi a gas genad i fyned ag ef dan rhyw bisty³⁰, mede hi, ond medai'r cym'dogion, myned ag ef i newid a wnaeth. Ond, beth bynag, fe we³¹od³² y plentyn fel cyw yr wyd o hynny i maes. Ond gorfu i fam e' wneyd cystal a ³³w wrth yr hen wraig, y gwnai ei dwco mewn dwfr oer bob bore dros gwarter blwydyn, ac yn mhen y chwarter hynny 'doed dim brafach plentyn yn y Cwm.

"Это замечательная вещь, вон тот старый замок, - говорил он, указывая на скалу Ynys Geinon. Я помню время, когда люди боялись подходить к ней, особенно ночью. Существовала большая опасность, что человека могут утащить в Бендит-у-Мамау. Говорят, что их там очень много, хотя я не знаю, где они обитают. Старики рассказывали, что где-то в середине замка есть яма шириной около ярда и глубиной пять-шесть ярдов, над устьем которой лежит камень весом около трех тонн, и что из этой ямы есть подземный ход до пещеры Тан-ир-Огоф, что на вершине Квм, то есть недалеко от дома Аделины Патти в замке Крейг-и-Нос: там,

мол, они проводят время днем, а ночью спускаются сюда, чтобы разыграть свои трюки. У них, говорят, есть золотая лестница с одной или двумя двадцатью перекладинами, и по ней они спускаются и поднимаются. У них есть небольшое слово, и достаточно, чтобы крайний на лестнице произнес это слово, чтобы камень поднялся сам собой; есть и другое слово, которое достаточно произнести самому заднему, спускающемуся вниз, чтобы камень захлопнулся за ним. Рассказывают, что слуга с одной из соседних ферм, когда искал кроликов в скале, случайно произнес это слово, стоя у камня, и тот открылся, а он спустился по лестнице; но поскольку он не знал, каким словом заставить камень закрыться за ним, феи по сквозняку, гасившему их свечи, обнаружили, что что-то не так. Тогда они нашли его и забрали к себе. Он прожил у них семь лет, но по истечении этих семи лет сбежал, прихватив с собой шляпу, полную гиней. К тому времени он выучил два слова и многое узнал о том, где прячутся их сокровища. Он рассказал обо всем крестьянину, живущему поблизости, и тот тоже отправился в путь, а некоторые рассказывали, что за один день он принес трижды наполненный соляной сундук гиней, полгиней и семь с половиной пенсов. Но он стал слишком жадным, и, как многие жадные до него, его преступление стало причиной его смерти; он спустился в четвертый раз в вечерних сумерках, когда его настигли феи, и больше его не видели. Говорят, что его четыре четверти висят в комнате под замком; но кто был там и видел их, я не знаю. Верно, что вышеупомянутый фермер потерялся, и о нем ничего не было слышно; и так же верно, что его семья почти сразу же стала очень хорошо жить в то время. Вы не хуже меня знаете, что, говорят, у фей есть подземные ходы в пещеры Истрадфе, что возле Пендерина. На Барабане также есть Гарн Гох (Garn Goch), который теперь называется Онвин (Onwun); говорят, что там накоплены сотни тонн золота, и вы слышали историю о том, как один из Гетингов отправился туда копать в Гарне, и как он был превращен феями в огненное колесо, и что он не мог добиться от них покоя, пока не отправил их на изготовление веревки из песка!" - Более понятная версия этой истории была приведена выше на с. 19-20.

Раньше в маленьком домике близ Йнис Гейнона жила старуха, которая, как говорили люди, обладала способностью околдовывать: ходили слухи, что она каждый год проводила семь дней, семь часов и семь минут с феями в пещере у замка. По общему мнению, за каждого ребенка, которого ей удавалось украсть, она получала столько-то и столько-то золота, а на его место сажала одного из этих старых урков: последний никогда не рос. Делала она это так: входила в чужие дома под предлогом просить милостыню, имея на спине большой темно-серый старый плащ, а в плаще прятала одного из детей *Бендита-и-Мамау*. Когда она находила в колыбели маленького ребенка доброй хозяйки дома, то принималась качать его, и если мать на минуту-другую отворачивалась, то бросала притворное дитя в колыбель и спешила с малышом прочь. У одного мужчины по соседству ребенок годами не рос, и все считали, что его подменила старуха. Отец в конце концов пригрозил позвать на помощь "мудреца", и тогда старуха пришла к нему на семь дней, притворившись, что хочет искупать мальчика в холодной воде; на седьмой день она получила разрешение отнести его, пока не рассвело, под определенный струю воды: так она сказала, но соседи утверждали, что это для того, чтобы изменить его. Как бы то ни было, мальчик с тех пор развивался быстро, как гусенок. Но матери пришлось поклясться старухе, что она будет окунать его в холодную воду каждое утро в течение трех месяцев, и к концу этого срока в Квм не было младенца лучше".

Мистер Дэвис также рассказал мне о ежегодном паломничестве в Фанские горы, чтобы увидеть Озерную Леди: вот его слова по этому поводу - они напоминают о стр. 15-16 выше: - "Это был ежегодный обычай.

"Это был ежегодный обычай (насколько я могу судить, на протяжении многих поколений) молодых людей, а также людей более зрелого возраста совершать общую экскурсию на

повозках, гамбо и всех видах транспорта к Фанским горам, чтобы увидеть водяную нимфу (которая появлялась только в один день, а именно в первое воскресенье августа). Считалось, что нижняя часть тела этой нимфы напоминает дельфина, а верхняя - прекрасную даму : эта аномальная форма появлялась в первое воскресенье августа (если на озере не было ряби) и расчесывала свои локоны на отражающей поверхности озера. Ежегодное паломничество в обитель божества Фана все еще продолжается в этой долине - Кумтаве, но уже не в том объеме, как раньше".

XIII.

Мистер Крейгфрин Хьюз прислал мне еще одну историю о феях: она связана с приходом *anfabon*, расположенным у восточной границы Гламорганшира. Вокруг церкви *anfabon* скопилось множество преданий, начиная с того, что ее якобы построил святой Мабо, но кто из Мабонов валлийской легенды был им, точно не известно. Неподалеку находится место, называемое Пант-и-Донс, или Танцевальная лощина, в знак того, что сюда навевались *Бендит-и-Мамау*, как здесь называют фей. В том же районе находятся руины Касте-и-Нос, или Замка *Ночу22*, который, по преданию, был непригоден для жизни, поскольку был построен из камней церкви Анфабон, а также из-за призраков, которые в нем обитали. Однако небольшая его часть, как правило, , ранее арендовалась "мудрецом" или ведьмой. На самом деле вся местность вокруг церкви *anfabon* кишмя кишела феями, призраками и всевозможными жуткими существами.

Mewn amaethdy ag sydd yn aros yn y plwyf a elwir y Berth Gron, trigiannai gwedw ieuanc a'i phlentyn bychan. Yr oed wedi coï ei gwr, a'i hunig gysur yn ei hamdŷfadrwyd a'i hunigrwyd oed Gruff, ei mab. Yr oed ef yr amser hwn odeutu tair blwyd oed, ac yn blentyn braf ar ei oedran. Yr oed y plwyf, ar y pryd, yn orlawn o 'Fendith y Mamau'; ac, ar amser lawn oer, bydent yn cadw dynion yn effro a'u cerdoriaeth hyd doriad gwawr. Rhai hynod ar gyfrif eu hagrwrch oed 'Bendith' anfabon, ac yr un mor hynod ar gyfrif eu castiau. Aadrata plant o'r caweau yn absenoldeb eu mamau, a denu dynion trwy eu swyno a cherdoriaeth i ryw gors afiach a diffaith, a ymdangosai yn gryn difyrwrch idynt. Nid rhyfedd fod y mamau beunydd ar eu gwyliadwriaeth rhag ofn coï eu plant. Yr oed y wedw o dan sylw yn hynod ofalus am ei mab, gymaint nes tynnu rhai o'r cymydogion i dywedyd wrthi ei bod yn rhy ofalus, ac y byddai i ryw anlwc ordiwes ei mab. Ond ni thalai unrhyw sylw i'w dywediadau. Ymdangosai fod ei hoï hyfrydwch a'i chysur ynghyd a'i gobeithion yn cydgyfarfod yn ei mab. Mod bynnag, un diwrnod, clywodd ryw lais cwynfannus yn codi o gymydogiaeth y beudy; a rhag bod rhywbeth wedi digwyd i un o'r gwartheg rhedod yn orwynt tuag yno, gan adael y drws heb ei gau, a'i mab bychan yn y ty. Ond pwy a fedr disgrifio ei gofid ar ei gwaith yn dyfod i'r ty wrth weled eisiau ei mab? Chwilio bob man am dano, ond yn aflwyddiannus. Odeutu machlud haul, wele lencyn bychan yn gwneuthur ei ymdangosiad o'i blaen, ac yn dywedyd, yn groyw, 'Mam! Edrychod y fam yn fanwl arno, a dywedod o'r diwed, 'Nid fy mhlentyn i wyt ti!' 'Ië, yn sicr,' atebai y bychan.

Nid ymdangosai y fam yn fodlon, na'i bod yn credu mai ei phlentyn hi ydoed. Yr oed rhywbeth yn sisial yn barhaus wrthi mai nid ei mab hi ydoed. Ond beth bynnag, bu gyda hi am flwydyn gyfan, ac nid ymdangosai ei fod yn cynydu dim, tra yr oed Gruff, ei mab hi, yn blentyn cynydfawr iawn. Yr oed gwr bychan yn myned yn fwy hagr bob dyd hefyd. O'r diwed penderfynod fyned at y 'dyn hysbys,' er cael rhyw wybodaeth a goleuni ar y mater. Yr oed yn digwyd bod ar y pryd yn trigfannu yn Nghaste y Nos, wr ag oed yn hynod ar gyfrif ei ymwybyddiaeth drwyadl o 'gyfrinion y fa.' Ar ol idi osod ei hachos ger ei fron, ac yntau ei holi, sylwod, "Crimbil ydyw, ac y mae dy blentyn di gyd a'r hen

Fendith yn rhywle; ond i ti dilyn fy nghyfarwydiadau i yn ffydlon a manwl, fe adferir dy blentyn i ti yn fuan. Yn awr, odeutu canol dyd y foru, tor wy yn y canol, a thafl un hanner ymaith odiwrthyt, a chadw y **a** yn dy law, a dechreu gymysg ei gynwysiad yn ol a blaen. Cofia fod y gwr bychan ger^{aw} yn gwneuthur sylw o'r hyn ag a fydi yn ei wneuthur. Ond cofia di a pheidio galw ei sylw-rhaid enni^{ei} sylw at y weithred heb ei alw: ac odid fawr na ofynna i ti beth fydi yn ei wneuthur. A dywed wrtho mai cymysg pastai'r fedel yr wyt. A rho wybod i mi beth fydi ei ateb.

Dychwelod y wraig, a thrannoeth dilynodd gyfarwydyd y 'dyn cynnil' i'r **y**thyren. Yr oed y gwr bychan yn sefy^{yn} yn ei hymyl, ac yn sylwi arni yn fanwl. Ym mhen ychydig, gofynnodd, 'Mam, beth 'i ch'i 'neuthur?' 'Cymysg pastai'r fedel, machgen i.' 'O fe^y. Mi glywais gan fy nhad, fe glywod hwnnw gan ei dad, a hwnnw gan ei dad yntau, fod mesen cyn derwen, a derwen mewn **dâr23**; ond ni chlywais i na gweled neb yn un man yn cymysg pastai'r fedel mewn masgal wy iar. Sylwod y wraig ei fod yn edrych yn hynod o sarug arni pan yn siarad, ac yr oed hynny yn ychwanegu at ei hagrwrch, nes ei wneuthur yn wrthun i'r pen.

Y prydawn hwnnw aeth y wraig at y 'dyn cynnil' er ei hysbysu o'r hyn a lefarwyd gan y còr. 'O,' ebai hwnnw, 'un o'r hen frid ydyw!' Yn awr, byd y **aw**n **o**er nesaf ym mhen pedwar diwrnod; mae yn rhaid i ti fyned i ben y pedair heol syd yn cydgyfarfod wrth ben Rhyd y Gloch; am deudeg o'r gloch y nos y byd y **eu**ad yn **aw**n. Cofia gudio dy hun mewn man ag y cei lawn olwg ar bennau y croesffyrdd, ac os gweli rywbeth a bair i ti gynhyrfu, cofia fod yn **ony**dd, ac ymatal rhag rhoi ffrwyn i'th deimladau, neu fe distrywir y cyn^{un}, ac ni chei dy fab yn ol byth.'

Nis gwydai y fam anffodus beth oed i'w **dea** wrth ystori ryfed y 'dyn cynnil.' Yr oed mewn cymaint o dywy^{wch} ag erioed. O'r diwed daeth yr amser i ben; ac ar yr awr apwyntiedig yr oed yn ymgudio yn ofalus tu cefn i lwyn mawr yn ymyl, o ba le y caffai olwg ar bob peth o gylch. Bu am hir amser yno yn gwylio heb dim i'w glywed na'i weled-dim ond distawrwyd dwfn a phrudglwyfus yr hanner nos yn teyrnasu. O'r diwed clywai sain cerdoriaeth yn dynesu ati o hirbe². Nês, nês yr oed y sain felusber yn dyfod o hyd; a gwrandawai hithai gyda dyddordeb arni. Cyn hir yr oed yn ei hymyl, a **dea**o^{dd} mai gorymdaith o 'Fendith y Mamau' oedynt yn myned i rywle. Yr oedynt yn gannoed mewn rhif. Tua chanol yr orymdaith canfyddo^{dd} olygfa ag a drywanod ei chalon, ac a berod i'w gwaed sefy^{yn} yn ei rhedwelïau. Yn cerded rhwng pedwar o'r 'Bendith' yr oed ei phlentyn bychan anwyl ei hun. Bu bron a **wyr** anghofio ei hun, a **amu** tuag ato er ei gipio ymaith odiarnynt trwy drais os ga^{ai}. Ond pan ar neidio a^{an} o'i hymgudfan i'r diben hwnnw medyllo^{dd} am gynghor y 'dyn cynnil,' sef y bydai i unrhyw gynhyrriad o'i heido distrywio y cwbl, ac na bydai idi gael ei phlentyn yn ol byth.

Ar ol i'r orymdaith dirwyn i'r pen, ac i sain eu cerdoriaeth distewi yn y pe^{der}, daeth a^{an} o'i hymgudfan, gan gyfeirio ei chamrau tua 'i chartref. Os oed yn hiraethol o'r blaen ar ol ei mab, yr oed yn **awer** mwy erbyn hyn; a'i hadgasrwyd at y còr bychan oed yn hawlio ei fod yn fab idi wedi cynyddu yn fawr iawn, waith yr oed yn sicr yn awr yn ei medwl mai un o'r hen frid ydoed. Nis gwydai pa fod i'w odef am fynud yn hwy yn yr un ty a hi, chwaithach godef ido alw 'mam' arni hi. Ond beth bynnag, cafod digon o ras ataliol i ymddwyn yn wedaidd at y gwr bychan hagr oed gyda hi yn y tŷ. Drannoeth aeth ar ei hunion at y 'dyn cynnil' i adro^{dd} yr hyn yr oed wedi bod yn **y**gad dyst o hono y noson gynt, ac i ofyn am gyfarwydyd pe^{ach}. Yr oedd y 'gwr cynnil' yn ei disgwyl, ac ar ei gwaith yn dyfod i'r ty adnabyddo^{dd} wrthi ei bod wedi gweled rhywbeth oed wedi ei chyffroi. Adroddo^{dd} wrtho yr hyn ag oed wedi ei ganfod ar ben y croesffyrdd; ac wedi ido glywed hynny, agorod lyfr mawr ag oed gando, ac wedi hir sy^u arno hysbysod hi 'fod yn angenrheidiol idi cyn cael ei phlentyn yn ol gael iâr du heb un plufyn gwyn nac o un **i**w ara^{arni}, a'i **ad**; ac ar ol ei **add**, ei gosod o flaen tan coed, pluf a chwbl, er ei phobi. Mor gynted ag y buasai yn ei gosod o flaen y tan, idi gau pob tw^a a mynedfa yn yr adeilad ond un, a pheidio a dal sylw manwl ar ol y 'crimbil,' hyd nes bydai y iâr yn digon, a'r pluf i syrthio ymaith oddiarni bob un, ac yna i edrych ym mha le yr oed ef.

Er mor rhyfed oed cyfarwydyd y 'gwr, penderfynod ei gynnyg; a thrannoeth aeth i chwilio ym mhlith y ieir oed yno am un o'r desgrifiad angenrheidiol; ond er ei siomedigaeth method a chael yr un. Aeth o'r nai i ffermdy i'r a i chwilio, ond ymdangosai ffawd fel yn gwgu arni-waith method a chael yr un. Pan ym mron digaloni gan ei haflwydiant daeth ar draws un mew'n amaethdy yng nghwr y plwyf a phrynodd hi yn dioedi. Ar ol dychwelyd adref gosododd y tan mew'n trefn, a aodd yr iâr, gan ei gosod o flaen y tan disglaer a losgai ar yr alch. Pan yn edrych arni yn pobi, anghofiodd y 'crimbil' yn ho i'r ty, ac yr oed wedi syrthio i ryw fath o brudlewyg, pryd y synnwyd hi gan sain cerdoriaeth y tu a an i'r ty, yn debyg i'r hyn a glywod ychydig nosweithiau cyn hynny ar ben y croesffyrdd. Yr oed y pluf erbyn hyn wedi syrthio ymaith odia'r iâr, ac erbyn edrych yr oed y 'crimbil' wedi diflannu. Edrychai y fam yn wy i'r o'i deutu, ac er ei aawenydd clywai lais ei mab coedig yn galw arni y tu a an. Rhedodd i'w gyfarfod, gan ei gofleidio yn wresog; a phan ofynodd ym mha le yr oed wedi bod cyhyd, nid oed gando gyfrif yn y byd i'w rodi ond mai yn gwranddo ar ganu hyfryd yr oed wedi bod. Yr oed yn deneu a threuliedig iawn ei wedd pan adferwyd ef. Dyna ystori 'Y Plentyn Coedig.'

В фермерском доме, до сих пор сохранившемся в приходе Анфабон, который называется Пристань Грон, жила когда-то молодая вдова с грудным ребенком. После потери мужа единственным утешением в тяжелой утрате и одиночестве был ее сын Грифф. Ему было около трех лет, и он был прекрасным ребенком для своего возраста. В то время приход был полон Бендит-и-Мамау, и когда луна была яркой и полной, они не давали людям уснуть своей музыкой до самого рассвета. Феи из Анфабона отличались уродством, но не менее примечательны они были и своими проделками. Кража детей из колыбели во время отсутствия матерей, заманивание мужчин своей музыкой в какое-нибудь ядовитое и безлюдное болото - все это, казалось, доставляло им немало удовольствия. Неудивительно, что матери ежедневно были начеку, чтобы не потерять своих детей. Вдова, о которой шла речь, была очень внимательна к своему сыну, настолько, что некоторые соседи говорили, что она слишком беспокоится о нем и что ее ребенка постигнет какое-нибудь несчастье. Но она не обращала внимания на их слова, поскольку вся ее радость, утешение и надежды, казалось, были сосредоточены в ее ребенке. Однако однажды она услышала стонущий голос, доносившийся из коровника, и, опасаясь, что со скотиной что-то случилось, в испуге побежала туда, оставив дверь дома открытой, а маленького сына - в колыбели. Кто может описать ее горе, когда она вошла в дом и увидела, что ее сын пропал? Она искала его повсюду, но все было тщетно. Около захода солнца перед ней появился маленький мальчик и совершенно отчетливо сказал ей: "Мама". Она внимательно посмотрела на него и наконец сказала: "Ты не мое дитя". "Истинно так", - ответил малыш. Но мать не выглядела удовлетворенной этим и не верила, что это ее ребенок. Что-то постоянно нашептывало ей, что это не ее сын. Однако он прожил у нее целый год, но, казалось, совсем не рос, в то время как Грифф, ее сын, был очень рослым ребенком. Кроме того, малыш с каждым днем становился все уродливее. В конце концов она решила обратиться к "мудрецу", чтобы получить информацию и свет на этот счет. Случилось так, что в Касте-и-Нос, "Замке ночи", жил человек, отличавшийся глубоким знанием секретов лукавого. Когда она изложила ему свое дело и он осмотрел ее, то обратился к ней со следующим замечанием: "Если ты будешь точно следовать моим указаниям, то скоро вернешь свое дитя. Итак, завтра около полудня разрежьте яйцо посередине; одну половину отбросьте от себя, а другую держите в руке, и начинайте смешивать их взад и вперед. Проследите, чтобы малыш присутствовал при этом и обращал внимание на то, что вы делаете, но старайтесь не привлекать его внимания - его внимание должно быть привлечено к этому без обращения к нему, и очень вероятно, что он спросит, что вы будете делать. Вы должны сказать, что замешиваете тесто для жнецов. Дай мне знать, что он ответит". Женщина вернулась и на следующий день в точности выполнила совет хитрого человека²⁵: малыш стоял рядом и внимательно наблюдал за ней; вскоре он спросил: "Мама, что ты делаешь?" "Делаю лепешку для жнецов, мой мальчик". "Ах, вот оно

что. Я слышал от своего отца - он слышал это от своего отца, а тот от своего - что желудь был раньше дуба, а дуб был в земле; но я не слышал и не видел, чтобы кто-нибудь смешивал паштет для жнецов в яичной скорлупе". Женщина заметила, что он очень перекосялся, когда говорил, и это так дополняло его уродство, что делало его крайне отталкивающим.

После обеда женщина отправилась к хитрому человеку, чтобы сообщить ему о том, что сказал карлик. "О, - сказал он, - он из той старой породы; следующее полнолуние будет через четыре дня - вы должны отправиться туда, где четыре дороги сходятся над *Рид-и-Глох*²⁶, в двенадцать часов ночи, когда луна будет полной. Позаботьтесь о том, чтобы спрятаться в таком месте, откуда будут видны концы перекрестков; если же вы увидите что-нибудь, что может вас взволновать, постарайтесь не шевелиться и не поддаваться своим чувствам, иначе затея сорвется и вы никогда не получите назад своего сына". Несчастливая мать не знала, что и думать о странной истории хитрого человека; она была в неведении, как и прежде. Наконец время пришло, и к назначенному часу она осторожно спряталась за большим кустом, откуда было видно все вокруг. Она просидела там долгое время, наблюдая за происходящим, но ничего не было видно и слышно, а над всем царила глубокая и меланхоличная тишина полуночи. Наконец ей послышались звуки музыки, доносящиеся издалека; они приближались все ближе и ближе, и она прислушивалась к ним с восторженным вниманием. Вскоре музыка приблизилась, и она поняла, что это процессия *Бендит-и* Мамау, идущая куда-то. Их были сотни, и примерно в середине процессии она увидела зрелище, которое пронзило ее сердце и заставило кровь остановиться в жилах: проходя между четырьмя *бендитами*, она увидела свое собственное дорогое маленькое дитя. Она почти забыла о себе и уже готова была броситься на них, чтобы вырвать его у них, если удастся; но когда она уже собиралась выскочить из своего укрытия с этой целью, ей вспомнилось предупреждение хитрого человека, что любое нарушение с ее стороны сорвет все планы, и она никогда не получит своего ребенка обратно. Когда процессия прошла мимо, и звуки музыки стихли вдали, она вышла из своего укрытия и направилась домой. Она и раньше тосковала по сыну, но теперь тоска стала еще сильнее, а отвращение к маленькому карлику, выдававшему себя за ее сына, значительно возросло, ибо теперь она была уверена, что он из старой породы. Она не знала, как вытерпеть, чтобы он еще хоть минуту жил с ней под одной крышей, а тем более обращался к ней "мама". Однако ей хватило сдержанности, чтобы вести себя прилично по отношению к уродливому малышу, который находился с ней в доме. На следующий день она без промедления отправилась к "мудрецу", чтобы рассказать о том, чему она была свидетелем предыдущей ночи, и попросить дальнейшего совета. Хитрец ждал ее и, когда она вошла, понял по ее виду, что она видела что-то, что ее встревожило. Она рассказала ему о том, что увидела на перекрестке, и, выслушав ее, он открыл большую книгу, которая была у него; затем, долго изучая ее, он сказал ей, что прежде чем она сможет вернуть своего ребенка, ей нужно найти черную курицу без единого белого перышка или любого другого цвета, кроме черного: ее нужно положить запекать на дровяной огонь²⁷ в целости и сохранности все перья. Кроме того, как только она поставит ее на огонь, она должна была закрыть все отверстия и проходы в стенах, кроме одного, и не смотреть пристально на *кримбила*, пока курица не будет достаточно готова и с нее не опадут все перья: тогда она могла бы посмотреть, где он находится.

Как ни странно звучал совет мудреца, но она решила попробовать; на следующий день она отправилась искать среди кур ту, что была нужна, но, к своему разочарованию, не нашла ни одной. В поисках она ходила от одного фермерского дома к другому, но фортуна, казалось, хмурилась на нее, так как ей все время казалось, что она не справляется со своей задачей. Однако, когда она уже почти отчаялась, на одной из ферм в конце волости она наткнулась на нужную ей курицу. Она купила ее и, вернувшись домой, развела огонь и убила курицу,

которую положила перед ярким огнем, пылавшим на очаге. Наблюдая за тем, как курица печется, она совсем забыла о *кримбиле* и впала в обморок, когда ее поразили звуки музыки за домом, похожие на те, что она слышала несколько ночей назад на перекрестке. Перья с курицы к тому времени уже опали, и когда она пришла искать *Кримбила*, он исчез. Мать окинула дом диким взглядом и, к своей радости, услышала голос своего потерянного сына, который звал ее снаружи. Она побежала ему навстречу и горячо обняла его. Но когда она спросила его, где он так долго был, он ничего не мог сказать, кроме того, что слушал приятную музыку. Когда его вернули, он был очень худым и изможденным. Такова история о потерянном ребенке".

Что касается восклицания ежа по поводу приготовления пищи в яичной скорлупе, позвольте заметить, что мистер Хьюз в результате дальнейшего расследования дал мне более правильную, по его мнению, версию; но она не менее бессодержательна, как мы увидим:...

Mi glywais gan fy nhad ac yntau gan ei dad, a hwnnw gan ei dad yntau,

Fod mesen cyn derwen a'i phlannu mwn dár:

Ni chlywais yn unman am gymysg y bastai yn masgal wy iâr.

Я слышал от отца моего, и он от отца своего, и тот от отца своего,

что желудь существует до дуба и посадки его в землю:

И нигде я не слышал, чтобы паштет замешивали в скорлупе куриного яйца".

В рассказе Деви Глан Ффридласа из долины Огвен в Карнарвоншире, стр. 62 выше, речь идет не о приготовлении пастилы, а о варке пива в яичной скорлупе. Однако наиболее примечательно то, что яичная скорлупа аналогичным образом используется в историях из других стран. Мистер Хартленд приводит одну историю из Мекленбурга, а другую - из Скандинавии. Он также упоминает истории, в которых имп измеряет свой возраст количеством лесов, которые он видел растущими последовательно на одной и той же почве, формула следующего вида: "Я видел, как семь раз горел Арденнский лес", "Семь раз я видел, как падает дерево в лесу Лессё" или "Я так стар, что уже был на свете до того, как был посажен лес Камштшен (в Литве), в котором росли большие деревья, и *который* теперь снова лежит в *пустыне*²⁸". Из этих и подобных примеров ясно, что валлийские версии, о которых здесь идет речь, частично размыты, поскольку слова сказочного ребенка должны были быть такими, что он был достаточно стар, чтобы помнить дуб, когда тот был еще только желудем; и пример такого явного типа приводится Хоуэллсом - он происходит из *□andrygarn* в Англси - см. с. 139, где его слова звучат следующим образом: "Я могу вспомнить дуб с желудями, но я никогда в жизни не видел, чтобы люди варили в яичной скорлупе". Я могу добавить, что недавно мне посчастливилось получить от мистера Эйварха Рейнольдса еще одну оценку возраста сказочного ежа. Он пишет, что его мать помнит очень старую женщину из Мертира, которая рассказывала историю о приготовлении яичной скорлупы, но в словах, отличающихся от всех известных ему версий, следующим образом:-

Wy'n hén y dyd hedy,

Ag yn byw cyn 'y ngeni:

Eriôd ni welas i ferwi

Bwyd i'r fedal mwn cwcw²⁹ wy iâr.

Я называю себя старым в этот день,

И живущим до моего рождения:

Никогда я не видел, как варят еду

Для жнецов в яичной скорлупе.

Что касается заявления ежа о том, что он стар и жил раньше, то оно является частью вероучения, о котором нам, возможно, будет что сказать в одной из следующих глав. А пока достаточно обратить внимание на ту же мысль в *Книге Талиессина*, стихотворение ix:-.

Hynaf uyd dyn pan anher

A ieu ieu pop amser.

Человеку свойственно быть самым старым, когда он рождается,

И все время моложе и моложе.

XIV.

Прежде чем завершить эту главу, я хочу затронуть вопрос о языке фей, хотя в сказках он почти никогда не поднимается, поскольку обычно предполагается, что феи говорят на том же языке, что и окружающие их смертные. Есть, однако, одно известное исключение, а именно история Элиодора, уже упомянутая, стр. 117, записанная Гиральдом Камбрэнским, который рассказывает, как Элиодор, предпочитая в возрасте двенадцати лет играть прогульщика, чем подвергаться частым побоям со стороны учителя, постился два дня, прячась в ложбине на берегу реки, и как затем к нему обратились два маленьких человечка, которые убедили его последовать за ними в страну спорта и других удовольствий. Там он пробыл достаточно долго, чтобы спустя годы дать своему епарху, второму Меневиийскому епископу по имени [Давид](#)³⁰, исчерпывающий рассказ о людях и царстве Фейри. После того как Элиодор некоторое время побывал в этой сумеречной стране, его мать попросила его принести ей немного золота фей. Однажды он попытался унести золотой шар, с которым играл сын короля фей, но не только не добился успеха, но и подвергся оскорблениям, и ему больше не удалось найти дорогу обратно в сказочную страну. Так что ему пришлось снова пойти в школу и заняться занятиями, которые он так ненавидел; но со временем он научился достаточно, чтобы стать священником; и когда, будучи уже немолодым, епископ Дэвид просил его рассказать эту часть своей ранней истории, он никогда не мог заставить себя поведать ее без слез. Среди прочего, что он рассказал об образе жизни фей, он заявил, что они не ели ни плоти, ни рыбы, но жили по большей части на различных видах молочной пищи, приготовленной по манере стирабута, приправленной, как водится, [шафраном](#)³¹. Но одной из самых любопытных частей рассказа Элиодора была та, что касалась языка фей; он утверждал, что выучил его и обнаружил, что он похож на его собственный язык *Britannica Lingua*, "*Brythoneg*, или валлийский". В приведенных словах Гиральдус усмотрел сходство с [греческим](#)³², которое он объяснил сказочным происхождением валлийцев от троянцев и предполагаемым пребыванием в Греции тех заблудших троянцев на пути в Британию. Гиральдус проявляет изрядный интерес к сравнительной филологии и охотно говорит о *Lingua Britannica*; но никогда нельзя быть уверенным, что он знал о ней гораздо больше, чем автор *Germania*, первым упомянувший ее под этим названием. Тацит, однако, имел

оправдание в том, что он жил на расстоянии и примерно за одиннадцать веков до появления Джеральда Уэльского.

При ближайшем рассмотрении слова Гиральдуса оказываются бесполезными для нас в вопросе о языке; с другой стороны, я совсем недавно начал искать истории, касающиеся этого вопроса. Мне кажется, что их не так уж много, но я привожу выдержку из призрачной похоронной истории из *Ystên Sioned* (Aberystwyth, 1882), pp. 8-16. *Ystên Sioned*, должен пояснить, состоит из нескольких историй, собранных и отредактированных на валлийском языке преподобным канцлером Сильваном Эвансом, хотя он и не приложил к ней своего имени: - Урожай 1816 года был одним из самых влажных, когда-либо известных в Уэльсе, и мужчина с женой, жившие на небольшой ферме в одном из крупнейших приходов сотни Моэджин (см. стр. 245 выше) в деметской части Кардиганшира, вышли вечером сравнительно сухого дня, чтобы собрать в снопы собранную кукурузу, так как она уже давно полегла. Ночь была прекрасная, ярко светила луна, а по полю, на котором они работали, с одной стороны проходила приходская дорога, без изгороди или канавы, чтобы отделить ее от кукурузы. Когда они уже полчаса или больше были заняты работой, связывая снопы, они случайно услышали гул голосов, как будто по дороге, ведущей в поле, шла толпа людей. Они остановились на мгновение и, посмотрев в ту сторону, откуда доносились звуки, увидели в свете луны несколько человек, которые шли в их сторону. Они нагнулись, а затем снова принялись за работу, не особенно задумываясь о том, что увидели и услышали; им показалось, что это запоздавшие люди направляются в деревню, которая находилась примерно в миле от них. Но гул и путанные звуки все усиливались, и когда оба переплетчика снова подняли глаза, они увидели большую толпу людей почти напротив и недалеко от них. Продолжая всматриваться, они совершенно отчетливо увидели гроб на подставке, который несли на плечах мужчины, поочередно сменяемые другими, как это обычно бывает в похоронных процессиях в сельской местности. "Вот и похороны", - сказали друг другу связующие, забыв на время, что ночью похороны не принято видеть. Они продолжали смотреть, пока толпа не оказалась прямо напротив них, и некоторые из них не придерживались дороги, а шли по кукурузе рядом с основной массой процессии. Оба переплетчика слышали разговоры и шепот, шум и гул, словно мимо проходило множество настоящих мужчин и женщин, но не понимали ни слова из того, что говорилось: ни одного слога, ни одного лица. Они смотрели на процессию, пока она не скрылась из виду на дороге, ведущей к приходской церкви. Больше они их не видели, и теперь им стало не по себе, и они отправились домой, оставив кукурузу в покое; но дальше похороны были встречены портным на узкой дороге, ограниченной с обеих сторон забором (*clawd*). Процессия заполнила дорогу от изгороди до изгороди, и портной попытался пробиться через нее, но толпа была так сильна, что он был вынужден убраться с дороги, перебравшись через изгородь. Он также не понял ни слова из услышанного разговора. Примерно через три недели после этих мнимых [похорон33](#) из верхней части прихода в ту сторону пришли настоящие.

Такова, вкратце, история, столь очаровательно рассказанная Сильваном Эвансом, которую он получил из уст фермера и его жены, которых он считал в высшей степени честными и правдивыми людьми, а также сравнительно свободными от суеверий. В последний раз, когда они говорили с ним об этом происшествии, они были уже в преклонном возрасте, и оба умерли в течение нескольких недель друг от друга в начале 1852 года. Их останки, по его словам, покоятся на церковном дворе, к которому, как они видели, медленно приближался *толи*. *Тоэли* - это фонетическое написание в *Истен Сионед* слова, которое в Северном Кардиганшире и Северном Уэльсе звучит как *teulu*, а в Древнем Уэльсе - *toulu*. Это слово теперь означает "семья", хотя буквально оно должно означать "домашняя армия" или "домашние войска", и практически является синонимом *tylwyth*, "семья или хозяйство",

буквально "дом-племя". В настоящее время *toeli* или *toulu* является настолько важным институтом в деметском Кардиганшире и некоторых частях собственно Дайфеда, что это слово было ограничено фантомом, и для слова семья в его обычном значении приходится прибегать к недиалектной форме *teulu*³⁴. В Северном Кардиганшире и Северном Уэльсе *toeli* называется просто *cladedigath*, "погребение", или *anglad*, "похороны"; в последнем также *cynhebrwng* - это похороны. Могу добавить, что, когда я был ребенком, в окрестностях Понтервида, в верхнем течении Рейдола, не проходило и года без того, чтобы кто-нибудь не встречался с призрачными похоронами. Иногда человек запутывался в процессии и рисковал быть снесенным с ног толпой. Есть, однако, одно серьезное отличие наших призрачных похорон от деметских *toeli*, а именно: мы узнаем призраков наших соседей, составляющих процессию, и без труда понимаем их разговоры. В этот момент возникает вопрос, представляющий определенную сложность, а именно: какую семью имеет в виду *тоэли* - семью и друзей умершего на пути к могиле, или семью в смысле *Tylwyth Teg*, "Fair Family", применительно к феям? Я склоняюсь к последней точке зрения, но предпочитаю думать, что само различие не проникает очень глубоко, поскольку определенный вид *Tylwyth Teg*, или фей, по своему происхождению может рассматриваться как умершие друзья и предки *тилвитов* в обычном смысле этого слова. На самом деле все подобные репетиции событий, похоже, когда-то рассматривались как дружеские по отношению к мужчинам и женщинам, которых они касались. Это видно, например, из деметинского рассказа о том, что *canwyll gorff*, или трупная свеча, была дарована по заступничеству святого Давида людям, находящимся под его особой опекой, как средство предупреждения каждого из них о необходимости вовремя подготовиться к смерти; то есть чтобы смерть не застала его неподготовленным. Трудно предположить, почему считалось, что *canwyll gorff* неизвестен в других частях Уэльса. Один или два таких случая приводятся в "Уэльском фольклоре" Оуэна, стр. 298-301; я сам слышал, что их видели на острове Англси, и они были хорошо известны членам семьи матери миссис Рис, жившей в приходе Ваен Фавр, в окрестностях Карнарвона. Не похоже также, что призрачные похороны ограничивались Южным Уэльсом. Доказательства обратного в некоторой степени приводятся в "Фольклоре" Оуэна, с. 301; но нет сомнений, что в последнее время вера в них, как и в *canwyll gorff*, была более распространенной и более яркой в Южном Уэльсе, чем в Северном Уэльсе, особенно в Гвинедде.

Мне не посчастливилось встретить ничего систематического или всеобъемлющего о происхождении и значении таких призрачных репетиций, как валлийские призрачные похороны или изготовление гробов. Но эта тема интересна и заслуживает внимания наших ведущих философов фольклора, так же как и одноименная тема второго зрения, с которой она широко пересекается.

Совсем недавно - фактически в конце 1899 года - я получил три коротких рассказа, которыми я обязан дальнейшей любезности Алава *Аеу* (стр. 228), живущего в Бинхадлоге близ Эдерна в *Аеу*, и два из них касаются вопроса языка. Но поскольку все три рассказа относятся к одному и тому же району, я излагаю их суть на английском языке следующим образом

(1) В небольшой гавани, принадлежащей Нефину, было несколько домов, в которых раньше жили несколько семей; дома стоят и сейчас, но в них никто не живет. В одной семье жила маленькая девочка: каждый день она пропадала на несколько часов, и мать очень сердилась на нее за то, что она так часто пропадает. "Я должна знать, - сказала она, - куда ты ходишь играть". Девочка ответила, что в Пин-и-Виг, то есть в место к западу от мыса Нефин: там, по ее словам, она играла со многими детьми. "Чьи дети?" - спросила мать. "Не знаю, - ответила

она, - они очень милые дети, гораздо милее меня". "Я должна знать, чьи это дети", - ответила та; и однажды мать отправилась со своей девочкой посмотреть на детей: до Пин-и-Виг было около четверти мили, и, поднявшись по склону и пройдя немного по вершине, они оказались на виду у Пин. Именно из этой булавки жители Пен-ир-Аэфайт брали воду и берут ее до сих пор. И вот, подойдя к Булавке, девочка подняла руки от радости при виде детей. "Мама, - сказала она, - сегодня с ними их отец: он не всегда с ними, а только иногда". Мать спросила ребенка, где она их видела. "Вон они, мама, бегут вниз к пину, а отец сидит". "Я никого не вижу, дитя мое", - ответила мать, и на нее напал сильный страх: она в ужасе схватила ребенка за руку, и ей сразу пришло в голову, что это и есть *Tylwyth Teg*. После этого девочке никогда не разрешали ходить в Пин-и-Виг: мать слышала, что *тилвит-теги* обмениваются чужими детьми.

Такова первая история, и она примечательна, пожалуй, только тем, что в ней есть намек на отца детей фей.

(2) Когда-то в Эдерне жила старуха, которая занимала небольшую ферму под названием Глан-и-Горс: та же семья живет там до сих пор. Однажды эта старуха отправилась на ярмарку в Криксет, откуда возвращалась через *Pwllheli*. Когда она поднималась над Горс-Гейрхом, который в то время был турбаром и довольно значительным болотом, до ее ушей донесся шум: она остановилась и услышала шум разговоров. Вскоре она увидела большую толпу мужчин и женщин, идущих ей навстречу. Она испугалась и перешагнула через ограду, чтобы пропустить их. Там она немного постояла, слушая их болтовню, а когда решила, что они ушли достаточно далеко, вернулась на дорогу и продолжила свой путь домой. Но не успела она пройти и нескольких шагов, как снова услышала тот же шум и увидела ту же толпу; в большом страхе она снова перешла через забор, говоря себе: "Здесь я буду всю ночь! Она оставалась там до тех пор, пока они не ушли, и гадала, кем они могли быть и не были ли это люди, пришедшие в Плас Мадрун; потом, наведя справки, она обнаружила, что в тот день таких людей там не было. Старуха находилась достаточно близко к прохожим, чтобы слышать их разговоры (*clebran*) и болтовню (*bregliach*), но ни слова не могла понять из того, что они произносили: это был не валлийский язык, и она не думала, что это английский - впрочем, не предполагалось, что она знает английский. Далее она рассказала, что последняя толпа все вместе крикнула другой толпе, шедшей впереди них, *Wi*, и та ответила *Wi Wei* или что-то в этом роде.

Этот рассказ Алав Хейн получил, по его словам, от правнучки той старухи, а она слышала все это от своего отца, Барджа Эчога, который всегда верил в фей и считал, что они снова придут, чтобы увидеться с мужчинами и женщинами. Он считал, что у них есть свои периоды - вера, которую я встречал и в других местах, особенно в [Карнарвоншире](#)³⁵. Что же нам теперь делать с такой историей? Я припоминаю, что где-то читал о призрачной свадьбе в Шотландии, но в Уэльсе, похоже, нет ничего более похожего на это, чем призрачные похороны. Тем не менее то, что, по мнению старухи из Глан-и-Горс, она видела, ни в коей мере не похоже на валлийскую свадьбу, шествующую пешком, особенно когда, как я видел, одна сторона пыталась - казалось, на полном серьезе - убежать от другой и увести у нее невесту. Более того, то, что фигуры, составляющие две толпы в ее рассказе, следует рассматривать как фей, становится вероятным благодаря следующему рассказу, в котором фантомы прямо описываются как маленькие мужчины и маленькие женщины.

(3) На небольшой ферме Перт-и-Селин в Эдерне жил старик по имени Гриффит Гриффитс. В свои лучшие годы он был ростом в шесть футов и оставил после себя двойную репутацию - телесную силу и великое благочестие. Мой собеседник хорошо помнит, как он ходил в часовню, опираясь на две палки. Рассказывают, что однажды, когда он был в самом

расцвете сил, он отправился из Перт-и-Келин в два часа ночи, чтобы пешком дойти до Карнарвона и заплатить за квартиру: в те дни о карете не было и речи. Пройдя через Нефин и Писти, он в свое время добрался до Bwlch Trwyn [Swncwl36](#): он пишет это название также Bwlch Drws Wncwl, предполагая, что оно должно быть Bwlch Drws Encil, и что это место должно было иметь важное значение в войнах древних Кымри. Дорога, продолжает он, проходит через Бвлх, и когда Гриффит въезжал в этот промежуток, что он услышал, кроме множества разговоров. Он остановился и прислушался, когда, к своему удивлению, увидел, что навстречу ему, лишенная всякого страха, идет толпа маленьких мужчин и маленьких женщин. Они громко разговаривали, но он не понимал ни слова: ему казалось, что это не валлийский и не английский языки. Они проходили мимо него по дороге, но он отошел к канаве, чтобы они не стукнулись об него; но никакого чувства страха на него не нашло. Старик считал, что это были *Tylwyth Teg*.

В истории о похоронах Моэддина язык *тоэли* был непонятен ни фермеру с женой, ни портному, а здесь, в двух историях из □еуп, ясно сказано, что это не валлийский и, вероятно, не английский. Поскольку феи всегда представляются старомодными, вполне возможно, что когда-то их считали говорящими на более древнем языке страны. Каким же он был? Возможно, ранняя версия этих легенд могла бы дать ответ и сказать, что это был *Gwyðelig* или Goidelic, если не более ранний идиом, то есть язык аборигенов до того, как они выучили Goidelic у кельтов первой волны арийского вторжения, будь то в регионе Эйфл или в деметской половине Кередигона. Что касается первого, то стоит отметить, что когда Гриффит достиг Бвлх Трвин Свнквл, он находился на окраине гор Эйфл, на одной из высот которых, не очень далеко, находится обширная доисторическая крепость Тре'р Сейри, или Город Кейри, что можно условно перевести как "великаны". В любом случае, оно отделяет эту крепость от британского народа Уэльса. Однако мы обнаружим, что гойдель или пикт, похороненный в каирне на Сноудоне, известен как Рита *Гавр*, "Рита-великан"; и вполне возможно, что в Кейри из *Тре'р-Сейри* мы имеем дело не с другой расой, а со смешанными гойделями и пиктами, которых вторгшиеся бриты обнаружили во владениях на западе нашего острова. Можно сказать, что это становится вероятным благодаря использованию слова *seiri* в средневековом валлийском языке: так, в стихах, написанных неким Дафиджем Офейриадом и скопированных Томасом Уильямсом из Трефрива, есть строка, в которой упоминается Британия в следующих словах:...

Coron ynys y Ceûri37.

Корона острова великанов.

Здесь *Ynys y Ceûri* неизбежно напоминает о том, что Британия называется *Ynys y Kedyrn*, или Остров Могучих, в "*Мабиногионе*", а также, по сути, в истории о Кулхвхе и Олвен. Но подобные истории, которые позволили Джеффри сказать в i. 16, когда он представил свой банальный выводок троянцев, что до этого времени Британию населяли лишь несколько великанов, являются легендами, как будет указано позже, бритонизированных гойделов Уэльса. Таким образом, можно сделать вывод, что их предки дали этой стране название "Остров могучих", если только не предположить, что они каким-то образом заимствовали этот термин у аборигенов.

В пользу последнего предположения говорит тот факт, что в истории Кулхвча Британские острова как группа называются Островами Могушественных. Слова: *Teir ynys y kedyrn ae their ras ynys*; то есть Три острова Могушественных и три их форпоста. Это еще не все, поскольку в той же истории обозначение меняется следующим образом: *Teir ynys prydein ae their ras ynys38*, или Три Острова Придайна и Три Заставы Придайна; и значительная древность

обозначения "Острова Придайна" доказывається его фактической идентичностью с обозначением, используемым древнегреческими авторами, такими как Птолемей, который называет и Британию, и Ирландию $\nu\tilde{\eta}\sigma\varsigma$ Πρετανική, где *Pretanic* и *Prydain* - близкородственные слова. В средневековом валлийском языке наше *Prydain* имело две формы *Prydein* и *Prydyn*. Но в то или иное время наметилась тенденция к их десинонимизации, в результате чего *Ynys Prydein*, "остров пиктов", стал означать Великобританию, а *Prydyn* - северную Пиктландию. Но как *Cymru* означало множественное число валлийцев и единственное число Уэльса, так и *Prydyn* означало [пиктов39](#) и страну пиктов. Теперь множественное число *Prydyn* имеет свой этимологический гойдельский эквивалент в вокабуле *Cruithni*, который, как известно, означал пиктов или потомков [пиктов](#) у римских историков. Кроме того, это имя не может быть отделено от имени [пиктонов40](#) в Галлии, и обычно предполагается, что оно связано с их привычкой наносить на себя татуировки. Во всяком случае, это согласуется с очевидным значением имен *Prydyn* и *Cruithni*, от *pryd* и *cruth*, слов на валлийском и ирландском языках, соответственно означающих *форму* или *очертания*; предполагается, что это обозначение относится к формам или изображениям различных животных, выколотых на коже пиктов. Таким образом, можно говорить о практической идентичности терминов *Prydyn*, *Cruithni* и греческого *Pretanic*; но как *Cedyrn* и *Prydein* могут соответствовать терминам *Ynys y Kedyrn* и *Ynys Prydein*? Это можно понять с помощью *seûri* или *seiri* как среднего термина. Теперь *cadarn* означает сильный или доблестный и образует множественное число *cedyrn*; но есть и другое валлийское слово [cadr41](#), которое также имеет значение доблестный или сильный и, возможно, дало такую средневековую форму, как *seidyr* во множественном числе. Но это *cadr*, как доказывают его однокоренные [слова42](#), не всегда имело значение "доблестный или сильный": его первоначальное значение было скорее "прекрасный, красивый или благоустроенный". Таким образом, похоже, произошло то, что *cadarn*, "сильный, мощный, могущественный", повлиял на значение *cadr*, "красивый", и в итоге узурпировал его место в названии острова, который из *Ynys y Ceidyr* превратился в *Ynys y Cedyrn*. Но первое означало "Остров прекрасных или красивых людей", что достаточно близко к значению слов *Prydain*, *Cruithni* и *Picts*, как названия народа, который с удовольствием украшал свои лица, нанося татуировки на кожу и *выделяя* себя в этой дикарской манере. Это еще не все, поскольку при ближайшем рассмотрении оказывается, что слово *seiri*, которое до сих пор рассматривалось как означающее великанов, является двойником, так сказать, слова *cadr* во множественном числе, как по этимологии, так и по первоначальному значению beautiful. Это слово постоянно используется в Карнарвоншире, где его с иронией применяют к претенциозным мужчинам, любящим выставлять себя напоказ, особенно в вопросах одежды. '*D ydi nhw 'n geiri!*' 'Разве они не шикарны!' *Dyna i ch'i gawr!*' 'Вот тебе прекрасный парень!', и так же с женскими *каурами*. Конечно, *sawr* в стандартном валлийском достаточно хорошо знакомо жителям Карнарвоншира в значении "великан", поэтому значение лучше всего выяснить в случае множественного числа *seiri*, которое они почти никогда не встречают в печати; и, насколько мне удалось выяснить, под *seiri* они подразумевают - правда, в ироническом смысле - прекрасных парней, имея в виду не большой рост или силу, а их наряд. Таким образом, мы приходим к истинному толкованию названия *Tre'r Ceiri* как "Город *Прайдин*" или "*Круитни*"; то есть город пиктов или аборигенов, которые выставляли себя напоказ, украшая себя картинками. Так что *Ynys y Ceiri* отнюдь не является отголоском *Ynys y Cedyrn*, а оказывается более оригинальным из них. Такие названия при внимательном рассмотрении оказываются древнее всех поспешных ожиданий.

1 Эту главу, за исключением тех случаев, когда предполагается более поздняя дата, можно считать написанной летом 1883 года. ↑

2 *Trefriw* означает город на склоне или холме и означает *Tref y Riw*, а не *tref y Rhiw*, что дало бы *Treffriw*, поскольку в *Gwynedd* есть тенденция к тому, чтобы мутация после определенного артикля соответствовала общему правилу, и говорить *y law*, "рука", и *y raw*, "лопата", вместо того, что было бы в книгах *y llaw* и *y rhaw* от *yr llaw* и *yr rhaw*. ↑

3 Почему писатель написал название *Criccieth* именно так, я сказать не могу, разве что он находился под влиянием более или менее понятного написания *Crugcaith*, как в случае с *Lewis Glyn Cothi*. I. xxiv, поется

Rhys ab Sion â'r hysbys iaith,

Gwr yw acw o Grugcaith.

Это написание предполагает интерпретацию *Crug-Caith*, ранее *Crug y Ceith*, "курган или курган пленников", в связи с каким-то забытым захоронением; но когда ударение отошло к первому слогу, второй стал почти неузнаваем, так что *Crug-ceith*, или *Cruc-ceith*, стал *Crúceth*, откуда *Crúcjeth* и *Cricjeth*. У *брымов Crugyeith* встречается единственный раз, а в *Записях Карнарвона* (несколько раз) - *Krukyth*. ↑

4 Из чрезмерной любви к нашему Артуру англичане переводят это имя как *Arthur's Seat* вместо *Idris' Seat*; но *Идрис* тоже был кем-то: он был великаном, увлекавшимся изучением звезд. Но оставим это: Я хочу сказать пару слов о его имени: *Идрис* можно объяснить как "чемпион войны" или что-то в этом роде; фонологически оно происходит от *lud-rys*, которое последовательно превратилось в *Id-rys*, *Idris*. Слог *jud* означал битву или сражение, и в валлийских именах он претерпевает различные формы. Так, перед *n*, *r*, *l* и *w* он превращается в *id*, как в *Idnerth*, *Idloes* и *Idwal*, а *lud-hael* дает *lthel*, откуда *Ab lthel*, англоизированный *Bethel*. В конце, однако, оно становится *ud* или *uđ*, как в *Gruffud* или *Gruffyđ*, от древневаллийского *Grippjud*, и *Maredud* или *Meredyđ* от более древнего *Marget-jud*. Само по себе это, возможно, слово, которое поэты пишут *uđ* и понимают как "лорд"; но если эти формы связаны, то первоначально оно должно было означать скорее бойца, воина или чемпиона. ↑

5 Есть особое сходство между этой и английской историей, приведенной Хауэллсом, стр. 138: она состоит в том, чтобы увидеть, как феи танцуют, и найти оставленные ими деньги. Почему были оставлены деньги? ↑

6 Ее так назвал поэт Д. аб Гвилем, *sxci*. 12, когда он пел:

I odi ac i luchio

Odiar lechwed Moel Eilio.

Принести снег и хлопья сугробов

Со склона Моэль Эйлио.

↑

7 Обычно это произносится как *Y Gath Dorwen*, но жители окрестностей хотят объяснить название фермы, которое, как ни странно, может означать только "белобрюхий кот"; но у *Garth Dorwen*, "белобрюхий *garth* или холм", тоже не очень похожее название. ↑

8 Время найма в Уэльсе - это начало зимы и лета; или, как можно сказать по-уэльски, календы зимы и календы мая соответственно. Когда я был мальчиком, в Северном Кардиганшире большая ярмарка проводилась именно в это время, и, как я узнал от своей жены, так было в Карнарвоншире. ↑

9 В корнуоллской истории, упомянутой в *Choice Notes*, p. 77, вместо мази упоминается просто мыло. См. также "*Берега Тамар*" миссис Брей, с. 174-7, где она ссылается на рассказ Г. Корнелиуса Агриппы о том, как раньше делали такую мазь - я думаю, речь идет о его книге "*De Occulta Philosophia Libri III*" (Paris, 1567), i. 45 (с. 81-2). ↑

10 См. "*Мабиногион*", с. 1-2; факсимиле *Черной книги Кармартена*, лист 49^b-50^a; "*Артуруанские легенды*" Риса, с. 155-8; "*Духи в графстве Монмут*" Эдмунда Джонса, с. 39, 71, 82; и в этом томе, с. 143, 203, выше. Я могу упомянуть, что у корнуэльцев тоже есть свой *Cwn Annwn*, хотя название у него другое, например, "дьявол и его псы-денди": см. *Choice Notes*, pp. 78-80. ↑

11 В нынешнем виде это было бы немутированное *Césel Gyfarch*, "уголок Сайфарха", но такого имени никогда не было. Однако существовали *Элгифарх* или *Аэлгифарх* и *Ригифарх*, и в таком сочетании, как *Сесэл Элгифарх*, было бы очень удобно опустить одно неакцентированное "эл". ↑

12 По какой-то оплошности у него есть "чистая или грязная корова" вместо *коровьего двора* или *коровника*, как я понимаю. ↑

13 В Северном Кардиганшире из *Cwta* получается *cota* в женском роде; это слово, тем не менее, заимствовано только из английского *cutty*. *Du*, "черный", имеет соответствующее ему ирландское *dubh*. Таким образом, валлийское слово, по-видимому, прошло через стадии *dyw*, *duw*, прежде чем *uw* сократилось в *û*, которое раньше произносилось как французское *û*, что доказывает уже упомянутая грамматика (стр. 22) Дж. Д. Риса, опубликованная в Лондоне в 1592 году; см. стр. 33, на которую обратил мое внимание профессор Дж. Моррис Джонс. В древнем или донорманнском валлийском *m* выполняло функции *m* и *v*, так что можно обнаружить *dyw* как *dim* в женском имени *Penardim*, "она с очень черной головой"; была также *Penarwen*, "она с очень светлой головой". Вид *Пенардим* озадачил редактора "*Бранвена*", и он оставил написание без изменений: см. (Oxford) *Mabinogion*, p. 26. То же самое изменение, которое привело к появлению *du*, привело к появлению *спи*, "руно", по сравнению с *cneifio*, "руно"; *quarth*, "огород", по сравнению с его ирландским эквивалентом *lubhghort*. Сравните также *Rhiwabon*, местное произношение *Rhuabon*, и *Rhiwaŷon*, иногда встречающееся как *Rhuaŷon*. Но наиболее заметную роль этого фонетического процесса демонстрируют отглагольные существительные, оканчивающиеся на *u*, такие как *caru*, "любить", *credu*, "верить", *tyngu*, "клясться", в которых *u* соответствует окончанию *m* в древнеирландском, как в *sechem*, "следовать", *cretem*, "вера", *sessam* или *sessom*, "стоять". ↑

14 В средневековой валлийской поэзии это название все еще было дислингвом; но теперь оно произносится как *ŷyn*, в соответствии с привычкой Gwynndodeg, который превращает в *porfŷd* то, что пишется *porfeud*, "пастбища", и произносится как *porféid* в Северном Кардиганшире. Так, в имени *Сарн Фыŷтейрн* второй гласный представляет собой *Маэлтейрн*, в *Записях Карнарвона* (стр. 38) - *Майлтерн*: теперь он звучит как *Муŷtyrn* с коротким и акцентированным вторым *y*. *ŷeup* - это множественное число народа (родительный падеж *ŷaen* в *Porth Dinŷaen*), используемое как единственное число своей страны, как *Cymru* = *Сумру*, и *Prydyn*. В единственном числе *ŷain*, "копье", в *Книге Аневрина*: см. Skene, ii. 64, 88, 92. ↑

15 Ее также называют *dolur byr*, или "короткой болезнью"; кажется, мне говорили, что это болезнь, известная "ветеринарам" как сибирская язва. ↑

16 Здесь автор, похоже, был озадачен *mh* из *Amheyrhion* и привел доводы в пользу радикальной формы *Parch*; но он ошибся - *Amheyrhion* происходит от *Ap-Meirchion*, где *p* помогло превратить *m* в *surd*, который, при слоговом ударении на последующей гласной, стал фиксированным как *mh*, а *p* исчез в результате ассимиляции. Позднее мы имеем аналогичный случай в *Owen y Mhaxen* для *Owen Amhacsen* = *O. ap Macsen*. Еще один пример можно найти в начале "*Мабиногу*" Бранвена, а именно в слове *prynhawngweith*, "однажды днем", от *prynhawn*, "полдень", которое наши словари заменяют *prydawn*, с ударением на конечной, хотя Д. аб Гвиллим использовал *pyrnhawn*, как в поэме xl. 30. Но обычным произношением остается *prynháwn* или *pyrnháwn*, иногда сокращаемое в Гвинедде до *plawn*. Позвольте мне добавить один случай, который дошел до меня после написания этой статьи: В *Archæologia Cambrensis* за 1899 год, pp. 325-6, мы имеем родословную *Америдитов*, начиная с визита в Девоншир в 1620 году: в ходе нее можно обнаружить, что у Иуана ап Меридета есть сын Томас *Америдет*, который, вероятно, не зная валлийского языка, стал писать свое отчество почти так, как оно произносится. Линия доходит до Эймса *Америдета*, который стал баронетом в 1639 году. *Amerideth*, конечно, = *Ap Meredyd*, и нынешний член семьи, пишущий в *Archæologia Cambrensis*, пишет свое отчество более правильно - *Ameridith*; но если бы оно сохранилось в Уэльсе, оно могло бы быть *Amheredyd*. Более древний пример, чем все эти, см. в *Книге Талиессина*, стихотворение xlix (= Skene, ii. 204), где можно прочитать о *Бели Амханогане*: "*B. ab Mynogan*". ↑

17 Это произносится как *Rhiwan*, хотя, вероятно, состоит из *Rhiw-wen*, поскольку в гвиндодегском принято превращать *e* и *ai* из неакцентированных конечных в *a*, и так же с *e* в Гламоргане; см. такие примеры, как *Cornwan* и *casag*, стр. 29 выше. Возможно, это тенденция, унаследованная от гойдельского языка, поскольку в ирландском языке наблюдается аналогичный процесс. ↑

18 Я могу упомянуть, что некоторые из Францисков с острова Англси предположительно являются потомками Фрейзеров, которые изменили свое имя, найдя убежище на острове во время смуты, которая привела туда предка Фрейзера, который время от времени претендует на роль законного главы семьи Ловат. ↑

19 Согласно старой валлийской орфографии, это должно было бы писаться *Moudin*, а в современном книжном валлийском - *Meudin*. Однако, если вернуть его на уровень галло-римских названий, то это будет *Могодунум* или *Магодунум*. Это место известно как Касте □ Моэддин и включает в себя конец холма примерно на полпути между Аннартом и Лампетером. ↑

20 Другие упоминания о цветах одежды фей см. на с. 44, 139 выше, где преобладает красный цвет, а также контраст с Озерной Леди из □yn Barfog, одетой в зеленое, с. 145. ↑

21 Это название означает Мост Благословенного брода, но как он стал называться, я не знаю. Слово *bendigaid*, "благословенный", происходит от латинского глагола *benedico*, "благословляю", и должно было бы, если бы не возражение против *nd* в книжном валлийском, быть *bendigaid*, что, собственно, и происходит примерно в северной части графства, где оно в разговорной речи звучит как *Pont Rhyd Fyndiged*, *Fydiged* или даже *Fdiged*, а также *Pont Rhyd m̃diged*, что представляет собой результат появления немутированной формы *Bdiged* непосредственно после *d* в *rhyd*. Примерно так же обстоит дело с названием травы *Dail y Fendigaid*, буквально "Листья благословенных" (в женском роде единственного числа без какого-либо дополнительного указания на существительное, которое должно быть

поставлено). Это название означает, как я выяснил, "*hypericum androsæmum*, tutsan", и в Северном Кардиганшире мы называем его *Dail y Fyndiged* или *Fdiged*, но в Карнарвоншире прилагательное уточняет *dail*, так что получается *Dail Bydigad* или *Bdigad*, "Благословенные листья". ↑

22 Я далеко не уверен, что у *nos*, "ночь", может означать такие названия, как это и *Craig y Nos*, "Скала ночи" (стр. 254 выше), к которым, возможно, можно добавить такой пример, как *Blaen Nos*, "Точка (ночи?)", в окрестностях *□andoveru*, в Кармартеншире. Может ли это быть аллюзией на места, покрытые густой тенью, где, как можно сказать, таится ночная тьма, не подчиняясь дневному свету? Я никогда не посещал эти места, а наводящие вопросы, адресованные местным властям, слишком склонны вызывать недостоверные ответы: поэтический талант опасно буйствует в княжестве. ↑

23 *Dâr* - гламорганское произношение, *metri gratiâ* того, что пишется *daear*, "земля": сравните *d'ar-fochun* в Гламоргане для барсука, буквально "земляная свинья". Ответ карлика, вероятно, был написан в каком-то стихотворном виде, с рифмой *dâr* и *iâr*. ↑

24 Применяется в Гламоргане к ребенку, который плохо выглядит и не растет. ↑

25 В Кардиганшире фокусника называют *dyn hysbys*, где *hysbys* (или, в более старой орфографии, *hyspys*) означает "осведомленный": это человек, который осведомлен в вопросах, темных для других; но это слово также используется в отношении фактов - *Y mae 'r peth yn hysbys*, "вещь известна или очевидна". Слово делится на *hy-spys*, которое в ирландском языке, если бы оно существовало в языке, было бы *so-scese* для раннего *su-squestia-s*, родственные ирландские слова: *ad-chiu*, "я вижу", *pass.* претерит *ad-chess*, "было видно" и тому подобное, в которых *ci* и *ces* были приравнены Циммером к санскритскому глаголу *saksh*, "видеть", от корня *quas*. Прилагательное *cynnil*, применяемое к *dyn hyspys* в Гламоргане, сейчас, как правило, означает "экономный" или "бережливый", но в данном случае оно, по-видимому, означало "проницательный", "хитрый" или "умный", хотя, вероятно, ближе к первоначальному значению слова было бы передать его словом "умный", поскольку в ирландском языке оно означает *condual*, которое применяется к изобретательной работе, например, к орнаменту на рукояти меча. Другой термин, обозначающий волшебника или фокусника, - *gwr cyfarwyd*, с которым читатель уже знаком. Здесь *cyfarwyd* образует связь с *kyvarwyd* из "*Мабиногуона*", где он обычно означает профессионального человека, особенно сведущего в истории и истории; а то, что составляло его знания, называлось *kyvarwydyt*, что включало, среди прочего, знакомство с границами и родословными, но чаще всего означало, возможно, историю; см. (Oxford) *Mabinogion*, pp. 5, 61, 72, 93. Все эти термины, строго говоря, должны иметь *gwr-gwr hyspys*, *gwr cynnil* и *gwr cyfarwyd*, если бы не тот факт, что современный валлийский имеет тенденцию ограничивать *gwr* значением "муж" или "женатый человек", а *dyn*, который означает только *смертного*, переводится как мужчина, и снабжается женским *dynes*, "женщина", неизвестным в хорошей валлийской литературе. Таким образом, разговорный язык в этом вопросе находится почти на одном уровне с английским и французским, которые полностью утратили слова *vir* и *âvîr*. ↑

26 *Rhyd y Gloch* означает "Брод колокола", что, как гласит история, является намеком на серебряный колокол, который в прежние времена находился в церкви *□anwoппо*. Он приглянулся жителям Анфабона, и однажды ночью они украли его; но когда они несли его через Тафф, внезапно появилась луна, и они в испуге, приняв это за восход солнца, уронили колокол в русло реки, так что с тех пор о нем ничего не было слышно. Но в течение многих веков после этого, да и в наши дни, ничто не могло привести в большую ярость туземцев Анфабона, чем услышать, как о луне говорят как о *хауле Анфабона*, "солнце Анфабона". ↑

27 Это были торфяные костры, обычные в те дни даже в Гламоргане. ↑

28 См. Hartland's *Science of Fairy Tales*, pp. 112-6. ↑

29 Ни в одной другой версии мистер Рейнольдс не слышал *swcsw* *wy iâr*, но либо *plisgyn*, либо *cibyn wy iâr*, к которым я могу добавить *masgal* из версий мистера Крейгфрина Хьюза. Слово *swcsw* обычно означает капот, но, возможно, в данном случае лучше рассматривать *swcsw* как отдельное слово, образованное каким-то образом от *conchylum* или французского *coquille*, "раковина". ↑

30 Весь отрывок можно найти в *Itinerarium Kambriæ*, i. 8 (pp. 75-8), и Гиральдус относит эту историю немного раньше своего времени куда-то в район вокруг Суонси и Нит. С этим достаточно близко согласуется тот факт, что второй Давид, *Дафид аб Гера*, или *Давид Фицджеральд*, был посвящен в епископы Святого Давида в 1147 году, а умер в 1176 году. ↑

31 В оригинале эти слова звучат так: *Nec carne vescebantur, nec pisce; lacteis plerumque cibariis utentes, et in pultis modum quasi croco confectis*. ↑

32 Возможно, именно это и послужило основой для имени *Элиодор*, как бы *Ἠλιόδωρος*; ведь первоначальное имя, вероятно, было средневековым валлийским именем *Элидир* = ирландское *Ailithir, ailither*, "пилигрим": сравните пемброкширское имя *Пергрин* и подобные. Любопытно, что *Элидир* не пришел в голову Гласинису и не помешал ему заменить *Эльфод*, которое является совсем другим именем, и более правильно писать *Elfod* на более раннее *El-fodw*, встречающееся не только как *Elbodu*, но и *Elbodug-o, Elbodg, Elbot* и *Elfod*: см. с. 117 выше. ↑

33 Еще один или два случая из Уэльса см. в Howells, pp. 54-7. Бретань также является большой страной для предвестий смерти: см. A. Le Braz, *Légende de la Mort en Basse-Bretagne* (Paris, 1893), а также Sébillot's *Traditions et Superstitions de la Haute-Bretagne* (Paris, 1882), i. pp. 270-1. О Шотландии см. "*Призрачные огни Западного нагорья*" д-ра Р. К. Маклагана в "*Folk-Lore*" за 1897 г., стр. 203-256, а об аналогичной теме второго зрения - в "*Darker Superstitions of Scotland*" Dalyell, стр. 466-88. ↑

34 Сильван Эванс приводит другое слово для обозначения *толи*, используемое в некоторых частях Южного Уэльса, а именно *tolaeth* или *dolath*, в связи с чем он упоминает мнение, что оно представляет собой коррупцию *tylwyth*, мнение, подтвержденное Хауэлсом, использующим, стр. 31, множественное число *tyloethod*; но это не может быть легко объяснено иначе, как коррупция через посредство английского языка. Элиас Оуэн, стр. 303, использует это слово для обозначения стука молотка и тархтения при соединении фантомного гроба для человека, собирающегося умереть, - своего рода репетиция, хорошо известная во всем княжестве каждому, у кого духовные уши настроены. К сожалению, мне пока не удалось найти место употребления слова *tolaeth*, но один человек из Кармартена заверил меня, что в валлийском языке оно встречается как *toleth*, а уроженец Пумсанта - что оно используется от Абергвили до *anbumsant*. ↑

35 См., например, с. 200, 221, 228. ↑

36 Миссис Уильямс-Эллис из Гласфрина пишет мне, что это место теперь называется *Bwlch Trwyn Swncwl*, что это промежуток на самой высокой части дороги, идущей от *anaelhaearn* к *Pistyll*, и что это совсем небольшой горный проход между мрачными, покрытыми вереском склонами, фактически очень одинокое место на окраине Эйфла, а Карнгувч закрывает горизонт в направлении залива Кардиган. ↑

37 За это я обязан докладу г-на Гвеногврина Эванса о *MSS. на валлийском языке*, i. 585 к. Слова были написаны Уильямсом в начале семнадцатого века, и его *û* не означает *w*. Однако он, вероятно, имел в виду *sawr*, *sewri* и такие случаи, как *tawaf*, "*taceo*", и *tau*, "*tacet*". В любом случае, в местном произношении имени *Tre'r Ceiri* нет и следа *u*. Я слышал его и как *Tre' Ceiri* без определенного артикля; но если бы оно было древним, можно было бы ожидать, что оно смягчилось до *Tre' Geiri*. ↑

38 См. Оксфордский *Мабиногуон*, с. 110, 113, а также 27-9, 36-41, 44, также 309, где триада объясняет, что форпостами были Англси, Мэн и Ланди. Но в других триадах, i. 3 = iii. 67, это Оркней, Мэн и Уайт, что подтверждается более древним авторитетом Ненния. § 8. Обозначение *Tair Ynys Brydain*, "Три острова Прайдена", было известно поэту XIV века Иоло Гочу: см. его работы под редакцией Эштона, с. 669. ↑

39 О *Prydyn* во множественном числе см. в *Skene's Four Ancient Books of Wales*, ii. 209, также 92, где используется форма *Pryden*. В современном валлийском языке два значения *Cymru* различаются в написании как *Cymru* и *Cymru*, но это различие лишь в написании и не является очень древним. ↑

40 Так, Джеффри (i. 12-15) приводит своих троянцев на пути в Британию в Аквитанию, где они сражаются с *пиктавийцами*, короля которых он называет Гоффарием *Пиктом*. ↑

41 *Cadarn* и *cadw* постулируют соответственно такие ранние формы, как *catr̥no-s* и *cadro-s*, которые по аналогии должны стать *cadarn* и *cadw*. Уэльс, однако, не любит *dr̥*; поэтому здесь начинается раздвоение: (1) сохранение *d* без изменений в *cadro-s* дает *cadw*, или (2) *dr̥* превращается в *dr̥*, и происходят другие изменения, приводящие к *ceir* из *ceiri*, как в валлийском *aneirif*, "без числа", от *eirif*, "число", того же происхождения, что и ирландское *áram* от **ad-rim* = **ad-rīmā*, и валлийское *eiliw*, "вид, цвет", от *ad-liw*, в обоих случаях *i* следует за сочетаниями *d̥*; Но это не существенно, как показывает *cader*, *cadair*, от древневаллийского *cateir*, "стул", от латинского *cat[h]edra*. Слово, служащее нам для единственного числа, а именно *sawr*, объяснить гораздо труднее; но в целом я склонен считать его другого происхождения, а именно заимствованным гойдельским словом *saor*, "великан или герой". Множественное число *sewri* или *sawri* образовано от единственного числа *sawr*, которое означает великана, хотя, будучи связанным во множественном числе с *ceiri*, оно иногда должно следовать за этим вокабулой в значении одежды. ↑

42 Наиболее важными из них являются старое бретонское *kazr*, теперь *kaer*, "красивый или симпатичный", и старое корнуолльское *saer* с тем же значением; В других местах мы имеем, как в греческом, дорические *κέκαδμαι* и *κέκαδμένος*, которые используются для обозначения превосходства или отличия себя; также *κόσμος*, 'хороший порядок, украшение', а в санскрите есть тема *śad*, 'превосходить или превосходить'. Старое значение "красивый", "украшенный" или "роскошно одетый" еще не утрачено в случае с *ceiri*. ↑

ГЛАВА IV

Фольклор манксов

Да будет вам известно, что некий Манамаман Мак Клер, пайним, был первым обитателем острова Ман, который своей некромантией сохранил его в неизменном виде, а когда его атаковали или вторглись в его владения, он навел такие таинства на суше и на море, что

никто не мог уследить за островом, и он заставлял одного из своих людей казаться в числе ста человек.- The *Landsdowne MSS*.

Нижеследующая статья не исчерпывает ни одной части этой темы: в ней просто собраны мои записи бесед, которые я вел с мужчинами и женщинами манксов, чьи имена, а также другие сведения, которые я смог получить, находятся в моем распоряжении. Я в основном избегал читать об этом предмете в печатных книгах; но тех, кто хочет ознакомиться с его исчерпывающим описанием, я могу направить к книге мистера Артура В. Мура "*Фольклор острова Мэн*", к которой теперь можно добавить "*Вклад в фольклор острова Мэн*" мистера К. Родера в "*Lioar Manninagh*" за 1897 год, стр. 129-91.

Для изучающего фольклор остров Мэн очень хорошо обеспечен обитателями воображаемого порядка. Здесь есть феи и великаны, русалки и брауни, келпи и водяные быки.

Водяной бык, или *тарроу уштей*, как его называют на языке манксов, - это существо, о котором мне не удалось узнать много нового, но его описывают как своего рода быка, резвящегося в бассейнах и болотах. Например, в деревне Андреас, расположенной на равнине, образующей северную часть острова и известной как the Ayre, мне рассказали, что между Андреасом и морем на западе раньше был *тарроу уштей*: это было до того, как землю осушили, как сейчас. А один осьмилетний капитан в Пиле рассказал мне, как однажды мальчишкой он слышал *тарроу уштей*: от рева этого животного дрожала земля, но в остальном капитан не смог дать мне сколько-нибудь вразумительного описания. Этот бык ни в коем случае не той же породы, что те, что выходят из озер Уэльса, чтобы смешаться с фермерским скотом, ибо там результатом была большая плодовитость поголовья и избыток молока и молочных продуктов, но на острове Мэн *от тарроу уштей* рождаются только чудовища и звери странной формы.

Келпи, или, скорее, то, что я принимаю за келпи, мои информаторы называли *глаштын*; а Келли в своем *словаре манксов* описывает этот объект как "гоблина, воображаемое животное, которое поднимается из воды". Один или два моих информатора спутали глаштын с манкским пирожным. С другой стороны, один из них был совершенно уверен, что в нем нет ничего человеческого, а есть что-то вроде серого жеребенка, который часто встречается на берегах озер по ночам, и его никогда не видели иначе как ночью.

Русалки и русалки развлекаются у берегов Мана, но я должен признаться, что не проводил тщательного расследования того, что о них рассказывают; столь же скудны мои сведения и о великанах острова. По правде говоря, я не помню, чтобы слышал более чем об одном великане, но это был великан: Я видел следы его огромных рук, отпечатавшиеся на вершине двух массивных монолитов. Они стоят в поле у Балла Киилл Ферик, на спуске от Слока к Колби. Мне сказали, что изначально этих камней было пять, стоящих по кругу, и все они были отмечены тем же самым способом тем же самым великаном, когда он бросил их вниз с того места, где стоял, за много миль от вершины горы под названием Кронк-ин-Ирри-Лаа. Здесь я могу упомянуть, что манкское слово, обозначающее великана, - *это foawr*, в котором гласный звук *m* был отброшен, о чем свидетельствует современное ирландское написание - *fomhor*. Это слово во множественном числе в древнеирландском языке является именем *фомори*, так хорошо известным в ирландской легенде, которая, однако, не всегда представляет их как великанов, а скорее как чудовищ. Я привык объяснять это слово как означающее *submarini*; но они не всегда связаны с морем. Поэтому я рекомендую другую этимологию, а именно ту, что принадлежит доктору Уитли Стоуксу, который считает, что *mor* в слове *fomori* имеет то же происхождение, что и *mare* в английском *nightmare*, французском

sauchemar, немецком *mahr*, "эльф", и других однокоренных словах. Я могу упомянуть, что сфомори мифического происхождения, несомненно, были спутаны и отождествлены некоторые захватчики Ирландии, особенно думнонийцы из страны между Галлоуэем и устьем Клайда, некоторые из которых, как можно предположить, приплыли на север Ирландии и высадились на западе, например, в Эррисе, на северо-западе Mayo, названном в их честь *Иррус* (или Эррис) *Домнанн*.

Мэнксского брауни называют *фенодри*, и описывают его как волосатого и неуклюжего парня, который, например, за одну ночь сгребал целые амбары кукурузы для людей, к которым испытывал расположение; а однажды он взялся пригнать для фермера своих мокриц из Снафелла. Когда фенодир благополучно поместил их во флигель, он сказал, что у него возникли проблемы с маленьким бараном, так как в то утро он трижды обежал вокруг Снафелла. Фермер не совсем понял его, но когда пошел посмотреть на овец, то, к своему безграничному удивлению, обнаружил, что маленький баран был не кем иным, как зайцем, который, бедняжка, умирал от испуга и усталости. Нет нужды указывать на сходство между этой историей и рассказом Передура, который, будучи мальчиком, пригнал из леса двух оленей с козами своей матери: он признался, что у него были некоторые проблемы с козами, которые так долго дичали, что потеряли свои рога, и это обстоятельство произвело на него большое [впечатление](#)¹. Возвращаясь к фенодри, я не уверен, что в Мане их было больше одного - я никогда не слышал, чтобы о них говорили во множественном числе; но, по крайней мере, ему приписывают два населенных пункта: ферму под названием Баллакринк в Колби, на юге, и ферму под названием Ланджаган в приходе Кончан, недалеко от Дугласа. Однако в этих двух местах о нем рассказывают практически одни и те же истории, и одна из самых любопытных - та, что повествует о том, как он уехал. Фермер так ценил услуги фенодри, что однажды ему взбрело в голову снабдить его одеждой. Фенодрик внимательно осмотрел каждый предмет, высказал свое мнение о нем и указал, какую болезнь он может вызвать. Одним словом, он пришел к выводу, что от этой одежды заболеют голова и ноги, и ушел с отвращением, сказав фермеру: "Хоть это место и твое, но великий глен Рашен - нет". Глен Рушен - один из самых уединенных гленов на острове, он стекает через Глен Ми к побережью, расположенному в нескольких милях к югу от Пила. Предполагается, что именно в Глен Рашен и отправился фенодри; но, посетив эту долину в 1890 [году](#)² в поисках крестьян, говорящих на манкском языке, я не нашел там никого, кто бы хоть что-то знал о нем. Я подозреваю, что распространение английского языка даже там вынудило его покинуть остров. Наконец, что касается термина *fenodyree*, я могу упомянуть, что это слово используется в Библии манксов 1819 года для обозначения *сатиры* в Исаии xxxiv. [143](#), где в английской Библии мы читаем следующее: "Дикие звери пустыни встретятся с дикими зверями острова, и сатир будет кричать на своего товарища". В Вульгате последняя фраза звучит так: *et pilosus clamabit alter ad alterum*. Термин *fenodyree* был объяснен Крегином в его *словаре манксов* как означающий того, у кого есть волосы для чулок или рукавов. Это соответствует описанию волосатого сатира и, кажется, вполне удовлетворяет фонетике данного случая; слова, из которых он выводит соединение, - [fynney](#)⁴, "волосы", и *oashyr*, "чулок"; но поскольку *oashyr*, похоже, происходит от старого норвежского *hosur*, множественного числа *hosa*, "рукав или чулок", термин *fenodyree* не может возникнуть раньше прихода норманнов; и я склонен считать эту идею скорее тевтонской, чем кельтской. Во всяком случае, мне нет нужды указывать английскому читателю на двойников этого волосатого сатира в хобгоблине "Лоб лежит у огня" и в мильтоновском "Лубочном изверге", которого он описывает как того, кто

Балуется у огня своей волосатой силой,

И урожай полный бросает за дверь,
До того, как прозвенит первый петух.

Наконец, я могу упомянуть, что мистеру Редеру есть что сказать о фенодире под именем глаштын; ибо трудно провести какую-либо жесткую и быструю границу между глаштыном и фенодиром или даже водяным быком, настолько одинаково они, по-видимому, рассматривались. Из фольклора г-на Редера, касающегося глаштынов (см. *Lioar Manninagh*, iii. 139), следует, что были мужчины и женщины глаштыны, и что первые, как считается, слишком любили женщин в Баллакринке, пока однажды вечером некоторые мужчины, переодетые женщинами, не устроили прием для нескольких молодых глаштынов. Независимо от того, имеет ли фенодир норвежское происхождение или нет, глаштын - явно кельтское, как будет показано далее в главе vii. Здесь же достаточно упомянуть одно или два родственные слова, записанных в горско-гэльском языке, а именно: *glaistig* - "гоблин, принимающий облик козла" и *glaisrig* - "фея женского пола или гоблин, наполовину человек, наполовину зверь".

Следующими на наше внимание претендуют феи, и поскольку единственные известные мне феи - это уэльские, я могу лишь сравнить или противопоставить манкских фей валлийским. На языке манксов они называются *sleih beggey*, или маленькие люди, и *ferrishyn*, от английского слова *fairies*, как кажется. Как и валлийские феи, они похищают младенцев; я слышал, как одна женщина в Далби боролась с феями за своего ребенка, которого они пытались вытащить у нее из кровати. Как и валлийские феи, они также завладевают очагом после того, как фермер и его семья ложатся спать. Один человек в Далби часто заставлял их за разведением большого огня на своей кухне: он слышал треск и пламя, когда там не *могло* быть никого, кроме фей и их друзей. Я сказал "друзья", потому что они иногда берут с собой человека и позволяют ему есть с ними за счет других. Так, несколько человек из самого северного прихода, Кирк-Брайд, отправились однажды в Порт-Эрин, на юге, чтобы купить рыбы на зиму, и с ними пошел человек из Кирк-Майкла, имевший репутацию *персоны грата* у фей. Один из жителей Порт-Эрина спросил у человека с севера, кто этот человек Майкл: ему было интересно узнать его имя, так как он уже видел его однажды, и в тот раз человек Майкл был с феями в своем доме - доме жителя Порт-Эрина - и вместе с остальными угощался хлебом и сыром. Поскольку в данном случае феи угощались обычным хлебом и сыром за счет живого манкса, эту историю, возможно, можно считать не противоречащей одной, упомянутой [Каммингом5](#), следующего содержания: "Однажды ночью человек, привлеченный музыкой фей, когда он переходил через горы, вошел в зал фей, где шел банкет. Он заметил среди них несколько лиц, которые показались ему знакомыми, но никакого акта взаимного узнавания не произошло, пока ему не предложили выпить, и тогда один из тех, кого он, казалось, знал, предупредил его, чтобы он не пробовал напиток, если у него есть желание вернуться домой. Если он его выпьет, то станет таким же, как они. Поэтому он нашел возможность выплеснуть напиток на землю и уберечь чашу, после чего зал и все его обитатели мгновенно исчезли. В связи с этим я могу заметить, что, по-видимому, было широко распространено поверье, что никому, кто принял пищу для духов, не будет позволено вернуться к прежней жизни, и некоторые случаи можно найти у профессора Тайлора в его *"Первобытной культуре"*, ii. 50-2.

Как и валлийские феи, манкские забирают с собой мужчин и держат их годами. Так один человек из Кирк-Андреаса отсутствовал у своего народа четыре года, которые он провел с феями. Он не мог рассказать, как вернулся, но ему казалось, что, находясь в

бессознательном состоянии, он наконец-то очнулся в этом мире. Однако другой мир, в котором он находился эти четыре года, был не так уж далек, поскольку он мог видеть, чем каждый день занимались его братья и остальные члены семьи, хотя они и не могли видеть его. Чтобы доказать это, он рассказывал им, чем они занимались в такой-то и такой-то день, и, в частности, как в определенный день они отвозили кукурузу в Рамси. Он также напомнил им, что они услышали внезапный резкий треск, когда проходили мимо названного им тернового куста, и были так напуганы, что один из них побежал бы обратно домой. Он спросил их, помнят ли они это, и они ответили, что помнят, только слишком хорошо. Тогда он объяснил им смысл шума, а именно, что одна из фей, с которой он все это время скакал галопом, собиралась пустить стрелу в его братьев, но когда она собиралась это сделать, он (пропавший брат) поднял дощечку и перехватил стрелу: именно этот резкий звук они и слышали. Таков был рассказ о его пребывании в Фейри. Это представление мира фей как заключенного в обычном мире смертных очень примечательно; но это не новая идея, поскольку мы, кажется, обнаруживаем ее в ирландской истории о похищении Конла [Руадаб](#): фея, которая приходит за ним, говорит ему, что жители Тетры, которых она представляет, видят его каждый день, когда он принимает участие в собраниях своей страны и сидит среди своих друзей. В более распространенном варианте фей просто представляют невидимыми для смертных по желанию; в одном из валлийских рассказов говорится о том, как смертная повитуха, одевая младенца-фею, случайно коснулась глаз мазью, которая сделала мир фей видимым для нее: см. с. 63, 213, выше.

Как и валлийские феи, манкские, как читатель видел, ездили на лошадях; у них также были собаки, как и у валлийских. Об этом я узнал из другой истории, в которой говорится, что рыбака, который вез домой свежую рыбу, преследовала стая собак фей, так что только с большим трудом он добрался до собственной двери. Тогда он подобрал камень и бросил его в собак, которые тут же исчезли; но спастись ему не удалось, так как в него выстрелили феи и так ранили его, что он пролежал больным целых шесть месяцев с того дня. Мне сказали, что феи оставили бы его в покое, если бы он только позаботился о том, чтобы положить щепотку соли в рот рыбе перед тем, как отправиться в путь, потому что манкские феи не выносят ни соли, ни крещения. Поэтому крещенные дети, как и в Уэльсе, меньше подвержены похищениям этих эльфов, чем некрещенные. Нет нужды добавлять, что веточка [куирна](#)⁷ или рябины также эффективна против фей в Мане, как и в Уэльсе. Манкские феи, похоже, были музыкальными, как и их сородичи в других странах; я слышал, как один человек из Оррисдейла, пересекая ночью соседние горы, слышал музыку фей, которая так понравилась ему, что он прислушался и попытался запомнить ее. Однако ему пришлось, как говорят, трижды возвращаться к этому месту, прежде чем он смог полностью сохранить ее в памяти, что ему и удалось сделать в последний раз, как раз когда наступал день и музыканты исчезали. Этот воздух, как мне сказали, теперь известен под названием *Bollan Bane*, или *White Wort*. Что касается некоторых валлийских песен, которые, как предполагается, произошли от фей, см. стр. 201-2 выше.

До сих пор я не указал почти ничего, кроме сходства между манкскими и валлийскими феями, и нашел очень мало указаний на различия. Во-первых, что касается соли, то я не могу ничего сказать по этому поводу, поскольку не знаю, как относятся к соли валлийские феи: не исключено, что они отвергают соль, как и крещение, тем более что Римская церковь давно связывает соль с крещением. Однако между феями Мана и Уэльса есть, по крайней мере, одно различие: последние, насколько я могу вспомнить, никогда не пускают стрелы в мужчин или женщин и вообще не с [луком](#)⁸, тогда как феи Манкса всегда готовы выстрелить. Можем ли мы, таким образом, условно считать эту черту фей Манкса заимствованной из тевтонского источника? Во всяком случае, английские и шотландские эльфы должны были

стрелять, и я обязан любезности моего коллеги, профессора Напьера, который обратил мое внимание на "*Пиявочные дома ранней Англии*"⁹ для примера.

Теперь, когда большинство воображаемых обитателей Человека и его побережья быстро прошли перед читателем, я могу сказать кое-что о других, которых я считаю полувоображаемыми - реальными человеческими существами, которым приписываются невозможные атрибуты: Я имею в виду прежде всего ведьм, или, как их иногда называют на манкском английском, *батчей*¹⁰. Этот термин я принимаю за вариант английского слова *witch*, образованный под влиянием глагола *bewitch*, который в манкском английском сократился до формы *butch*, особенно если иметь в виду камбрийское и шотландское произношение этих слов, как *wutch* и *bewutch*. Теперь ведьмы меняют форму, и я слышал об одной старой ведьме, превратившейся в голубя; но это я вынужден считать исключением; обычная форма, в которую переходят ведьмы манксов по своему желанию, - это заяц, причем такой быстрый и толстокожий заяц, что никакая борзая, кроме черной, без единого белого волоска, не может его поймать, и никакая пуля, кроме серебряной монеты, не пробивает его тело. Обе эти особенности хорошо известны и в Уэльсе. Однако я замечаю разницу между Уэльсом и Маном в отношении заячьих ведьм: в Уэльсе зайцами могут становиться только женщины, и это свойство, насколько я знаю, передается в некоторых семьях. Я знал многих таких, и моя собственная няня принадлежала к одной из них, так что моя мать считала, что было довольно опрометчиво поручать меня у *Gota*, или "Стриженой", поскольку она могла сбежать в любой момент, оставив свою подопечную заботиться о себе. Но я никогда не слышал, чтобы мужчина или мальчик из такой семьи превращался в зайца, тогда как на острове Мэн ведьмы-зайцы могут принадлежать, если можно так выразиться, к любому полу. Однако я не уверен, что человека, превращающегося в зайца, можно назвать волшебником или ведьмой; и я припоминаю, что в окрестностях Рэмси слышал о человеке по прозвищу *Гауе Мваагх*, то есть "заячий кузнец", причина в том, что этот кузнец время от времени принимал облик зайца. Я не совсем уверен, что *gaauie mwaagh* - это название класса, хотя я скорее предполагаю, что это так. Если это так, то его следует рассматривать как пережиток магического мастерства, связанного с кузнецами в древней Ирландии, о чем свидетельствует, например, гимн святого Патрика в рукописи XI или XII века в Тринити-колледже в Дублине, известной как *Liber Hymnorum*, в которой мы имеем молитву...

Fri brichta ban ocus goband ocus druad.

Против женских чар, кузнецов и *магов*¹¹.

Считалось, что люди, обладающие способностью превращаться в зайцев, находятся за границей и очень активны вместе со всем демоническим миром в канун майского дня по старому стилю. А один мужчина средних лет из прихода Андреас рассказал мне, как он три или четыре раза сталкивался с женщиной, которую считали ведьмой и которая занималась своими злыми делами на перекрестке дорог или на месте пересечения трех границ. Однажды это случилось очень ранним майским утром, и после этого он еще несколько раз встречал ее, когда возвращался домой после визита к своей возлюбленной. Он предупредил ведьму, что если еще раз встретит ее, то ударит ногой: так он мне рассказывает. Через некоторое время он снова застал ее за работой на четырех перекрестках, где-то недалеко от Лезайра. Вокруг нее был выметен круг, по его словам, такой же большой, как у лошадей при молотье. Он ударил ее ногой и отобрал у нее расческу, которую спрятал до середины дня. Затем он заставил крестьянских мальчишек принести сухую рябину и положил на нее ведьмин посох. После этого подожгли заросли, и, что удивительно, заросли, сгорая, потрескивали и издавали звуки, похожие на выстрелы. В самом деле, шум был слышен в церкви Андреаса - то есть за много миль. По его словам, на бесе было "семнадцать видов

узлов", и сама женщина должна была сгореть: на самом деле, добавил он, она недолго пережила свой бес. Человек, рассказавший мне об этом, здоров и крепок, живет сейчас в приходе Михаила, а не Андреаса, где он родился.

Существует традиция в церкви Св. Иоанна, над которым возвышается гора Слиеу Уоллиан, что ведьм когда-то наказывали тем, что заставляли скатываться с крутого склона горы в бочках с шипами; но, если не предавать их смерти, существовали различные способы сделать козни ведьм безобидными или устранить причиненное ими зло; ведь заклинатели предлагают различные средства для их триумфальной встречи, а если жертвой становится животное, то его сожжение всегда оказывается эффективным средством привлечения преступника к ответственности: У меня еще будет повод вернуться к этому вопросу под другим заголовком. Существует поверье, что если вы можете взять кровь, пусть даже небольшую, у ведьмы или человека, обладающего дурным глазом, то он теряет способность причинить вам вред; и мне рассказывали, что раньше это поверье иногда исполнялось. Так, например, выходя из церкви, человек, воображавший, что ему угрожает опасность со стороны другого, подходил к нему или шел рядом и наносил ему легкую царапину или какую-нибудь другую пустяковую рану, которая вызывала кровь; но это, должно быть, всегда было сопряжено с большей или меньшей опасностью.

Лица, способные распутать работу ведьм и снять вредоносное влияние сглаза, известны на английском языке манксов как заклинатели, и сейчас необходимо кое-что сказать о них. Они по-разному приступают к своей работе. Одна дама лет тридцати пяти, живущая в Пиле, рассказала мне, как в детстве, когда она страдала от опухоли на шее, ее очаровала старая женщина. Эта заклинательница принесла с собой не менее девяти кусков железа, состоящих из кусочков старых кочерг, старых гвоздей и других предметов из того же металла, всего девять кусков. Призвав Отца, Сына и Святого Духа, она принялась растирать шею девушки старыми утюгами; этим она не ограничилась, а стала растирать металлом двери, стены и мебель. Результат, как меня заверили, был весьма удовлетворительным, так как с того дня ее никогда не беспокоила опухоль в горле. Иногда в заклинаниях используется отрывок из Библии, как, например, в случае кровотечения. Один из стихов, произносимых в этом случае, - Иезекииль хvі. 6, который гласит: "И когда я проходил мимо тебя и увидел тебя оскверненным в крови твоей, я сказал тебе, когда ты был в крови твоей, - живи; да, я сказал тебе, когда ты был в крови твоей, - живи". Это рассказал мне один человек из Лакси, которому больше семидесяти лет. Методы выведения бородавок разнообразны. Одна женщина из окрестностей Сент-Джонса рассказала мне, как один заклинатель посоветовал ей избавиться от бородавок на руках. Она должна была взять нитку и сделать на ней узел для каждой бородавки, а затем обвязать нитку вокруг руки или пальцев - не помню, как именно; и я думаю, что моя информантка, со своей стороны, забыла сказать мне важную часть формулы, а именно, что нитка должна была быть уничтожена. Но как бы то ни было, она заверила меня, что бородавки исчезли и с тех пор больше не появлялись. У женщины из Андреаса есть еще более простой метод избавления от бородавок. Она натирает бородавки улиткой, затем кладет улитку на одно из остриев терновника и, по сути, оставляет улитку умирать, прикованную к терновнику; и когда улитка умирает, бородавки исчезают. Она проделала это в случае своей племянницы с полным успехом, так как бородавка была в порядке; но она забыла заметить, что улитка тоже погибла.

Даму, которая в этом случае применила средство, ни в коем случае нельзя назвать чаровницей, сколько бы ни настаивали на том, чтобы назвать ее поступок чарами. На самом деле термин "чаровница" обычно ассоциируется с особым видом чародейства, связанным с использованием трав. Так, неподалеку от Кирк-Майкла жил знаменитый заклинатель, к

которому имели обыкновение прибегать рыбаки, и мой собеседник рассказал мне, что не раз посылал к нему своих коллег-рыбаков из-за отсутствия успеха в ловле. Заклинатель дал ему пакет трав, мелко порезанных, с указаниями, что их следует заварить, а воду смешать с каким-то спиртом - кажется, ромом - и частично выпить в лодке капитаном и командой, а частично обрызгать лодку и все, что в ней находится. Шарманщик четко объяснил моему информатору свою позицию в этом вопросе. "Я не могу, - сказал он, - положить рыбу в ваши сети за вас; но если на пути вашей удачи есть какое-нибудь несчастье, я могу устранить его за вас". Однако сами рыбаки имели более преувеличенные представления о функциях заклинателя, так как однажды мой информатор потратил на выпивку для своих собутыльников деньги, которые должен был отдать заклинателю, а затем сам собрал травы - неважно, какие - и отнес их своему капитану, который вместе с командой прошел через соответствующий ритуал и в ту же ночь сделал самый удачный улов. Единственным поводом для недовольства было то, что заклинатель не распределил рыбу на две ночи, вместо того чтобы подвергать их сети опасности чрезмерной добычей за одну ночь. Они считали, что он может делать в этом вопросе почти все, что ему заблагорассудится.

Одна женщина в Андреасе рассказала мне о знаменитом шарманщике, который жил между этим местом и побережьем. Он работал на ферме ее мужа, но его часто вызывали, чтобы посоветоваться. Обычно он нарезал полынь для приходящих к нему людей, а если ее не было, то не брезговал лишить огород всех маленьких кочанчиков капусты и тому подобного. Он мелко рубил их и давал указания, как их варить и пить воду. Обычно он поручал всем, кто уходит от него, не разговаривать ни с кем по дороге, чтобы не нарушить очарование, и эта таинственность, очевидно, была важным элементом его профессии. Но, тем не менее, он был скупым человеком, и, отправляясь в Пил, посылая глашатая объявить о своем прибытии и получая от рыбаков неплохие деньги, он редко вел себя так, чтобы принести большую часть своего заработка домой. Он умер в нищете около семи или восьми лет назад в Рэмси, оставив вдову в большой бедности. Что касается сегодняшнего дня, то дочь ныне покойного заклинателя замужем за человеком, живущим в деревне на южной стороне острова, и, похоже, она унаследовала репутацию очаровательной особы своего отца, поскольку рыбаки со всех концов, как говорят, стекаются к ней за удачей. Кстати, на юге я не раз слышал, как к ней обращались в случае внезапной и опасной болезни, даже после того как был получен самый лучший медицинский совет: похоже, у нее обширная практика.

На мой вопрос, как умерший в Рэмси заклинатель приносил морякам удачу в рыбалке, моя информаторша в Андреасе не смогла ответить, кроме того, что он давал им травы, как уже было описано, и, по ее мнению, продавал им палочки, которые они клали под подушку. Я полагаю, что чары были направлены в основном на устранение предполагаемых препятствий на пути к успеху в рыбалке, а не на какие-либо действия более позитивного характера. Насколько мне удалось выяснить, очарование передается по наследству, и говорят, что оно передается от отца к дочери, а затем от дочери к сыну и так далее - замечательный вид происхождения, о котором я был бы рад узнать мнение антропологов. Один из лучших ученых-манксов на острове рассказал мне, как однажды рыбаки настояли на том, чтобы он исполнил для них заклинание, потому что он из такой-то и такой-то семьи, и как он выставил их дураками. Мне кажется, что семейства заклинателей сравнительно немногочисленны, и это выглядит так, будто они произошли от семейных лекарей или друидов одного или двух вождей в древние времена. Вполне вероятно, что этот вопрос может прояснить местный житель, знакомый с островом и всем тем, что говорят традиции о родословных манксов.

В случае болезни животных также прибегали к помощи трав, а если животными оказывались дойные коровы, то травы нужно было варить в их молоке. Предполагалось, что это приводит к

чудесным результатам, которые описал один человек, живущий в местечке по дороге из Каслтауна в Южный Баррул: "У одного фермера в его приходе была корова, которая, по его словам, доилась кровью, и это было следствием недоброжелательности ведьмы. Он отправился к знахарке, которая дала ему несколько трав, которые он должен был сварить в молоке больной коровы, и знахарка велела ему, что бы он ни делал, не бросать смесь, пока она стоит на огне, несмотря ни на какие звуки, которые он может услышать. Фермер вернулся домой и принялся варить травы, как было велено, но вдруг услышал сильный стук в дверь, жуткое мычание скота в коровнике и камни, сыпавшиеся с "чамли": все закончилось тем, что он внезапно убежал и бросился в постель, чтобы укрыться за женой. Он снова отправился к чародею и рассказал ему о том, что произошло: ему сказали, что в следующий раз он должен быть более смелым, если не хочет, чтобы его корова умерла. Он пообещал сделать все, что в его силах, и на этот раз стоял на своем, несмотря на шум и скрип окон - пока заднее окно не разлетелось на куски и не впустило ведьму, которая попросила у него прощения и пообещала больше никогда не беспокоить ни его, ни его. Все это произошло на ферме, о которой идет речь, во времена деда нынешнего фермера. Кипячение чародейных трав в молоке всегда вызывает большой переполох и блеяние среди скота и неизменно излечивает больных: в это твердо верят уважаемые фермеры, которых я могу назвать, в частности, на севере острова, и я имею в виду людей, которых можно считать достаточно образованными представителями своего класса.

В последнем случае не только происходит необходимое излечение, но и ведьма, причинившая зло, оказывается на месте. Недавно я узнал о параллели с этим поверьем, которое, похоже, все еще распространено на Нормандских островах, особенно на Гернси. Следующие случаи были сообщены мне ярым фольклористом, у которого есть друзья на островах:...

Одна пожилая женщина в Тортевале заболела, и двум ее сыновьям сказали, что если они попробуют применить одно из гадательных заклинаний, например, сварить в горшке определенные травы, то первый человек, который придет в дом, окажется тем, кто наложил заклятие на их мать. Так они и сделали, и кто только не появился в доме, кроме бедного бретонского продавца лука, и когда он собирался уходить, его настигли два сына, которые избили его до полусмерти. Их привлекли к ответственности и приговорили к тюремному заключению; но в показаниях не фигурирует шарм, хотя общеизвестно, что именно он был причиной нападения. Этот рассказ был дан моим информатором в 1898 году, и, судя по всему, инцидент произошел незадолго до этого. Другой случай описывается так: "Некая семья страдала от чумы вшей, которую они считали следствием заклинания. Они приготовили отвар из трав и стали искать первого встречного. Им оказался их сосед, который хотел купить семена репы. Семья подвергла его жестокой критике. Он ушел, но за ним следили и поймали два сына дома, которые жестоко избили его. После судебного преследования им пришлось выплатить ему компенсацию в размере 5 фунтов стерлингов. Это произошло летом 1898 года в приходе самого рассказчика, в Гернси. У меня есть и другой случай, произошедший совсем недавно: молодая женщина, чья взбивалка была настолько неудачной, что масло не шло, сварила травы по рецепту. Она ждала первого желающего, и, будучи помолвленной, ее предполагаемый муж, естественно, пришел первым. Она так жестоко издевалась над ним, что он разорвал помолвку. Эти примеры достаточно далеко зашли, чтобы поставить вопрос о том, почему кипячение трав должно приводить виновного сразу же на место, но вряд ли они пойдут дальше, а именно помогут нам ответить на него.

Магия возвращает нас к очень примитивной и свободной манере мышления; поэтому удивительно легкий способ, с помощью которого она отождествляет любую связь, пусть даже хрупкую, с неразрывными узами отношений, которые образованные мужчины и женщины считают связующим звеном между причиной и следствием, делает даже более простые средства, чем описанные мной, вполне пригодными для устранения зла, вызванного деятельностью сглаза. Так, предположим, что человек, наделенный дурным глазом, только что прошел мимо стада скота фермера, и теленок внезапно заболел тяжелой болезнью, фермер спешит за человеком со сглазом, чтобы вымести пыль из-под его ног. Если тот возражает, фермер может, как это иногда и происходило на самом деле, повалить его на землю силой, снять с него обувь, соскоблить прилипшую к подошвам пыль и отнести ее обратно, чтобы обсыпать теленка. Но даже это не всегда необходимо, так как вполне достаточно, если он поднимет пыль там, где только что ступала нога сглазника. В народных записях есть бесчисленное множество случаев, когда оба средства оказывались совершенно эффективными, и они напоминают историю, рассказанную в *Itinerarium Cambriæ*, i. 11, Гиральдусом, об архиепископе, когда он проповедовал в окрестностях Хаверфордвеста. Некая женщина потеряла зрение, но так верила в этого святого человека, что послала своего сына попытаться раздобыть хоть немного бахромы от его одежды. Юноша, не сумев пробиться сквозь толпу, окружившую проповедника, подождал, пока она рассеется, а затем отнес домой матери дерн, на котором он стоял и на котором остались следы его ног. Она приложила эту землю к лицу и глазам, в результате чего сразу же восстановила зрение. Аналогичный вопрос психологии возникает и в практике, предназначенной скорее для защиты от сглаза, чем для лечения. Я ссылаюсь на то, что слышал о двух девицах, живущих в хорошо знакомой мне манкской деревне: они уроженки соседнего прихода, и меня заверили, что всякий раз, когда в их дом входит незнакомец, они, как только он уходит, посыпают место, где он стоял, пылью или песком. Это делается для того, чтобы предотвратить любое злокачественное влияние, вызванное его визитом. Это молчаливое отождествление человека с его следами можно обнаружить в более шаткой и приятной форме в причудливой затее, знакомой мне по лирике деревенской жизни Уэльса, когда, например, жеманная дева оставляет своего влюбленного суэна, горячо заверяя его в совершенной готовности *cusanu ol ei thraed*, то есть проделать на коленях все этапы ее пути через луг, целуя землю везде, где она была удостоена следа ее изящной ножки. Возьмем другой случай, в котором пуповина ассоциации не так уж немыслимо тонка, а именно: когда к двум или более лицам, находящимся в близких отношениях друг с другом, по ошибке относятся как к взаимно независимым, можно услышать возражение, что неважно, А или Б, что это, в сущности, одно и то же, поскольку они принадлежат к одному и тому же концерну. На валлийском языке это иногда выражается словами: *Yr un yw Huw'r Glyn a'i gloes*, то есть "Хью из Глена и его башмаки - все едино". И когда вы говорите по-английски о человеке, "стоящем на чужом месте", я отнюдь не уверен, что вы не используете выражение, которое для тех, кто его впервые употребил, значило нечто большее, чем для нас. Наши современные идиомы, при всем их стремлении к абстрактности, - это всего лишь ментальные инструменты первобытного человека, приспособленные к требованиям цивилизованной жизни, и они часто сохраняют следы той формы и очертаний, которые придал им неолитический рабочий в процессе обтесывания и полировки.

Трудно разложить эти обрывки по каким-либо четко классифицированным рубрикам, и теперь, когда я ввел читателя в гущу магических событий, возможно, я с тем же успехом перейду к упоминанию еще нескольких: Я уже упоминал о кипячении трав по приказу заклинателя, в результате чего, помимо прочего, ведьма оказывается на месте. Однако это не единственный пример важности и странной эффективности огня. Ведь когда на ферме умирает какой-нибудь зверь, он, конечно же, умирает, согласно старомодному взгляду на

вещи, как я его понимаю, от влияния дурного глаза или вмешательства ведьмы. Поэтому, если вы хотите узнать, кому вы обязаны гибелью животного, вам нужно просто сжечь его тушу на открытом воздухе и посмотреть, кто первым придет на место или кто первым пройдет мимо: это и есть преступник, которого следует обвинить в смерти животного, и он не может не прийти туда - таково действие огня. Одна женщина из Майкла, которой сейчас около тридцати лет, рассказывала мне, как она наблюдала за тем, как горит туша заколдованного жеребенка, как она видела приближение ведьмы и как она помнит ее сморщенное лицо с носом и подбородком в непосредственной близости. По словам другого уроженца Майкла, хорошо информированного мужчины средних лет, животное, о котором идет речь, чаще всего было теленком, и его сжигали целиком, со шкурой и всем остальным. Цель, по его словам, неизменно состоит в том, чтобы привести на место гадалца, и он всегда приходит; но мне неясно, что с ним происходит, когда он появляется. Мой собеседник добавил, однако, что, по поверьям, если колдун не завладеет сердцем горящего зверя, он теряет всю свою силу околдовывать. Он также рассказал, как однажды его отец и еще трое мужчин рыбачили на западном побережье острова, когда один из них вдруг выразил желание высадиться на берег. Поскольку они успешно рыбачили в двух-трех милях от берега, они и слышать об этом не хотели. Однако он настаивал на том, чтобы его немедленно высадили на берег, что вызвало сильное возмущение его товарищей, но вскоре им пришлось уступить, так как они поняли, что он намерен выпрыгнуть за борт, если они не подчинятся. Когда он выбрался на берег, они увидели, как он поспешно удаляется в сторону, где в углу поля горел зверь.

В рассказах манксов это сожжение весьма загадочным образом объединяется с тем, что можно назвать жертвоприношением на удачу. Следующие обрывки информации проясняют, что я имею в виду: - Один уважаемый фермер из Андреаса рассказал мне, что несколько лет назад он вместе с женой ехал в соседний приход Джурби, и по дороге они увидели, как в поле горит туша коровы или быка, а женщина занимается тем, что разжигает огонь. Добравшись до деревни, в которую они направлялись, они обнаружили, что горящее животное принадлежит знакомому фермеру. Далее им сказали, что нет ничего удивительного в том, что этот фермер сжег одну из своих скотин, поскольку несколько из них недавно умерли. Был ли это случай жертвоприношения или нет, я сказать не могу. Но приведу другой пример: один человек, о котором я уже упоминал, видел, как на ферме, расположенной ближе к центру острова, сжигали живого теленка. Хозяин фермы носит английское имя, но его семья давно обосновалась на Мане. Фермер объяснил моему информатору, что теленка сожгли, чтобы принести удачу остальному стаду, некоторым из которых грозила смерть. Мой информатор считал, что с ними не было ничего страшного, кроме того, что у них было слишком мало еды. Как бы то ни было, один теленок был принесен в жертву всесожжения, чтобы обеспечить удачу для остального скота. Позвольте мне также процитировать заметку мистера Мура в его *"Фамилиях Мэнкс"*, стр. 184, о названии места *Cabbal yn Oural Losht*, или "Часовня сожженной жертвы". "Это название, - говорит он, - отражает обстоятельство, которое имело место в XIX веке, но которое, надо надеяться, никогда не было обычным на острове Мэн. Фермер, потерявший несколько своих овец и крупного рогатого скота в результате моровой язвы, сжег теленка в качестве умиловительной жертвы божеству на этом месте, где впоследствии была построена часовня. Отсюда и название". К заявлению мистера Мура можно легко добавить детали, касающиеся времени, места и человека, за исключением, пожалуй, божества, о котором идет речь: об этом мне никогда не сообщали, но мистер Мур, вероятно, был прав, используя заглавную букву "д", поскольку жертвователем был, по всем данным, благочестивым христианином. Я должен поблагодарить сэра Фредерика Поллока за то, что он обратил мое внимание на параллель по эту сторону моря: он отправляет меня к *"Истории Девоншира"* Уорта (Лондон, 1886), стр. 339, где можно прочесть следующий необычный отрывок: "Живых

животных сжигали живьем в жертву в память о них, чтобы предотвратить потерю другого поголовья. Предполагается, что захоронение трех щенков "с клеймом" на поле избавит его от сорняков". Второе утверждение очень любопытно, а первое, похоже, означает, что в Девоншире на памяти людей, живших во времена автора, проводились профилактические жертвоприношения.

Еще один пример из жизни Мэнкс: одна восьмидесятилетняя женщина, родившаяся в приходе Брайд, а ныне живущая в Кирк-Андреасе, видела, когда была "комочком" лет десяти-пятнадцати, как в поле в приходе Андреас сжигали живую овцу в майский день, под которым она подразумевала первое мая, считавшееся по старому стилю. Она [утверждает](#)¹² совершенно определенно, что это был *son oural*, "для жертвоприношения", как она выразилась, и "для всеобщего обозрения": таковы были ее слова, когда она выражалась по-английски. Кроме того, она заявила, что сжигать овцу в день Старого мая - это обычай. Я полностью осознал интерес этого свидетельства и подверг ее перекрестному допросу, насколько это позволял ее возраст, и пришел к выводу, что она твердо придерживается своих показаний, но я выделяю два или три момента в ее показаниях: 1. Я не сомневаюсь, что она видела, проходя мимо определенного поля на границе Андреасского прихода, как в старый майский день сжигали живую овцу. 2. Но ее утверждение, что это был *сын Орала*, или жертвоприношение, было, вероятно, лишь умозаключением, сделанным ею, возможно, много лет спустя, после того, как она услышала о подобных вещах. 3. Наконец, я убежден, что она действительно слышала, как обсуждалось жертвоприношение в майский день, как на манкском, так и на английском языках: Ее слова "для всеобщего обозрения" - это ее несовершенное воспоминание о фразе, услышанной кем-то более амбициозным в использовании английских абстрактных терминов, чем она; а формальный характер ее заявления на манкском, что в майский день было принято сжигать в качестве жертвы одну голову овцы (*Laa Boaldyn va cliaghtey dy lostey son oural un baagh keyrragh*), производит на меня такое же впечатление, что она просто повторяет чьи-то слова. Я упоминаю об этом тем более, что мне не удалось найти ни в Андреасе, ни в Брайде, ни вообще на всем острове никого, кто признался бы сейчас, что когда-либо слышал о жертвоприношении овец в старый майский день.

Время, назначенное для жертвоприношения овец, а именно майский день, заставляет меня сделать несколько замечаний о важности этого дня у кельтов. Как я уже говорил, речь идет о Старом майском дне, по-манкски *Shenn Laa Boaldyn, belltaine* из "*Глоссария Кормака*", по-шотландски *bealtuinn*. Это был день, когда предпринимались систематические усилия по защите людей и зверей от эльфов и ведьм; именно тогда люди носили кресты из рябины в своих шляпах и клали майские цветы на верхушки своих дверей и в других местах как обереги от всех вредоносных влияний. С той же целью кресты из рябины прикрепляли к хвостам скота, причем маленькие крестики приходилось делать без помощи ножа: На одном из заседаний Фольклорного общества я выставил крошечный экземпляр. Ранним майским утром, как и в других странах, выходят собирать росу, что считается очень полезным занятием. В Кирк-Майкле одна женщина, которая много лет назад отправилась в этот поход, рассказала мне, что она умыла лицо росой, чтобы обеспечить себе удачу, хороший цвет лица и защиту от ведьм. Перерыв в этот день также является сигналом для поджога лиан или чащи, что делается для того, чтобы выжечь ведьм, принимающих облик зайца; а ружья, как мне сказали, свободно использовались для стрельбы по любой дичи, встреченной в это утро. При должном заряде некоторые из ведьм время от времени попадали в цель и получали ранения, после чего возвращали себе человеческий облик и оставались калеками до конца жизни. Однако, судя по всему, огонь был главным средством, на которое полагались для избавления от ведьм и других вредоносных существ; я слышал, что использование огня

доходило до того, что иногда практиковалось - например, в Лезайре - сжигание зарослей рогоза, пусть и небольшого, в изгороди каждого поля на ферме, чтобы прогнать ведьм и обеспечить удачу.

Человек, рассказавший мне об этом, на вопрос, слышал ли он когда-нибудь, чтобы в майский день скот прогоняли через огонь или между двумя кострами, ответил, что этот обычай не известен ему как манкский, но является ирландским. Один торговец скотом, которого он назвал, в майский день прогонял свой скот через огонь, чтобы немного опалить его, так как считал, что это убережет его от вреда. Это был ирландец, который приехал на остров много лет назад, и чьи дети сейчас живут на острове. Когда я спросил его, знает ли он, откуда приехал торговец, он ответил: "Вон с тех гор", - указав на горы Морн, смутно вырисовывающиеся в тумане на западном горизонте. Ирландский обычай, известный моему манкскому информатору, интересен и тем, что проливает свет на манкский обычай, и тем, что является продолжением очень древнего обряда, о котором упоминает Кормак. Этот писатель или кто-то от его имени говорит, что *Беллтайн*, майский день, был назван так из-за "счастливого огня" или "двух костров", которые друиды Эрина разжигали в этот день с великими заклинаниями; и скот, добавляет он, приводили к этим кострам или водили между ними, чтобы уберечься от болезней года. [Кормак13](#) ничего не говорит, как можно заметить, о том, что один из скотов или овец приносился в жертву ради процветания остальных. Однако [шотландские14](#) обычаи майского дня указывают на то, что жертвоприношение когда-то было обычным делом, причем, возможно, человеческих существ, а не овец, как на острове Мэн. В другом [месте15](#) я пытался приравнять кельтские обычаи майских дней к [Таргелии16](#) древних афинян. Таргелии отличались особыми обрядами, и среди прочего на них водили двух взрослых людей, как козлов отпущения, а в конце приносили их в жертву и сжигали, чтобы развеять их прах. Здесь мы, похоже, находимся на пути очень древней арийской практики, хотя кельтский сезон не совсем совпадает с греческим. Несколько важных для сравнения примеров можно найти в тщательном анализе статьи г-на Лоренса Гомма "О методе определения ценности фольклора как этнологических данных" в Четвертом докладе Комитета по этнографическому [исследованию17](#).

Вероятно, именно в каком-то древнем обычае майского дня мы должны искать ключ к примечательному географическому названию, встречающемуся на острове несколько раз: Я имею в виду *Cronk yn Irree Laa*, что, вероятно, означает "Холм восхода дня". Это название одной из гор на юге острова, но его также носит один из холмов у восточного конца гряды невысоких холмов, круто обрывающейся на побережье между Рэмси и Брайдом, и совсем небольшой холм носит это название возле церкви [Джурби18](#). Я слышал о четвертом случае, который, как я узнал от мистера Филипа Кермода, редактора "*Лиар Маннинагх*", находится на Клей-Хед, недалеко от Лакси. Его пытались объяснить как "Холм дневного дозора", имея в виду старый институт дозора и караула на видных местах острова; но такое объяснение неприемлемо, поскольку нарушает фонетику слов, о которых идет [речь19](#). Я скорее склонен думать, что название повсеместно относится к возвышенности, к которой окрестные жители прибегали с религиозной целью в определенный день в году. Я бы предположил, что это было почтение восходящему солнцу в майское утро, но это предположение предлагается только в ожидании лучшего объяснения.

Следующий великий день в языческом календаре кельтов называется на мангском *Laa Lhunys*, на ирландском *Lugnassad*, собрание или ярмарка, которая была связана с именем бога Луга. Этот день должен соответствовать Ламмасу, но, пересчитанный по старому стилю, он выпадает на двенадцатое августа, которое раньше было отличным днем для деловых ярмарок на острове Мэн, как и в Уэльсе. Но для проведения праздников двенадцатое число

подходило только в том случае, если оно выпадало на воскресенье: когда этого не происходило, выбиралось первое воскресенье после двенадцатого. Соответственно, оно известно как первое воскресенье сбора урожая, и его обычно отмечают толпы людей, посещающих вершины гор. Подобное вмешательство, о котором я говорил в отношении древнего праздника, является одним из закономерных результатов перехода от римского католицизма к протестантской системе с единственным фиксированным праздником, а именно воскресеньем. То же самое отчасти произошло и в Уэльсе, где Ламмас - это *Гвил Авст*, или праздник Августа, поскольку день рождения Августа, благоприятный для него и для знаменитости его времени, совпал с великим днем бога Луга в кельтском мире. День восхождения на гору Фан-Фох в Кармартеншире был Ламмас, но под властью протестантской церкви он стал первым воскресеньем августа; и даже измененный таким образом, он не смог бы долго просуществовать в условиях активного саббатарианского режима ни в Уэльсе, ни в Мане. Что касается последнего, то я слышал, как присутствовавшие при этом люди рассказывали, как толпы людей на вершине Южного Баррула в первое воскресенье жатвы были обличены в язычестве проповедником по имени Уильям Гик около семидесяти лет назад; и как другой человек по имени Парик Бег, или Маленький Патрик, проповедуя толпам на Снэфелле в более мягких выражениях, заканчивал службу сбором, что, похоже, оказалось более быстрым способом уменьшить размеры этих собраний на горных вершинах. Как бы то ни было, с тех пор они, похоже, сократились до сравнительной незначительности.

Если вы спросите, чем вызван этот обычай, ведь он еще не совсем исчез, вам ответят, что, во-первых, это просто сбор ягод линги; но время от времени приводится квазирелигиозная причина, а именно, что это день, когда дочь Иефтиха отправилась оплакивать свою девственность "на горы": так или иначе, некоторые манксы заставляют себя верить, что они делают то же самое. И это еще не все: люди, которые сами никогда не думали о том, чтобы отправиться в горы в первое воскресенье жатвы или в любое другое, могут найти дома благочестивое чтение о дочери Иефтиха в этот день. Впервые мне рассказала об этом на юге жена священнослужителя, которая, обнаружив в приходе женщину, читающую в этот день указанную главу, спросила, почему она заиклилась именно на этом фрагменте Библии. Тогда ей полностью объяснили точку зрения манксов на этот вопрос, и с тех пор она нашла больше информации об этом, как и я. Нет нужды говорить, что я не совсем понимаю, как дочь Иефтиха оказалась в этом месте: возможно, напрасно искать какую-то более глубокую причину, чем то, что упоминание гор, возможно, послужило своего рода запоминающимся словом, и, поскольку народ манксов перестал ежегодно посещать вершины гор, женщинам показалось, что им лучше всего читать дома о том, кто "поднимался и спускался по горам": они вообще большие любители читать Библию. В любом случае перед нами очень любопытный пример того, как практика, изначально языческая, претерпела глубокие изменения, чтобы получить новую жизнь.

Между майским днем и кануном ноября на острове существовал день, имевший большое значение, но закрепление за ним, вероятно, было обусловлено не кельтским влиянием: Я имею в виду канун середины лета или день святого Иоанна. Однако некоторые связанные с ним обычаи, похоже, имели кельтское происхождение, например "ношение камыша в определенные места под названием Уоррефилд и Маме в вечер Середины лета". Уоррефилд в манкском языке переводится как *Баррул*, но *Маме*, "югум, или хребет", не был идентифицирован. Баррул, о котором идет речь, - это Южный Баррул, и именно на вершину этой горы, согласно манкской традиции, несли зеленые камыши в качестве единственной ренты или налога, который платили жители, а именно Мананнану мак Лиру (по-валлийски Манавиджан аб $\square$ уґ), которого та же традиция считает отцом и основателем, королем и главным волшебником острова Мэн, тем самым Мананнаном, который причудливо

упоминается в безграмотном отрывке в начале этой главы²⁰. Как уже говорилось, выплата ежегодной ренты за камыш связана с кануном Середины лета; но это не мешало посещать вершину Южного Баррула и в более позднее время года. Возможно, стоит упомянуть и о том, что большинство гор, на которые поднимаются в первое воскресенье Жатвы, как правило, имеют рядом с вершиной какой-нибудь знаменитый колодец, который, по-видимому, и является целью паломничества посетителей. Так обстоит дело с Саут-Баррулем, источник на вершине которого, как говорят, невозможно найти во второй раз; также со Снайфеллом и Маухолд-Хед, где находится один из самых известных источников на острове. Когда я посетил ее прошлым летом в компании с мистером Кермодом, мы обнаружили в ней значительное количество булавок, некоторые из которых были погнуты, и множество пуговиц. Некоторые из булавок были не из тех, что обычно носят мужчины, а большинство пуговиц явно принадлежали одежде другого пола. Несколько человек, которые много лет назад прибегали к колодцу святого Могольда, рассказали мне, что вода в нем полезна для глаз, и что после того, как человек использовал ее на месте или наполнял ею бутылку, чтобы взять домой, он обязательно опускал в колодец булавку, бусину или пуговицу. Но в полной мере он проявлял свою силу только в первое воскресенье сбора урожая, да и то лишь в тот час, когда в церкви были открыты книги, что, если перенестись в римско-католические времена, означает, несомненно, час, когда священник читал мессу. Сравните отрывок из "Мабиноги" Мата, где говорится, что копье, необходимое для заклания *ŷew ŷawgyffes*, должно было изготавливаться целый год: работу можно было выполнять только до тех пор, пока человек был занят на жертвоприношении в воскресенье (*ar yr aberth du ŷul*): см. Oxford *Mabinogion*, p. 76. Возвращаясь к человеку, следует отметить, что это ограничение, как и следовало ожидать, не свойственно Колодцу Святого Могольда: Я слышал о нем в связи с другими колодцами, такими как Чиббир Ланш в приходе Лезайр, и с колодцем на Слиео Маггил, в который очень верят жители Кирк-Майкла. Но считалось, что даже морская вода обладает значительными достоинствами, если мыться в ней, пока в церкви открыты книги, как мне рассказала одна женщина, которая много лет назад неоднократно водила свою сестру к водолазным колодцам и к морю во время воскресной службы, чтобы ее глаза излечились от хронической слабости.

Оставшийся великий день в кельтском году называется *Саун* или *Лаа Хоуни*: по-ирландски *Самхейн*, род. падеж *Самхна*. Манксы называют его по-английски *Hollantide*, слово, происходящее от английского *All halloween tide*, "сезон всех святых²¹". Этот день также исчисляется у манов по старому стилю, так что у нас он приходится на двенадцатое ноября. В этот день заканчивается срок владения землей, и служилые люди расходятся по своим местам. Другими словами, это начало нового года; и Келли в своем *манкско-английском словаре* под словом *blein*, "год", приводит следующее примечание: "Валланси говорит, что кельты начинали свой год с января; однако на острове Мэн первое ноября называется днем Нового года у муммеров, которые накануне начинают свою петицию такими словами: *To-night is New Year's night, Hog-unnaa²², &c.*" Жаль, что Келли, занимаясь этим вопросом, не привел рифму на манкском, тем более что нынешние муммеры, если он прав, наверняка переделали свои слова в *Noght oie Houney*, то есть *To-night is Sauin Night* или *Halloween*. Я уже отчаялся найти кого-нибудь, кто мог бы подтвердить слова Келли, как вдруг прошлым летом в Кирк-Майкле мне попался человек, хорошо знакомый с этим способом празднования года. Я спросил его, может ли он объяснить абсурдное заявление Келли - я специально задал свой вопрос в такой форме. Он сказал, что может, но что в этом нет ничего абсурдного. Затем он рассказал мне, что слышал, как некоторые старики говорили об этом: ему самому сейчас около шестидесяти семи. С шестнадцати до двадцати шести лет он служил на ферме у одного и того же человека, недалеко от Регаби, в приходе Андреас, и он помнит, как его хозяин и его сосед обсуждали термин "Новый год" применительно к первому ноября и

объясняли молодым, что так было всегда в старые времена. На самом деле это казалось ему вполне естественным, поскольку все владения землей заканчиваются в это время, и все слуги начинают службу именно тогда. Я подверг его перекрестному допросу, но так и не сумел поколебать его показания. Я был бы рад несколько лет назад наткнуться на эту информацию или даже на заметку Келли, когда обсуждал кельтский год и пытался [доказать](#)²³, что он начинался в начале зимы, а майский день был началом его второй половины.

Одной из особенностей начала кельтского года с началом зимы была вера в то, что накануне этого дня можно получить указания на события года; но с наступлением календарного года было бы естественно ожидать, что календы января перенесут на них некоторые ассоциации календ зимы, и наоборот. Собственно, именно это можно наблюдать сейчас на острове Мэн. Во-первых, я могу упомянуть, что манкские муммеры имели обыкновение петь на манкском языке своего рода песню [Хогманай](#)²⁴, напоминающую ту, что распространена в Йоркшире и других частях Великобритании и, как теперь известно, имеет романское [происхождение](#)²⁵. В этой стране время для нее - канун Нового года по обычному календарю, но на острове Мэн это всегда был канун Холлантида по старому стилю, и именно в эту ночь мальчики теперь продолжают обычай старых муммеров. В этом случае нет никаких колебаний между кануном Холлантида и Новым годом. Но с предсказаниями на год все по-другому, и обычными стали следующие обычаи. Могу, однако, оговориться, что, как правило, я воздерживался от слишком тщательного выяснения, продолжают ли они до сих пор, но то тут, то там мне добровольно сообщали, что да.

1. Прежде всего, я могу упомянуть соляное предсказание, о котором мне рассказал один фермер на севере, чья жена регулярно практикует его раз в год. Вечером она аккуратно наполняет наперсток солью и высыпает ее аккуратной кучкой на тарелку: так она делает для каждого члена семьи, а также для каждого гостя, если таковые случаются. Тарелку оставляют нетронутой до утра, когда она осматривает кучки соли на предмет того, не упала ли какая-нибудь из них; ведь тот, кто окажется представленным упавшей кучкой, умрет в течение года. Сама она, как меня уверяют, в это не верит, но ей нравится продолжать обычай, которому она научилась у своей матери.

2. Далее следует упомянуть о пепле, который женщины тщательно считают в открытый очаг и хорошенько разравнивают перед сном. Утром они ищут следы на очаге, и если находят их направленными в сторону двери, это означает, что в течение года в семье будет смерть, а если наоборот, то ожидается прибавление в [браке](#)²⁶.

3. Далее, молодым женщинам, желающим узнать имена своих будущих мужей, рекомендуется сложный процесс подслушивания: девушка шла с полным ртом воды и руками, полными соли, к двери ближайшего соседского дома, вернее, ближайшего соседа, кроме одного - меня не раз тщательно поправляли на этот счет. Там она слушала, и первое имя, которое ей попадалось, оказывалось именем ее будущего мужа. Однажды девушка, как мне рассказывал слепой рыбак на юге, сделала это и услышала, как два брата ссорятся в доме, у дверей которого она подслушивала. Вскоре мать молодых людей воскликнула, что дьявол не позволит Тому оставить Джона одного. При упоминании этой триады девушка ворвалась в дом, смеясь и непроизвольно проливая полный рот воды. Кончилось все тем, что до конца года она вышла замуж за Тома, второго из упомянутых людей: первый либо не в счет, либо оказался неприступным холостяком.

4. Существует также ритуал, позволяющий девушке получить другие сведения о своем будущем муже: в расставленные по комнате сосуды кладут различные предметы: чистую

воду, землю, муку, кусок сети или любой другой предмет, который сочтут подходящим. Кандидатка в супруги, с завязанными глазами, ощупывает дом, пока не опустит руку в один из вышеупомянутых сосудов. Если то, к чему она приложит руку, окажется чистой водой, ее муж будет красивым [мужчиной](#)²⁷; если землей - фермером; если мукой - мельником; если сетью - рыбаком; и так далее во всех сферах жизни, которые могут показаться достойными рассмотрения.

5. Наконец, можно прибегнуть к ритуалу такого же рода, как тот, который соблюдал друид древнего Эрина, когда, нагруженный тяжелой пищей из мяса красной свиньи, он укладывал ее на ночь, чтобы дожидаться пророческого сна о том, какого человека вельможи Эрина, собравшиеся в Таре, должны были избрать своим королем. Этот случай приводится в рассказе о больничной койке Кухулейна; читателю, несомненно, известен отрывок о Бриане и *тагаирме* в четвертом канто "*Владычицы озера*" Скотта. Но манкской девушке достаточно съесть соленую селедку, с костями и всем остальным, не запивая и не произнося ни слова, и лечь в постель. Когда она заснет и увидит сон, то увидит, как ее будущий муж приближается, чтобы дать ей выпить.

Вероятно, ни одна из перечисленных мною практик или похожих на них, о которых мне рассказывали, в каком-либо смысле не свойственна острову Мэн; но что меня в них интересует, так это разделившиеся мнения относительно подходящей для них ночи в году. Мне жаль говорить, что у меня очень мало информации о ритуале слепца-буффа (№ 4); та информация, которая у меня есть, а именно свидетельства двух человек на юге, указывает на канун Холлантида. Что же касается остальных (№№ 1, 2, 3, 5), то одни соблюдают их в эту ночь, а другие - в канун Нового года, иногда по старому [стилю](#)²⁸, а иногда по новому. Кроме того, те, кто привык совершать ритуал соляной кучи, например, в канун Холлантида, будут очень возмущены, услышав, что кто-то считает канун Нового года подходящей ночью, и наоборот. Таким образом, собрав женщин, выросших и родившихся в разных приходах, чтобы сравнить записи по этому вопросу, я стал свидетелем споров, едва ли менее серьезных, чем те, что характеризовали древние разногласия между британскими и итальянскими церковниками по поводу правильного времени празднования Пасхи. Мне не удалось составить карту острова в соответствии с обычаями, распространенными в Холлантиде и начале января, но местные фольклористы, вероятно, могли бы сделать это без особого труда. Однако мое впечатление таково, что январь постепенно берет верх. В Уэльсе этому, должно быть, немало способствовало влияние римского владычества и римских идей; но даже там приверженцы зимних календ так и не были полностью перенесены на январские календы. Вспомните, например, женщин, которые собирались в приходской церкви, чтобы узнать, кто из прихожан умрет в течение [года](#)²⁹. Этот обычай в тех районах, где, по имеющимся сведениям, он практиковался, сохранялся до последнего, насколько мне известно, начала ноября. На острове Мэн факт того, что древний кельтский год так прочно удерживал свои позиции, указывает на вероятность того, что год язычников-норманнов почти совпадал с годом [кельтов](#)³⁰. Ибо есть основания полагать, как я уже пытался показать в другом месте, что норвежский Йоль первоначально приходился на конец лета или начало зимы, иными словами, на дни, известные впоследствии как праздник зимних ночей. Это была любимая дата в Исландии, когда можно было послушать прорицателей, предсказывающих начало зимы. Покойный доктор Вигфуссон много рассказывал на эту тему, а также о том, как местная сивилла, возвращаясь на свое возвышенное место в начале каждой последующей зимы, давала автору "*Волосла*" план этой замечательной поэмы, которая была описана тем же авторитетом как высшее духовное усилие языческой музыки Севера.

1 Текст см. в "Оксфордском *Мабиногионе*", с. 193-4, а сравнение инцидента - в Nutt's *Holy Grail*, p. 154 et seq.; и Rhys' *Arthurian Legend*, pp. 75-6. Более точная параллель, однако, будет упомянута в следующей главе. ↑

2 Эта глава была написана в основном в 1891 году. ↑

3 Используемое там написание - *phynnodderee*, на извращение которого обращает внимание Крегин в своем *Словаре*. В любом случае, произношение всегда приблизительно *fŷn-ŏ-dŷr-ŷ* или *fŷn-ŏd-ŷ*, с ударением на втором слоге. ↑

4 Я склонен думать, что первая часть слова *fenodyree* - это не *fynneu*, манкское слово, означающее "волосы", а скандинавское слово, сохранившееся в шведском *fjun*, "вниз". Таким образом, *fjun-hosur* (по аналогии с *fjun-hosa*) объясняет слово *fenodyree*, за исключением его конечного *ee*, которое неясно. Сравните также магические мосты, называемые *finn-brækr*, о которых см. в "*Исландском диктанте*" Вигфуссона s. v. *finnar*. ↑

5 Cumming's *Isle of Man* (London, 1848), p. 30, где он отсылает своих читателей к Waldron's *Description of the Isle of Man*: см. стр. 28, 105. ↑

6 См. Windisch's *Irische Grammatik*, p. 120. ↑

7 Манкское слово, обозначающее рябину, которую неправильно называют рябиной, - *cuirn*, что в монг. Ирландское *caorthann*, генетив *caorthainn*, шотландское *saorunn*; но в валлийских книгах это *cerdin*, единственное число *cerdinen*, а в разговорном языке в основном *cerdin*, *cerding*, единственное число *cerdinen*, *cerdingen*. Такая вариативность, по-видимому, указывает на то, что эти слова, возможно, были заимствованы валлийцами из гойдельского источника; однако ягода известна в Уэльсе под родным названием *криафол*, от которого часто называют дерево, особенно в Северном Уэльсе, *coed criafol*, единственное число *coeden griafol* или *pren criafol*. Священность рябины - ключ к именам собственным Мас-Сáirthinn и Der-Cháirthinn, с которыми хорошо знаком изучающий ирландскую агиологию. Они означают Сын и Дочь рябины соответственно, и первое встречается как *Маки Кайратини* на камне с огамской надписью, недавно обнаруженном в Мите, недалеко от Бойна. ↑

8 Мне жаль говорить, что мне никогда не приходило в голову спросить, стреляли ли в них из таких современных вещей, как ружья. Но мистер Артур Мур уверяет меня, что речь всегда шла о луках и стрелах, а не о ружьях. ↑

9 Издано Освальдом Кокейном для магистра Роллса (Лондон, 1864-6): см. особенно т. ii. с. 156-7, 290-1, 401; т. iii. с. 54-5. ↑

10 Мистер Мур не знаком с этим термином, но я слышал его в Сурби, на юге; и я нахожу *buidseach* и *buidseachd* как слова горно-гэльского языка, обозначающие ведьму и колдовство соответственно. ↑

11 См. Stokes' *Goidelica*, p. 151. ↑

12 Эта глава была написана в 1891 году, за исключением тех ее частей, которые относятся к более поздним датам. ↑

13 См. издание Стоукса-О'Донована "Кормак" (Калькутта, 1868), с. 19, 23. ↑

14 *Statistical Account of Scotland* сэра Джона Синклера, xi. 620; *Pennant's Tour in Scotland in 1769* (3rd edition, Warrington, 1774), i. 97, 186, 291; Thomas Stephens' *Gododin*, pp. 124-6; и Dr. Murray in the *New English Dictionary*, s. v. *Beltane*. ↑

15 В моих "Лекциях Хибберта о кельтском язычестве", с. 517-21. ↑

16 Что касается Thargelia и Delia, см. "*Griechische Mythologie*" Преллера, i. 260-2, и "*Heortologie*" А. Моммзена, pp. 414-25. ↑

17 См. раздел Н отчета о Ливерпульском собрании Британской ассоциации в 1896 году, с. 626-56. ↑

18 Мне кажется, что она увенчана небольшим курганом и является самым высоким местом в Джурби, который когда-то был самостоятельным островом. Та, что находится между Рэмси и Брайдом, также, вероятно, является самой высокой точкой хребта. Но это вопросы, которые я хотел бы рассмотреть подробнее, скажем, с помощью мистера Артура Мура или мистера Кермода. ↑

19 *Cronk yn Irree Laa*, несмотря на пол, - это название, которое произносят все манксы, не введенные в заблуждение антикварами. Чтобы передать другое значение, относящееся к дневным часам, название должно быть *Cronk ny Harrey Laa*; на самом деле, часть Хау на юге острова называется *Cronk ny Harrey*, "Холм часов". Мистер Мур рассказывал мне, что Кронк Юрби был одним из пределов, обозначавших "Дозор и Уорд"; но теперь он считает, что высокая гора Кронк нь Ирри Лаа на юге не была таковой. Что касается обязанности жителей держать "дозор и стражу" над островом, см. отрывок, касающийся этого, извлеченный из Устава Мэнкс (т. I, с. 65) г-ном Муром в его "*Фамилиях Мэнкс*", с. 183-3; также мое предисловие к той же работе, с. v-viii. ↑

20 Цитируется по книге Оливера "*Monumenta de Insula Manniæ*", том i. (*Manx Society*, vol. iv) p. 84: см. также Cumming's *Isle of Man*, p. 258. ↑

21 См. *Новый английский словарь*, s. v. "Allhallows". ↑

22 Это близко к произношению, обычному в Роксбургшире и на юге Шотландии в целом, которое, как сообщил мне доктор Мюррей, является хунганайским без *t*, встречающегося в других формах, о которых мы сейчас упомянем. Но, насколько мне удалось выяснить, в настоящее время произношение манксов - это *Hob dy naa*, которое я слышал на севере, в то время как *Hob ju naa* является преобладающей формой на юге. ↑

23 См. мои "*Лекции Хибберта*", с. 514-5; а о ярмарках в Уэльсе см. с. 210-2 выше. ↑

24 См. "*Ранние баллады*" Роберта Белла (Лондон, 1877), с. 406-7, где приводится следующая песня, исполнявшаяся в Ричмонде в Йоркшире:...

Сегодня - ночь Нового года, завтра - день,

И мы пришли за своим правом и за своим лучом,

Как мы делали во времена старого короля Генриха.

Пойте, ребята, пойте, Хагман-хай.

Если пойдешь на беконный щелчок, Отрежь мне хороший кусок;

Режь, режь и опускай, остерегайся своей пасти;

Режь, режь и крути, берегись большого пальца,
Чтоб мне и моим весельчакам досталось.
Пойте, ребята, пойте, Хагман-хай.
Если пойдешь на черную кору, принеси мне X марок;
Десять марок, десять фунтов, бросьте на землю,
Чтобы я и мои весельчаки могли получить немного.
Пойте, ребята, пойте, Хагман-хай.

↑

25 Тема проработана в Nicholson's *Golspie*, pp. 100-8, также в *Новом английском словаре*, где упоминается производное от *calendæ*, что напоминает мне о валлийском призыве к подарку на Новый год - *Calennig!* или *C'lennig!* в Arfon '*Y Ngh'lennig i!* 'Мой подарок на календы, если позволите!' ↑

26 Когда после прочтения этой статьи в Обществе народных преданий меня спросили, кто должен был делать следы на пепле, я вынужден был признаться, что был настолько неосторожен, что никогда не задавал этого вопроса. Я передал его мистеру Муру, который сообщил мне, что никто, как я и ожидал, не решится объяснить, кем сделаны эти следы". ↑

27 Похоже, это подразумевает применение одного и того же прилагательного, в то или иное время, к *чистой* воде и *красивому* мужчине, так же как в Северном Кардиганшире мы говорим *dwr glân*, "чистая вода", и *bachgen glân*, "красивый мальчик". ↑

28 В "*Книге общих молитв*" Филлипса этот праздник называется *Lá nolic y biggy*, "День маленького Рождества", и *Lá ghian blieny*, "День конца года", имея в виду, конечно, первый конец года, а не второй: см. с. 55, 62, 66. ↑

29 См. мои "*Лекции Хибберта*", с. 514-5, и "*Брайтон*", ii. 20, 120: соответствующий пример приводится в следующей главе. ↑

30 Этот вопрос был затронут в моих "*Лекциях Хибберта*", с. 676; но к кратко изложенным там причинам следует добавить ссылку на положение, отведенное интеркалярным месяцам в норвежском календаре, а именно: в конце летней половины, то есть, как я думаю, в конце древнего норвежского года. ↑

ГЛАВА V

Фенодири и его друзья

Ἐποὶ δὲ αἱ σαὶ μεγάλα εὐτυχία οὐκ ἀρέσκουσι, τὸ θεῖον ἐπισταμένῳ ἔστι φθονερὸν...-Геродот.

Последняя глава вряд ли требует повторного изложения ее основного содержания, и я осмелюсь представить вместо такого повторения выдержки из некоторых очень важных заметок мисс М. Г. У. Пикок, которая сравнивает с фольклором острова Мэн старые верования, сохранившиеся в Линкольншире среди потомков норвежских [предков](#)¹. Ее

привлекло поразительное сходство, которое она заметила между ними, и она, несомненно, права, считая, что это сходство в немалой степени обусловлено скандинавским элементом, присутствующим в населении как острова Мэн, так и Восточной Англии. Она, однако, не изобилует теориями, а дает нам интересные сведения, полученные в результате близкого знакомства с фольклором района, о котором она берется говорить, в следующем порядке:- 1.

1. Сомнительно, что водяной бык все еще обитает в реках Линкольншира, но глубокие бассейны, образовавшиеся, по ее словам, под действием текущей вниз воды на изгибах деревенских бек, все еще известны как "бычьи ямы".

2. Что касается *глаштына*, или водяной лошади, то она отмечает, что о таттер-фоале, таттер-колте, или лохматом фоале, как его по-разному называют, все еще можно услышать, хотя его визиты происходят реже, чем до того, как болота и карры были осушены, а открытые поля и луга огорожены. Она описывает tatter-foal как гоблина, по форме и внешнему виду напоминающего маленькую лошадку или годовалого жеребенка в грубой, неопрятной шерсти. Он привлекает одиноких путников своими многочисленными уловками, одна из которых - заманить их к ручью, болоту или водоему. Когда ему это удастся, он исчезает с протяжным издевательским криком, наполовину - кличем, наполовину - человеческим смехом.

3. Фенодри, говорят, имеет в Линкольншире двоюродного брата, но он уменьшительный; и, как йоркширский Хоб или Робин Круглый Колпак, а также датский Нис, он привык дружить с домом, в котором живет. История о том, как он загонял овец фермера домой, практически такая же, как и на острове Мэн, вплоть до того, что он привел с ними *маленькую серую овечку*, как он называл прекрасного зайца, который доставил ему больше хлопот, чем все остальное стадо: см. стр. 286-7 выше.

4. История одежды этого манекена значительно отличается от истории фенодрева. Фермер дарит ему в благодарность за его услуги льняную рубашку каждый Новый год; так продолжалось несколько лет, пока наконец фермер не решил, что конопляная рубашка вполне подойдет. Когда часы пробили двенадцать часов пополуночи, манекен поднял гневный вой, говоря:...

Закаляй, закаляй, закаляй коноплю!

Я не буду ни молоть, ни штамповать!

Если бы ты дал мне льняную одежду,

я бы служил тебе много лет!

Больше его не было ни видно, ни слышно: он исчез навсегда. Корнуоллский аналог этого брауни рассуждает противоположным образом; когда в благодарность за помощь в обмолаоте ему дарят новый костюм, он спешит прочь, *плача*²: "Писки, новый плащ, и писки, и писки, и писки."

Писклявое новое пальто и писклявый новый капюшон,

Писки теперь не принесут больше пользы.

Здесь также следует сравнить рассказ Уильяма Николсона о брауни из *Бледноха*³ в Галлоузе, который не носил почти никакой одежды: - "На его волосатой форме были видны следы."

Вокруг его волосатой фигуры ничего не было видно,
кроме филабега из зеленых камышей.

Так его навсегда прогнала новоиспеченная жена, пожелавшая, чтобы он надел старые
бриджи своего мужа.

Но новоиспеченная жена, уродка рябая,

Любила подвиги первые пять недель,

Положила заплесневелую пару бриджей своего мужчины.

У браслета Эйкен-барабана.

Пусть ученые решат, когда соберутся,

Что за заклинание было наложено на него и на бриджи:

Ибо с того дня его больше не видели,

И Эйкен-барабан был упущен!

Единственный рассказ о валлийском аналоге, который мне удалось найти, содержится в *Bwca'r Tgwyn*, в главе x: он отличается в некоторых важных аспектах от фенодири и брауни.

5. Ветка рябины, или, как ее еще называют, *викен*, была эффективна против всякой нечисти, включая ведьм. Она полезна во многих отношениях для обеспечения благосостояния домашнего хозяйства, сохранения живого скота и урожая, а положенная на маслобойку, она предотвращает любое злое влияние, препятствующее появлению масла. Могу заметить, что кельты и тевтоны, похоже, были в целом довольно единодушны в отношении достоинств рябины. Кусочки железа также приносят удачу в борьбе с ведьмами.

6. Феи встречаются редко, а вот ведьмы и волшебники - в изобилии. Предполагается, что некоторые из них превращаются в собак, чтобы беспокоить овец и скот, или в жаб, чтобы отравить свиные кормушки. Но они, кажется, не превращаются в зайцев, как в Мане и других кельтских землях.

7. Колдовство, говорит мисс Пикок, часто передается по наследству, чаще всего от матери к дочери; но если у ведьмы нет дочери, ее сила может проявиться в сыне, а затем вернуться к женской линии. Это выглядит гораздо более естественным, чем вера манксов в то, что она переходит от отца к дочери и от дочери к сыну. Но другой вид преемственности упоминается в валлийских триадах, i. 32, ii. 20, iii. 90, где говорится о Мате аб Матхонви, обучавшем своей магии Гвидиона, который, будучи сыном его сестры, должен был стать его преемником в королевстве; и о некоем карлике Рюдльвме, обучавшем своей магии Ко, сына Кофреви, его племянника. Оба случая, по-видимому, указывают на состояние общества, в котором не считались с отцовством, а только с рождением.

8. Всего за три года до написания мисс Пикок умер старик, который, по ее словам, видел кровь, взятую у ведьмы, потому что она, как предполагалось, наложила заклятие на упряжку лошадей: как только ее ударили, чтобы пустить кровь, лошади и их груз снова пустились в путь. Возможно, на острове Мэн нет столь же позднего случая: см. стр. 296 выше.

9. Следы жертвоприношения животных все еще можно найти в Линкольншире, поскольку сердце небольшого зверя или птицы, по словам мисс Пикок, необходимо для эффективного

исполнения нескольких контрзаклинаний, особенно для того, чтобы мучить ведьму, отменяя ее заклинания, и отгонять зло от домов или других зданий. Очевидно, мисс Пикок не слышала, чтобы в жертву приносились такие крупные жертвы, как овца или теленок, как на острове Мэн, но можно сказать, что цели жертвоприношений те же.

10. Говорят, что в Линкольншире существует несколько колодцев с булавками и тряпками, воды которых якобы обладают целебными свойствами, особенно в отношении глазных болезней.

11. Упоминаются любовные заклинания и предсказания, некоторые из них относятся к Олхоллоузу, как и частично к острову Мэн: она упоминает о приготовлении немого пирога и поедании соленой сельди, за которыми следуют сны о будущем муже, приносящем жаждущей девушке напиток в кувшине, качество которого указывает на положение носителя в жизни. Но другие подобные обычаи Линкольншира, похоже, колеблются между Олхоллоузом и кануном Святого Марка, тяготея, однако, к последней дате. Здесь лучше привести слова самой мисс Пикок: "Упоминание профессора Риса о следе на пепле напомнило мне о любовном заклинании, бытовавшем в Вапентаке из Мэнли в Северном Линкольншире. Правильно говоря, его следует применять в день святого Марка, в этот жуткий праздник весеннего прилива, когда опытные люди могут наблюдать за церковной папертью и узнавать, кто умрет в ближайшие двенадцать месяцев; но нет сомнений, что заклинание также используется в Хэллоу-Эн и в другие подходящие времена года. Заклинание заключается в разгребании пепла на камне очага или бобов на полу амбара, с соблюдением соответствующих церемоний и в нужное время, в результате чего девушка, правильно произнесшая заклинание, на следующее утро обнаруживает на просеянной массе отпечаток ноги мужчины, за которого она должна выйти замуж. Следует полагать, что за след отвечает дух возлюбленного, так как, согласно другому народному поверью, любая девушка, наблюдающая за своим ужином в день святого Марка, увидит, как дух мужчины, с которым она выйдет замуж, войдет в комнату в полночь, чтобы отвесть предложенной пищи. Комната должна быть одной, а дверь и окна - в разных стенах, и оба должны быть открыты. Дух входит в комнату через дверь (а выходит через окно?). У каждой девушки, которая берется сторожить, должен быть отдельный ужин и отдельная свеча, а все разговоры должны прекращаться до двенадцати часов, так как перед духами нельзя разговаривать. Из этих суеверий, а также из общепринятого представления о том, что духи всех прихожан должны входить в церковь в день святого Марка, можно сделать вывод, что отпечаток ноги у манксов создается призраком человека, обреченного на смерть". Сравните с pp. 318-9 выше.

То, на что ссылается мисс Пикок, наблюдая за церковной папертью, ранее было хорошо известно в [Уэльсе](#)⁴, и может быть проиллюстрировано в районе, расположенном так далеко на востоке, как Золотая долина в Херефордшире, следующей историей, рассказанной мне в 1892 году миссис Пауэлл из Дорстоуна, на основании того, что она узнала от своей свекрови, покойной миссис Пауэлл, которая была уроженкой этого прихода:...

В полночь в канун Дня всех святых те, кто отважится заглянуть в окна церкви, увидят, что здание озарено неземным светом, а на кафедре стоит его сатанинское величество, облаченное в монашескую рясу. Страшные анафемы - бремя его проповедей, и имена тех, кому в наступающем году предстоит отдать свои души, могут услышать те, у кого хватит смелости прислушаться. Известный злой ливер, Джек из Франции, однажды случайно проходил мимо церкви в этот ужасный момент: заглянув внутрь, он увидел огни, услышал голос и свое собственное имя в страшном списке; согласно некоторым версиям этой

истории, он отправился домой , чтобы умереть от испуга. Другие говорят, что он раскаялся и умер в доброй славе, и таким образом обманул злодея, отняв у него добычу".

У меня нет списка мест в Уэльсе и его маршах, с которыми связано подобное суеверие, но мне кажется, что в основном их относят к Оллхоллоу, как в Дорстоуне, а там, где это не так, их перенесли на начало года по нынешнему летоисчислению; ведь в кельтских землях, по крайней мере, они, похоже, относились к тому, что считалось началом года. Старый кельтский год, несомненно, начинался в Оллхоллоусе, а следующий по значению день после зимних календ (по-валлийски *Calangáeaf*) был у кельтов началом летней половины года, или майских календ (по-валлийски *Calánmaí*), к которым канун святого Марка подходит слишком близко, чтобы мы могли считать его случайным. С этим измененным соглашением между датой Линкольншира и кельтской датой контрастирует непримиримая английская дата кануна Святого Иоанна; см. Tylor's *Primitive Culture*, i. 440, где читаем следующее об "известном суеверии", "что постящиеся наблюдатели в канун Св. Иоанна могут увидеть, как явление тех, кто обречен умереть в течение года, приходит вместе со священником к дверям церкви и стучит; эти явления - духи, которые выходят из своих тел, так как было замечено, что священник был сильно обеспокоен во сне, пока его фантом занимался этим, и когда один из группы наблюдателей погружался в крепкий сон и не мог быть разбужен, остальные видели, как его явление стучало в дверь церкви. Обладая безошибочным чутьем на разумное сопоставление фактов, мисс Пикок находит в следах призрака на пепелище ближайший подход к ежегодному обзору моритур, если их можно так коротко назвать. Возможно, более систематическое изучение фольклора манксов приведет к обнаружению более точной параллели.

За неимением другого места, я могу упомянуть здесь в связи с мертвыми отрывок, который скопировал для меня мой друг мистер Гвеногврин Эванс из рукописи 163 в коллекции Пениарта. Как я понимаю, она относится к началу шестнадцатого века, и на стр. 10 в ней есть следующий отрывок: -

Yn yr ynys honn [Manaw] y kair gweled liw dyd bobyll a vvessynt veirw / Rrai gwedi tori penav / erai gwedi torri i haelode /. Ac os dieithred a dïssyfynt i gweled hwynt / Sengi ar draed gwyr or tir ac ve y hwynt a gaent weled yr hyn a welssynt hwyntav.

На этом острове [Ман] при свете дня видны умершие люди, одни с отрубленными головами, другие с отрубленными конечностями. И если чужестранцы хотят увидеть их, они должны встать на ноги местных жителей, и таким образом они увидят то, что видели последние".

Аналогичный пример добродетели стояния на ногах другого человека был упомянут в связи с фермером Дьюнантом на стр. 230 выше; однако нога, на которую ему пришлось встать, чтобы заглянуть в мир фей, была ногой самой феи.

Наконец, в отрывке из Пениартской рукописи есть еще кое-что об острове Мэн, а именно

Mawr oed arfer o swynion a chyvaredïon gynt yn yr ynys honn / Kanys gwaged a vydynt yno yn gwnevtvhr gwynt i longwyr gwedir gav mewn tri chwlm o edav aphan vai eissie gwynt arnynt dattod kwlm or edav anaynt.

На этом острове раньше очень часто практиковались заклинания и колдовство; ибо там были женщины, которые делали ветер для моряков, и этот ветер они ограничивали тремя узлами, сделанными на нити. А когда им нужен был ветер, они развязывали один узел на нити".

Это было написано в XVI веке и основано, вероятно, на "*Полихрононе*" Хигдена, книга I, глава xliv . (= I. 42-3), но подобная практика изготовления ветра продолжается и по сей день,

причем одной из главных практик является женщина, о которой говорилось на стр. 299. Говорят, что она завязывает бризы во множество узлов, которые делает на карманном платке покупающего моряка. Это напоминает сибиллу из Уоринси, или острова Гернси, которую древний норвежский поэт представил как "создающую ложные пророчества". См. "*Corpus Poeticum Boreale*" Вигфуссона и Пауэлла, i. 136; также рассказ Мелы первого века о девственницах острова Сена, который гласит: "Сена, в Бриттском море, напротив побережья Осисми, известна своим оракулом галльского бога, чьи жрицы, живущие в святости вечной девственности, как говорят, насчитывают девять человек. Они называют их Gallizenæ и верят, что они наделены необыкновенным даром вызывать море и ветер своими заклинаниями, превращаться в любое животное по своему усмотрению, лечить болезни, которые среди прочих являются неизлечимыми, знать, что должно произойти, и предсказывать это. Однако они служат только тем путешественникам, которые отправились в путь не для того, чтобы посоветоваться с [ними](#)⁵". Вероятно, [священные](#)⁶ обитатели небольших островов на побережье Галлии и Британии практически монопольно владели торговлей [ветром](#)⁷.

В предыдущей главе я упомянул о нескольких колодцах, имеющих большую или меньшую известность на острове Мэн; но мне кажется, что я должен добавить несколько замечаний. Мистер Артур Мур в своей книге "*Фамилии и географические названия манксов*", стр. 200, упоминает Чиббер Унджин, что означает "Колодец ясеня", и утверждает, что рядом с ним "раньше рос священный ясень, на котором подвешивали вотивные жертвы". Ясень напоминает ему о скандинавских легендах, связанных с ясенем, но в любом случае можно предположить, что ясень не был обычным деревом, которое ожидали увидеть у колодца на острове Мэн, иначе этот колодец вряд ли бы назвали Колодцем ясеня. Дерево, которое можно ожидать у священного колодца, несомненно, является каким-то видом терна, как в случае с Чиббер Ундиной в приходе Малеу. Название означает "фундаментный колодец", так его называют, вероятно, в связи с фундаментом древней кельи, или *килла*, как его называют манксы, который находится неподалеку и имеет размеры двадцать один фут в длину и двенадцать футов в ширину. О колодце рассказывает мистер Мур в своей уже цитированной книге, стр. 181: "Предполагается, что вода из этого колодца обладает целебными свойствами. Пациенты, пришедшие к нему, набирали полный рот воды и держали ее во рту до тех пор, пока дважды не обойдут вокруг колодца. Затем они брали кусок ткани от одежды, которую носили, смачивали его водой из колодца и вешали на растущий там боярышник. Когда ткань сгнивала, считалось, что исцеление произошло".

Несколько лет назад я посетил это место в компании преподобного Э. Б. Сэвиджа из пастората Святого Томаса в Дугласе, и мы обнаружили, что колодец почти высох из-за осушения поля вокруг него; но остатки старой кельи были на месте, а к ветвям тернового куста были привязаны полоски ткани или бязи. Мы отрезали одну из них, которая теперь хранится в музее Питт-Риверс в Оксфорде. Рассказ мистера Сэвиджа о ритуале, который соблюдался у колодца, несколько отличается от рассказа мистера Мура, особенно в том, что пациент, который ходил вокруг колодца с водой из колодца во рту, должен был вылить эту воду в тряпку из своей одежды: тряпка затем привязывалась к ветке терновника. Не похоже, чтобы вид дерева имел большое значение; да и дерево, как мне кажется, не обязательно. Во всяком случае, сейчас у Колодца святого Могольда не растет дерево, но справедливости ради надо сказать, что, когда мы с мистером Кермодом посетили его, мы не нашли поблизости никаких тряпок, да и не ожидали их найти, поскольку на этом ветреном мысу не было ничего, к чему их можно было бы привязать. Отсутствие дерева, однако, не доказывает, что у колодца Святого Могольда не соблюдался раньше тот же ритуал, что и у Чиббер Ундины; и здесь я должен упомянуть еще один колодец, который я не раз посещал на острове. Он

находится на склоне холма Бредда, немного выше деревни Бредда и в направлении Флешвика: Меня привлекло то, что, как мне сказал мистер Сэвидж, рядом с ним раньше находилась старая келья, а имя святого, которому она принадлежала, можно, вероятно, узнать из названия колодца, которое на языке манксов юга острова звучит как Чиббырт Валтане, произносится примерно как Чювурт Вольтане или Олджане. В современном манксе это личное имя в радикальной форме пишется как Болтане, и если бы оно встречалось в родительном падеже в огамских надписях, я бы ожидал увидеть его написанным *Болтагни* или *Балтагни*⁸. Однако оно мне неизвестно, хотя его можно поставить рядом с именем святого, в честь которого назван приход Сантон на юго-востоке острова. На языке манксов оно произносится *приблизительно*⁹ Santane или Sandane, и могло бы дать раннюю надпись SANCTANVS, которая, действительно, встречается на старом камне около *andudno* на валлийском побережье: см. некоторые мои заметки по этому поводу в *Archæologia Cambrensis*, 1897, pp. 140-2. Возвращаясь к колодцу, можно сказать, что он был связан со старой камерой, но возле него не растет дерево. Тем не менее, нам с мистером Сэвиджем сказали, что мальчик, обыскивавший колодец некоторое время назад, достал из него несколько монет, совсем недавних, состоящих, насколько я помню, из полупенни или пенни. Когда я сказал одному из соседей, что не вижу там тряпок, меня заверили, что они там были; а когда я сказал, что не вижу там дерева, к которому их можно было бы привязать, мне ответили, что их привязывали к брамбли, которые росли там в большом изобилии. Таким образом, оказывается, что на острове Мэн, во всяком случае, дерево для хранения тряпок не было обязательным атрибутом святого колодца.

Прежде чем оставить эти колодезные суеверия, читатель, возможно, захочет узнать, как их понимали в Ирландии не так давно: поэтому я осмелюсь процитировать отрывок из письма покойного мистера У. К. Борласа о тряпичных подношениях и примитивных паломничествах в Ирландии, который звучит так: - "Среди ССБ.

Среди бумаг покойного мистера Уиндела из Корка... я нашел отрывок, который не может не заинтересовать студентов, изучающих фольклор. Он связан с обычаем прикреплять лоскутки тряпки к дереву боярышника, которое почти всегда стоит у края типичного ирландского "святого колодца", и дает нам смысл этого обычая, как его понимали, примерно полвека назад, жители некоторых мест в провинции Мюнстер. По словам автора, идея заключается в том, что надевание этих лохмотьев означает избавление от зла, надвигающегося или вызванного грехом, и этот акт сопровождается следующими ритуальными словами: *Air impide an Tiarna mo chuid teinis do fhagaint air an ait so*; то есть заступничеством Господа я оставляю свою часть болезни на этом месте. Эти слова, добавляет он, должен произносить тот, кто совершает обход, и они, без сомнения, чрезвычайно древние. Мистер Уиндел, несомненно, записал слова так, как он слышал их местное произношение, хотя, чтобы быть правильным, для *Тиарны* следует читать *Тигерна*; для *тейниса* - *тиннеас*; и для *фхагаинта* - *фхагаим*¹⁰".

От менее известных святых Болтане и Сантане я хочу перейти к упоминанию более известной, а именно Святой Екатерины, и это из-за ярмарки, названной в ее честь и проводимой в шестой день декабря в деревне Колби на юге острова. Когда я узнал об этой ярмарке в 1888 году, она была временно закрыта из-за судебного разбирательства по поводу участка земли, на котором должна проводиться ярмарка; но мне рассказали, что обычно она начинается с процессии, в которой несут живую курицу: ее называют курицей Святой Екатерины. На следующий день курицу несут мертвой и ощипанной, а рифма, произносимая в определенный момент, предполагает погребение курицы, но происходит ли это на самом деле, я не знаю. Он звучит так:-

Kiark Catrina marroo:

Gows yn kione as goyms ny cassyn,

As ver mayd ee fo'n thalloo.

Курица Катрины мертва:

Голову возьмите вы, а ноги - я,

Мы ее под землю опустим.

О человеке, который после ярмарки оказывается не совсем трезвым, местные жители говорят, что он выщипал перо у курицы (*T'eh er goaill fedjag ass y chiark*); так что, казалось бы, должна быть такая толчея, чтобы добраться до курицы и принять участие в ощипывании, что требуется определенное количество выпивки, чтобы утолить жажду слишком ревностных почитателей Святой Екатерины. Но почему эта церемония должна быть связана со святой Екатериной, каково ее происхождение и значение? Это вопросы, на которые я был бы рад пролить свет.

У манксов есть слово *quaail* (ирландское *comhdháil*), означающее "встреча", и от него мы имеем производное *quaaltagh* или *qualtagh*, означающее, согласно *словарю* Келли, "первого человека или существо, которое встречается, когда человек идет из дома", и автор мог иметь в виду только первого встречного, который идет из дома. Далее Келли добавляет, что "этот человек имеет большое значение для суеверных людей, особенно для женщин, когда они впервые выходят на улицу после сна". Крегин в своем *словаре* определяет *qualtagh* как "первого человека, встреченного в Новый год, или приступающего к новой работе и т. д.". Прежде чем перейти к изложению сути моих заметок о *qualtagh* в наши дни, я могу закончить с Крегином, поскольку он добавляет следующую информацию:- "Компания молодых парней или мужчин обычно отправлялась в старые времена на то, что они называли *qualtagh*, на Рождество или Новый год, в дома своих более богатых соседей; кто-то из компании повторял во всеуслышание следующий стишок:-...

Ollick ghennal erriu as bleïn feer vie,

Seihll as slaynt da'n slane lught thie;

Bea as gennallys en bio ry-cheilley,

Shee as graih eddyr mrane as deiney;

Cooïd as cowryn, stock as stoyr,

Palchey phuddase, as skaddan dy-líooar,

Arran as caashey, eeym as roayrt;

Baase, myr lugh, ayns uhllin ny soalt;

Cadley sauchey tra vees shiu ny lhie,

As feeackle y jargan, nagh bee dy mie".

В общих чертах это можно перевести следующим образом.

Счастливого Рождества, счастливого Нового года,

Долгой жизни и здоровья всем домочадцам.

Пищи и веселья вам, живущим вместе,

Мира и любви всем, мужчинам и женщинам;

Богатства и отличия, запасов и хранилищ,

Картошки вдоволь и селедки навалом;

Хлеба и сыра, масла и подливки;

Умри, как мышь в амбаре или в тоске;

В безопасности спи, пока ты лежишь и отдыхаешь,

И от блошиного зуба не страдай.

В настоящее время Новый год - это время, когда *квалтаг* представляет всеобщий интерес, и в этом случае он, за исключением членов собственного дома, практически первый человек, которого видят утром этого дня, независимо от того, встречает ли он человека за дверью или приходит к нему в дом. Из *расспросов* я узнал следующее: все сходятся во мнении, что он не должен быть женщиной или девушкой, не должен быть *спаагагом* или широкоплечим, а одна женщина из прихода Мараун сказала мне, что у него не должно быть рыжих волос. Однако распространено мнение, что это должен быть темноволосый мужчина или мальчик, и не имеет значения, насколько грубой может быть его внешность, если он черноволос. Однако один человек в Рашене сказал мне, что *qualtagh* или 'first-foot' не обязательно должен быть черноволосым человеком: он должен быть мужчиной или мальчиком. Но, насколько мне удалось выяснить, в центральной и северной частях острова не придерживаются этого менее ограниченного мнения. Одна английская леди, живущая в окрестностях Каслтауна, рассказала мне, что ее сын, который, как я знаю, как и его мать, был блондином, не зная, какие последствия могут быть связаны с его визитом, зашел в один из домов в Каслтауне утром в день Нового года, и ему посчастливилось быть *квалтагом*. Хозяйка дома пришла в ужас и высказала английской леди свое предчувствие несчастий; а так как в течение года умер один из детей дома, английская леди с тех пор не переставала вспоминать об этом. Естественно, ассоциации с этими событиями ей неприятны; но, насколько я помню, они произошли всего восемь или девять лет [назад](#)¹¹.

Чтобы сравнить Уэльс с Маном, я могу упомянуть, что, когда я был совсем маленьким мальчиком, меня отправляли очень рано утром на Новый год к одному моему старому дяде, потому что, как мне сказали, я непременно должен был получить от него *календулу* или подарок на календы, но ни в коем случае не разрешали идти моей сестре, так как по такому случаю он хотел видеть только мальчика. Я не помню, чтобы что-то говорилось о цвете волос или форме ступни; но подобные отрицательные свидетельства не имеют особой ценности, поскольку *квалификация* быстро уходила на второй план.

Предпочтение, отдаваемое здесь мальчику перед девочкой, похоже на одно из широко распространенных суеверий, направленных против представительниц прекрасного пола; но что касается цвета волос, то я склонен думать, что оно, возможно, основано расовой антипатии, давно забытой; ведь его можно рассматривать как восходящее к тому времени, когда темноволосые считали арийца со светлым цветом лица своим естественным врагом, сам вид которого навевал мысли, рассчитанные на то, чтобы сделать его несчастным и

унылым. Если бы эта идея оказалась приблизительно верной, можно было бы предположить, что расовые различия, о которых идет речь, относятся к борьбе между жителями Земли и их скандинавскими завоевателями; но, на мой взгляд, не менее вероятно, что они уходят гораздо дальше в прошлое.

И наконец, что можно сказать по поводу *спаагага* или человека с распластанной ногой, которую сейчас чаще всего определяют как плоскостопие или отсутствие голенища? На юге острова я слышал, что встретить утром *спаагага* в любое время года, а не только в Новый год, - несчастье; но это не помогает нам в попытке найти истоки этого поверья. Если бы говорили, что встретить деформированного человека - к несчастью, это выглядело бы несколько естественнее; но зачем заикливаться на плоскостопии? Со своей стороны я не приучен различать людей с плоскостопием, поэтому не помню, чтобы замечал таковых на острове Мэн; но, если допустить, что на острове есть небольшая доля таких людей, не кажется ли странным, что их значение настолько преувеличено, как это, по-видимому, следует из этого суеверия? Признаться, я не могу этого понять, если только мы не имеем здесь еще и какую-то предполагаемую расовую особенность, скажем так, сильно преувеличенную. Чтобы объяснить, я должен сказать, что неарийские аборигены были маленьким народом, отличавшимся большой ловкостью и проворством, а их арийские завоеватели двигались более медленно и целенаправленно, и поэтому первые, обладавшие более пружинистыми движениями, могли прозвать последних плоскостопыми. Можно даже предположить, что в действительности для этого были какие-то основания. Если говорить о моем собственном опыте, то я мог бы упомянуть о трудностях, с которыми я часто сталкивался при выборе английской обуви, а именно: я всегда находил, что она, если только не сделана по мерке, склонна иметь слишком низкое для меня голенище. Мне никогда не приходило в голову покупать готовую обувь во Франции или Германии, но я знаю одну даму, такую же валлийку, как и я, которая часто покупала обувь во Франции, и она утверждает, что ей гораздо легче найти там подходящую обувь, чем в Англии, и именно по той причине, которую я уже предлагал, а именно: в английской обуви носок ниже, чем во французской.

И еще я могу упомянуть, что однажды в прошлом [семестре12](#), выступая на собрании валлийских студентов по фольклору, я осмелился затронуть этот вопрос. Они согласились со мной, что английские туфли, как правило, не подходят валлийским ногам, и это потому, что они сделаны слишком низко в области голенища: Я должен был сказать, что все они согласились, кроме одного студента, который держался спокойно. Это высокий мужчина, мощный на футбольном поле, но без смуглой кожи, и с тех пор я никогда не осмеливался смотреть в сторону его ног, чтобы он не уличил меня в доведении моих сравнений до жестокой крайности. Возможно, плоские ступни представителей одной расы не так сильно подчеркиваются, как высота голенища у представителей другой. Во всяком случае, я нахожу такой взгляд на вопрос в некоторой степени одобренным журналистом, который отправляет своих читателей к заметкам В. Хендерсона о *фольклоре северных графств*, стр. 74. Этот отрывок относится, в частности, к Нортумберленду и звучит так: "В некоторых районах, однако, особое значение придается "первой ноге" человека с высоким голенищем, ноге, под которой "бежит вода". Плоскостопие принесет большую неудачу в наступающем году".

Эти случаи не оправдывают предположения о том, что кельты выше в носке, чем тевтоны, и что они унаследовали эту характеристику от неарийского элемента в своей родословной. Возможно, объяснение, по крайней мере частично, заключается в том, что жители холмистых районов имеют тенденцию быть более пружинистыми и иметь более высокий подносок, чем жители более плоских земель. Заявление доктора Карла Блинда по этому вопросу не помогает принять решение, когда он говорит следующее в журнале *Folk-Lore* за

1892 год, стр. 89:- "Что касается голенища, я могу сказать из личного опыта. Почти каждый немец считает, что английский сапожник делает его сапоги недостаточно высокими в голенище. У северных немцев (я родом с юга) ноги, пожалуй, немного более плоские, чем у южных". Первая часть сравнения меня несколько удивила, но не то, что другая: южные немцы, живущие в более холмистой стране и принадлежащие к другой расе, вполне могут быть выше в голенище, чем более северные носители немецкого языка. Но в целом, чем больше изучаешь *квалтаг*, тем менее ясно видишь, как он может быть представителем определенной расы. Возможно, большее количество данных позволило бы прийти к большей вероятности.

Есть еще один вопрос, который я хотел бы задать, прежде чем оставить *квалтаг*, а именно: как связан обычай дарить подарки на Новый год с верой в *квалтаг*. Я слышал, как на острове Мэн рассказывали, что женщины, как известно, не выходят из дома в Новый год до прихода *Квалтага*, что иногда означает, что они находятся в заключении большую часть дня, чтобы избежать риска первой встречи с человеком неподходящего пола и цвета лица. С другой стороны, если *квалтаг* подходит по описанию, к нему прикладывают немало усилий; по меньшей мере, он должен принимать еду и питье, а возможно, и более постоянные подарки. Так, один высокий черноволосый уроженец Кирк-Майкла рассказал мне, как много лет назад под Новый год ему довелось зайти в одинокий коттедж, чтобы раскурить трубку, и как он обнаружил, что является *квалтагом*: ему пришлось сесть за стол, чтобы поесть, а когда он ушел, то с подарком и благословениями семьи. Новый год - это время для подарков в Уэльсе, о чем свидетельствует название для них, *calennig*, которое происходит от *calan*, валлийской формы латинского *calendæ*, Новый год - это по-валлийски *Y Calan*, "Календы". В этот же день дарят подарки в Шотландии и Ирландии, за исключением тех случаев, когда рождественские коробки проникают в страну из Англии: Нет нужды добавлять, что *Jour de l'An* - день подарков и во Франции. Мой вопрос заключается в следующем: Существует ли какая-либо существенная связь происхождения между институтом подарков на Новый год и верой в первородство?

Теперь, когда было указано, какой *квалтаг* несчастлив, я могу перейти к упоминанию других вещей, которые, как я слышал, считаются несчастливыми на острове. Некоторые из них не требуют особого внимания, поскольку в них нет ничего специфически манкского, как, например, поверье, что не повезет, если впервые увидеть новолуние через стекло. Это суеверие, как мне кажется, широко распространено, и, помимо других стран, оно хорошо известно в Уэльсе, где также считается несчастливым впервые увидеть луну через живую изгородь или над домом. Что это значит, я не могу предположить, разве что то, что когда-то считалось долгом наблюдать за первым появлением новой луны с самой высокой точки в ландшафте местности, в которой проживал человек. Такая точка в таком случае становилась главным центром поклонения луне, ныне преданного забвению.

В Мане, как и в Уэльсе и Ирландии, считается, что не стоит тревожить древности, особенно старые захоронения и церкви. К сожалению, это суеверие проходит во всех трех странах, но вы все еще слышите о нем, особенно на острове Мэн, в основном после того, как беда уже случилась. Так, один хороший ученый-манх рассказал мне, как его родственник из Роннага, небольшой долины близ Южного Баррула, вывез землю из старого захоронения на своей ферме и использовал ее в качестве навоза для своих полей, после чего его скот умер. Рассказчик сказал, что не знает, есть ли в этом доля правды, но все считают, что скот умер именно из-за этого, и сам фермер в конце концов тоже так считает: поэтому он не стал доводить дело до конца, нарушив старое место. Возможно, по этой же причине развалившийся дом редко сносят, а материалы используют для других построек. Там, где это

делалось, происходили несчастья; во всяком случае, я не раз слышал, как об этом говорили. Я должен был сказать, что отсутствие разрушений древностей на острове вполне согласуется с тем, что ими время от времени позорно пренебрегают, как и в других местах. Теперь это компенсируется прекрасным законом, недавно принятым Палатой Ключей для сохранения общественных памятников острова.

Из других, более чисто манкских суеверий я могу упомянуть одно, которое бытует среди рыбаков Пила в наши дни: ни одна лодка не желает быть третьей в порядке отплытия из гавани Пила на рыбные промыслы. Поэтому иногда случается так, что после отплытия двух лодок остальные по несколько дней наблюдают друг за другом, надеясь, что кто-то другой окажется достаточно безрассудным, чтобы преодолеть невидимый барьер "невезения". Я часто просил объяснить это суеверие, но единственный вразумительный ответ, который я получил, заключался в том, что было замечено, что третья лодка несколько лет подряд показывает плохие результаты; но я не могу установить, насколько это соответствует действительности. Еще одно несчастье - иметь в лодке белый камень, даже в балласте, и этому я так и не смог найти объяснения; но факт этого суеверия не вызывает сомнений, и я могу проиллюстрировать его на примере случая с сыном священника с западной стороны, который взял себе за правило выходить в море с несколькими рыбаками несколько дней подряд. Каждый раз рыбалка оказывалась неудачной, и они дали своему Ионе прозвище *Clagh Vane*, или "Белый камень". Каково же происхождение этого табу? Мне кажется, что если у манксов когда-то была привычка украшать могилы усопших белыми камнями, то это обстоятельство вполне объясняет суеверие, о котором идет речь. Более того, вполне возможно, что так оно и было, и здесь археологи манксов могли бы, вероятно, помочь в выяснении фактов. Однако за неимением информации по этому вопросу из Мана, я беру на себя смелость привести некоторые сведения, относящиеся к Шотландии. Она взята из президентского обращения мистера Гомма к Обществу народных преданий: см. "*Народные предания*" за 1893 год, стр. 13-4.

В окрестностях Инверари у рыбаков есть обычай, и он сохранился еще в памяти старейших, класть маленькие белые камешки или гальку на могилы своих друзей. Сейчас не приводится никаких причин для этого обычая, кроме той, которая является самой мощной и восхитительной из всех причин в сознании изучающих фольклор, а именно: так было всегда. Теперь между этой современной практикой, санкционированной традиционным соблюдением, и практикой людей каменного века в том же районе и в других, о чем нам говорят их могильные памятники, нет ничего общего. Так, в каирне в Ахнакри, открытом доктором Ангусом Смитом, при входе во внутреннюю камеру "первое, что бросалось в глаза, - это ряд кварцевых камешков размером больше грецкого ореха; они были расположены на карнизе нижнего гранитного блока с восточной стороны". Рядом с Кринаном, в Данкрейге и Руди наблюдалась та же особенность, и Канон Гринвелл, исследовавший каирны, говорит, что галька "была помещена туда с каким-то умыслом и, вероятно, имела символическое значение". См. также книгу "*Бургхед*" мистера Х. У. Янга (Инвернесс, 1899), стр. 10, где говорится, что в Бургхеде "гладкие белые камешки, иногда по пять или семь штук, но никогда больше", обычно располагались в виде крестов на могилах, которые он нашел под обвалившимися валами. Может ли это быть христианским суеверием, в основе которого лежат белые камни из Апокалипсиса?

Здесь я могу упомянуть факт, который не знаю, куда еще применить, а именно: рыбак, идущий утром на промысел и случайно проходящий мимо домика другого рыбака, который не в дружеских отношениях с ним, вырывает соломинку из соломы жилища последнего. Считается, что таким образом он лишает его удачи в рыбалке на этот день. Можно было бы

ожидать, что соломинка с крыши послужит предметом заклинания, направленного против владельца крыши. Я никогда не слышал ничего подобного; но я делаю вывод, что выщипывание соломы - это лишь частичное сохранение того, что когда-то было полным ритуалом околдовывания соседа, если только завладение соломой не означало завладение всем, что принадлежало другому человеку, включая его удачу в рыбалке на этот день.

В силу своей неосведомленности о суевериях других рыбаков, кроме рыбаков острова Мэн, я не буду пытаться классифицировать остальные случаи, о которых пойдет речь, например, о несчастье упоминания лошади или мыши на борту рыболовного судна: Однако я, кажется, слышал о подобных табусах среди шотландских рыбаков; и, по словам доктора Блинда, шетландские рыбаки не будут упоминать церковь или священнослужителя, когда находятся в море, но используют совсем другие имена для того и другого, когда находятся на борту судна (*Folk-Lore for 1892*, p. 89). Новичкам в рыболовном промысле Мэнкс приходится учиться не указывать на что-либо одним пальцем: они должны указывать всей рукой или не указывать вовсе. Это выглядит так, как будто относится к своду правил по использованию руки, подобных тем, что преобладают у неаполитанцев и других народов, чьим главным предметом веры является вера в злое влияние: см. том мистера Элворти о "*Дурном глазе*".

Только ли манксы считают несчастливым одалживать соль с одной лодки на другую, когда они занимаются рыбной ловлей, я не знаю: такое одалживание, вероятно, было бы неудобным, но почему оно должно быть несчастливым, как они считают, - неясно. Первое мая - день, в который несчастливо давать что-либо взаймы, а особенно дарить кому-либо [огонь](#)¹³. Это выглядит так, как будто указывает на некий друидический обычай зажигать все костры в это время от священного очага, но, насколько известно, это происходило только в начале другого полугодия, а именно *Сауина* или Оллхоллоуза, который иногда переводится на манкский как *Laa 'll mooar ny Saintsh*, "День великого праздника святых".

Наконец, я могу упомянуть, что говорить, что вам очень хорошо, - несчастливая примета: во всяком случае, я предполагаю, что так считается, поскольку вы никогда не заставите манкса сказать, что ему "очень хорошо" (*feer vie*). Обычно он признает, что он "средний"; а если по какой-то случайности он рискует употребить более сильное прилагательное, он спешит уточнить его, добавив "сейчас" или "только что", с акцентом, свидетельствующим о его стремлении не сказать слишком много. Его речевые привычки относятся к тому времени, когда в сознании манкса преобладал страх пробудить вредоносные влияния в окружающем его мире духов. Это привело к тому, что характер крестьянина-манкса приобрел оттенок сдержанности и подозрительности, что затрудняет завоевание его доверия: поэтому знакомство с ним должно культивироваться в течение некоторого времени, прежде чем вы сможете сказать, что знаете, как устроено его сердце. Языческая вера в Немезиду, несомненно, ушла в прошлое, но не без существенного влияния на представление манксов о личном дьяволе. С тех пор как манксы впервые упомянули о дьяволе, я все глубже убеждаюсь, что для них дьявол - гораздо более грозное существо, чем его представляют себе англичане или валлийцы. Он более серьезное и, если можно так выразиться, более респектабельное существо, не допускающее вольностей с именем, так что лучше не называть его дьяволом, лукавым и тому подобными именами, ибо его правильное обозначение - *Noid ny Hanmey*, "Враг души", а в обычном англо-манкском разговоре его принято называть "Врагом душ". Хорошо помню, как однажды на юге острова я разговорился с одним старым солдатом. Он, как я вскоре обнаружил, страдал своего рода теологической мономанией, и его главный вопрос касался валлийского слова, обозначающего "врага душ". Я сразу почувствовал, что должен быть осторожен и что от того, как я отвечу, зависит репутация моих соотечественников. Поскольку у меня не было имени, похожего на то,

которое он использовал для обозначения дьявола, я объяснил ему, что валлийцы, хотя и не являются великой нацией, прекрасно изучают теологию и ни в коем случае не пренебрегают ее большой отраслью, известной как сатанология. Более того, это изучение, как я сказал далее, наложило свой отпечаток на валлийский язык: В воскресенье священнослужители всех деноминаций, дьяконы и старейшины, а также все уважающие себя общины говорили о дьяволе трехсложным словом *diafol*, а в остальные дни недели все называли его более кратко и принудительно *diawl*, за исключением бардов, сочиняющих *awdl* для Eisteddfod, где дьявол всегда должен называться *diafl*, а также моряков, фермерских слуг, почтовых мальчиков и кольеров, а также деревенских джентльменов, изучающих валлийский, чтобы обращаться к своим будущим избирателям - для всех них нормативной формой было *jawl*, с английским *j*. Таким образом, заметил я ему, можно определить социальное положение валлийца по тому, как он называет "врага душ", а также оценить превосходство валлийского языка над греческим, поскольку валлийский, заимствуя *διάβολος* из греческого, увеличил его в четыре раза, а греческий остался бесплодным. Он был так глубоко впечатлен, что я так и не смог вернуть его внимание к мелкой, с духовной точки зрения, живности острова Мэн, то есть к феям и фенодири, или даже к ведьмам и заклинателям, за исключением того, что у него был некоторый запас веры в ведьм, поскольку ведьма из Эндора была в Библии и ей приписывали "махровую" великую силу поднимать духов: это, думал он, должно быть правдой. Я указал ему на то, что в его Библии также упоминается фенодири (см. с. 288): это проявление моих знаний произвело на него глубокое впечатление.

Манксы, как правило, трезвый народ и очень религиозный; что касается их верований, то они в основном являются членами Англиканской церкви или уэслианскими методистами, а иногда и теми и другими, что отнюдь не редкость. Религиозные фразы нередки в их обычном разговоре; более того, они показались мне более частыми, чем в Уэльсе, даже в Уэльсе моего детства; и местами это пристрастие к религиозной фразеологии оставило свои следы в словарном запасе местных жителей. Возьмем, к примеру, слово, означающее "кто-либо, человек или человеческое существо", которое Крегин пишет *py'agh* или *p'agh*: он справедливо считает его разговорным произношением *resscagh*, "грешник". Поэтому, когда кто-то стучит в дверь манксов и спрашивает: *Vel p'agh sthie?*, он буквально спрашивает: "Есть ли в доме грешник?". Вопрос, однако, был объяснен мне с неосознанной иронией, как правильно означающий "Есть ли в доме христианин?", и теперь при чтении стараются произносить средние согласные в слове *resscagh*, "грешник", чтобы отличить его от слова, обозначающего христианина "любой": но идентичность происхождения безошибочна.

Наконец, тот факт, что проклятие - это разновидность молитвы, то есть молитва о том, чтобы за ним последовало зло, хорошо иллюстрируется в манксе одними и теми же словами, [gwee14](#), множественное число *gwesaghyn*, означающими оба вида молитвы. Так, читая псалмы на манкском, я несколько раз спотыкался, не помня о зловещем значении этих слов; например, в Псалме xiv. 6, где мы имеем *Ta 'n beedal oc lane dy ghweeaghyn as dy herriuid*, что я механически истолковал как "Их уста полны молитв и горечи", вместо "проклятий и горечи"; и так в других случаях, таких как Пс. x. 7, и сix. 27.

Мне неоднократно приходило в голову навести справки об отношении религиозных манксов к колдовству и призыванию заклинателя. Насколько мне известно, никто не обвиняет их в том, что они каким-либо образом поддерживают колдовство; но в реальности ведьм и колдовства они вряд ли будут сомневаться, пока будут придерживаться библейского рассказа о ведьме из Эндора, как я уже упоминал в случае со старым крымским солдатом. Что же касается заклинателей, то мне доводилось слышать, что самые религиозные люди больше всего доверяют заклинателям и их чарам; а один знакомый мне светский проповедник упоминал,

что время от времени в случае опасности или острой необходимости прибегал к заклинаниям. В целом, я думаю, что обвинение религиозных людей в обращении к чародеям несколько преувеличено; но я считаю, что обращение к чародеям более привычно и более открыто, чем, например, в Уэльсе, где те, кто обращается к *dyn hyspys* или "мудрецу", должны делать это тайно и под угрозой быть изгнанными своими единоверцами из *Seiet* или "Общества". В атмосфере Человека есть нечто, напоминающее скорее Уэльс прошлого поколения - Уэльс того времени, когда преподобный Эдмунд Джонс мог написать *"Реляцию о явлениях духов в графстве Монмут и княжестве Уэльс"* как книгу, "призванную опровергнуть и предотвратить неверность отрицания существования и явлений духов, которая ведет к иррелигии и атеизму": см. с. 174, 195 выше.

Крестьянство Мэнкс, возможно, самое независимое и процветающее на Британских островах; но их географическое и политическое положение благоприятствовало распространению идей, не вполне соответствующих уровню последних работ по дарвинизму и эволюции, читаемых на церковных конгрессах в этой стране. Может показаться, что здесь мы зашли слишком далеко; но после того, как в предыдущей главе были приведены примеры довольно древних суеверий, известных на острове в последнее время, было бы правильно составить представление о том, в каком окружении они сохранились до наших дней. Возможно, ничто не поможет лучше донести это до читателя, чем тот факт, которому есть доказательства, что еще живущие старики помнят, как мужчины и женщины, одетые в белые простыни, публично совершали покаяние в церквях Мэна.

Ниже приведены свидетельства, которые мне удалось найти, и я могу сказать, что впервые услышал о публичном покаянии в 1888 году от мистера Джофина, пожилого человека и уроженца Кирк-Брайда. Он рассказал, как девочка по имени Мэри Дик дала дерзкий ответ священнику, когда тот проводил катехизацию в ее классе, и как ей пришлось покаяться за это в церкви. Она отомстила пастору тем, что пела, закутавшись в белую простыню, громче, чем все остальные в общине. Если я не ошибаюсь, мистер Джофин сказал мне, что слышал это от своего отца. Я рассказал об этой истории одному священнику, который был уверен, что никто из ныне живущих не помнит ничего о публичном покаянии. Однако вскоре после этого я разговорился с сапожником из Кирк-Майкла по имени Дэн Келли, которому шел уже восемьдесят первый год. Он был уроженцем Баллаха и заявил, что помнит многих сменявших друг друга обитателей епископской резиденции. Давным-давно чиновник, называемый Самнером, назо ему назначил его одним из четырех присяжных главы. Это было, по его мнению, когда ему было около двадцати пяти лет. Во время исполнения своих обязанностей он видел, как четыре человека, из которых двое были женатыми мужчинами и две незамужние женщины, совершали покаяние в приходской церкви Баллау за то, что у них были незаконнорожденные дети. Они стояли в аллее церкви, и причетнику пришлось накинуть на них белые простыни; в четвертое воскресенье своего покаяния они стояли у перил алтаря, но не причащались. Пастор, которого звали Стоуэлл или Стоуолл, заставил их основательно устыдиться в четвертое воскресенье, как признался впоследствии один из мужчин. Келли назвал имена женщин и одного из мужчин, а также указал мне на некоторых их потомков, хорошо известных в округе. Я подверг его перекрестному допросу, тем более строгому, что мне довелось услышать и другую точку зрения на отдаленность даты. Но ничто не могло поколебать Келли, который добавил, что вскоре после даты вышеупомянутых случаев гражданский чиновник, известный как генеральный викарий, положил конец присяжным и общественному покаянию: по его подсчетам, покаяние, о котором он говорил, должно было произойти около 1832 года. Другой старик, по фамилии Кьюли, живущий сейчас возле Кирк-Майкла, а раньше в приходе Лезайр, рассказал похожую историю. Он считает, что родился в шестом году века, а когда ему было от восемнадцати до двадцати, он

видел человека, совершавшего публичное покаяние, в церкви Лезайра, как я предполагаю, но у меня нет точных сведений на этот счет. Как бы то ни было, он помнил, что кающийся, совершив покаяние, имел дерзость бросить белую простыню на сумнера, который, заметил кающийся, теперь может сам надеть ее, поскольку она ему надоела. Кьюли датирует это событие примерно 1825 годом.

Наконец, в 1891 году я снова был на острове и первую часть апреля провел в Пиле, где беседовал с отставным капитаном, которому тогда было около семидесяти восьми лет. Он родом из прихода Далби, но был еще "мальчишкой", когда последнюю пару безнравственных людей заставили каяться в белых простынях в церкви. Он назвал мне имя виновного и название его дома в приходе, и как капитан, так и его дочь заверили меня, что тот умер всего шесть или семь лет назад; то есть, судя по всему, кающийся прожил примерно до 1884 года. Здесь я могу упомянуть, что о приходе Далби ходит множество историй, свидетельствующих о том, что его жители были более старомодны, чем жители остальной части острова. Похоже, он был последним, до которого можно было добраться на телеге; и меня позабавило описание одного местного жителя о том, как мужчины на методистских собраниях в Далби при имени Иисуса дергали за *таппаг*, или лоб, а женщины опасно резко делали реверанс. Он и его жена, похоже, вполне привыкли к этому: муж был восьмидесятилетним Квирком, который родился на побережье возле низменного полуострова, называемого Niarbyl, то есть "Хвост".

Возвращаясь к общественному покаянию, отметим, что в нашей стране оно кажется, так сказать, принадлежностью древней истории и переносит нас в то состояние вещей, которое нам трудно осознать. С течением лет на нашем большом острове Британия произошли более глубокие изменения, чем на маленьком острове Мэн, а мы сами, бессильные избежать всепроникающего влияния этих глубоких изменений, стали живыми примерами всеобъемлющей истины слов немецкого поэта,

Omnia mutantur, nos et mutamur in illis.

1 Мой доклад был прочитан в Фольклорном обществе в апреле или мае 1891 года, а заметки мисс Пикок появились в журнале общества в декабре следующего года: см. с. 509-13. [↑](#)

2 См. *Choice Notes*, p. 76. [↑](#)

3 См. третье издание "*Поэтических произведений В. Николсона*" (Castle-Douglas, 1878), с. 78, 81. [↑](#)

4 См. с. 321 выше и приведенные там ссылки; также Howells' *Cambrian Superstitions*, p. 58. [↑](#)

5 Pomponius Mela *De Chorographia*, edited by Parthey, iii, chap. 6 (p. 72); см. также мои "*Лекции Хибберта*", с. 195-6, где, однако, следует отменить отождествление имени Sena с именем Sein. *Сейн*, по-видимому, происходит от бретонского *Seidhun*, иначе модифицированного в *Sizun* и *Sun*: см. главу vi ниже. [↑](#)

6 См. мои "*Лекции Хибберта*", с. 195-7; также мою "*Артурианскую легенду*", с. 367-8, где подробно цитируется отрывок из "*Defectu Oraculorum*" Плутарха, xviii. (= Didot edition of Plutarch's works, iii. 511); суть его можно найти также в главе viii ниже. [↑](#)

7 О торговле ветрами в Уэльсе см. Howells, p. 86, где он говорит следующее: "В Пемброкшире жил человек, известный как хитрец из Пентрегетена, который продавал ветры морякам, как лапландские ведьмы, и был почитаем в округе, где он жил, гораздо больше, чем прорицатели". ↑

8 Это может оказаться неверным, поскольку от преподобного Джона Куайна, викария Малева в Мане, я узнал, что к югу от Балласалла есть ферма под названием Бальтане или Болтане, и что в сборнике (1540 г.) арендаторов аббатства она называется *Биултан*. Это последнее, если изначально было мужским именем, , по-видимому, указывает на такое соединение, как *Бео-Ултан*. В своих "*Манкских именах*", стр. 138, г-н Мур предлагает возможность объяснить это название как *bwoailtyn*, "складки или ручки"; но ударение делает это несомненным. См. также *Lioar Manninagh*, iii. 167, где г-н К. Родер, ссылаясь на тот же самый отрывок из компьютера, называет имя *Builthan* в пограничном *интер-кроссе* *Ivar Builthan*. Мистер Куайн читает это как *inter Cross Ivar et Biulthan*, "между Кросс-Иваром и Болтаном". Текст границы см. в издании Джонстона "*Хроника Манни*" (Копенгаген, 1786), с. 48, и в "*Monumenta de Insula Manniæ*" Оливера, т. i. с. 207; см. также работу г-на Куайна "*Границы земель аббатства в Лиюар Маннинаг*", iii. 422-3. ↑

9 Я говорю "приблизительно", поскольку, говоря более строго, обычное произношение - *Sn̥d̥æh̥*, почти как один слог, и из него возникает вариант, который иногда пишут *Stondane*, а новейшее развитие английского языка, независимо от ударения англо-манкской формы, которая есть *Santon*, произносится *Sántn̥*, превращает приход в St. Ann's! Доказательства того, что это был приход *святого Санктана*, см. в Moore's Names, p. 209. ↑

10 The *Athenæum* за 1 апреля 1893 г., p. 415. Здесь я могу заметить, что примечание г-на Борласа о *do fhagaint*, как мне кажется, излишне: пусть будет *do fhagaint* и переводится не "я ухожу", а "уходить". С этим письмом следует ознакомиться, чтобы выяснить любопытные факты, касающиеся Кроаг Патрика, его языческих станций, знаков на чашах и т. д. ↑

11 С тех пор как эта статья была прочитана в Обществе народных преданий, в его журнале появилось много информации того или иного рода, касающейся первой ступни: см. особенно *Folk-Lore* за 1892 г., с. 253-64, и за 1893 г., с. 309-21. ↑

12 Это было написано в начале 1892 года. ↑

13 Сравните с этим то, что говорит мистер Гомм об обычае празднования Нового года в Ланаркшире: см. с. 633 *Этнографического отчета*, упомянутого выше на с. 103, и сравните Henderson, p. 74. ↑

14 Старомодные грамматики и составители словарей всегда рады поработать с метлой миссис Партингтон: так, Келли считает, что поступил прекрасно, напечатав *gilee*, "молитва", и *gwlee*, "проклятие". ↑

ГЛАВА VI

Фольклор колодцев

...luvat integros accedere fontes.-Lucretius.

Совсем [недавно](#)¹ я впервые услышал о валлийских примерах обычая привязывать тряпки и одежду к ветвям дерева, растущего возле святого колодца. С тех пор я получил несколько сведений на этот счет: первое - это сообщение, полученное в июне 1892 года от мистера Дж. Х. Дэвиса из Линкольн-колледжа в Оксфорде - с тех пор Линкольнс-Инн - о святом колодце в Гламорганшире, расположенном рядом с тропинкой, ведущей из Койчерча в Бридженд. По его словам, там принято, чтобы люди, страдающие от какого-либо недуга, окунали тряпку в воду и купали больную часть тела, после чего тряпку клали на дерево неподалеку от колодца. По его словам, когда мистер Дэвис проходил этим путем около трех лет назад, на дереве лежали сотни таких лоскутков, причем некоторые из них явно выглядели так, будто были положены совсем недавно. Колодец называется *Ffynnon Sae Moch*, "Колодец свиного поля", что вряд ли могло быть его старым названием; в более позднем сообщении мистера Дэвиса кратко излагается разговор, который он вел об этом колодце 16 декабря 1892 года с мистером Дж. Т. Хауэллом из Пенкюда, близ Бридженда. Его записи выглядят так: "*Ffynnon Sae Moch*, между Койчерчем и Бридженом, находится в одной миле от Койчерча, в одной с четвертью миле от Бридженда, недалеко от Тремейнса. Он находится в двенадцати или пятнадцати ярдах от шоссе, как раз там, где начинается тропинка. Туда ходят люди, страдающие ревматизмом. Они омывают больное место водой, а затем привязывают кусок тряпки к дереву, которое нависает над колодцем. Тряпку не опускают в воду, а лишь вешают на дерево на счастье. Это чахлое, но очень старое дерево, и оно просто *покрыто* тряпками". Чуть меньше года спустя мне представилась возможность посетить этот колодец в компании мистера Бринмора-Джонса, и я обнаружил в своих записях, что он расположен не так уж и близко к дороге, как мистер Хауэлл, по-видимому, утверждал мистеру Дэвису. Мы нашли колодец, представляющий собой мощный источник, окруженный круглой стеной. Над ним возвышается умирающее терновое дерево, а чуть поодаль стоит другой терн, не такой разложившийся: именно на нем мы и нашли тряпки. Я сорвал веточку с двумя тряпками, а мистер Бринмор-Джонс насчитал на дереве более дюжины других тряпок; мы заметили, что некоторые из них были повешены там совсем недавно: среди них были части, несомненно, женской одежды. В одной из гостиниц Бридженда я нашел неграмотного слугу, который был знаком с колодцем, и подверг его перекрестному допросу на эту тему. Он заявил, что человек с раной, которая, как он объяснил, означает порез, шел и становился в колодец в стене, там он развязывал тряпку, которой была завязана рана, и промывал ею рану: затем он завязывал рану свежей тряпкой, а старую вешал на дерево. Более уважаемые люди, которых я расспрашивал, говорили более туманно и только о привязывании тряпки к дереву, за исключением одного, который упомянул о булавке, брошенной в колодец, *или* о тряпке, привязанной к дереву.

Мой следующий информатор - мистер Д. Дж. Джонс, уроженец долины Ронджа в том же графстве Гламорган. Он был студентом колледжа Иисуса в Оксфорде, когда я консультировался с ним в 1892 году. Он сообщил, что ему известны три интересных колодца в графстве. Первый находится в двух милях от его дома и известен как *Ffynnon Pen Rhys*, или Колодец Пен Рис. Согласно обычаю, человек, желающий поправить свое здоровье, должен помыться в воде колодца, а после бросить в него булавку. Далее он упоминает колодец в *□ancarvan*, примерно в пяти или шести милях от Коубриджа, где преобладает обычай привязывать тряпки к ветвям дерева, растущего неподалеку. Наконец, он обращает мое внимание на отрывок из *Hanes Morganwg*, "Истории Гламоргана", написанной мистером Д. У. Джонсом, известным в валлийской литературе как *Dafyd Morganwg*. В этой работе, стр. 29, автор говорит о *Ffynnon Marcros*, "Колодце Маркроса", следующим образом: "У тех, кто исцеляется в нем, есть обычай привязывать лоскуток льна или хлопка к ветвям дерева, которое стоит рядом; и там лоскутков почти столько же, сколько листьев". Маркрос, надо сказать, находится недалеко от Нэш-Пойнта и на карте выглядит так, будто он удален от

Бридженда примерно на восемь миль. Позвольте мне пояснить, что до сих пор мы имели дело с четырьмя разными колодцами², три из которых по отдельности отличаются наличием дерева, украшенного тряпками теми, кто ищет здоровья в этих водах; но все три, как читатель, несомненно, заметил, находятся в одном и том же районе, а именно в части Гламорганшира, расположенной рядом с главной линией Великой Западной железной дороги.

Однако нет причин думать, что обычай привязывать тряпки к колодезному дереву был свойственен именно этой части княжества. Однажды, просматривая свои старые записи, я наткнулся на запись от 7 августа 1887 года, когда я провел несколько дней со своим другом, канцлером Сильваном Эвансом, в ректории Анврин, недалеко от Мачина. Миссис Эванс была тогда жива и здорова и проявляла большой интерес к валлийским древностям и фольклору. Среди прочего она рассказала мне, как лет за двадцать до этого посетила колодец в приходе *Landriŷo yn Rhos*, а именно *Ffynnon Eilian*, или Колодец Элиана, между Абергелем и Кандудно, когда ее внимание привлекли несколько кустов возле колодца, которые когда-то были покрыты клочьями тряпок, оставленными теми, кто часто посещал этот колодец. Об этом миссис Эванс рассказала семидесятилетняя старушка, которая, расспросив миссис Эванс об истории колодца, сообщила ей, что тряпки раньше привязывали к кустам с помощью шерсти. Она прямо заявила, что для этого должна быть использована шерсть, и даже шерстяная пряжа не подойдет: это должна быть шерсть в ее естественном состоянии. Старушка помнила, что так было заведено с самого детства. Миссис Эванс заметила, что в колодце плавают пробки с воткнутыми в них булавками, а ее собеседница припомнила еще много таких случаев за прошедшие годы; ведь Колодец Элиана когда-то пользовался большой славой как *ffynnon reibio*, или колодец, к которому люди прибегали с благой целью околдовать тех, кого ненавидели. Однако из того, что миссис Эванс рассказали о тряпках, я делаю вывод, что Колодец Элиана посещали не только злобные, но и больные и страждущие. В моей записке нет четкого ответа на вопрос, лежали ли тряпки на кустах у колодца, когда миссис Эванс посетила это место, или же о них ей рассказал только смотритель. Даже в последнем случае кажется очевидным, что эта привычка привязывать тряпки к деревьям или кустам возле священных колодцев прекратилась в этой части Денбигшира только этом столетии. Вполне возможно, что в Северном Уэльсе он сохранялся и дольше, чем можно предположить на основании этого примера; более того, я ничуть не удивлюсь, узнав, что в Гвинедде, как и в Гламоргане, он до сих пор практикуется в труднодоступных местах: нам нужна более подробная информация.

Я не могу с уверенностью сказать, было ли принято в каком-либо из случаев, на которые я обратил внимание, привязывать тряпки к дереву колодца, а также бросать в него булавки или другие мелкие предметы; но я не могу не придерживаться мнения, что различие между двумя порядками вещей было, вероятно, древним. Другими словами, я склонен полагать, что тряпка считалась носителем болезни, от которой желал избавиться больной посетитель колодца, а бусина, пуговица или монета, брошенная им в колодец или в сосуд возле него, являлась лишь подношением". В противовес этому мнению г-н Гомм высказался следующим образом в *Folk-Lore*, 1892, p. 89: - "Есть некоторые доказательства против этого, исходя из того факта, что в случае некоторых колодцев, особенно в Шотландии в одно время, вся одежда была положена в качестве подношения. Постепенно эти приношения одежды становились все меньше и меньше, пока не свелись к лохмотьям. Также и в других частях географическое распространение тряпичных жертвоприношений совпадает с существованием монолитов и дольменов". Что касается монолитов и дольменов, я слишком мало знаком с фактами, чтобы рискнуть высказать мнение о значении этого совпадения; но что касается предположения, что тряпка первоначально означала всю одежду, то оно

прекрасно подходит для моей гипотезы. Другими словами, вся одежда, как я понимаю, была носителем болезни: проклята была вся одежда, а не только ее часть. Но мистер Гомм уже затрагивал этот вопрос в своей президентской речи (*Folk-Lore* for 1892, p. 13); и я должен сразу же признать, что ему удалось доказать, что между вещами, которые я должен рассматривать как принадлежащие изначально к разным категориям, происходит определенная путаница: засвидетельствуйте неподражаемый ирландский пример, который он цитирует: "To St. Columbkille-I offer up this button, a bit of' waistband o' my own breeches, and' a taste of' my wife's petticoat, in remembrance of us havin' made this holy station; an' may they rise up in glory to prove it for us in the last day. Здесь в качестве подношения рассматривается не только пуговица, но и части одежды; но путаницу идей я должен объяснить тем, что это, по крайней мере отчасти, один из естественных результатов замены части одежды всей одеждой; ведь таким образом пуговица или булавка становится частью одежды и может быть истолкована в двух смыслах. Однако, как мне кажется, обычная практика не привела к полному исчезновению различий: тряпку не оставляют в колодце, а бусину, пуговицу или булавку не прикрепляют к ветке дерева. Поэтому в целом мне показалось проще объяснить факты, взятые в совокупности, исходя из предположения, что первоначально тряпка рассматривалась как носитель болезни, а бусина, пуговица или монета - как подношение. Привлекая внимание к этому вопросу, я хотел, чтобы его обсудили, и я рад сказать, что не был разочарован; поскольку после публикации моих [замечаний](#)³ статья под названием "Булавки и тряпичные кусты" была прочитана в Британской ассоциации мистером Хартландом в 1893 году и опубликована в журнале *Folk-Lore* за тот же год, стр. 451-70. В этой статье весь вопрос рассматривается с тщательной логикой, и мистер Хартленд находит требуемое объяснение в одной из догм магии. Ибо "если предмет моей одежды, - говорит он, - в руках ведьмы может причинить мне страдания, то тот же предмет в контакте с благотворной силой может облегчить мою боль, вернуть мне здоровье или способствовать общему процветанию. Булавка, уколывая мою бородавку... своим прикосновением, раной, которую она нанесла, приобрела особую связь с бородавкой; тряпка, которой натирают бородавку, приобрела такую же связь; так что что бы ни делали с булавкой или тряпкой, каким бы воздействиям ни подвергали булавку или тряпку, те же самые воздействия оказываются на бородавку. Если вместо тряпки или паломничества к священному колодцу натереть бородавку сырым мясом, а затем закопать мясо, бородавка распадется и исчезнет вместе с распадом и растворением мяса Таким же образом моя рубашка или чулок, или тряпка, изображающая их, положенная на священный куст или брошенная в священный колодец, мое имя, написанное на стенах храма, камень или дробинок из моей руки, брошенная на священный образ или священный каирн - отныне находится в постоянном контакте с божеством; и излияние божества, достигая и вовлекая его, будет достигать и вовлекать меня". На основании большого количества примеров мистер Хартленд делает вывод, что, как правило, "когда булавка или пуговица опускается в колодец, пациент не беспокоится о тряпке, и наоборот". Этот более широкий аргумент в пользу того, что от конкретного места особой святости исходит божественность, кажется мне убедительным. Нет нужды говорить, что он применим и к большому числу случаев, помимо тех, о которых идет речь между мистером Гоммом и настоящим автором.

Теперь я пересмотрю свою позицию следующим образом: я продолжаю рассматривать тряпку так же, как и раньше, но отношусь к предмету, брошенному в колодец, как к более специальному средству установления благоприятных отношений с божеством колодца: можно ли рассматривать его как подношение, зависит от ценности, которую ему придают. Некоторые из следующих заметок могут служить иллюстрациями, особенно те, что касаются шерсти и булавки: - *Ffynnon Gwynwyl*, или Колодец Гвинви, возле *angelynin*, на реке Конви, кажется, отчасти подходит для этой цели; потому что раньше он был хорошо укомплектован

кривыми булавками, к которым никто не прикасался, чтобы не заразиться от них бородавками, которые, как предполагалось, прикрепляются к ним; отсюда следует, что булавка может рассматриваться как носитель болезни. В Кае Гарв, в приходе Писти, у подножия Карнгувча, в *Каеу*, или Западном Карнарвоншире, был колодец, пользовавшийся известностью. Вода обладала свойствами, позволяющими излечивать ревматизм и бородавки, но чтобы избавиться от последних, нужно было бросить в колодец булавку для каждой отдельной бородавки. За эти два пункта информации и еще несколько, о которых будет сказано ниже, я должен поблагодарить мистера Джона Джонса, более известного в Уэльсе под бардовским именем Мирджин Фардж и как увлеченного собирателя валлийских древностей, будь то в виде рукописного или неписанного фольклора. На второй день 1893 года я навестил его в Чвиллоге, на железной дороге Карнарвон и Эйвон-Вен, и задал ему множество вопросов: он не только отвечал на них с величайшей готовностью, но и показал мне неопубликованные материалы, которые он собрал. Далее я перехожу к конкурсу фольклора Северного Уэльса на лондонском Eisteddfod в 1887 году, на котором, будучи одним из судей, я заметил, что несколько участников упомянули о распространенном поверье, что каждый колодец с целебными свойствами должен иметь выход на юг (*i'r dê*). По словам одного из них, если вы хотите избавиться от бородавок, то по дороге к колодцу должны искать шерсть, которую потеряла овца. Найдя достаточное количество шерсти, нужно уколоть каждую бородавку булавкой, а затем хорошенько потереть бородавку шерстью. Затем нужно было согнуть булавку и бросить ее в колодец. Затем вы должны положить шерсть на первый попавшийся терновник, и, когда ветер развеет шерсть, бородавки исчезнут. По словам писателя, такой колодец находился недалеко от его дома, и однажды он вместе с тремя или четырьмя другими мальчиками отправился из школы к колодцу, чтобы вывести свои бородавки. На одной из рук у него было двадцать три бородавки, и он всегда старался скрыть их, так как считалось, что если пересчитать бородавки, то их количество удвоится. Он забыл, что стало с бородавками других мальчиков, но его собственные исчезли вскоре после этого, и его дед утверждал, что это произошло благодаря добродетели колодца. Так говорил этот писатель, имя которого мне неизвестно, но я предполагаю, что он был уроженцем Карнарвоншира или одного из соседних районов Денбигшира или Мерионетшира. Возвращаясь к Мирдину Фарджу, он упоминает *Ффиннон Цефн* *ŷeithfan*, или Колодец Хребта *ŷeithfan*, на восточном склоне *Mynydd y Rhiw*, в приходе *Bryncroes*, на западе *Каеу*. В случае с этим колодцем необходимо, идя к нему и выходя из него, быть осторожным, не произносить ни слова никому и не оборачиваться назад. У колодца нужно омыть бородавки тряпкой или турундой, на которую нанесена смазка. После этого тряпку с жиром нужно аккуратно спрятать под камень в устье колодца. Это наводит меня на мысль о том, что много лет назад я не раз замечал тряпки под камнями в воде, текущей из колодцев в Уэльсе, а иногда засовывал их в отверстия в стенах колодцев, но не знал, как они туда попадают.

По поводу колодцев-штырей я получил в 1893 году от мистера Т. Е. Морриса из Портмадока, адвоката-барристера, рассказ о *Ффиннон Фаглан*, или Багановом колодце, в приходе Анфаглан, недалеко от Карнарвона. Колодец расположен на открытом поле справа от дороги, ведущей к церкви, и недалеко от нее. Церковь и церковный двор образуют ограду в середине того же поля, и в стене первого сохранился старый камень с надписью FILI LOVERNII ANATEMORI. Мой друг получил от миссис Робертс из Кефн-и-Коэд, что неподалеку от Карнарвона, следующие сведения: "Старики, которые могли бы что-то знать о *Ффиннон-Фаглане*, все умерли. Два самых старых жителя, которые всегда жили в этом приходе, помнят, что колодец использовался в лечебных целях. Один рассказывал мне, что в детстве мать водила его к нему, когда у него болели глаза, промывала их водой, а затем опускала в них булавку. Другой мужчина, когда был молод, купался в нем от ревматизма; и до недавнего времени люди привозили воду для лечебных целей. Последний, живущий неподалеку от

колодца, в Тан-и-Грейг, сказал, что помнит, как его чистили лет пятьдесят назад, и тогда из него достали два тазика булавок, но ни одной монеты. Все булавки были погнуты, и я полагаю, что это было сделано с целью изгнания злого духа, который, как предполагалось, должен был поразить человека, опустившего их в колодец, или, как говорят валлийцы, *dadwitsio*. Несомненно, использовались и какие-то зловещие слова. В настоящее время колодец почти пересох: поле, на котором он находится, было осушено несколько лет назад, и вода из него была отведена. Его часто использовали для лечения бородавок. Бородавку промывали, затем накалывали булавкой, которую, согнув, бросали в колодец. В К'линноге есть очень большой и известный колодец такого рода, *Ффиннон Беуно*, "Колодец святого Беуно", который, как считалось, обладает чудодейственной целительной силой; и даже сейчас, я полагаю, некоторые люди верят в него. По своей конструкции *Ффиннон Фаглан* - это уменьшенное подражание Колодцу святого Беуно в К'Линноге".

В скалах на западном конце острова *Гвинеда* находится колодец желаний под названием *Ффиннон Фэйр*, или Колодец Святой Марии, слева от места, где находился Эглвис Фэйр, и напротив Йныс Энфой, или Бардси. Здесь, чтобы загадать желание, нужно спуститься по ступенькам к колодцу и снова подняться наверх с полным ртом воды, а затем обойти руины церкви один или несколько раз с водой во рту. Учитывая расположение колодца со стороны моря, я склонен думать, что исполнение желания за такую цену не может считаться совсем уж дешевым". Мирджин Фард также рассказал мне, что раньше рядом с церковью Крисчиет находился колодец. Он назывался *Ffynnon y Saint*, или Колодец святых, и в него было принято бросать ключи или булавки утром в Пасхальное воскресенье, чтобы умилиستивить святую Екатерину, которая была покровительницей колодца. Я был бы рад узнать, что именно это означает.

Наконец, несколько колодцев в этой части Гвинедда можно сгруппировать и назвать прорицательными. Один из них, большой колодец в приходе *Ганбедрог* в *Гвинеде*, как я узнал от Мирдина Фарджа, требовал, чтобы верующий преклонил перед ним колени и поклялся в своей вере в него. Когда это было сделано, он мог поступить следующим образом: чтобы узнать, например, имя вора, который его обокрал, он должен был бросить в колодец кусочек хлеба и назвать имя человека, которого он подозревает. При имени вора хлеб тонул, и дознаватель продолжал называть всех, кого мог вспомнить, пока кусок хлеба не тонул, и тогда вор был опознан. Насколько можно предположить, что здесь сохранились следы влияния водного испытания, распространенного в Средние века? Другим колодцем такого же рода был *Ффиннон Сазтон* в приходе Бачеэ, также в *Ганфиангел Бачеэ*, в *Гвинеде*. Здесь, как он записал, было принято, чтобы влюбленные бросали булавки (*pinnau*) в колодец; но эти булавки, похоже, были остриями терновника. Во всяком случае, они не могли быть из какого-либо металла, поскольку, как нам говорят, если они тонули в воде, то можно было сделать вывод, что возлюбленный не был искренен в своей любви.

Далее следует упомянуть колодец с примечательным названием *Ffynnon Gwyned*, или Колодец Гвинедда, который находится недалеко от *Мунд Мавр*, в приходе *Abererch*: раньше к нему обращались следующим образом: когда хотели узнать, выздоровеет ли больной человек, в колодец бросали его одежду, и по тому, с какой стороны она погружалась, узнавали, будет ли он жить или умрет.

Ффиннон Гибби, или Колодец Св. Колодец Сайби, расположенный в приходе Ангиби, был местом проведения похожей практики; Ведь там девушки, желающие узнать намерения своих возлюбленных, расстилали карманные платки на воде колодца, и если вода толкала платки на юг - по-валлийски *i'r dê* - они знали, что все в порядке - по-валлийски *o dê* - и что их возлюбленные честны и благородны в своих намерениях; если же вода сдвигала платки на

север, они делали вывод об обратном. Современный валлийский поэт упоминает об этом следующим образом

Ambeŷ dyn, gwaeldyn, a gyrch

I bant gorŷ Moel Bentyrch,

Mewn gobaith mai hen Gybi

Glodfawr syđ yn ŷ wyđaw'r ŷi.

Некоторые люди, **никчемные**⁴ люди, посещают

Лощину под Моэль Бентырх,

в надежде, что древний Киби

Благородной славы благословляет потоп.

Это место находится неподалеку от дома, где живет Мирдин Фард; он упоминал, что рядом с колодцем стоит здание, которое, вероятно, предназначалось для человека, отвечавшего за колодец: оно было арендовано в память о нем. Не только за это, но и за некоторые из вышеприведенных сведений я обязан Мирдину; а теперь я перехожу к миссис Уильямс-Эллис из Гласфрин Учаф, которая рассказала мне, что однажды, не так давно, она встретила в **ŷ angybŷ** местного жителя, который не посещал это место с самого детства: он почти всю жизнь проработал инженером в Южном Уэльсе, но вернулся, чтобы навестить престарелого родственника. Воспоминания об этом месте заполнили его сознание, и, среди прочего, он сказал, что хорошо помнит, как однажды в деревне забеспокоились из-за того, что один озорник вытащил из колодца очень большого угря. Многие старики, по его словам, считали, что вместе с угрем ушла и большая часть достоинств колодца. Видеть, как он обвивается вокруг их конечностей, когда они заходят в воду, было хорошим знаком: так он дал понять одному из них. В качестве своеобразной параллели я могу упомянуть, что видел рыбу, живущую в *Ффиннон Берис*, недалеко от приходской церкви Анбериса. Жители ревностно охраняют ее, и когда ее раз или два вытаскивал озорной незнакомец, он был вынужден вернуть ее на место. Однако мне так и не удалось узнать историю этой священной рыбы, но я обнаружил, что она считается очень **древней**⁵. Могу добавить, что в колодце, называемом *Ффиннон Фэйр*, "Колодец Марии", в деревне **ŷ andŷwŷn** на острове Англси, раньше обитала священная рыба, движения которой указывали на судьбу страдающих от любви мужчин и девиц, посещавших святилище святой **Двинвен**⁶. Возможно, в результате расследования выяснится, что такие священные рыбы когда-то были гораздо более распространены в княжестве, чем сейчас.

Следующий класс колодцев, требующих нашего внимания, состоит из того, что я могу назвать колодцами фей, из которых лишь немногие упоминаются в связи с Уэльсом, но легенды о них представляют огромный интерес. Один из них находится в окрестностях Мирдина Фарджа, и я много расспрашивал его на эту тему: он называется *Ффиннон Грасси*, или Колодец Грейс, и занимает, по его словам, несколько квадратных футов - он сам измерил их - в юго-восточном углу озера Гласфрин Учаф, в приходе Ангиби. Судя по всему, он был обнесен стеной, а в камне, образующем его восточную сторону, есть несколько отверстий, предназначенных для того, чтобы вода попадала в колодец, а не вытекала из него. На поверхности колодца была дверца или крышка, которую нужно было держать всегда закрытой, кроме тех случаев, когда из него черпали воду. Однако по чьей-то небрежности она однажды была оставлена открытой, в результате чего вода из колодца вытекла наружу и

образовала озеро Гласфрин, которое настолько велико, что по нему можно плавать на небольших лодках. Предполагается, что Грасси - это имя владельца колодца или, во всяком случае, дамы, имевшей к нему какое-то отношение. Однако *Грасси*, или Грейс, может быть только именем, которое ввела современная версия легенды. Возможно, оно обозначает более древнее имя, которым называли человека, отвечавшего за колодец; того, кто не закрывал дверь; но хотя имя должно быть сравнительно современным, история в целом не кажется современной, а совсем наоборот.

Так я писал в 1893 году; но спустя несколько лет после разговора с Мирджином Фарджем мое внимание привлек тот факт, что семья Гласфрин, главой которой является преподобный Дж. К. Уильямс-Эллис, имеет в своем гербе русалку, которая изображена обычным образом, держа в правой руке гребень, а в левой - зеркало. Я с самого начала ожидал найти какую-нибудь историю об Ундине или Либане, связанную с колодцем и озером, хотя и воздержался от рискованных наводящих вопросов; но когда я услышал о геральдической русалке, я написал мистеру Уильямс-Эллису, чтобы спросить, знает ли он ее историю. Его слова, хотя и не обнадежили меня в отношении русалки, вскоре убедили меня в том, что я не был полностью неправ, полагая, что с колодцем и озером связано больше фольклора, чем мне удалось обнаружить. С тех пор миссис Уильямс-Эллис взяла на себя труд собрать на месте все предания, которые ей удалось найти: она сообщила мне их в марте 1899 года, и ниже приводится их краткое изложение, предваряемое кратким описанием местности:...

Сам колодец находится у подножия зеленого поля у истоков озера, но не на одном уровне с ним, так как воды озера были понижены полвека или более назад, а выход был вырублен глубже. К полю, где находится колодец, примыкает еще одно большое поле, которое также спускается к озеру и простирается в другом направлении до территории, принадлежащей дому. Это поле называется *Caer Ladi*, "Дамское поле", и оно примечательно тем, что в его центре находится древний камень, который, если смотреть из окон дома, представляет собой женскую фигуру, спешащую по дороге, причем ветер слегка раздувает ее вуаль и юбку платья. Мистер Уильямс-Эллис помнит, как в его детстве камень был частично выбелен, как старый чепец украшал верхнюю часть этой потенциальной статуи, а на плечи, по его мнению, была наброшена старая шаль.

Что касается Грасси, то ее в основном считают призраком, каким-то образом связанным с озером и домом Гласфрина. Одна из историй гласит, что в один из вечеров она забыла закрыть колодец, и когда хлынувшие воды образовали озеро, бедная Грасси, мучимая угрызениями совести, бродила по возвышенности *Каэр Лади*, стона и плача. Там ее и сейчас иногда можно услышать, оплакивающую свою судьбу, особенно в два часа ночи. Некоторые говорят, что ее можно увидеть и на озере, где сейчас обитает около полудюжины лебедей. Но в целом, похоже, ее визиты были наиболее частыми и беспокойными в самом доме. Упоминаются несколько еще живущих людей, которые считают, что видели ее там, и двое из них, миссис Джонс из Талафона и старая Сидни Гриффит из Тиджин-Баха, в основном сходятся в описании того, что они видели, а именно: высокую женщину с хорошо выраженными чертами лица и большими светлыми глазами: она была одета в белый шелк и белый бархатный чепчик. Женщина, Сидни Гриффит, считает, что несколько раз видела эту даму, гуляющую по дому и в *Каэр Лади*. В обоих случаях эти сведения получены от молодой женщины, родившейся и выросшей в ближайших окрестностях и обучающейся сейчас в Университетском колледже Северного Уэльса; но миссис Уильямс-Эллис получила подобные рассказы из других источников, и она упоминает об арендаторах Гласфрина, которым было трудно держать там слуг, поскольку они считали, что в доме водятся привидения. На самом деле один из жильцов чувствовал себя настолько небезопасно, что на

ночь брал с собой в спальню ружье и собаку; не говоря уже о том, что когда Уильямсы-Эллисы сами жили в этом доме, как живут и сейчас, их гости заявляли, что слышали странный пронзительный крик за дверью в два часа ночи.

Миссис Уильямс-Эллис рассказывает и совсем другую историю, согласно которой, когда вода поднялась и образовала озеро, феи схватили Грасси и превратили ее в лебедя, и в таком виде она прожила на озере шестьсот лет, а когда умерла, то громко оплакивала свою участь: этот крик до сих пор слышен по ночам. Эта история, очевидно, находится в процессе рационализации; во всяком случае, молодая студентка, о которой я упоминал, прекрасно помнит, что ее дед объяснял ей и другим детям дома, что Грасси была превращена в лебедя в наказание за то, что преследовала Гласфрин, но, тем не менее, старая леди все еще посещала это место, особенно когда в доме оказывались посторонние. В конце сентября прошлого года мы с миссис Рис имели удовольствие провести несколько дней в Гласфраине, надеясь услышать жалобный плач и увидеть, как дама в белом шелке возвращается в свои знакомые места. Но, увы, наш сон ни разу не был потревожен, а покой не нарушили подозрения в чем-то сверхъестественном. Впрочем, это лишь негативные свидетельства, отличающиеся обычной слабостью, присущей всем подобным доказательствам.

Теперь настало время перейти к другому порядку фактов: прежде всего следует упомянуть, что бабушка молодой студентки называла колодец *Ffynnon Grâs Siôn Gruffyd*, поскольку всегда слышала, что Grâs была дочерью некоего Siôn Gruffyd, "Джона Гриффита", который жил неподалеку от колодца; а миссис Уильямс-Эллис выяснила, что в колодце жил некий Джон Гриффит. Уильямс-Эллис обнаружила, что Грэйс была похоронена в весьма преклонном возрасте 14 декабря 1743 года в приходской церкви Ангиби, где в реестре она значится как *Грэйс Джонс, она же Грэйс Джонс Гриффит*. До конца жизни она жила в Гласфраине, но из документов, хранящихся в семье Гласфраинов, известно, что в 1728 году Хью Ллойд из Трафайн купил дом и поместье Гласфрин у сына Грейс по имени *Джон аб Кадваладр*, а сын Хью Ллойда из Трафайн, преподобный Уильям Ллойд, продал их архидиакону Эллису, от которого они перешли к преподобному Дж. К. Уильямс-Эллису. В свете этих фактов нет причин связывать имя старушки с колодцем или озером. Она была доминирующей фигурой в Гласфраине, вот и все; когда она умерла, то, как обычно, предполагалось, что она преследует дом и его окрестности; и если мы рискнем предположить, что Гласфрин был продан ее сыном против ее воли, хотя и на условиях, которые позволили ей оставаться во владении до самой смерти, то у нас появится дополнительное объяснение, возможно, ее предполагаемых стонов и причитаний.

Однако на заднем плане этой истории можно обнаружить еще одну женскую фигуру, ведь, возможно, камень в *Sae'r Ladi* представляет женщину, похороненную там за много веков до того, как Грейс стала править в Гласфраине, и что предания о более ранней даме сохранились, чтобы неразрывно смешаться с преданиями о более поздней. Наконец, эти предания могли также связывать их автора с колодцем и озером; но я не хочу придавать значения этой догадке, поскольку у нас в запасе есть третья фигура, обладающая большими возможностями, чем Грейс или каменная женщина. Она не нуждается в лучшем представлении, чем слова самой миссис Уильямс-Эллис: "У наших младших мальчиков есть команда из трех маленьких валлийцев, живущих у озера, которые вместе с ними катаются на лодке по бассейну, ходят в походы на остров и т. д. Однажды они спросили меня, кто такой *Морган*, о котором маленькие мальчики всегда говорили, что им следует быть осторожными. Старик, живущий на ферме Тал □уп, "Конец озера", расположенной неподалеку, говорит, что в детстве ему всегда говорили, что "непослушных мальчиков Морган унесет в озеро". Другие рассказывают, что Морган всегда готов унести непослушных детей, и почему-то Моргана

считают плохим". Теперь, когда Морган уносит детей в бассейн, он, похоже, выходит из бассейна и имеет в нем свой дом. Кроме того, он играет ту же роль, что и феи, от которых мать из Сноудона предостерегала своих детей: они не должны были уходить из дома, когда был туман, чтобы феи не унесли их в свой дом под *ŷyn Dwythwch*. Другими словами, можно сказать, что Морган действует так же, как русалка, которая уносит моряка в свой подводный дом; и это объясняет мне обсуждение имени Морган, которое я однажды услышал от компании мужчин и женщин, заготавливающих сено в один прекрасный летний день в окрестностях Понтервида, в Северном Кардиганшире. Я был ребенком, но отчетливо помню, как они дразнили одного из них, чей "стиль" был Морган. Они намекали на страшные вещи, связанные с этим именем; но все это было так туманно, что я не мог понять, что его великий неизвестный тезка был вором, убийцей или каким-нибудь обычным преступником. Впечатление, которое осталось у меня в голове, было скорее представлением о чем-то странном, сверхъестественном или нечеловеческом; и тот факт, что в валлийской версии Книги общей молитвы пелагиане называются *Morganiaid*, "морганы", не дает адекватного объяснения. Но теперь я ясно вижу, что его следует искать в неясных отголосках такого фольклора, как тот, что делает Моргана ужасом для детей в окрестностях озера Гласфрин.

Однако в этом имени есть свои сложности, которые требуют некоторого внимания: валлийские переводчики статьи IX Молитвенника, вероятно, ошиблись, превратив *пелагиан* в *морганиаидов*, поскольку валлийское слово "*пелагиус*", похоже, было скорее *Morien*⁷, которое в своей самой старой записанной форме было *Morgen* и означало рожденного в море или отпрыска моря. В еще более ранней форме оно, должно быть, было *Morigenos*, с женским родом *Morigena*, но когда окончания стали отбрасываться, оба вокализма превратились в *Morgen*, позже *Morjen*. Я не помню, чтобы в валлийском языке встречалось женское *Morgen*, но можно предположить, что оно существовало. Ибо, помимо прочего, я могу упомянуть, что в ирландском языке мы имеем его как *Muirgen*, одно из имен владычицы озера Либан, которая, когда воды заброшенного колодца вырвались наружу и образовали Lough Neagh, жила под этим озером, пока не пожелала превратиться в лосося. Тот же вывод можно сделать из имени *Моргейн* или *Морган*, которым во французских романах называют одну или несколько водяных дам; ведь эти имена легче всего объяснить как британское *Morgen*, заимствованное из валлийского или бретонского источника, если только не допустить, что оно восходит непосредственно к уэльским гойделям. Однако не успела произойти путаница между Моргеном и именем, которое так распространено в Уэльсе как исключительно мужское, как водная фигура тоже должна была стать мужской. Именно поэтому гласфринский Морган теперь мужчина, а не женщина, как другие персонажи, чью роль он играет. Но если в валлийском языке это имя было последовательно *Morgen* и *Morien*, то мужское имя было *Morcant*, *Morgant* или *Morgan*⁸, так что с фонологической точки зрения нельзя считать, что между этими двумя сериями возможна путаница. Таким образом, здесь можно обнаружить влияние, несомненно, французских романсов, в которых говорилось о даме озера Морген, Морган или Морге. Характер у них был разный: Моргейн ле Фей была коварной и злой; но Морганом звали и доброжелательную даму из того же рода фей, которая увезла Артура лечиться в свой дом на острове Аваллон. Похоже, мы находимся на пути того же путающего влияния имени, когда оно встречается в истории о Герайнте и Энид; там главного врача при дворе Артура зовут Морган Тут или Моргант Тут, а слово *Tum*, как показал М. Лот, означало тот же род нечеловеческих существ, которых в Житии святого Модэса одиннадцатого века упоминают как *quidam daemon quem Britones Tuthe appellant*. Таким образом, имя *Морган Tum* является валлийским эквивалентом французского *Morgain le Fay* или *Morgan la Fée*⁹; но до тех пор, пока составитель истории о Герайнте и Энид использовал в своем валлийском форму *Morgan*, у него практически не было выбора, кроме как рассматривать человека по имени Морган как мужчину, независимо от того, соответствовал

или нет пол в оригинальных текстах, на которые он опирался. Конечно, он мог бы избежать этой трудности, если бы знал о ней, если бы нашел какую-нибудь доступную формулу, например *Mary-Morgant*, которая, как говорят, является обычным именем феи на острове Уэссан, у побережья Бретани.

Суммируя вышесказанное, мы, кажется, можем сделать следующие выводы: (1) Колодец был оставлен на попечение женщины, которая забыла его закрыть, а когда увидела, что вода вырывается наружу, то стала сокрушаться о своей небрежности, как в случае с ее двойником в легенде о Кантре'р Гвэлоде. (2) Первоначальное имя Гласфрина "Моргана" было Морген, позднее Мориен. (3) Человек, превратившийся в лебедя по случаю извержения колодца Гласфрина, был не Грасси, а, скорее всего, Морген. (4) Изначально этот персонаж был женским, как русалка или фея, роль которых исполняет Морган из Гласфрина; особенно можно сравнить ирландское Muirgen с *Моргеном*, которого обычно называют Либаном. Следует заметить, что когда запущенный колодец прорвало, она, Муирген или Либан, не утонула, как другие, вовлеченные в это бедствие, а жила в своей камере на дне озера, образованного переполненным колодцем, пока не превратилась в лосося. В таком виде она прожила около трех веков, пока не попала в сети рыбака и не получила благословение на христианское погребение. Однако превращение в лебедя известно и на ирландской земле: возьмем, к примеру, историю Детей Лира, которых мачеха превратила в лебедей, и они жили в таком виде на Лох-Дэйрбхрич в Вестмите триста лет и вдвое дольше в открытом море, пока их судьба не оборвалась с приходом Святого Патрика и первым звоном христианского колокола в [Эрине10](#).

Следующая легенда была любезно предоставлена мне мистером Вм. Дэвис, уже упоминавшийся на с. 147 выше: он нашел ее в книге *Cyfai□ yr Aelwyd11*, "Друг очага", где говорится, что она принадлежала к "*Хранилищу диковинок*" Дэвида Джонса, коллекции, которая, похоже, так и не обрела форму печатной книги. Дэвид Джонс из Трефрива, что в долине Конви, был издателем и поэтом, писавшим с 1750 по 1780 год. Вот его рассказ: "В 1735 году у меня был разговор с одним человеком об озере Тегид. Он слышал от стариков, что в середине его есть колодец, расположенный напротив □angower, и колодец этот назывался *Ffynnon Gywer*, "Колодец Коуэра", и в те времена город располагался вокруг колодца. Каждый вечер на колодец обязательно ставили крышку. (Похоже, в те дни кто-то знал, что если этого не сделать, то город будет уничтожен). Но однажды ночью об этом забыли, и к утру, вот, город утих, а озеро стало длиной в три мили и шириной в одну милю. Говорят также, что в ясные дни некоторые люди видят дымовые трубы домов. С тех пор на *нижнем конце озера* был построен город. Он называется [Й-Бала12](#), и этот человек рассказал мне, что разговаривал со стариком Бала, который в молодости два дня косил [сено13](#) между дорогой и озером; но к тому времени озеро затянуло эту землю и дорогу, и пришлось купить землю дальше для дороги; И некоторые говорят, что город еще утонет до места, называемого □anfor - другие называют его □anfawd, "Утонувшая церковь", или □anfawr, "Большая церковь", в Пен□ыне.... Кроме того, в штормовую погоду вода сочится из каждого этажа в Бала, а в другое время любой может набрать достаточно воды для использования своего дома, если немного покопается в его полу".

В связи с идеей о том, что город должен утонуть, вместе с соседней деревней □anfor, писатель приводит в примечании двустилишие, известное до сих пор всем в окрестностях, следующего содержания

Y Bala aeth, a'r Bala aiff,

A □anfor aiff yn □yn.

Бала старая у озера была, а Бала новая

Озеро будет иметь, и *llanfor* тоже.

Вероятно, здесь подразумевается, что старый Бала находится под озером, а нынешнего Бала постигнет та же участь в будущем. Подобные пророчества не так уж редки: так, одно из них касалось монгомериширского города Пул, называемого по-валлийски *Traffwng* или *Traffwm*, а по-английски - *Welshpool*, чтобы отличить его от английского города Пул. Что касается Уэлшпула, то очень глубокая вода под названием *llyn Du*, лежащая между городом и замком *Castell Coch*, или Поуис, и прямо во владениях замка, внезапно разрастается и в один прекрасный базарный день поглощает все [место14](#). Кроме того, когда я был мальчиком в Северном Кардиганшире, мне было хорошо знакомо следующее двустишие, которое, как предполагалось, было одним из пророчеств Мерлина:...

Caer Fyrddin, cei oer fore;

Dae'r a'th lwnc, dw'r i'th le.

Кармартен, холодное утро ждет тебя;

Земля зияет, и вода на месте твоём будет.

Что касается более ранней половины строки, касающейся исчезновения Бала, то ее можно объяснить историей о Финнине Гивере, но есть и другая, более поздняя и гораздо более известная. Она относится к тому же типу, что и истории, рассказываемые на валлийском языке о *llyncllys* и *Syfaon*; но я оставляю ее вместе с этими и другими историями того же рода для главы vii.

За следующую легенду, относящуюся сюда, я должен поблагодарить преподобного Дж. Фишера, уроженца прихода *llandybïe*, который, несмотря на свое имя, является настоящим валлийцем и, что еще важнее, валлийским ученым. Вот его слова: "Оуэн (последнее слово в местном тексте звучит как *w-en*, как *oo-en* в английском, как и личное имя Оуэн) находится на Мындыж-Мавр, в церковном приходе Горс-Лас и гражданском приходе Анартни, Кармартеншир. Это небольшое озеро, являющееся истоком реки Гвендрает-Фоур. Предание о его происхождении мне рассказывали несколько человек, и все они до недавнего времени излагали его практически в одной и той же форме. В 1884 году я узнал об этом от своего деда, Риса Томаса (р. 1809, ум. 1892), из Кил-Кофр *llandebyïe* - очень умного человека, обладавшего хорошим запасом старинных валлийских преданий, который всю жизнь прожил в соседних приходах *llandeilo Fawr* и *llandybïe*.

Ниже приводится версия этой истории (в переводе), которую я получил от него: "Жил-был на Мындыж-Море человек по имени Оуэн, и был у него колодец, *"ffynnon"*. Над этим колодцем он держал большой флаг (*"fflagen neu lech fawr"*: *"fflagen"* - это слово, которым сейчас в этих краях принято обозначать большой плоский камень), который он всегда заботливо заменял над его устьем после того, как насыщал себя или свое животное водой. Однако случилось так, что однажды он отправился верхом к колодцу, чтобы напоить своего коня, и забыл вернуть флаг на место. Он не спеша поехал в сторону своего дома, но, проехав некоторое расстояние, случайно оглянулся назад и, к своему великому изумлению, увидел, что колодец прорвался и переполнил все вокруг. Вдруг ему пришло в голову, что он должен поскакать назад и как можно быстрее перекрыть поток воды; и именно след лошади, скачущей галопом вокруг воды, остановил ее дальнейшее переполнение. Можно с уверенностью сказать, что, если бы конь не объехал наводнение галопом, колодец непременно затопил бы всю округу и всех утопил. Поэтому озеро называли Озером флага Оуэна, *"llyn llech Owen"*.

Меня всегда интересовала эта история, поскольку она напоминала историю об образовании озера Лаф-Ниг и т. д.; и, случайно встретив преподобного Д. Харвуда Хьюза, бакалавра, викария Горс-Ласа (Сент-Эф-Айанс), в августе прошлого года (1892), я попросил его рассказать мне легенду, как он слышал ее в своем приходе. Он сказал, что ему ее рассказывали, но в форме, отличной от моей, где "Оуэн", по его словам, был Оуэном Глиндвром. Вот суть легенды в том виде, в каком он ее слышал: "Оуэн Глиндур, проезжая однажды через эти места, прибыл сюда под вечер. Он наткнулся на колодец и, напоив свою лошадь, положил на него камень, чтобы найти его снова на следующее утро. Затем он остановился на ночлег на ферме Дайгод, расположенной неподалеку. Утром, прежде чем отправиться в путь, он отвел лошадь к колодцу, чтобы дать ей воды, но к своему удивлению обнаружил, что колодец превратился в озеро".

Далее мистер Фишер рассказывает о более поздней истории озера: о том, как около восьмидесяти лет назад на его берегах в воскресные дни собиралась окрестная молодежь и как один баптистский проповедник положил конец их развлечениям и различным играм, прочитав проповедь. Однако, судя по всему, берег озера по-прежнему остается излюбленным местом для пикников и собраний воскресной школы. Мистер Фишер был совершенно прав, приложив к своей версии версию своего друга; но, с точки зрения фольклора, я должен признаться, что не могу ничего сказать о последней: она отличается от старой настолько же, насколько мел отличается от сыра. Гордость местной топографии, естественно, будет удовлетворена тем, что с бассейном связано имя Оуэна Глиндвра; но следует отметить, что эта весьма респектабельная попытка рационализировать легенду полностью провалилась, поскольку не объясняет, почему там, где когда-то был только колодец, теперь есть озеро. Другими словами, эвмеризированная история сама по себе является доказательством, подтверждающим более старую версию мистера Фишера, которая, кроме того, подтверждается рассказом Хоуэллса, стр. 104, где нам сообщают, кто был Оуэн, о котором идет речь, а именно Оуэн Лоугох, личность, которая, как мы увидим позже, является валлийской легендой этого района. Он и его люди поселились в пещере на северном склоне Мыньид-Мора, и, как нам сообщают, Оуэн поливал своего коня из прекрасного источника, прикрытого большим камнем, для поднятия которого требовалась сила великана. Но однажды он забыл заменить его, и когда в следующий раз он пошел к колодцу, то обнаружил озеро. Он вернулся в свою пещеру и рассказал своим людям о случившемся. После этого и он, и они погрузились в сон, который должен длиться до тех пор, пока его не нарушит звук трубы и звон оружия на Рив Гоч: тогда они должны отправиться на завоевание.

Теперь история, рассказанная Хауэллсом и Фишером, вызывает сравнение, как предлагает последний, с ирландской легендой о формировании Lough Ree и Lough Neagh в истории о смерти Эохайда [МакМайреды15](#). В обеих этих легендах также фигурирует лошадь, своего рода водяной конь, который образует колодец, который в конце концов переполняется и становится Lough Ree, и так же с еще более крупным водоемом, известным как Lough Neagh. В последнем случае сказочный колодец находился в ведении женщины, но однажды она оставила крышку колодца открытой, и произошла катастрофа - вода вырвалась наружу и переполнила страну. Одна из дочерей Эохайда по имени Либан, однако, не утонула, а лишь превратилась в лосося, как уже говорилось выше на с. 376. В своей *"Артурианской легенде"*, с. 361, я попытался показать, что имя *Либан* может иметь валлийский эквивалент в имени *Ŵyon*, встречающемся в названии *Ŵyn Ŵyon*, или Озеро *Ŵyon*, прорыв которого описан в последней серии Триад, iii. 13, 97, как вызвавший своего рода потоп. Я не уверен в характере связи между этими названиями, но кажется очевидным, что у историй есть общий субстрат, хотя следует заметить, что в легенде *Ŵyn Ŵyon* не фигурирует колодец, сказочный или иной, в

которой причиной прорыва вод является присутствие чудовища, называемого афанком. Поэтому Ху Могучий со своей упряжкой знаменитых волов должен вытащить афанка из озера.

Есть, однако, и другая валлийская легенда о великом наводнении, в которой фигурирует колодец: Я имею в виду легенду о *Cantre'r Gwaelod*, или Нижней сотне, прекрасной просторной стране, которая, как предполагается, затоплена в заливе Кардиган. Современная эвмеристика рассматривает ее как защищенную насыпями и шлюзами, которые, как нам рассказывают, находились в ведении князя страны по имени Сейтенин, который однажды во время чаепития забыл закрыть шлюзы, что и привело к затоплению, ставшему концом его плодородного царства. Однако это не та старая легенда: в ней говорится о колодце, а вина возлагается на женщину - довольно верный признак древности, о чем читатель может судить по другим старым историям, которые легко придут ему на ум. Уэльская легенда, на которую я ссылаюсь, воплощена в короткой поэме в *Черной книге Кармартена*¹⁶: она состоит из восьми трехстиший, к которым добавлено трехстишие из Энглинион оф Грейвз. Ниже приводится оригинал с примерным переводом: -

Seithenhin sawde allan.

ac edrýchuirde varanres mor.

maes guitnev rýtoes.

Boed emendiceid ý morvin

aehellýgaut guýdi cvin.

*finaun wenestir*¹⁷ *mor terruin.*

Boed emendiceid ý vachteith.

ae . golligaut guýdi gueith.

finaun wenestir mor diffeith.

Diaspad mererid ý ar vann caer.

hid ar duu ý dodir.

gnaud guýdi traha trangc hir.

Diaspad mererid . ý ar van kaer hetiv.

hid ar duu ý dadoluch.

gnaud guýdi traha attreguch.

Diaspad mererid am gorchuit heno.

ac nimhaut gorlluit.

gnaud guýdi traha tramguit.

Diaspad mererid ý ar gwinev kadir

kedaul duv ae gorev.

gnaud guýdi gormot eissev.

Diaspad mererid . am kýmhell heno

ý urth uyistauell.

gnaud guýdi traha trangc pell.

Bet seithenhin sýnhuir vann

rug kaer kenedir a glan.

mor maurhidic a kinran.

Сейтеннин, выйди вперед

И увидишь авангард главный:

Равнину Гвиджно он покрыл.

Да будет проклята та дева.

которая отпустила его после ужина,

И чашечница могучего войска.

Проклята девица.

Кто распускает руки после битвы,

Служительница открытого моря.

Крик Мерерида с высоты города ,

Даже к Богу он обращен:

После гордости наступает долгая пауза.

Плач Мерерида с высоты города сегодня,

Даже к Богу она направлена:

После гордости наступает размышление.

Плач Мерерида доносится до меня сегодня ночью,

И не могу я процветать:

После гордости наступает падение.

Плач Мерерида над крепкими винами,

Щедрый Бог это сделал:

После избытка наступает лишение.

Плач Мерерида гонит меня сегодня ночью

Из покоев моих прочь:

После дерзости наступает долгая смерть.

Могила слабоумного Сейтеннина - вот она.

Между фортом Кенедира и берегом,

С величественными Мор и Кинран.

Имена в этих строках представляют большие трудности: сначала идет имя *Мерерид*, которое является не чем иным, как заимствованным словом *Маргарита*, "жемчужина"; но что оно здесь означает? *Маргарита*, помимо значения жемчужины, использовалась в валлийском языке, например, под формой [Marereda18](#), как имя собственное, написанное по-английски *Margaret*. Вероятно, именно так его следует воспринимать и здесь, а именно как имя, данное нерадивой хранительнице сказочного колодца. Однако оно не может быть именем, принадлежащим первоначальной форме легенды; и у нас есть несколько параллельный случай с *Ffynnon Grassi*, или Колодцем Грейс; но какое старое кельтское имя заменило в этой истории имя Мерерид, я сказать не могу. Далее, никто не смог идентифицировать *Каэр Кенедир*, и мне нечего сказать о *Мор Маурхидике*, кроме того, что человек с таким именем упоминается в другом Энглинине Могил. В *Черной книге*, лист 33 ^(a), говорится так

Bet mor maurhidic diessic unben.

post kinhen kinteic.

mab peredur penwetic.

Могила Мора Великого, ... князя,

Опора ... конфликта,

Сын Передура из Пенведжиги.

Последнее имя в заключительной тройке поэмы, которую я попытался перевести, - *Кинран*, которое неизвестно как валлийское имя; но я склонен отождествить его с именем одного из трех, спасшихся от катастрофы в ирландской легенде. Это имя - *Курнан*, которое носил идиот из семьи, , который, как и многие другие идиоты, был в то же время пророком. Он всегда предсказывал, что воды вот-вот хлынут, и советовал своим друзьям готовить лодки. Таким образом, его можно поставить в один ряд с нашим *Seithenhin synhuir vann*, "С. слабого ума". Но кто-то может спросить, почему я не указываю на эквивалент валлийского *Seithennin* в ирландском языке, как сейчас произносится его имя. Дело в том, что такого эквивалента нет ни в ирландской истории, о которой идет речь, ни, насколько мне известно, в любой другой.

Так я написал, когда писал эти заметки; но с тех пор мне пришло в голову, что есть ирландское имя, важное ирландское имя, которое как будто связано с *Сейтенхином*, и это *Сетанта Бег*, "маленький Сетантиан", первое имя ирландского героя Кухулейна. Замечу, что это имя заставляет заподозрить, что *Сетанта* - это имя бриттского происхождения в ирландском языке; и я привык ассоциировать его с именем народа [сетантиев19](#), помещенного Птолемеем на побережье нынешнего Ланкашира. Существовала ли когда-либо легенда о стране, затопленной на побережье Ланкашира, я сказать не могу, но звуковые данные сделали бы такую легенду вполне понятной. Однако я помню, что где-то читал о равнине Муиртемхн, за которую особо отвечал Кухулайнн, наш Сетанта Бег, что она была названа так потому, что когда-то была подводной, а с тех пор стала, так сказать, обратной страной Сейтеннина. Последняя находится под заливом Кардиган, а вторая окаймляет противоположный берег моря, состоящий, как и он, из равнинной части графства

Лут. В целом я не склонен считать, что перед нами следы древней легенды более широкого масштаба, чем та, что представлена в тройках *Черной книги*, которые я попытался перевести. Думаю, что я прав, узнав эту легенду в "*Мабиноги*" о Бранвен, дочери $\square$ ур. Там мы читаем, что, когда Бран и его люди переправились из Уэльса в Ирландию, промежуточное море состояло всего лишь из двух судоходных рек, называвшихся $\square$ i и Archan. Рассказчик добавляет слова о том, что только с тех пор море умножило свои [владения20](#) между Ирландией и *Ynys y Kedyrn*, или Островом Кейри, название которого уже обсуждалось: см. с. 279-83.

Это далеко не все вопросы, на которые наводят подобные истории; ведь в более поздней валлийской литературе Сейтенин представлен как сын некоего *Сейтина*, связанного с Дифедом; а имя *Сейтина* отсылает к побережью Бретани. Из статьи покойного М. ле Мена в "*Revue Archéologique*" за 1872 год (xxiii. 52) я узнал, что остров Сейн называется по-бретонски *Enez-Sun*, где *Sun* - это диалектическое сокращение *Sizun*, которое также встречается как *Seidhun*. Учитывая это, можно считать, что Сизун почти родственен нашему *Сейтину*. Но это еще не все - традиция напоминает валлийскую легенду: М. ле Мен ссылается на *Vie du P. Maunoir*" Боше (Paris, 1697) р. 126, и добавляет, что в его время дорога, заканчивающаяся на Пуант-дю-Раз напротив острова Сейн, проходила "по древнему пути, который вел в город Ис (*Каэр-а-Ис*, город в нижней части острова)". По собственному опыту могу сказать, что в Бретани никто не может обойтись без того, чтобы не услышать снова и снова о затопленном городе Ис. Несомненно, в этих названиях мы находим отдаленные отголоски истории о затоплении, некогда широко распространенной в обеих Британиях, а возможно, и в Ирландии. Что касается Уэльса, то на это указывает тот факт, что Гвиджно, которому принадлежал затопленный регион, ассоциируется не только с заливом Кардиган, но и с побережьем Северного Уэльса, особенно с той его частью, которая расположена между Бангором и [Андудно21](#). Предполагается, что прилегающая к нему территория некогда плодородного района под названием Тино Хелиг, легенда о котором будет рассмотрена позже. Это приближает историю о затоплении к побережью, где Птолемей во II веке обнаружил гавань Сетантий, расположенную около устья реки Риббл, и в их названии мы, похоже, находим некую историческую основу для имени пьяного [Сейтенина22](#). Я не могу закончить эти заметки лучше, чем, приложив к ним слова профессора Бойда Докинза, недавно сказанные им по поводу моря между Британией и Ирландией.

Интересно отметить, что во времена иберийского владычества в Уэльсе география морского побережья была иной, чем сейчас. Лес, содержащий останки домашних волов, которые одичали, и местных диких животных, таких как медведь и благородный олень, соединял Англси с материком и занимал мелководье залива Кардиган, известного в легендах как "потерянные земли Уэльса". Она простиралась на юг от нынешней границы моря через устье реки Северн до Сомерсета, Девона и Корнуолла. Он проходил на север через Ирландское море у побережья Чешира и Ланкашира и занимал залив Моркамб, где густо росли дуб, шотландская ель, ольха, береза и орешник. Он простирается по морю за десятисаженной линией, и его можно встретить на большинстве берегов под песчаными и илистыми отмелями, как, например, в Райле и Кардиффе. В Кардиганской бухте он вызвал удивление Гиральдуса де [Барри23](#)".

Возвращаясь к сказочным колодцам, я должен признаться, что не могу решить, какое именно значение может иметь представление о колодце с женщиной, тщательно следящей за тем, чтобы дверь или крышка колодца оставались закрытыми. Однако каждому придет в голову сравнить колодец, который Ундины хотела держать закрытым, потому что он обеспечивал свободный доступ из ее подземной страны в резиденцию ее несговорчивого рыцаря в его замке над землей. А в случае с озером Гласфрин стены и крышка, которые

должны были удерживать источник от переполнения, согласно рассказу, не были водонепроницаемыми, поскольку в одном из камней были сделаны отверстия. Это наводит на мысль о том, что крышка была призвана предотвратить проход фей в полный рост, которыми, по легенде, когда-то были заселены все водоемы и водохранилища Уэльса. Но, во-вторых, следует ли считать девицу, отвечающую за колодец, жрицей колодца? Идея священства, связанного с колодцами в Уэльсе, не совсем неизвестна.

Однако, прежде чем обсуждать эти случаи, я хотел бы обратить внимание на один или два ирландских, которые указывают на другое направление. В первую очередь можно упомянуть исток реки Бойн, который сейчас называется Троицкий колодец, расположенный в баронстве Карбери, в графстве Килдэр. Ниже приводится текст Реннского *Диндсенчас* о нем в переводе д-ра Стоукса, опубликованный в *Revue Celtique*, xv. 315-6: "Боанд, жена Нехтана, сына Лабраида, пошла к тайному колодцу, который находился в зелени Сид Нехтайн. Кто бы ни пошел к нему, не выходил него без того, чтобы у него не лопнули два глаза, если только это не был сам Нехтан и три его виночерпия, которых звали Флеск, Лам и Луам. Однажды Боанд, испытывая гордость, решила проверить силу колодца и заявила, что в нем нет тайной силы, способной разрушить ее облик, и трижды обошла вокруг колодца в обморочном состоянии. (После этого) три волны из колодца обрушились на нее и лишили ее бедра [*ранили ее бедро*], одной из рук и одного из глаз. Тогда она, спасаясь от позора, поворачивает к морю, и вода остается позади нее до Бойн-мута, (где она и была утоплена)". Это объясняет, почему река называется *Bóand*, "Бойн". В аналогичной версии, приведенной в *Книге Лейнстера*, лист 191^a, говорится, что никто из тех, кто смотрел прямо в колодец, не мог избежать мгновенной гибели двух своих глаз или спастись безнаказанно. Похожая история приводится для того, чтобы показать, как Шеннон, по-ирландски *Синанн*, *Синанд* или *Синенд*, был назван в честь женщины с таким именем. Она встречается в том же Реннском манускрипте, и ниже приводится перевод Стоукса в *Revue Celtique*, xv. 457:- "Синенд, дочь Лодана Лучарглана, сына Лера из Тир Таирнгира (Земли Обетованной, Сказочной Страны), отправилась к Колодцу Коннла, что под морем, чтобы посмотреть на него. Это колодец, у которого растут орехи и вдохновения (?) мудрости, то есть орехи поэтической науки, и в тот же час распускаются их плоды, их цветение и их листва, и они падают на колодец одним и тем же дождем, который поднимает на воде королевский всплеск пурпура. Тогда лососи разгрызают плоды, и сок орехов появляется на их пурпурных животах. И семь потоков мудрости вытекают и снова поворачивают туда. Синенд отправилась искать вдохновения, ибо не желала ничего, кроме мудрости. Она шла по течению, пока не достигла *Линн Мна Фейле*, "бассейна скромной женщины", то есть Бри Эле, и продолжила свой путь; но колодец покинул свое место, и она последовала за [ним](#)²⁴ до берегов реки *Тарр-каин*, "Прекрасная спина". После этого он захлестнул ее, так что ее спина (*tarr*) поднялась вверх, и когда она пришла на землю по эту сторону (Шеннона), она вкусила смерть. Отсюда *Синанн* и *Линн Мна Фейле* и *Тарр-каин*".

В этих историях читатель наверняка заметил, что главным наказанием для любого незваного гостя, заглянувшего в запретный колодец, было мгновенное уничтожение двух его глаз. Естественно, возникает вопрос, почему именно глаза стали объектом наказания, и я склонен думать, что первоначально смысл заключался в том, что колодец или источник считался глазом божества воды. Если это предположение окажется обоснованным, то вполне естественно, что глаза, которые преступили закон, заглянув в глаз божества, должны стать первыми объектами мести этого божества. На эту мысль меня наводит тот факт, что обычное валлийское слово, обозначающее исток реки, - *ygad*, древневаллийское *licat*, "глаз", как, например, в случае с *Ликат Амур*, упомянутом Неннием, § 73; *ygad ychwr*, "исток реки Лафор" в холмах за замком Каррег Ценнен; и странное озеро, в которое вытекает [Рейдол](#)²⁵

близ вершины Плинлиммона: оно называется *llyn ygad y Rheidol*, "Озеро глаза Рейдола". Кстати, Рейдол не лишен фольклора: в детстве мне рассказывали, что одним прекрасным утром она, Уай и Северн одновременно вышли из Плинлиммона, чтобы совершить забег к морю. В результате, как рассказывали, Рейдол завоевал большую честь, достигнув моря на три недели раньше своих старших сестер. Кто-то сослался на эту легенду в следующих строках:...

Tair afon gynt a rifwyd

Ar dwyfron Pumlumon lwyd,

Hafren a Gwy'n hyfryd ei gwed,

A'r Rheidol fawr ei hanrhyded.

Три реки в давние времена были видны

На седой груди Плинлиммона,

Северн и Уай приятного вида,

И Рейдол, богатый великой славой.

Возвращаясь к ирландским легендам, отмечу, что Юджин О'Карри много рассказывает о таинственных орехах и "лососе знаний", употребление которых было синонимом обретения знаний и мудрости: см. его *"Манеры и обычаи древних ирландцев"*, ii. 142-4. Он считает, что Колодец Коннла находился где-то в Нижнем Ормонде; но местонахождение этого Геликона с семью потоками мудрости, вытекающими из него и возвращающимися в него, более понятно, если рассматривать его как вопрос сказочной географии. Здесь уместно привести часть примечания, приложенного Стоуксом к предыдущей легенде: он относит самое раннее упоминание о девяти орешниках мудрости, растущих в верховьях главных рек Ирландии, к Диалогу двух мудрецов в *Книге Лейнстера*, лист 186 (b), откуда он и берет начало. 186^b, где он приводит слова поэта Неде мак Аднаи о том, откуда он пришел, следующим образом: - *a caillib .i. a n6i collaib na Segsa ... a caillib didiu assa mbenaiter clessa na s6ad tanacsa*, "из орешника, то есть из девяти орешников Сегейса ... из орешников, из которых получают подвиги мудрецов, я пришел". Уместность этого отрывка станет очевидной, если я добавлю, что Сеггаис - одно из названий кургана, на котором возвышается Бойн; так что можно с уверенностью предположить, что проступок Боанда был того же рода, что и проступок Синанда, а именно: вторжение на священную землю в поисках мудрости и вдохновения, которые не были позволены их полу: определенные источники знаний, определенные *quellen*, были зарезервированы только для мужчин.

Прежде чем я закончу с ирландскими примерами, я должен добавить один из них в том виде, в каком он был рассказан мне летом 1894 года: Я был в Мите и отправился посмотреть на замечательные камерные каирны на холме, известном как *Sliabh na Caillighe*, "Гора карга", недалеко от Олдкасла и Лаф-Крю. Моим проводником был молодой пастух, которого я подцепил по дороге. Он знал все о ведьме, в честь которой назван холм, кроме ее имени: она, по его словам, была великаншей, и именно она принесла сюда в трех фартуках камни, образующие три главных каирна. Что касается каирна на вершине холма, известного как Белрат, то он называется Креслом из-за большого камня, поставленного там великаншей, чтобы служить ей сиденьем, когда она желала спокойно осмотреть окрестности. Но обычно ее можно было увидеть верхом на чудесном пони, который был у нее: это существо было таким проворным и сильным, что перебрасывало ведьму с одного холма на другой. Однако

все закончилось тем, что карга так сильно рванула с места, что пони упал, а лошадь и всадник погибли. Судя по всему, карга была *Cailleach Bhéara*, или *Caillech Bérré*, "Старуха из Бира", то есть Беархейвена, в графстве [Корк26](#). С горы Хагс открывается очень обширный вид, и я попросил пастуха указать на некоторые места вдаль. Среди прочего мы увидели озеро Рамор, которое он назвал Виргинской водой, а еще западнее он указал на озеро Шилин, о котором рассказал следующую легенду:- Давным-давно там не было озера, а был только колодец, над которым держали флажок, и все клали флажок на место, когда брали воду из колодца. Но однажды женщина, набирающая воду, забыла положить камень на место, и вода вырвалась вперед, преследуя незадачливую женщину, которая изо всех сил бежала перед разъяренным потоком. Так продолжалось до тех пор, пока она не пробежала около семи миль - такова примерная длина озера на сегодняшний день. В этот момент мужчина, занятый косьбой сена на поле, через которое она бежала, увидел происходящее и скосил женщину своей косой, после чего вода не продвинулась дальше. Такова была история пастуха, которая отчасти согласуется с рассказами Бойна и Шеннона в том, что женщину преследовала вода, которая остановилась только там, где она умерла. С другой стороны, она похожа на легенду об Оуэне (*Owen*) и легенду о Лаф-Ниге (*Lough Neagh*), в которой в вину женщине ставится только то, что она не закрыла колодец. Похоже, что в этих историях смешались два разных института: один - колодец мудрости, который ни одна женщина не могла посетить без смертельной мести, а другой - колодец фей, за которым ухаживала женщина, которая должна была закрывать его и, возможно, считаться жрицей источника. Если мы попытаемся интерпретировать историю *Cantre'r Gwaelod* с этих двух точек зрения, мы должны отметить следующие моменты:- Хотя не сказано, что у *toruain*, или девицы, была крышка или крышка на колодце, слово *golligaut* или *helligaut*, "пустила воду", подразумевает некоторую такую идею, как крышка или дверь; ибо открытие шлюзов, в смысле поздней версии, мне кажется, не может быть и речи. В двух "Энглинион" ее проклинают за подразумеваемое действие, и если она была служительницей или слугой колодца, как я понимаю *finaun wenestir*, то мы могли бы считать ее жрицей этого источника. С другой стороны, преобладающей нотой в других англичанах является *traha*, "самонадеянность, высокомерие, наглость, гордость", которая составляет нагрузку четырех из пяти из них. Это, по-видимому, указывает на отношение девушки, напоминающее отношение Боанда или Синанда, когда они лезли в тайны колодцев, которые были для них запретными. Седьмой Энглин упоминает о винах, и его бремя - *gormod*, "слишком много, избыток, экстравагантность", таким образом поэт, кажется, дает добро на какую-то более позднюю историю, например, о несдержанности Сейтеннина.

Наконец, вопрос о жреце или жрице священного колодца уже упоминался раз или два, и, возможно, его можно проиллюстрировать на валлийской почве историей Ффиннон Элиан, или Колодца Святого Элиана, который упоминался в другом контексте, стр. 357 выше. Об этом колодце мы читаем следующее, s. v. *andri*o, в третьем издании "*Топографического словаря Уэльса*" Льюиса: "Финнон Элиан... даже в нынешнюю эпоху часто посещается суеверными людьми, чтобы призвать проклятия на головы тех, кто их сильно обидел, а также чтобы вымолить процветание для себя; но их число, очевидно, уменьшается. Церемония заключается в том, что проситель стоит на определенном месте возле колодца, в то время как его владделец читает несколько отрывков из Священного Писания, а затем, взяв небольшое количество воды, дает ее выпить первому, а остатки бросает ему на голову, что повторяется три раза, при этом сторона продолжает бормотать проклятия в любых выражениях, которые может продиктовать его месть". Райс Рис в своем "*Очерке о валлийских святых*" (Лондон, 1836), стр. 267, говорит о святом Элиане следующее: "В последнее время предполагалось, что в его святилище в *anelian*, Англси, происходят чудесные исцеления; а рядом с церковью *anelian*, Денбигшир, находится колодец под

названием Ffynnon Elian, который, по мнению окрестных крестьян, и сейчас наделен чудодейственной силой".

Фолкес, s. v. *Elian*, в своей книге *Enwogion Cymru*, изданной в Ливерпуле в 1870 году, высказывает мнение, что посещения колодца суеверными людьми прекратились в течение некоторого времени. Предполагается, что последним человеком, отвечавшим за колодец, был некий Джон Эванс, но некоторые из самых забавных историй о проницательности зрителя относятся к женщине, которая отвечала за колодец до Эванса. Серия статей о *Ффиннон Эйлиан* появилась в 1861 году в валлийском периодическом издании под названием *Y Nofelyd*, которое печатал мистер Обри в *Y Fanerch y Međ*, на острове Англси. Статьи, о которых идет речь, были впоследствии опубликованы, как мне сказали, в виде книги за шиллинг, которую я не видел, и в них рассказывалось о суеверии, истории Джона Эванса, его исповеди и обращении. Я тщетно искал в Уэльше какие-либо сведения о ритуале, которому следовали у колодца. Когда миссис Силван Эванс посетила это место, ответственной за колодец была женщина, и Питер Робертс в своей книге *"Кембрийские народные древности"*, изданной в Лондоне в 1815 году, упоминает ее или ее предшественницу в следующих выражениях, стр. 246: "Возле колодца жила какая-то никчемная и позорная негодяйка, которая исполняла обязанности жрицы". Кроме того, он дает понять, что она вела книгу, в которой за ничтожную сумму записывала имя каждого желающего зла. Когда это было сделано, в колодец опускали булавку с именем жертвы. Эта процедура выглядит адекватной с магической точки зрения, хотя и менее сложной, чем ритуал, описанный Льюисом. Этот последний автор называет человека, который распоряжался колодцем, владельцем; и я всегда понимал, что, будь то владелец или нет, он или она получали подарки не только за то, что клали в колодец имена людей, которые должны были быть прокляты, но и от этих людей за то, что они снова вынимали свои имена, чтобы избавить их от проклятия. На самом деле, торговля проклятиями, похоже, была очень процветающей: ее влияние было мощным и широко распространенным.

Здесь, я думаю, мало сомнений в том, что владелец или хранитель колодца был, так сказать, представителем древнего жречества колодца. Это священство возникло, вероятно, за много веков до того, как рядом с колодцем была построена христианская церковь, и, дойдя до более поздних времен, мы, к сожалению, не имеем достаточных данных, чтобы показать, как приобреталось право на такое священство, по наследству или иным способом; но мы знаем, что женщина могла распоряжаться колодцем святого Элиана.

Приведу еще один пример, который я неожиданно обнаружил несколько лет назад во время своих скитаний в поисках ранних надписей. Среди прочих мест, которые я посетил, была церковь *ŷandeilo ŷwydarth*, расположенная недалеко от Маен Клочоґ, в северной части Пемброкшира. Это одна из многих церквей, носящих имя святого Тейло в Южном Уэльсе: здание находится в руинах, но церковный двор все еще используется и содержит две самые древние постримские надписи в княжестве. Если вы сейчас спросите "*ŷandeilo*" в этом районе, вас поймут так, что вы спрашиваете о фермерском доме с таким названием, расположенном рядом со старой церковью; и я узнал от хозяйки, что ее семья живет здесь уже много поколений, хотя они не очень давно стали владельцами земли. Она также рассказала мне о колодце Святого Тейло, расположенном немного выше дома: она добавила, что считается, что он обладает свойством излечивать коклюш. Я спросила, нужно ли совершить какой-нибудь обряд или церемонию, чтобы получить пользу от воды. Разумеется, мне ответили: воду должен достать из колодца и дать выпить больному кто-то из членов семьи. Точнее было бы сказать, что это должен сделать кто-то из рожденных в доме. Однако ее старший сын уже говорил мне, когда я занимался надписями, что воду больному

должен давать наследник, а не кто-то другой. На мой вопрос, откуда берется вода или из чего больной должен пить, мне ответили, что из черепа. "Из какого черепа?" - спросил я. - "Из черепа святого Тейло", - был ответ. "Где вы берете череп святого?" - спросил я. спросил я. "Вот он", - ответили мне, и я получил его в руки, чтобы рассмотреть. Я почти ничего не знаю о черепах, но мне показалось, что это верхняя часть толстого, крепкого черепа, и это вызвало в моей памяти историю о трех церквях, которые боролись за труп святого. Эту историю можно найти в *Knure an Dâv*, с. 116-7, и, согласно ей, спор стал настолько острым, что его пришлось разрешить молитвой и постом. И вот, на утро, о чудо! Перед нами предстали три трупа святого Тейло - не один, и так похожи они были чертами лица и ростом, что никто не мог определить, какой из них сделан на заказ, а какой - старый. Я должен был бы предположить, что череп, который я видел, принадлежал к первому описанию, поскольку не был сильно истончен в результате использования его владельцем; но мне запрещает это делать тот факт, что, согласно легенде, этот конкретный *āndeilo* не был одной из трех спорящих церквей, которые с триумфом уносили мертвого Тейло каждая. Читатель, возможно, захочет принять другую точку зрения, а именно, что история была отредактирована таким образом, чтобы сократить большее число Тейло до трех, чтобы удовлетворить валлийскую слабость к триадам.

После моего визита в этот район я получил информацию о колодце в том виде, в каком он существует сейчас. Мой информатор - мистер Бенджамин Гибби с мельницы Анголман, который пишет, упоминая, в частности, что окрестные жители называют колодец *Ffynnon yr Ychen*, или Осиный колодец, и что семья, владеющая и занимающая фермерский дом *āndeilo*, живет здесь уже много веков. Их имя, Мельхиор (произносится как Мелшор), насколько мне известно, отнюдь не распространено в княжестве; но, какова бы ни была его история в Уэльсе, носители этого имени - превосходные кымы. Мистер Гибби сообщил мне, что распространенная на сайте история решает проблему черепа святого следующим образом: у святого была любимая служанка из Пемброкшира: она была красивой женщиной и имела честь прислуживать святому, когда он лежал на смертном одре. Когда его конец приблизился, он дал своей служанке строгий и торжественный наказ: через год со дня его погребения в Фур в Кармартеншире она должна была отнести его череп в другой Фур и оставить его там, чтобы он стал благословением для грядущих поколений людей, которые, когда заболеют, будут восстанавливать свое здоровье, выпивая воду из него. Так возникло поверье, что если выпить из черепа немного воды из Колодца Тейло, то это обеспечит здоровье, особенно против коклюша. Вера некоторых из тех, кто посещал колодец, в его действенность была столь велика, что, по его словам, они выходили из него с прекрасным самочувствием; и он упоминает историю, рассказанную ему старым соседом, *Stifyn Ifan*, который умер уже несколько лет назад, о том, что однажды, более полувека назад, в Кандейло приехала повозка, запряженная четверкой лошадей. Она была полна инвалидов, приехавших из Пен-Клауда, что в Гоуэре, Гламорганшир, чтобы испробовать воду из колодца. Однако вернулись они не лучше, чем пришли, потому что, хотя они и пили из колодца, они не позаботились сделать это из черепа. Впоследствии кто-то указал им на это, и они решили снова проделать долгий путь к колодцу. На этот раз, как нам сказали, они поступили правильно и ушли в полном здравии.

Таково содержание валлийского письма мистера Гибби; теперь я хотел бы лишь отметить, что перед нами пример колодца, который, вероятно, был священным еще до времен святого Тейло: в самом деле, можно предположить, что святость колодца и его ближайших окрестностей была одной из причин, по которой это место было выбрано христианским миссионером. Но подумайте о том, что произошло: колодезное язычество присоединило к себе святого и установило веру, приписывающую ему череп, используемый в колодезном

ритуале. Хозяйка и ее семья, правда, не верят в действенность колодца и не принимают подарков от тех, кто его посещает; но они продолжают, по доброте душевной, как они говорят, вручать череп, наполненный водой, любому, кто упорно верит в него. Иными словами, вера в колодец в какой-то мере сохраняется, в то время как стены церкви давно пришли в полный упадок. Такова великая стойкость некоторых примитивных верований; и в данном конкретном случае мы имеем преимущество, которая, кажется, безошибочно указывает на древнее жречество священного источника.

1 Это было написано в конце 1892 года и прочитано на совместном собрании Обществ Cymmrodorion и Folk-Lore 11 января 1893 года. ↑

2 Некоторый рассказ о них был дан мною в *Folk-Lore* за 1892 г., с. 380; но так или иначе мой материал был напечатан без изменений, что привело к результатам скорее своеобразным, чем назидательным. ↑

3 В *Folk-Lore* за 1893 год, с. 58-9. ↑

4 По соседству я обнаружил, что слово *gwaeldyn* в этом стихе иногда объясняется как означающее не никчемного, а больного человека, на том основании, что прилагательное *gwael* в разговорной речи используется как для обозначения мерзости, так и для обозначения болезни. ↑

5 После написания этих замечаний в *Archæologia Cambrensis* за 1899 г., р. 334, появился следующий абзац, якобы скопированный из *Liverpool Mercury* за 18 ноября 1896 г.: "Две новые рыбы только что были помещены в "Священный колодец", Ffynnon у Sant, в Tyn у Ffynnon, в деревне Nant Peris, anberis. В прошлом веке и в первой половине нынешнего к этому колодцу в большом количестве приходили инвалиды, чтобы испытать его "чудодейственных вод"; дубовый ящик, в котором хранились пожертвования тех, кто посещал это место, до сих пор стоит на своем месте у колодца. В колодце всегда было две "священные рыбы", и в деревне существует традиция, согласно которой, если одна из рыб Tyn у Ffynnon выходит из своего укрытия, когда больной набирает воду для питья или купания, он непременно выздоравливает; если же рыбы остаются в своем логове, вода не приносит пользы тем, кто ее принимает. За один раз в колодец помещают только двух рыб, и обычно они живут в его водах около полувека. Если одна из них умрет раньше другой, то будет бесполезно класть новую рыбу, так как старая не будет с ней ассоциироваться, и она умрет. Эксперимент был опробован. Последняя из двух рыб, помещенных в колодец около пятидесяти лет назад, умерла в августе прошлого года. Некоторое время до смерти она была слепой. Когда ее достали из воды, она была размером в семнадцать дюймов и похоронена в саду, примыкающем к колодцу. В одном из документов 1776 года говорится, что приходской клерк должен был получать деньги, которые посетители клали в ящик колодца. Эти деньги, а также сумма в 6 с. 4 д., составляли его годовое жалованье". Tyn у Ffynnon означает "Дом у колодца", *tyn* - это сокращенная форма *tydyn*, "дом", как упоминалось выше на с. 33; но картографы превращают его в *ty'n* = *tyyn*, "дом в", так что данный пример, *Ty'n у Ffynnon*, может означать только "Дом у колодца", что, нет нужды говорить, таковым не является. Но хотелось бы знать, не сдавались ли когда-то дом и земля в аренду при условии, что арендатор будет заботиться о священной рыбе. ↑

6 См. Ashton's *Iolo Goch*, р. 234, и Lewis's *Top. Dict.* ↑

7 См. мои "*Лекции Хибберта*", стр. 229, и "*Iolo MSS.*", стр. 42-3, 420-1 . . ↑

8 Любопытная заметка, связанная с этим именем, содержится в Jesus College MS. 20 (*Cymmrodor*, viii. p. 86) в связи с названием *Morgannwg*, "Гламорган": -*O en MORGANT vchot y gelwir Morgann* с. *Erei a dyweit. Mae o en Mochteyrn Predein*. 'От имени вышеупомянутого Моргана происходит название Морганнвг'. Другие говорят, что это от имени мохдейрна из Пиктланда". *Мохдейрн*, должно быть, был пиктским королем или мормаером по имени Морган. Это имя встречается в хартиях из *Книги Оленя* в Stokes' *Goidelica*. pp. 109, 111, как *Morcunt*, *Morcunn*, и *Morgunn* undeclined, также с *Morgainn* для генитива; и так же в Skene' *Chronicles of the Picts and Scots*, pp. 77, 317, где оно напечатано *Morgaind*; см. также Stokes' *Tigernach*, в *Revue Celtique*, xvii. 198. Сравните рассказ Джеффри, ii. 15, в котором вводится северный Марган, чтобы объяснить название Марган, ныне *Маргам*, в Морганнвге. ↑

9 Замечания М. Лота по этому поводу можно найти в *Revue Celtique*, xiii. 496-7, где он сравнивает с *tut* бретонское *teuz*, "lutin, génie malfaisant ou bienfaisant"; а для последовательных предположений по поводу имени *Morgan tut* следует также обратиться к замечаниям Циммера во Введении Фоерстера к его *Erec*, pp. xxvii-xxxi, и к моей *Артурианской легенде*, p. 391, к которой я должен добавить ссылку на *Книгу Баллимота*, fo. 360^a, где мы имеем *o na bantuaithaib*, что О'Карри перевел как "со стороны их ведьм" в своих "*Манерах и обычаях древних ирландцев*", iii. 526-7. Сравните *dá bhantuathaigh*, "две женщины-колдуньи", в книге Джойса "*История Ирландии*" (*Keating's History of Ireland*, pp. 122-3). ↑

10 О Детях Лира, а также о Либане и Лаф-Ниге см. в "*Старых кельтских романах*" Джойса, с. 4-36, 97-105. ↑

11 Когда я обратился к Кадрауду, одному из поздних редакторов, он нашел мне точную ссылку, а именно: том ix "*Cyfai*" (опубликован в 1889 году), стр. 50; впоследствии он поместил перевод этой истории в колонках "*South Wales Daily News*" за 15 февраля 1899 года, где также привел рассказ о Кримлине, который будет упомянут позже. ↑

12 Судя по трем наиболее известным случаям, *y bala* означало выход из озера: Я упоминаю *Бала* на выходе из *пун Tegid; Pont y Bala*, "мост *Бала*", через воду, текущую из Верхнего в Нижнее озеро в *панберис*; и *Bala Deulyn*, "*Бала двух озер*", в Nant^е. В "*Кельтских останках*" Морриса упоминаются два места под названием *Брин-и-Бала*, одно из которых находится недалеко от Аберистуита, в месте, которое я никогда не видел, а другое - у нижнего конца Нижнего озера *панберис*, в отношении которого мне было высказано предположение, что это ошибка в названии *Брин-и-Бала*. Нет нужды говорить, что *bala* не имеет ничего общего с англо-ирландским *bally* из таких названий, как *Ballymurphy* или *Ballynahunt*: это вокабула в английском *bailey*, а в Южном Уэльсе *beili*, "фермерский двор или загон", все три, вероятно, от позднелатинского *balium* или *ballium*, "locus palis munitus et circumseptus". Наши этимологи никогда не останавливаются на слове *bally*: они доходят до *Балаклав* и, возможно, *Балларата*, чтобы заявить о родстве с нашим *Bala*. ↑

13 Кадрауд приводит здесь валлийское "*2 bladur ... 2 dyd o wair*" и отмечает, что лакуна состоит из неразборчивого слова из трех букв. Если бы это слово было либо *sef*, "то есть", либо *neu*, "или", то смысл был бы таким, как указано выше. В Северном Кардиганшире мы говорим о дне косьбы как *gwaith gwr*, "работа человека за день", а иногда как *gwaith gwr bach*, "работа человека за короткий день". ↑

14 См. "*Былые дни*" за 24 мая 1899 года. Полное название Уэлшпула на валлийском - *Trauwng uwelyn*, названное так в честь некоего *уwelyn*, происходящего из Кунеджи, который, как

предполагается, основал там религиозный дом; есть и другие Tra□wng, и на первый взгляд кажется, что Tra□wng имеет отношение к озеру или водоему. Но есть Tra□wng, например, возле Брекона, где нет озера, которое дало бы ему название; и мое внимание привлек валлийско-английский словарь Тоса Ричардса, где сказано, что tra□wng - это "такое мягкое место на дороге (или в другом месте), в которое путники могут утонуть, грязная лужа". Таким образом, слово, по-видимому, частично происходит от того же слова, что и go-□wng, "отпускать, уступать дорогу". В настоящее время используется форма слова Tra□wm, а не Tra□wng или Tra□wn. ↑

15 См. *Книгу Коровьего Дуна*, fo. 39^a-41^b и Joyce's *Old Celtic Romances*, pp. 97-105; но теперь эту историю можно найти в O'Grady's *Silva Gadelica*, i. 233-7, в переводе на ii. 265-9. Перелистывая листы этого великого собрания ирландских преданий, я случайно наткнулся в i. 174, ii. 196 на упоминание о колодце, который, будучи открытым, должен был утопить всю местность, если бы Святой Патрик не совершил чудо и не остановил поток его вод. Похожую историю о прорыве колодца, в результате которого образовался Lough Reagh в графстве Голуэй, можно найти в стихах в *Книге Лейнстера*; fo. 202^b: см. также fo. 170^a, и примечания редактора, стр. 45, 53. ↑

16 См. автотипическое издание *Черной книги Кармартена* Эванса, fos. 53^b, 54^a, также 32^a: пунктуация соответствует MS. В седьмом триплете *kedaul* написано *k^eadaul*, что, по-видимому, означает *kadaul*, исправленный на *kedaul*; но буква *a* не удалена, поэтому возможны и другие чтения. ↑

17 В *Iolo MSS.*, p. 89, *finaun wenestir* превращено в *Ffynon-Wenestr* и говорится, что это один из декоративных эпитетов моря; но я убежден, что его следует рассматривать скорее как *ffynnon fenestr* с *wenestir* или *fenestr*, мутировавшим из *menestr*, что означало слугу, сопровождающего, виночерпия: один или два случая см. в *словаре* Пьюги. Вероятно, это слово, как предполагает М. Лот в своем *Mots Latins*, p. 186, заимствовано из старофранцузского *menestre*, "виночерпий". Сравните упоминание о том, что люди Нехтана имели доступ к тайному колодцу в Sid Nechtáin, p. 390 ниже, и обратите внимание, что это были три его *menestres* или чашеносца. ↑

18 См. *Cymmrodor*, viii. 88 (№ xxix), где упоминается некая Маререда, дочь Мадога, сына Мередида, брата Риса Грыга. ↑

19 Есть и другое прочтение, которое превращает их в *Сегантии* и делает упоминание о них здесь, мягко говоря, неуместным. ↑

20 См. "*Мабиногион*", с. 35: этот отрывок был неправильно переведен в "*Мабиногионе*" леди Шарлотты Гост, iii. 117. ↑

21 См. мою "*Артурианскую легенду*", с. 263-4. ↑

22 Я не берусь судить о том, как преодолеть трудности, которые влечет за собой вероятная этимологическая связь между именами Setantii, Setanta, Seithyn и Seithennin. Но некоторые из следующих предположений могут оказаться верными: - *Seithyn*, вероятно, правильнее, чем *Seithin*, поскольку рифмуется с *cristin* = *Cristyn* (в *Cristynogaeth*: см. *Geiriadur* Сильвана Эванса, s. v, и Skene's *Four Ancient Books*, ii. 210); и можно предположить, что оно происходит от того же корня, что и *Seizun*; но если предположить, что оно представляет более раннее *Seithynt*, то фонологически оно будет приравняться к *Setanta*, лучше *Setinte*, от которого генитив *Setinti* фактически встречается, как название реки, в *Книге Коровы Дун*, fo. 125^b: см. мои "*Лекции Хибберта*", p. 455, а также *Revue Celtique*, xi. 457. Это означало бы какую-то

такую раннюю форму *Setn̄tio-s*, и *Seithenhin*, другое производное от той же основы, *Setn̄tino-s*. Но сохранение *n* перед *t* в *Setinte* доказывает, что оно не связано с *Seithyn*, а заимствовано из какого-то бриттского диалекта, когда последний произносился как *Seithn̄tio-s*. Если это хоть немного верно, то следует предположить, что в рукописях Птолемея, дающих родительный падеж множественного числа как *Σεταντίων* или *Σεϋαντίων*, следовало бы читать *Σεκταντίων*, если только не предположить, что *Σεϋαντίων* с *cht* представлено *gt*, как в Огамах в Пемброкшире: свидетель *Ogtene* и *Maqui Quegte*. Эта гипотеза относительно первоначального чтения позволяет предположить, что название произошло от седьмого числительного *sechtn*, так же как название народа Галлоуэй в *Новантее*, по-видимому, от девятого числительного. Следующим пунктом в гавани сетантийцев Птолемей называет устье Белисамы, предположительно Мерси; далее следует устье *Σετεία* или *Σεϋεία*, предположительно Ди. Теперь страна сетантийцев, когда у них была страна, могла простирается от их гавани у устья Риббла до Сетии или Ди без названия Сетия или Сегея, не имеющего ничего общего с их собственным, за исключением того, что оно могло повлиять на последнее в рукописях текста Птолемея. Тогда мы, возможно, имеем представителя *Сетея* или *Сегея* в *Сауди* или *Сейди*, иногда добавляемого к имени Сейтина. В таком случае *Сейтин Сауди* в поздней Триаде iii. 37 означал бы Сейтина из Сетии или Ди. *Маб Сауди* встречается в рассказе о Кулхвхе (*Мабиногион*, стр. 106), также Кас, сын Саиди (ib. 110); а в "*Сне Ронабви*" - Кадирейт, сын Саиди (ib. 160); но в Триаде ii. 26 (ib. 303) последний произносится как *Сейди*. Следует иметь в виду, что Птолемей не представляет сетантиев как народ в свое время: он лишь упоминает гавань, названную в честь сетантиев. Таким образом, создается впечатление, что они принадлежали прошлому - что на самом деле они были, как я бы сказал, гойдельским народом, который был завоеван и частично изгнан британскими племенами, то есть бригантами, а также корнавами, если Сетантии когда-то простирались на юг до Ди. Это, естественно, заставляет думать, что некоторые из них бежали в места на побережье, такие как Дайфед, а некоторые - на противоположное побережье Ирландии, и что к тому времени, когда истории Кухулейна были отредактированы в том виде, в котором они существуют, эти люди были известны редакторам этих историй только по бриттской форме их имени, которая лежит в основе имени *Сетанта Бег*, или Малый Сетантиан. Те из них, кто нашел дом на побережье Кардиганского залива, возможно, принесли с собой версию истории о наводнении, главной фигурой которой был Сейтеннин, сын Сейтина. Поэтому в свое время он должен был быть приписан к какой-нибудь королевской семье, и в *Iolo MSS.*, pp. 141-2, он считается потомком некоего Плавса Хена, короля Дайфеда, в то время как святые, названные его потомками, похоже, принадлежали в основном к Гвинедду и Поуису. ↑

23 См. речь профессора о месте университета в истории Уэльса, произнесенную в Бангоре на церемонии открытия сессии 1899-1900 годов (Бангор, 1900), с. 6. Ссылка на Гиральдуса относится к его *Itin. Kambriæ*, i. 13 (p. 100), и *Expugnatio Hibernica*, i. 36 (p. 284). ↑

24 Вместо "она следовала за ним" следовало бы ожидать "он следовал за ней"; но стиль очень свободный и грубый. ↑

25 У меня, как у "карди", здесь две претензии: одна - к моим землякам-северянам, которые настаивают на написании *Rheidiol* из-за слабости к полугласному *i*; другая - к составителям школьных учебников по географии, которые выдают это озеро за *Wye* или *Severn*. Мне сказали, что это не имеет значения, поскольку наши географы с известной точностью определяют Наталь и другие далекие земли; так что я должен быть доволен. ↑

26 Профессор Мейер привел ряд отрывков о ней в примечаниях к своему изданию "*Видения Мак Конглина*" (Лондон, 1892), с. 131-4, 208-10, а недавно он опубликовал "*Песню старухи*

Беары" в *"Отии Мерсеяне"* (Лондон, 1899), с. 119-28, из кодекса Тринити-колледжа, Н. 3, 18, где нам сообщается, среди прочего, что ее звали Дигди и что она принадлежала к Коркагини. Имя Беара, или Берре, казалось бы, можно отождествить с именем Беры, дочери Эйбхеара, короля Испании, и жены Эогана Тайдлиха, в поздней истории *"Ухаживание Момеры"*, отредактированной О'Карри в его *"Битве при Маг Леане"* (Дублин, 1855); но другое имя Дигди, кажется, стоит на пути. Однако ни одна из упомянутых литературных источников пока не была обнаружена в какой-либо действительно старой рукописи, и, возможно, географическое название *Берре* в *Кайллекх Берри* узурпировало место личного имени *Берра*, древность которого в такой форме, как *Берра* или *Мера*, доказывается его почетной формой *Мо-мера*: см. том О'Карри, с. 166, и его Введение, с. xx. [↑](#)

Колофон

Доступность

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любом месте бесплатно и практически без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях [Лицензии проекта "Гутенберг"](#), прилагаемой к этой книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org.

Эта электронная книга подготовлена группой онлайн-распределенной корректуры по [адресу www.pgdp.net](http://www.pgdp.net).

Метаданные

Название:	Celtic Folklore: Уэльс и Манкс (Том 1 из 2)	
Автор:	John Rhŷs	Информация
Язык:	Английский	
Дата публикации:	1901	
Ключевые слова:	Кельты -- Уэльс -- Фольклор. Фольклор -- Остров Мэн. Фольклор -- Уэльс.	

Записи в каталоге

Соответствующая страница каталога Открытой библиотеки (для источника): [OL7078815M](#)

Связанная страница каталога Открытой библиотеки (для работы): [OL1685975W](#)

Кодировка

История пересмотра

- 2017-06-14 Начато.

Внешние ссылки

Эта электронная книга проекта "Гутенберг" содержит внешние ссылки. Эти ссылки могут не работать для вас.

Исправления

В текст были внесены следующие исправления:

Страница	Источник	Исправление	Расстояние редактирования
xv	ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ	ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ	2
xlii, 330, 331, 373	[Нет в источнике]	.	1
1	;	,	1
21	округ	округ	1
61	duetime	срок	1
96	Straðyn	Stráðyn	1 / 0
180	[Нет в источнике]	'	1
188	'	"	1
202	'	"	1
221	Карнавон	Карнарвон	1
272	они	затем	1
325	[Нет в источнике]	(	1
335	Паломничества	Паломничества	1
353	Нарбыл	Ниарбыл	1
374	мехдейрн	мохдейрн	1
374, 383	.	,	1
381	[Нет в источнике]	,	1
383	vererid	mererid	1